

В. И. АЛЕКСАНДРОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ
ВОКРУГ СВЕТА
НА КОРАБЛЕ «НЕВА»

Во время трехгодичного путешествия русские моряки показали всему миру, что они превосходные мореходы, добросовестные исследователи, обогатившие мировую науку новыми географическими открытиями. В отличие от корабля "Надежда", руководимого И. Ф. Крузенштерном, "Нева" совершила рейс в Русскую Америку (на Аляску).

-
- [От редактора](#)
- [Предисловие](#)
- [Часть первая](#)
 - [Глава первая. Плавание корабля «Нева» из России в Англию](#)
 - [Глава вторая. Плавание корабля «Нева» из Фальмута к Канарским островам](#)
 - [Глава третья. Плавание корабля «Нева» от Тенерифа до острова св. Екатерины](#)
 - [Глава четвёртая. Плавание от острова св. Екатерины до острова св. Пасхи](#)
 - [Глава пятая. Плавание корабля «Нева» от острова св. Пасхи до островов Маркизских и Вашингтоновых](#)
 - [Глава шестая. Описание островов Маркизских и Вашингтоновых, особенно Нука-Гивы](#)
 - [Глава седьмая. Плавание корабля «Нева» от Вашингтоновых до Сандвичевых \[Гавайских\] островов](#)
 - [Глава восьмая. Описание Сандвичевых \[Гавайских\] островов, особенно острова Овиги](#)
 - [Глава девятая. Царствование Гаммамеи \[Камеамеи\]](#)
 - [Глава десятая. Плавание корабля «Нева» от Сандвичевых островов до острова Кадьяка](#)
- [Часть вторая](#)
 - [Глава первая. Плавание корабля «Нева» от острова Кадьяка до залива Ситки](#)
 - [Глава вторая. Плавание корабля «Нева» из залива Ситки до острова Кадьяка](#)
 - [Глава третья. Описание острова Кадьяка](#)
 - [Глава четвёртая. Плавание корабля «Нева» от острова Кадьяка до Ситкинского залива](#)
 - [Глава пятая. Описание островов Ситкинских](#)
 - [Глава шестая. Плавание корабля «Нева» из залива Ситкинского до Кантона](#)
 - [Глава седьмая. Описание города Кантона](#)
 - [Глава восьмая. Плавание корабля «Нева» от Кантона до Кронштадта](#)
- [Литература, использованная автором вступительной статьи](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)

- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)

- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)

- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)

- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)

Ю. Ф. Лисянский

Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803–1806 годах

Книга первого русского кругосветного мореплавателя Ю. Ф. Лисянского о его путешествии, совершённом совместно с И. Ф. Крузенштерном в 1803–1806 гг., на русском языке была издана только один раз, в 1812 году.

В дальнейшем этот классический в истории географических исследований труд на русском языке не переиздавался.

Настоящее издание является частично переработанным и сокращённым.

Литературная обработка текста заключалась в приближении языка автора к современному нам литературному языку. Редактор ставил своей задачей сделать текст Ю. Ф. Лисянского доступным широкому кругу читателей, сохранив своеобразие книги. В тексте были заменены наиболее устаревшие малопонятные слова и в отдельных случаях изменены обороты речи.

В некоторых местах книги сделаны сокращения. Опущены подробные описания астрономических наблюдений, отдельных участков трассы плавания с их детальной навигационной характеристикой, перечни цен на продукты и т. д.

Наряду с мерами, приводимыми Лисянским, даны их выражения в метрической системе, проставленные в прямых скобках.

Географические названия даны в транскрипции, употреблявшейся Лисянским. Современные названия проставлены в прямых скобках в тексте или примечаниях там, где они встречаются впервые.

В книге приложены примечания редактора.

Иллюстрации взяты из атласов Крузенштерна, Лисянского и Сарычева. Карты частично взяты из атласа Лисянского, а частью составлены по современным данным.

Ю. Ф. Лисянский и русские кругосветные плавания

В истории первой половины XIX века известен ряд блестящих географических исследований. Среди них одно из наиболее видных мест принадлежит русским кругосветным путешествиям.

Россия в начале XIX столетия занимает ведущее место в организации и проведении кругосветных плаваний и исследований океанов. Первое плавание русских кораблей вокруг света под начальством капитан-лейтенантов И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского продолжалось три года, как и большинство кругосветных плаваний того времени. Этим путешествием в 1803 году начинается целая эпоха замечательных русских кругосветных экспедиций. Они с 1815 года совершались почти ежегодно и охватывают всю первую половину XIX столетия до 1849 года. Всего за этот период было организовано и выполнено 36 русских кругосветных плаваний. Наиболее выдающимися из этих путешествий были экспедиции И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского в 1803–1805 гг., ряд плаваний В. М. Головнина в 1807–1809, 1811 и 1817–1819 гг., путешествия О. Е. Коцебу в 1815–1818 и 1818–1826 гг., антарктическая экспедиция Ф. Ф. Беллинсгаузена в 1819–1821 гг., кругосветная экспедиция Ф. П. Литке и М. П. Станюковича в 1826–1829 гг. Результаты этих экспедиций имеют громадное значение для истории географических открытий. Особенно важны они в области Тихого океана в Антарктике.

Интересно отметить, что эти открытия были сделаны в таких районах, где уже не раз воды

океанов бороздили английские и французские корабли и где, казалось, трудно ожидать открытия новых земель. Между тем, русские моряки эти открытия сделали. Они внесли ряд изменений в географические карты и нанесли на них русские названия.

Эти названия разбросаны в самых различных уголках земного шара, являясь лучшим памятником русских кругосветных путешествий. В тропической области Тихого океана, к северо-западу от Гавайских островов, мы неожиданно находим на карте остров Лисянского. На берегах Антарктического материка экспедицией Беллингсгаузена открыты земли, названные именами Петра I и Александра I. В районе Новой Шотландии той же экспедицией открыт ряд островов, получивших славные названия Бородина, Смоленска, Малоярославца, в память крупнейших сражений Отечественной войны 1812 года. Среди тёплых тропических вод Тихого океана, между Новой Зеландией и островом Таити возвышается группа русских островов — Кутузова, Суворова, Волконского, Раевского, Чичагова, Ермолова, Милорадовича, Лазарева и других. В южноамериканских водах находится остров «Предприятие», названный так в честь корабля, на котором совершал своё плавание О. Е. Коцебу. Ему принадлежит также открытие и название островов Римского-Корсакова, Беллингсгаузена, Кордюкова и Шольца. В честь Головнина назван мыс на юго-восточном берегу б. русских владений в Америке, залив в Беринговом море, пролив между Курильскими островами и возвышенная вершина на Новой Земле. Именем Крузенштерна назван ряд пунктов на Тихом океане — подводных рифов, мысов, заливов и один пролив. Ряд мысов в Охотском море и в Амурском лимане, один остров в Северном Ледовитом океане, мыс в Беринговом проливе и пролив около Карагинского острова носят имя Литке.

Большинство русских кругосветных путешествий имело своей целью посещение северо-западных берегов Америки в районе Аляски, где находились русские поселения, возникшие во второй половине XVIII столетия. Таким образом, история русских географических открытий в Тихом океане и кругосветных путешествий тесно связана с историей русской колонизации на северо-западном побережье Америки. В развитии этой колонизации громадную роль сыграла Российско-Американская компания, которая принимала деятельное участие в организации первых русских кругосветных плаваний.

В 80-х годах XVIII столетия на северо-западном берегу Америки было уже несколько русских поселений. Их основали русские промышленники, которые, охотясь за пушным зверем и морским котиком, предпринимали далёкие плавания по Охотскому морю и северной части Тихого океана. Однако промышленники тогда не имели еще вполне осознанной цели основать русские колонии. Впервые эта идея возникла у предприимчивого купца Григория Ивановича Шелехова. Понимая экономическое значение побережья и островов Северной Америки, которые славились своими пушными богатствами, Г. И. Шелехов, этот русский Колумб, как его назвал впоследствии поэт Г. Р. Державин, решил присоединить их к русским владениям.

Г. И. Шелехов был родом из Рыльска. Еще молодым человеком он отправился в Сибирь в поисках «счастья». Первоначально служил приказчиком у купца И. Л. Голикова, а затем стал его пайщиком и компаньоном. Обладая большой энергией и дальновидностью, Шелехов убедил Голикова отправить суда "на Аляскинскую землю, называемую Американскою, на известные и неизвестные острова для производства пушного промысла и всяких поисков и заведения добровольного торгового с туземцами". В компании с Голиковым Шелехов построил судно "Святой Павел" и в 1776 году отправился к берегам Америки. Пробыв в плавании четыре года, Шелехов вернулся в Охотск с богатым грузом пушныны на общую сумму не менее 75 тысяч рублей по ценам того времени.

Для осуществления своего плана колонизации островов и побережья Северной Америки Шелехов, совместно с И. Л. Голиковым и М. С. Голиковым, организует компанию для

эксплоатации этих территорий. Особенное внимание компании привлекал остров Кадьяк своими пушными богатствами. В конце XVIII и в начале XIX столетий (с 1784 по 1804 г.) этот остров становится главным центром русской колонизации Тихоокеанского побережья Северной Америки. Во время своей второй экспедиции, начатой в 1783 году на галиоте "Три Святителя", Шелехов прожил два года на этом острове, наиболее крупном из островов, прилегающих к побережью Аляски. На этом острове Шелехов основал гавань, названную в честь его корабля, Гаванью Трёх Святителей, а также возвёл укрепления.

Небольшое укрепление было сооружено на острове Афогнак. Шелехов познакомился также с побережьем Аляски, побывал на Кенайском заливе и посетил ряд островов, окружающих Кадьяк.

В 1786 году Шелехов вернулся из своего плавания в Охотск, а в 1789 году — в Иркутск.

Известия о его деятельности у американских берегов и основании там колоний дошли до Екатерины II, по вызову которой он отправился в Петербург.

Екатерина II прекрасно понимала значение деятельности Шелехова и приняла его весьма благосклонно. Вернувшись в Иркутск, Шелехов снаряжает два судна для исследования Курильских островов и побережья Америки и даёт наказ их командирам, штурманам Измайлову и Бочарову "утверждать власть её величества во всех вновь открытых пунктах". Во время этих экспедиций было выполнено описание североамериканского побережья от Чугачского залива до бухты Лыгуа и составлена его подробная карта. Одновременно расширяется и сеть русских поселений у берегов Америки. Начальник русской колонии, оставленный Шелеховым, Деларов, основал ряд населённых пунктов на берегах Кенайского залива,

Шелехов своей разнообразной деятельностью стремился расширить и укрепить сеть русских поселений на Кадьяке и Алеутских островах.

Он разрабатывал ряд проектов по приведению русских колоний в "достойный вид". Своему управляющему Баранову Шелехов поручил отыскать подходящее место на берегу Американского материка для постройки города, который он предполагал назвать "Славороссией".

Шелехов открывал на Кадьяке и других островах русские школы и старался обучить ремёслам и земледелию местных жителей, индейцев-тлинкитов, или колошей, как их называли русские. С этой целью, по инициативе Шелехова, на Кадьяк было отправлено двадцать русских ссыльных, знавших различные ремёсла, и десять крестьянских семей.

В 1794 году Шелехов организовал новую "Северную компанию", одной из главных целей которой было основание русских колоний на побережье Аляски.

После смерти Шелехова (в 1795 году), его деятельность по расширению русской колонизации у берегов Аляски и эксплуатации её богатств продолжал каргопольский купец Баранов. Баранов оказался не менее настойчивым и предприимчивым руководителем новых русских колоний, чем сам Шелехов, и продолжал начатое Шелеховым дело по расширению и укреплению русских владений на северо-западных берегах Америки.

В 1799 году правительством было утверждено создание единой "Российско-Американской компании". Главным управляющим её был назначен Баранов. Компания состояла под покровительством Павла I-го, который на двадцать лет дал ей привилегию вести торговлю, основывать промысла и открывать разные заведения на островах Тихого океана и материка Северной Америки. Акции этой компании приобретали члены императорской фамилии, крупные государственные деятели, сановники, министры и вельможи. Позже император Александр I также оказывал Российско-Американской компании широкое покровительство. Создание этой объединённой компании имело не только крупное экономическое, но и политическое значение, так как оно разрешало задачу закрепления за Россией новых владений на Тихом океане. В это время сильно обострились отношения между Россией и Англией ввиду

столкновения интересов этих двух держав на Дальнем Востоке. Англичане активно пытались хозяйничать в новых русских владениях и приписывали себе русские открытия в северной части Тихого океана, давая английские названия тем пунктам, которые ранее уже были открыты и колонизованы русскими. Попытка урегулировать взаимоотношения с Англией дипломатическим путём не привела к положительным результатам. Поэтому, не желая открыто выступать против Англии во избежание дальнейших осложнений, русское правительство всемерно поддерживало полуправительственную, участвующую Российско-Американскую компанию. Пользуясь широкой монополией, Компания должна была противостоять английской и американской конкуренции на Дальнем Востоке. В новых русских колониях Компания приобретала все права и обязанности государственного аппарата. На неё было возложено управление всеми землями, возведение укреплений, постройка морского флота, ведение внешней торговли с соседними странами. Компания имела право содержать военные силы, тем более, что, по предположениям правительства и руководящих деятелей Компании, её роль заключалась не только в эксплуатации и укреплении существующих колоний, но и в расширении русских владений на Тихом океане. Таким образом, Российско-Американская компания превратилась в мощную коммерческую и политическую организацию. Деятельность её имела большое положительное значение в развитии всей территории островов, примыкающих к берегам Аляски, и жизни местного населения. Благодаря широкой колонизационной деятельности Компании, происходило распространение русского влияния на отдалённые северо-западные окраины Америки. Сталкиваясь с местными племенами, находившимися на уровне родовых отношений с отсталыми формами производства, хозяйства и быта, русские несли им новые формы хозяйства и свою высокую культуру. С другой стороны, Компания, будучи бесконтрольной в своих действиях, проводила суровую эксплуатацию местного населения и русских промышленников. Поступая на службу в Компанию на определённый срок, промышленники были фактически лишены возможности обратного возвращения на материк. Ещё тяжелее было положение местных жителей — тлинкитов и алеутов, испытывавших ряд притеснений от управителей Компании. Эти притеснения неоднократно приводили к вооружённым столкновениям.

Вследствие громадных пушных богатств территории и дешевизны рабочей силы, Российско-Американская компания получала огромные барыши.

В 1799 г. по инициативе Баранова на острове Ситке, получившем его имя, были построены новые помещения для служащих и рабочих Компании и возведена крепость, названная Архангельской. Здесь было поселено до двухсот русских промышленников и алеутов. Впоследствии на остров Ситку был перенесён центр управления колоний с Кадьяка, так как остров Ситка (Баранова) по сравнению с Кадьяком занимает более выгодное и удобное положение по отношению к другим островам и материку. В Ситке была создана судостроительная верфь. Сеть русских поселений и промыслов быстро увеличивалась. Как на островах, так и на побережье Северной Америки были возведены укрепления в пунктах постоянных и временных поселений русских промышленников. Таким образом, возник ряд крепостей — Александровская, Георгиевская, Воскресенская, Николаевская, Павловская, Симеоновская.

На острове Уналашке была оборудована Капитанская гавань. Позже, в 1812 году, русские продвигаются далеко на юг по американскому побережью и проникают до р. Славянки, расположенной недалеко от залива Сан-Франциско. Здесь под 38°33 с. ш. был основан укреплённый форт Росс с рядом предприятий (кожевенным заводом, мельницей, различными мастерскими). В русские поселения на островах Уналашке и Кадьяке Баранов назначал подчинённых ему во всём управляющих островами. Баранов поставил на широкую ногу торговые связи и коммерческие отношения Компании с другими странами — Калифорнией,

Филиппинскими островами, Китаем. Гаммамеа, король Гавайских островов, также поддерживал торговлю с Барановым и предполагал приехать к нему в Новоархангельск на остров Ситку. Чили, Канада, Соединённые Штаты, Англия и даже Персия и Турция также вели торговлю с Российско-Американской компанией.

Российско-Американская компания вывозила с островов и побережья Аляски пушнину, древесину, моржовые клыки, китовый ус, и другое. Предметами взвоза служили, главным образом, различные продукты — сало, масло, мясо, соль, пшеница, бобы, ячмень, мыло, спиртные напитки и ряд товаров широкого потребления — кожи, железные орудия, материи и т. п.

В середине XIX века усилилась конкуренция со стороны американских и английских промышленников, которые начинают охотиться в русских владениях. Охранять эти владения, ввиду отдалённости их от метрополии, было очень трудно. Взаимоотношения между Россией и Англией особенно обострились после Севастопольской кампании, когда хищничество английских китоловов и звероловов в североамериканских русских колониях достигло серьёзных размеров и совершалось почти безнаказанно. Положение было таково, что русское правительство опасалось даже захвата Англией русских североамериканских колоний. Учитывая это положение, Соединённые Штаты предложили Александру II продать им все русские владения в Америке. 18 марта 1867 года был заключён и подписан договор о продаже всей Аляски и прилежащих тихоокеанских островов — Алеутских, Прибылова, Шумагинских, Евдокимовских, Кадьяка, Ситки (Баранова) и др. Продажа была осуществлена по небывало низким расценкам — по 4,7 цента за гектар, что составило в общей сумме 7 миллионов американских долларов. 200 тысяч долларов было прибавлено сверх этой суммы для удовлетворения частных лиц. Вся эта сумма, вместе взятая, была равна 11 миллионам рублей по курсу того времени. Так как вся Аляска, помимо пушных богатств, располагала ещё громадными запасами золотых россыпей, которые русским правительством не разрабатывались, то американцы за несколько десятилетий получили доходов от эксплуатации Аляски в сто раз больше заплаченной за неё по договору суммы.

Таким образом, многочисленные усилия и средства, потраченные Российско-Американской компанией для закрепления за Россией североамериканских колоний, в конечном итоге не завершились успехом и окончились потерей русскими Аляски. Однако более чем полувековая деятельность Российско-Американской компании, несмотря на конечный неуспех её предприятий, имела огромное и всестороннее значение для развития русских дальневосточных владений, истории русского морского флота и географических открытий. В результате деятельности Компании создавались многочисленные новые поселения, гавани, верфи. Были построены новые суда, количество которых во много раз превосходило количество немногочисленных кораблей, находившихся в распоряжении Компании в момент её организации. Уже в 1820 году флот Российско-Американской компании состоял из тридцати двух судов различного типа. В период же ликвидации у Компании было 14 крупных, великолепных пароходов и несколько десятков паровых и парусных судов. Для управления этим флотом нужны были опытные, квалифицированные моряки. Это положение способствовало появлению на русских тихоокеанских берегах кадровых морских офицеров с большим опытом и специальным образованием. На службу в Компанию приходили, естественно, наиболее предприимчивые, активные, энергичные моряки. Они сосредоточили в своих руках командование судами, их постройку, организацию судоходства и способствовали, таким образом, развитию мореплавания и улучшению флота на Тихом океане.

Усиление навигации в Тихом океане и многочисленные рейсы между азиатскими и американскими портами требовали выяснения особенностей судоходства в этой акватории.

Отсюда необходимость изучения и описания тихоокеанских берегов, которая ставила на очередь вопрос о специальных научных исследованиях. Большая часть русских географических исследований, произведённых в первую половину XIX столетия, определяется нуждами Российско-Американской компании, с которой так или иначе связана организация всех крупных плаваний в Тихом океане. Помимо выяснения навигационной обстановки в его водах, особенно прибрежных, необходимость снаряжения кораблей в дальние плаванья диктовалась также чисто экономическими причинами. В первый период существования русских колоний у побережья Аляски продукты и товары доставлялись туда из России сухим путём через Сибирь, а затем из Охотска по Тихому океану на немногочисленных еще в то время судах. Дальность пути по сибирским глухим таёжным тропам и ограниченность числа судов и тоннажа тихоокеанского флота Российско-Американской компании с первого года её существования приводили к частым перебоям в снабжении русских колоний у северозападных берегов Америки. Поэтому русские промышленники нередко остро нуждались в хлебе, порохе и оружии. "Даже соли, — пишет И. Ф. Крузенштерн, — сей необходимейшей приправы яств наших, часто у них не бывает". Поэтому Российско-Американская компания была вынуждена искать какой-то новый путь для снабжения продуктами и товарами своих колоний. Этим новым путём мог быть только морской путь через Атлантический и Тихий океаны, который, несмотря на свою дальность, был всё же проще и дешевле тяжёлого и утомительного передвижения по сибирскому бездорожью. Перевоз товаров и продуктов через Сибирь во много раз удорожал их стоимость и составлял весьма существенную статью расхода Российско-Американской компании. Достаточно сказать, что для перевозки продуктов и товаров в русские североамериканские колонии через Сибирь ежегодно было занято более 4 000 лошадей. Трудности доставки сказывались на ценах, которые по тому времени были колоссальными. Так, например, пуд ржаной муки стоил восемь рублей, в то время как в Европейской России цена на него была всего лишь 40–50 копеек. Часто случалось, что во время перевозки караваны с товарами на пути подвергались ограблению, и в Охотск приходила только незначительная их часть. Ряд вещей было Ею все невозможно доставить по таёжным тропам. Поэтому канаты, например, разрубались на куски по 15–16 метров, а в Охотске их опять скрепляли. Якоря тоже перевозили отдельными кусками, которые затем в Охотске сковывали вместе. Всё это чрезвычайно осложняло пользование самыми простыми вещами, совершенно необходимыми в быту промышленников.

Проект снабжения русских североамериканских колоний морским путём через два океана был представлен правительству министром коммерции, графом Николаем Петровичем Румянцевым, известным государственным деятелем эпохи Александра I. Румянцев был широко образованным и просвещённым человеком, основателем румянцевского музея и громадной библиотеки в Москве (Теперь библиотека имени В. И. Ленина.). Он глубоко интересовался вопросами географических исследований и вполне понимал их большое значение для развития деятельности Российско-Американской компании, которой он оказывал всемерное покровительство, подобно другим крупным сановникам и государственным деятелям того времени. В организации посылки экспедиции в русские североамериканские колонии сыграл также известную роль и действительный статский советник Николай Петрович Резанов. Резанов был тестем Г. И. Шелехова и поэтому был тесно связан с интересами русских колоний в Северной Америке. Именно Резанову принадлежит прошение на высочайшее имя, поданное в 1795 году, об учреждении Российско-Американской компании. Представителем Компании в Петербурге Резанов был в течение ряда лет.

10 июня 1803 года Резанов был награждён орденом Св. Анны I степени, пожалован званием камергера и назначен посланником в Японию. Одновременно он получил рескрипт от Александра I с подробной инструкцией относительно осуществления его дипломатическ

полномочий в Японии. Целью посольства было получение разрешения от японского императора на торговлю русских судов в японском порту Нагасаки или организации меновой торговли на острове Матсмае (Иезо). В рескрипте, адресованном Резанову, Александр I писал: "Избрав вас на подвиг, пользу отечеству обещающий, как со стороны японской торговли, так и в рассуждении образования американского края, в котором вам вверяется участь тамошних жителей, поручил я канцлеру вручить вам грамоту, от меня японскому императору назначенную, а министру коммерции по обоим предметам снабдить вас надлежащими инструкциями, которые уже утверждены мною". С послом решено было отправить богатые подарки японскому императору и его главным сановникам, а также ряд товаров для начала торговых операций.

По настоянию графа Румянцева, Александр I разрешил отправить русского посла в Японию на тех же кораблях, которые должны были доставить товары в русские североамериканские колонии. С посольством решено было послать научную экспедицию для исследования побережий Тихого океана.

Известную роль в организации этой экспедиции сыграл, повидимому, и проект, принадлежавший капитан-лейтенанту русского флота И. Ф. Крузенштерну. В 1793 году, вместе с другими молодыми русскими офицерами, Крузенштерн был отправлен в Англию для усовершенствования в искусстве навигации и прослужил в британском флоте почти шесть лет. Эти годы доставили Крузенштерну богатый и разнообразный опыт. Он участвовал в морских сражениях в период войны между Англией и Францией, побывал в Африке и Америке, на островах Вест-Индии, в Ост-Индии и Китае. Во время своих путешествий Крузенштерн изучал особенности хозяйства посещаемых им стран и пришёл к выводу о необходимости кругосветных плаваний в целях улучшения торговых связей. После возвращения в Россию, Крузенштерн подал в Морское министерство проект организации кругосветных плаваний. Проект преследовал две цели. С одной стороны, дальние плавания должны были улучшить состояние русского флота и доставить ему опытные и хорошо обученные кадры моряков. По проекту Крузенштерна, для укрепления кадров морского флота предполагалось принять в морской кадетский корпус, помимо 600 молодых людей дворянского сословия, получавших в нём образование, также 100 человек из других сословий, которые предназначались для службы в торговом флоте, но должны были учиться вместе с кадетами. Капитанам кораблей предполагалось вменить в обязанность подбирать кадры для этих кадетов из корабельных юнг. "Сим образом можно было бы приобрести со временем людей весьма полезных для государства. Кук, Бугенвиль, Нельсон не сделались бы никогда таковыми, каковыми явились в своём отечестве, если бы выбирали людей по одному только рождению", — писал Крузенштерн.

Другая часть проекта Крузенштерна касалась вопросов торговли и русско-американских колоний. Для развития колониальной торговли и снабжения восточных окраин государства предполагалось установление регулярных рейсов русских судов в североамериканские колонии. Первоначально проект Крузенштерна был отклонён. Но затем, когда возник проект Румянцева о посылке морским путём посольства в Японию и товаров в североамериканские колонии, адмирал Николай Семёнович Мордвинов, крупный государственный деятель эпохи Александра I, имея в виду предложение Крузенштерна, совпадавшее с намерениями Румянцева и интересами Российско-Американской компании, поддержал это новое начинание. Так как своих судов, предназначенных для подобного далёкого плавания Российско-Американская компания не имела, решено было в Англии купить для экспедиции два корабля. Командовать этими судами были назначены лучшие кадровые офицеры военного флота, Ю. Ф. Лисянский и И. Ф. Крузенштерн, так как свои опытные капитаны среди служащих Российско-Американской компании тогда еще отсутствовали.

Юрий Федорович Лисянский родился 2 августа 1773 года в Нежине, на Украине. Он

получил прекрасное военно-морское образование, которое, помимо теоретических знаний, приобретённых в морском кадетском корпусе, доставил ему богатый и обширный опыт далёких и опасных плаваний, манёвров и морских сражений. Жизнь на море, во флоте, началась у Лисянского очень рано, на тринадцатом году от роду. 20 марта 1786 года он был произведён в гардемарины. Ещё через два года, в возрасте 15 лет, Лисянский уже участвует в крейсерских операциях у Гельсингфорса. Боевое крещение он получил в том же году в Гогландском сражении на фрегате «Подражислав». В 1789 году Лисянский был уже произведён в мичманы. В следующем, 1790, году он участвует во всех главных битвах со шведами до самого конца кампании. Дым морских сражений, гул выстрелов, шумные атаки, взятие на абордаж неприятельских судов закалили молодого моряка. В 1793 году он был произведён в лейтенанты.

В том же 1793 году императрица Екатерина II решила послать в Англию для окончания обучения и приобретения практических навыков шестнадцать лучших флотских офицеров. В их число попал и Лисянский. В английском флоте он прослужил добровольцем около 5 лет. Эти годы были для Лисянского прекрасной практической школой. В этот период Лисянский совершил ряд далёких плаваний. Он побывал у берегов Северной Америки, у мыса Доброй Надежды, плавал в Ост-Индию, долгое время жил в Филадельфии, в Америке. Как доброволец английского флота, Лисянский участвовал и в военных его операциях, направленных против французов. Лисянский был во многих морских сражениях с французами и в 1796 году, при взятии фрегата «Елизавета», получил контузию в голову. В 1797 году Лисянский вернулся в Россию и 27 марта был произведён в капитан-лейтенанты. Вместе с новым чином, Лисянский получил назначение на фрегат «Автроил», которым он должен был командовать. Через несколько лет, в 1803 году, за свои заслуги перед родиной и участие в 18 морских кампаниях, Лисянский был награждён орденом Георгия 4-го класса.

Проводя большую работу во флоте, Лисянский в то же время не оставался чужд и вопросам теории морского дела. Он перевёл и опубликовал большую работу Клерка "Движение флотов", касающуюся тактики морских операций.

В 1803 году начался совершенно новый период в жизни Лисянского. Он получил распоряжение направиться в Англию для покупки двух судов, предназначенных для кругосветного плавания. Эти суда, «Надежда» и «Нева», Лисянский купил в Лондоне за 22 000 фунтов стерлингов, что составляло почти столько же в золотых рублях по курсу того времени.

Цена за покупку «Надежды» и «Невы» была собственно равна 17 000 фунтов стерлингов, но за исправления их пришлось ещё доплатить 5 000 фунтов. Корабль «Надежда» насчитывал уже три года со дня своего спуска на воду, а «Нева» всего лишь пятнадцать месяцев. «Нева» имела водоизмещение в 350 тонн, а «Надежда» — в 450 тонн.

В Англии Лисянский купил ряд секстантов, пель-компасов, барометров, гигрометр, несколько термометров, один искусственный магнит, хронометры работы Арнольда и Петтинтона и другое. Хронометры были проверены академиком Шубертом. Все остальные инструменты были работы Траутона.

Астрономические и физические инструменты были предназначены для наблюдения долгот и широт и ориентировки корабля. Лисянский позаботился приобрести целую аптеку лекарств и противоцинготных средств, так как в те времена цынга была одним из наиболее опасных заболеваний во время длительных плаваний. В Англии было закуплено также снаряжение для экспедиции, в том числе удобная, прочная и соответствующая различным климатическим условиям одежда для команды. Имелся запасный комплект белья и платья. Для каждого из матросов были заказаны тюфяки, подушки, простыни и одеяла. Корабельная провизия была самая лучшая. Приготовленные в Петербурге сухари не испортились в течение целых двух лет, точно так же, как и солонина, посол которой отечественной солью был произведён купцом

Обломковым. Команда «Надежды» состояла из 58 человек, а «Невы» — из 47. Они были отобраны из матросов-добровольцев, которых оказалось так много, что всех желающих участвовать в кругосветном путешествии могло бы хватить на комплектование нескольких экспедиций. Следует отметить, что никто из членов команды не участвовал в дальних плаваниях, так как в те времена русские корабли не спускались южнее северного тропика. Задача, которая стояла перед офицерами и командой экспедиции, была нелёгкой. Они должны были пересечь два океана, обогнуть опасный мыс Горн, славившийся своими бурями, подняться до 60° с. ш., посетить ряд мало изученных берегов, где мореплавателей могли ожидать не нанесённые на карту и никем не описанные подводные камни и другие опасности. Но командование экспедиции было настолько уверено в силах её "офицерского и рядового состава", что отклонило предложение взять на борт нескольких иностранных матросов, знакомых с условиями дальних плаваний. Из иностранцев в составе экспедиции были естествоиспытатели Тилезиус фон-Тиленау, Лангсдорф и астроном Горнер. Горнер был швейцарец по происхождению. Он работал в известной в то время Зеебергской обсерватории, руководитель которой рекомендовал его графу Румянцеву. Экспедицию сопровождал также живописец из Академии художеств.

Художник и учёные находились вместе с русским посланником и в Японии, Н. П. Резановым, и его свитой на борту большого корабля — «Надежды». "Надеждой" командовал Крузенштерн. Лисянскому было поручено командование «Невой». Начальником экспедиции был назначен И. Ф. Крузенштерн, хотя Ю. Ф. Лисянский был старше его по стажу. В этом отношении сыграл известную роль представленный Крузенштерном в Морское министерство проект организации кругосветного плавания.

Расходы по содержанию одного из кораблей были приняты на счёт русского правительства, а за другой платили Российско-Американская компания и граф Румянцев. Правительство решило взять на свой счёт расходы по содержанию одного из кораблей потому, что предполагалась большая задержка его, вызванная посольством в Японию. Эта задержка могла причинить Российско-Американской компании большие убытки.

Следует отметить, что в организации руководства экспедицией была допущена некоторая неточность. Хотя командиром «Надежды» и начальником экспедиции по Морскому министерству числился Крузенштерн, но в инструкции, переданной Александром I русскому послу в Японии, Н. П. Резанову, он назывался главным начальником экспедиции. Это двойственное положение было причиной возникновения конфликтных взаимоотношений между Резановым и Крузенштерном. Поэтому Крузенштерн неоднократно обращался с донесениями в правление Российско-Американской компании, где писал, что он призван по высочайшему повелению командовать над экспедицией и что "она вверена Резанову" без его ведения, на что он никогда бы не согласился, что должность его "не состоит только в том, чтобы смотреть за парусами", и т. д. Вскоре отношения между Резановым и Крузенштерном обострились настолько, что среди экипажа «Надежды» произошёл бунт.

Русский посланник в Японии, после ряда неприятностей и оскорблений, принуждён был удалиться в свою каюту, из которой он не выходил уже до приезда в Петропавловск-на-Камчатке. Здесь Резанов обратился к генерал-майору Кошелеву, представителю местной административной власти. Против Крузенштерна было назначено следствие, которое приняло неблагоприятный для него характер. Учитывая положение, Крузенштерн публично извинился перед Резановым и просил Кошелева не давать следствию дальнейшего хода. Только благодаря любезности Резанова, который решил прекратить дело, Крузенштерн избежал крупных неприятностей, которые могли бы иметь роковое последствие для его карьеры.

Приведенный эпизод показывает, что дисциплина на корабле «Надежда», которым

командовал Крузенштерн, была не на высоте, если такое высокое и облечённое особыми полномочиями лицо, как русский посланник в Японии, мог подвергнуться со стороны экипажа и самого капитана «Надежды» ряду оскорблений. Не случайно, вероятно, и то обстоятельство, что «Надежда» в течение своего плавания несколько раз находилась в весьма рискованном положении, в то время как «Нева» только один раз села на коралловый риф и притом в таком месте, где его нельзя было ожидать по картам. Всё это наводит на предположение, что общепринятое представление о ведущей роли Крузенштерна в первом русском кругосветном путешествии не соответствует действительности. Не меньшее, если не большее значение в проведении всей экспедиции сыграл Ю. Ф. Лисянский, и если он до сих пор оставался менее известным в широких кругах читателей географической литературы, чем Крузенштерн, то только по своей исключительной скромности, а также и потому, что Крузенштерн опубликовал своё описание путешествия на кораблях «Нева» и «Надежда» на три года раньше, чем Лисянский, занятый ответственными заданиями по долгу службы. Следует прежде всего иметь в виду, что Лисянский во время своей командировки в Англию умелым выбором кораблей, инструментов и снаряжения обеспечил прекрасное состояние всей материальной части экспедиции. Это одно уже являлось гарантией её успеха. С другой стороны, оба корабля, хотя и связанные единым планом действий, в действительности провели экспедицию самостоятельно, так как по условиям погоды они неоднократно теряли друг друга. Кроме того, по самому плану экспедиции, корабли имели самостоятельные задания. Хотя первую часть пути в Англию, а затем через Атлантический океан в обход мыса Горн корабли должны были совершать вместе, но затем у Сандвичевых (Гавайских) островов они должны были разъединиться. «Надежде», согласно плану экспедиции, следовало идти на Камчатку, где она должна была оставить свой груз. Затем Крузенштерну следовало отправиться в Японию и доставить туда русского посла Н. П. Резанова со свитой. После этого «Надежда» должна была снова вернуться на Камчатку, взять груз пушнины и отвезти его в Кантон для продажи. Путь «Невы», начиная от Гавайских островов, был совершенно иной. Лисянский должен был идти на северо-запад, к острову Кадьяку, где находилась в то время главная контора Российско-Американской компании. Здесь предполагалась зимовка «Невы», а затем она должна была взять груз пушнины и доставить его в Кантон, где была назначена встреча обоих кораблей — «Невы» и «Надежды». Из Кантона оба корабля должны были направиться в Россию мимо мыса Доброй Надежды. Этот план был осуществлён, хотя и с отступлениями, вызванными штормами, надолго разъединившими корабли, а также продолжительными остановками для необходимых починков и пополнения продовольствия. По пути на Камчатку Крузенштерн производил съёмки на Маркизских островах, а на пути с Камчатки в Японию — описание побережий Японии и Сахалина. Он составил подробную карту этого острова, причём определил 105 астрономических пунктов. Естествоиспытатели, присутствовавшие на корабле, собрали ценные ботанические, зоологические и этнографические коллекции. На корабле «Надежда» производились наблюдения над морскими течениями, температурой и плотностью воды на глубинах до 400 м, приливами, отливами и колебаниями барометра. Наблюдения над морскими течениями выполнялись и на «Неве» Лисянским. Он производил также систематические астрономические наблюдения для определения долгот и широт и установил координаты целого ряда посещённых экспедиций пунктов, в том числе всех гаваней и островов, где «Нева» имела стоянки. Эти измерения отличались большой точностью и в ряде случаев близко совпадают с современными данными.

Лисянским чрезвычайно подробно изучена также вся трасса проделанного им пути. В составленном им позже описании путешествия сообщается ряд советов, практически важных для капитанов кораблей будущих дальних плаваний. В этих заметках Лисянский очень подробно

описывает наиболее выгодные пути входа и выхода из гаваней и предупреждает будущих путешественников о возможных опасностях. Кроме того, Лисянский производил регулярные замеры глубин у посещённых им берегов, что представляло большую важность для будущих плаваний в этих мало изученных акваториях, где описания береговых линий были весьма редки и ограничены.

Большой заслугой Лисянского является подробное изучение всей береговой линии близ посещённых им пунктов. Он произвёл одновременно и проверку существовавших в его время карт, особенно карт Гаспарского и Зондского проливов, и выполнил силами своего экипажа ряд самостоятельных съёмок, на основании которых были составлены или уточнены карты Кадыяка и других островов, прилегающих к северозападному побережью Аляски. Кроме того, Лисянский открыл небольшой остров на 26° с. ш., к северо-западу от Гавайских островов, который, по желанию экипажа «Невы», был назван его именем.

Подробные наблюдения над природой, бытом населения и его хозяйством были произведены Лисянским во всех посещённых им районах: на островах Тенериф и Св. Екатерины, на острове Пасхи и особенно на Маркизских, Вашингтоновых и Гавайских островах, а также на Кадыяке и других у северо-западных берегов Америки. Во время своего кругосветного путешествия Лисянский собрал великолепную коллекцию различных предметов, утвари, одежды, оружия и самых разнообразных редкостей тропических островов Тихого океана, Северной Америки, Бразилии и Канарских островов. Тут были также разнообразные раковины, куски лавы, кораллы, обломки горных пород.

Производя серию систематических научных наблюдений, связанных с нуждами навигации и общими интересами географии, Лисянский одновременно успешно выполнил возложенное на него Российско-Американской компанией поручение. Он без особых задержек прибыл на Кадыяк, причём еще в пути им было получено известие о вооружённом столкновении русских колонистов с местными жителями. Это известие заставило Лисянского торопиться и как можно более сократить время, необходимое для достижения русских поселений на Кадыяке, где он предполагал оказать Российско-Американской компании возможную помощь. События, развернувшиеся в колониях за год до организации плавания «Невы» и «Надежды», сводились к следующему. В 1802 году тлинкиты внезапно напали на крепость Архангельскую на острове Ситке и подожгли её и находившееся в гавани купеческое судно. По рассказам нескольких уцелевших во время нападения местных жителей, взятых в плен тливкитами и затем выкупленных Компанией, нападением руководили английские матросы с судна капитана Барбера, которое в это время находилось на Ситке.

Таким образом, имело место не только восстание местного населения, но и поддержка этого восстания со стороны англичан. Интересно, что и Головин, посетивший русско-американские колонии через несколько лет (в 1809–1811 годах), отмечает участие в восстаниях местных жителей против Российско-Американской компании, американских её конкурентов. Он описывает "вражду диких, вызванную беззаконием компанейских управителей и подогретую американскими охотниками-хищниками".

Прибыв в русско-американские колонии, Лисянский, естественно, должен был принять участие а происходивших там событиях. Он принуждён был поддержать Баранова и находившихся в его распоряжении промышленников силами своего экипажа, а также своей артиллерии. 18 сентября 1804 года на Ситку был высажен десант. Однако крепость Архангельская, занятая тлинкитами, была взята не сразу, а лишь после восьмидневной осады, когда тлинкиты, "получившие сильный вред и урон в людях, оставили крепость ночью, удалились, оставя и все военные запасы".

Интересно отметить, что по донесению об экспедиции Баранова и Лисянского о действиях

против тлинкитов, сохранившемся в фондах Министерства иностранных дел, тлинкиты "запасены были орудиями, порохом, взятым прежде в разорённой крепости и купленным у бостонцев". Таким образом, поддержку восстаний тлинкитов против русских осуществляли не только английские купеческие корабли, но и американские. Это обстоятельство служит иллюстрацией той острой конкуренции, которая имела место между русскими, англичанами и американцами, в отношении островов, прилегающих к северо-западным берегам Америки.

После занятия Архангельской крепости её решено было скрыть и перенести в недоступное для нападения место, на высокую гору, где раньше было тлинкитское селение. Это новое укрепление стало центром управления колониями и было названо Новоархангельском. Все события, касающиеся взятия Архангельской крепости и сооружения Новоархангельска, подробно описаны Лисянским.

После зимовки в русско-американских колониях, Лисянский прибыл в Кантон, где встретился с кораблём "Надежда".

Если особые задания экспедиции в русских колониях были успешно выполнены Лисянским, то этого нельзя сказать о той части планов экспедиции, которая была связана с организацией посольства в Японию. Посольство Н. П. Резанова не увенчалось успехом. Хотя он и был окружён вниманием и всевозможными знаками почёта и уважения по прибытии в Японию, но завязать торговые отношения с этой страной ему не удалось. Причиной была та изоляция Японии от других стран, которая существовала с первой половины XVII столетия. В это время ряд западноевропейских держав пытался втянуть Японию в сферу своего колониального влияния. Португальцы, испанцы и голландцы приезжали в Японию. Вслед за ними появились католические миссионеры. Правом исключительного миссионерства в Японии, дарованным римским папой, пользовался известный иезуитский орден. Своим вмешательством в жизнь Японии миссионеры вызвали большое недовольство японского правительства.

С целью защиты независимости Японии, в 1638 году был издан закон об изоляции. Текст закона гласил: "На будущее время, доколе солнце освещает мир, никто не смеет приставать к берегам Японии, хотя бы он даже и был посланником, и этот закон никогда не может быть, никем отменён под страхом смерти". Только голландцы имели доступ в Японию, так как в Нагасакской бухте им удалось сохранить факторию на острове Десима. Правители г. Нагасаки брали с голландской фактории громадную плату. Размер этой «дани» мог меняться по произволу японцев.

Дух закона об изоляции Японии всецело отражён в ответе японского правительства, полученном Резановым по поводу русских предложений. В японской ответной грамоте сообщалось следующее: "Могущественный Государь Российский посылает посланника и множество драгоценных подарков. Приняв их, властелин японский должен бы, по обычаям страны, отправить посольство к императору России с подарками, столь же ценными. Но существует формальное запрещение жителям и судам оставлять Японию. С другой стороны, Япония не столь богата, чтобы ответить равноценными дарами. Таким образом, властитель японский не имеет возможности принять ни посланника, ни подарков". Резанову пришлось покинуть Японию без существенных результатов по выполнению своей дипломатической миссии. Он отправился оттуда в русские американские селения 6 апреля 1805 года, пробыв в Японии более полугода (с 25 сентября 1804 года). Посетив русские колонии, Резанов направился в Охотск, а оттуда через Сибирь в Петербург. Весьма вероятно, что память о неприятностях, причинённых ему Крузенштерном в начале путешествия, была причиной решения Резанова сократить своё морское плавание. Это решение оказалось для Резанова роковым. Он не вынес тяжёлого путешествия по Сибири, здоровье его было подорвано и заставляло делать частые остановки для лечения. Не добравшись до Петербурга, он умер в Красноярске 1 марта 1807 года.

После довольно долгой стоянки в Кантоне, вызванной задержками китайских властей, корабли «Надежда» и «Нева» двинулись в обратный путь. 5 августа 1806 года «Нева» благополучно прибыла на Кронштадтский рейд. Грянули пушечные салюты «Невы» и ответные залпы Кронштадтской крепости. Таким образом, «Нева» пробыла в плавании три года и два месяца. 19 августа прибыла «Надежда», которая находилась в кругосветном плавании на четырнадцать дней дольше, чем "Нева".

После окончания кругосветного плавания кораблей «Надежда» и «Нева» Лисянский был произведён в чин капитана 2-го ранга. В честь первого русского кругосветного путешествия была выбита особая медаль, которой были награждены все участники экспедиции.

После окончания экспедиции Лисянский еще в течение ряда лет продолжает службу во флоте. В 1807 году он командовал отрядом из девяти судов, крейсировавших в районе островов Готланд и Борнгольм в Балтийском море для наблюдения за английскими военными судами. Далее, в 1808 году он командовал кораблём «Эмгейтен», а в следующем, 1809, году вышел в отставку в чине капитана 1-го ранга. Выйдя в отставку, Лисянский занялся приведением в порядок своих путевых записей, которые он вёл в форме дневника во время своего трёхлетнего кругосветного путешествия. Описание его было опубликовано в 1812 году, а затем переведено самим автором на английский язык. Английское издание вышло в Лондоне в 1814 году.

Первое русское кругосветное плавание составило эпоху в истории русского флота и доставило мировой географической науке ряд новых сведений о малоисследованных странах. Целый ряд островов, которые были посещены Лисянским и Крузенштерном, были только незадолго перед тем открыты мореплавателями, и их природа, население, его обычаи, верования и хозяйство оставались почти совершенно неизвестными. Такими были Сандвичевы (Гавайские) острова, открытые в 1778 году Куком, менее чем за тридцать лет до их посещения русскими моряками. Русские путешественники могли наблюдать жизнь гавайцев в её естественном состоянии, еще не изменённую соприкосновением с европейцами. Мало были изучены и Маркизские и Вашингтоновы острова, а также остров Пасхи. Неудивительно, что описания русского кругосветного путешествия, сделанные Крузенштерном и Лисянским, возбудили живейший интерес у широкого круга читателей и были переведены на ряд западноевропейских языков. Материалы, собранные во время путешествия «Невы» и «Надежды», представляли большую ценность для изучения первобытных народов Океании и северной части Тихого океана. Наши первые русские путешественники наблюдали эти народы в стадии родовых отношений. Они впервые подробно описали своеобразную, древнюю гавайскую культуру с её непреложными законами «табу» и человеческими жертвоприношениями. Богатые этнографические коллекции, собранные на кораблях «Нева» и «Надежда», вместе с описаниями обычаев, верований и даже языка островитян Тихого океана, послужили ценными источниками для изучения населяющих тихоокеанские острова народов.

Таким образом, первое русское кругосветное путешествие сыграло большую роль в развитии этнографии. Этому немало способствовала большая наблюдательность и точность описаний наших первых кругосветных путешественников.

Следует отметить, что многочисленные наблюдения над морскими течениями, температурой и плотностью воды, которые производились на кораблях «Надежда» и «Нева», дали толчок к развитию новой науки — океанографии. До первого русского кругосветного путешествия подобные систематические наблюдения мореплавателями обычно не производились. Русские моряки оказались большими новаторами в этом отношении.

Первое русское кругосветное плавание открывает целую плеяду блестящих кругосветных путешествий, совершённых под русским флагом. Во время этих путешествий создавались прекрасные кадры моряков, которые приобрели опыт дальнего плавания и высокую

квалификацию в сложном для парусного флота искусстве навигации.

Интересно отметить, что один из участников первого русского кругосветного плавания Коцебу, плававший в качестве кадета на корабле «Надежда», впоследствии сам осуществил не менее интересное кругосветное плавание на корабле «Рюрик», снаряжённое на средства графа Румянцева.

Экспедицией на кораблях «Нева» и «Надежда» была проложена трасса нового пути в русские североамериканские колонии. Снабжение их необходимым продовольствием и товарами осуществлялось с тех пор морским путём. Эти непрерывные дальние плавания оживили колониальную торговлю и во многих отношениях способствовали развитию североамериканских колоний и освоению Камчатки.

Окрепли морские связи России с Тихим океаном, значительно развилась внешняя торговля. Рядом ценных наблюдений вдоль трасс дальних плаваний первое русское кругосветное путешествие заложило прочную научную основу трудному искусству дальнего мореплавания.

Успеху первого русского кругосветного путешествия, как мы уже говорили, немало способствовала его умелая организация, которая, в основном, была проведена Лисянским. Лисянский, несомненно, был одним из лучших морских офицеров и командиров русского флота и выдающимся человеком своего времени.

Крузенштерн характеризует Лисянского как "человека беспристрастного, послушного, усердного к общей пользе" ... "имевшего как о морях, по коим нам плыть надлежало, так и о морской астрономии в нынешнем усовершенствованном её состоянии достаточные познания".

Лисянский был широко образованным человеком, прекрасно овладевшим математикой, астрономией и рядом специальных военно-морских наук. Он хорошо говорил на иностранных языках, особенно по-английски. Многочисленные упоминания о всех кругосветных мореплавателях и путешественниках, посетивших Тихий океан, его острова и побережья Америки, которые Лисянский приводит в описании своего путешествия, показывают, что командир «Невы» был также широко образован географически. Таким образом, будучи большим специалистом военно-морского дела, Лисянский в то же время обладал солидным запасом географических знаний. Его широкая географическая эрудиция и умение обращать внимание на ряд характерных деталей показывают, что Лисянский так же основательно и хорошо провёл подготовку научной части экспедиции, как он выполнил и подготовку её материальной части. О крупных познаниях Лисянского в картографии свидетельствует изданный им в качестве приложения к описанию атлас, содержащий 12 карт, 16 рисунков, приложенных к картам, и 3 таблицы. Рисунки, сопровождающие карты, являются иллюстрациями изображённых на картах местностей, а таблицы посвящены предметам быта, оружию и постройкам островитян Тихого океана. Карты, помещённые в атласе Лисянского, частью составлены заново, частью же представляют собой результат исправлений лучших английских, французские и голландских карт того времени. Особенно много исправлений было сделано на известных в конце восемнадцатого столетия картах Маршана и Дапре де-Манвильетта, охватывающих Гаспарский (Гаспарский пролив отделяет остров Бангюа, лежащий к востоку от Суматры, от острова Биллитона.) и Зондский проливы.

Лисянский стремился не только к точности картографических изложений к описанию своего путешествия, но и к точности приведенных в атласе иллюстраций. "Долгом себе поставлю заметить, — пишет он, например, — что вид острова Тенерифа со стороны северной, находящийся в Ост-Индском и Английском атласе, весьма не походит на действительный, а потому и прилагаю свой к карте земного шара".

Составленное Лисянским описание кругосветного путешествия «Невы» рисует самого автора исключительно тонким и внимательным наблюдателем, который, не будучи

естественником по образованию, дал хорошие, насыщенные материалом описания природы посещённых им мест. Он подробно характеризует флору и фауну острова Кадьяк, с большой точностью и наблюдательностью описывает кратер горы Эчком, создаёт ясное представление у читателей о пышной природе тропических островов Тихого океана.

По целому ряду мелких признаков Лисянский, как подлинный естествоиспытатель и опытный капитан, безошибочно определяет во время плавания близость земли. Находясь в открытом океане, он тщательно наблюдает за животными, рыбами и птицами, которые корабль «Нева» встречает на своём пути, и старается найти то или иное объяснение их появлению. Сделанные Лисянским описания животных и растений красочны, ясны и написаны понятным простым языком (Правда, не всегда дают возможность установить более или менее точно вид, о котором идёт речь.).

Ещё более интересны те части его труда, которые посвящены описанию быта и верований островитян Тихого океана, особенно Гавайских островов. Эти страницы по своей образности могут быть причислены к классическим трудам мировой географической литературы и читаются с захватывающим интересом.

Следует отметить, что Лисянский не оставался чуждым и вопросам языка. Он приводит целый ряд словарей жителей островов Нука-Гива, Гаваи и Кадьяка, которые, несомненно, в своё время имели большое значение для моряков дальних плаваний, посещающих тихоокеанские острова.

Не меньшее значение они имеют для этнографии, являясь ценными материалами по древней полинезийской культуре и верованиям и быту индейцев Северной Америки. Принадлежащие перу Лисянского описания гавайских храмов, человеческих жертвоприношений, подробное описание обычая «табу», рассказы о посещении короля острова Нука-Гива и много других мест написаны изумительно сочно, ярко и живо. Они с несомненностью показывают, что автор "Путешествия вокруг света на корабле «Нева» обладал крупным литературным талантом.

В труде Лисянского бросается в глаза не только его широкая эрудиция, но и разносторонность его интересов и возникавших у него в связи с путешествием вопросов. Он глубоко интересуется состоянием хозяйства и управления всех посещённых стран и делает ряд метких замечаний, аттестующих автора, как передового человека своего времени. Во время всех продолжительных остановок своего корабля Лисянский совершает экскурсии на берег с целью ознакомления с наиболее интересными местностями. Он посещает обсерваторию в Копенгагене, медные рудники в Корнвалисе, на Тенерифе знакомится с городом Санта-Крус, посещает храмы на тропических островах Тихого океана, совершает далёкую экскурсию на гору Эчком в русско-американских колониях. Лисянский отмечает бедность населения Тенерифа, ряд неудачных мероприятий португальского правительства в отношении Бразилии и высказывает соображения по поводу возможности улучшения хозяйства этой отсталой в те времена страны. Он даёт подробную историческую справку о царствовании Гаммамеи на Гавайских островах. Лисянский с большими подробностями и сочувствием описывает крайнюю бедность китайского народа и ряд жестокостей и притеснений, которым он подвергается со стороны властей. Все эти явления Лисянский приписывал несовершенству китайских законов, но не мог ещё вполне уяснить себе, что эти законы являются следствием феодальной сущности китайского государства того времени и отражают беззастенчивую эксплуатацию народа китайскими чиновниками и помещиками. Лисянский отмечает, также то тяжёлое состояние, в котором находились калоши на службе у Российско-Американской компании. Они подвергались эксплуатации и получали за свою трудную работу, доставлявшую ценные котиковые и бобровые меха, лишь предметы первой необходимости. На основании всего виденного в русско-американских колониях, Лисянский

пришёл к выводу о необходимости принятия ряда мер по улучшению бытовых условий местного населения. Для этого он предлагает не употреблять на некоторых видах промыслов (для ловли птиц) стариков, так как в связи с их дряхлостью эти работы нередко заканчиваются несчастными случаями. Далее он считает необходимым оставлять в селениях во время промысловых работ часть мужчин, которые могли бы обеспечить продуктами охоты женщин и детей. Наконец, для большей безопасности промыслов Лисянский предлагает сопровождать промысловые байдарочные артели, отправляющиеся в далёкие рейсы, крупными морскими судами.

Все высказанные Лисянским соображения о положении, в котором находились местные жители русско-американских колоний, и предлагаемые им мероприятия рисуют его как человека, глубоко проникнутого идеями гуманности. Этим же чувством человечности характерно и описание островитян тропической части Тихого океана, которых он называет «дикарями» или «варварами» скорее по общераспространённому тогда обычаю, а не по свойственному в те времена многим западноевропейским путешественникам высокомерному отношению к «низшим» народам и сознанию своего превосходства.

Описания многих кругосветных путешествий, совершённых западноевропейскими мореплавателями, составлены в тоне высокомерного презрения к «диким», которых европейцы считали неизмеримо ниже себя в расовом отношении. Такая точка зрения, естественно, выражалась и в ряде насилий и грабежей местного туземного населения, которыми так прославились, например, испанские и португальские конквистадоры. Позже, в XVIII веке, тоже происходили вооружённые столкновения между европейцами и «дикими». Даже крупнейший английский мореплаватель Джеймс Кук, пользующийся мировой известностью, погиб во время такого столкновения. Ничего подобного не происходило во время русских кругосветных путешествий. Гуманное отношение к жителям тропических тихоокеанских островов было для них характерным. Лисянский и Крузенштерн подали в этом отношении благородный пример другим русским кругосветным путешественникам. Эта традиция прекрасно была выражена впоследствии Ф. П. Литке, который при описании Сенявинских островов столкнулся с противодействием со стороны местных жителей. "Конечно, — пишет Литке, — мы могли бы удержать дикарей в почтительном от нас расстоянии. Для сего оставалось одно средство — дать им почувствовать силу нашего огнестрельного оружия. Но средство сие почитал я слишком жестоким и готов был лучше отказаться от удовольствия ступить на открытую нами землю, нежели купить это удовольствие ценою крови".

Не менее гуманно, чем по отношению к жителям посещённых кораблём «Нева» мест, держал себя Лисянский с членами своей команды. Глубоким пониманием важности, ответственности и значения труда матросов в успехе экспедиции проникнуто всё описание кругосветного путешествия Лисянского. Сознывая, что нормальные условия этого труда зависят от его рациональной организации, от предоставления команде разумного и своевременного отдыха, а также от качества одежды, пищи, личной гигиены и санитарного состояния корабля. Лисянский значительную часть своего времени посвящает разрешению всех этих вопросов. Он периодически осматривает и проверяет состояние продуктовых запасов, устанавливает пищевой рацион в зависимости от климата и состояния здоровья команды, предписывает ряд гигиенических мер, которые должны были способствовать укреплению здоровья матросов. Лисянский неоднократно высказывает на страницах описания своего путешествия ряд опасений перед возможностью заболеваний при резкой смене климата и прилагает все усилия, чтобы избежать на своём корабле появления цынги, которая еще в XVIII веке была бичом всех дальних плаваний и уносила в могилу обычно значительную часть личного состава кораблей. Непрестанная бдительность, проявленная Лисянским в отношении здоровья вверенных его

командованию людей, дала положительные результаты. Экипаж избежал каких-либо серьёзных и длительных заболеваний, и матросы, по выражению Лисянского, "пребывали в добром здравии". Лисянский вернулся в Кронштадт с потерей всего лишь двух человек, вызванной падением с мачты одного матроса и острым желудочным заболеванием другого. Не меньшую заботу Лисянский проявлял также и в отношении предоставления отдыха своему экипажу, особенно после многодневных штормов, с которыми ему не раз приходилось бороться в открытом океане. Обычная на корабле работа во время стоянок в крупных гаванях была организована таким образом, чтобы ежедневно часть команды могла посещать берег с целью развлечения, а также "укрепления здоровья". Не меньше, чем за физическим состоянием своей команды, наблюдал Лисянский и за соблюдением дисциплины, которая являлась одним из основных условий успеха того трудного предприятия, каким во времена парусного флота было кругосветное плавание. В этом отношении очень характерно напутствие, с которым Лисянский обратился к своей команде в самом начале путешествия.

"Вышед в открытое море, — пишет он, — приказал я собрать всю команду на шканцах. Первым моим долгом почёл я представить каждому, сколь продолжительно и с какими трудностями сопряжено предпринятое нами путешествие; а потом советовал им жить между собою дружески, содержать всевозможную чистоту, а паче всего быть послушными высшему начальству".

В этой краткой речи выражена и другая, характерная для Лисянского черта, а именно то большое значение, которое он придавал развитию и укреплению дружеских отношений между всеми членами экспедиции. Глубоко понимая, что дружеская взаимопомощь и прочный мир между всеми членами команды, надолго оторванными от другого общества, являются залогом высокой дисциплины и сильного духа всего экипажа, Лисянский старался внушить эту мысль и матросам. Очень характерно, что подобное же тёплое, дружеское расположение Лисянский неоднократно высказывает в описании своего путешествия по отношению к Крузенштерну и другим членам экспедиции, находившимся на «Надежде». Казалось, что назначение Крузенштерна начальником всей экспедиции при том условии, что и он, и Лисянский находились в одинаковых чинах капитан-лейтенанта, причём Лисянский обладал большим стажем, могло бы послужить причиной для возможных недоразумений между командирами «Невы» и «Надежды». В действительности, ничего подобного не произошло. Вот что пишет по этому поводу Лисянский: "Долговременное моё с сим отличных дарований человеком знакомство, прежнее путешествие наше в Америку и в Восточную Индию, а наипаче желание быть полезным отечеству при столь важном случае были причиною, что я, невзирая на старшинство своей службы, с великою охотой согласился свершить сие толико отдалённое путешествие под его начальством, с тем однако же, что мне самому позволено было избрать для корабля, управлению моему вверенного, чиновников и морских служителей по собственному моему усмотрению""

Отличаясь большой скромностью и дружественным, добросердечным отношением к товарищам, Лисянский в то же время обладал многолетней боевой закалкой, которая сформировала в нём твёрдую волю, мужество, упорство в преодолении препятствий, находчивость в исключительных обстоятельствах, настойчивость в достижении заранее поставленных целей, готовность к подвигу. Все эти высокие качества моряка и командира Лисянский проявил при осаде Архангельской крепости, где он показал также способность к терпению и умение выждать благоприятный момент. Не менее мужества и находчивости обнаружил Лисянский во время грозившей «Неве» опасности, когда корабль неожиданно сел на коралловый риф и мог быть разбит ветром у берега. Те же принципы руководили Лисянским, когда он решил закончить своё обратное путешествие непрерывным переходом с острова Ява в

Англию. По этому поводу Лисянский пишет: "Я решился оставить прежнее своё намерение идти к острову Св. Елены, а направил свой путь прямо в Англию, быв уверен, что столь отважное предприятие доставит нам большую честь; ибо еще ни один мореплаватель, подобный нам, не отваживался на столь дальний путь, не заходя куда-либо для отдохновения... Я единственно сожалел об одном, что такое наше путешествие должно разлучить нас с кораблём «Надежда» до самого прибытия нашего в Россию; но что делать? Имея случай доказать свету, что мы заслуживали в полной мере ту доверенность, каковую отечество нам оказало, нельзя было не пожертвовать сил удовольствием". 6 марта «Нева» покинула Зондский пролив и прибыла в английский порт Портсмут 26 июня. Следовательно, Лисянский находился в плавании более 3 1/2 месяца, ни разу не заходя в порт для пополнения запасов воды и продовольствия. Такой длительный и далёкий путь до него еще не совершало ни одно судно.

Таким образом, Лисянский оказался смелым пионером дальних морских рейсов. Этот переход доставил Лисянскому большую популярность и показал всему миру, какими прекрасными качествами и высоким искусством кораблевождения отличались моряки, участвовавшие в первом русском кругосветном плавании.

Имя Лисянского, смелого и опытного мореплавателя и патриота, для которого дороже всего в жизни были честь и слава родины, навеки войдёт в историю русского флота и русской географической науки. Оно открыло эпоху блестящих кругосветных плаваний, совершённых под русским флагом, и может и до сих пор служить образцом выдержки, мужества, высокого сознания долга и вдумчивого, серьёзного отношения к труду. Это имя с гордостью должен вспоминать каждый советский моряк и географ, отправляющийся в далёкую экспедицию.

Н. В. Думитрашко

Российско-Американская компания (Эта компания основана в царствование Екатерины Второй купцом Шелеховым, в 1799 году утверждена императором Павлом I с предоставлением ей многих преимуществ. В лучшее же против прежнего состояние приведена императором Александром I.), управляющая всеми заведёнными в Америке селениями (Под именем американских селений разумеются не только основанные в Америке, но и на всех островах, лежащих между восточной стороной Сибири и западным берегом Америки, а также и на тех островах, которые простираются от южного мыса Камчатки до Японии.), по причине величайшей отдалённости, всегда встречала почти непреодолимые затруднения в снабжении их жизненными припасами и другими необходимыми нужными вещами, отчего цены на все эти предметы возвысились до крайности. Это обстоятельство заставило её помышлять о средствах, могущих отвлечь чрезвычайную дороговизну и доставить безопасный и удобный путь к пересылке разных вещей в её селения, где, вместе с умножением промыслов, умножались и нужды, ранее не существовавшие. К достижению этого намерения имелось одно только средство, т. е. водное сообщение упомянутых мест с Европейской Россией из Балтийского моря вокруг мыса Горна или Доброй Надежды, к северо-западному берегу Америки. Директоры Компании, наконец, решились сделать первый опыт столь полезному, но по своей новизне многим препятствиям подверженному предприятию. А чтобы эта попытка могла быть произведена с желанным успехом, они прибегли к помощи бывшего тогда министра коммерции графа Николая Петровича Румянцева ^[1] и министра морских сил адмирала Николая Семёновича Мордвинова ^[2]. Эти особы с великим усердием способствовали совершению столь полезного дела, сообщив о нём императору Александру Павловичу. Император, одоблив это предприятие, повелеть соизволил отправить к американским селениям два корабля — «Надежду» и «Неву». Но так как правительство, для большего расширения русской торговли, желало установить сношения с богатым соседним японским государством, оно назначило туда посланником действительного статского советника Резанова ^[3]. Поэтому «Надежде» предписано было идти на Камчатку и в Японию, а «Неве» в Америку.

Начальство над этой экспедицией и над первым из упомянутых кораблей было поручено флота капитан-лейтенанту Крузенштерну, а мне предоставлено командование вторым. Долговременное моё знакомство с этим человеком отличных дарований, прежнее путешествие наше в Америку и Восточную Индию, а больше всего желание быть полезным отечеству в столь важном случае, были причиной того, что я, невзирая на старшинство своей службы, с великой охотой согласился совершить столь отдалённое путешествие под его начальством, с тем, однако, чтобы мне самому было позволено избрать для корабля, вверенного моему управлению, офицеров и команду по собственному моему усмотрению.

Читатель уже имел удовольствие познакомиться с сочинённым Крузенштерном описанием этой экспедиции, две части которого уже изданы в свет. Потому по всей справедливости он может заключить, что всякое другое описание одного и того же предмета было бы совершенно излишним, ибо оба корабля совершили одинаковое путешествие. Но так как частью непредвиденные обстоятельства и жестокие, встречавшиеся нам бури, а частью и само назначение предстоявшего нам пути нередко заставляли меня разлучаться с кораблём «Надежда», то мне представились многие случаи не только совершать особое плавание, но даже обозревать и описывать такие места, в которые Крузенштерн не имел никакого случая заходить, особенно во время годичного пребывания моего на северо-западных берегах Америки. Поэтому я поставил себе долгом издать в свет и мои краткие записки, чтобы почтенная публика, удостоив

их прочтения, как и обширное описание Крузенштерна, могла иметь полные сведения о всём путешествии, предпринятом и благополучно оконченном обоими кораблями. Желая, сколько возможно, сделать это сочинение полезным и достойным внимания, я приложил к нему сочинённые мною карты и несколько нужных любопытнейших рисунков.

Читатель, конечно, может легко приметить, что в издаваемом мною сочинении приходилось иногда упоминать о тех же самых предметах, которые подробно описаны в путешествии Крузенштерна (имея в виду то время, когда оба корабля были вместе). Однако я надеюсь, что такое повторение не будет излишним, тем более, что согласие наших описаний послужит сугубым доказательством их справедливости, а разноречие, ежели оно где-либо встретится, подаст повод любопытному испытателю к дальнейшему и точнейшему изысканию истины.

Наконец, остаётся мне, изъявив чистосердечное признание в недостатках и неисправности моего слога, попросить у читателя великодушного в том извинения, в котором он тем более отказать не может, что я, по роду моей службы, никогда не помышлял быть автором. При сочинении моих путешественных записок я старался украсить все предметы не витиеватым или плавным слогом, но истиной.

СПИСОК

находившихся на корабле «Нева» офицеров и команды

Капитан-лейтенант *Юрий Лисянский.*

Лейтенанты *Павел Арбузов, Пётр Повалишин.*

Мичманы *Фёдор Коведяев, Василий Берг.*

Штурман *Данило Калинин.*

Подштурман *Федул Мальцов.*

Доктор *Мориц Либанд.*

Подлекарь *Алексей Мутовкин.*

Корабельный подмастерье *Иван Корюкин.*

Иеромонах *Гедеон.*

Приказчик Российско-Американской компании *Николай Коробицын.*

Боцман *Пётр Русаков.*

Квартирмейстеры *Осип Аверьянов, Семён Зеленин, Пётр Калинин.*

Матросы 1-й статьи

Василий Маклышев

Иван Попов

Фадей Никитин

Пётр Борисов

Ульян Михайлов

Иван Гаврилов

Андрей Худяков

Михайло Шестаков

Александр Потяркин

Василий Иванов

Пётр Сергеев

Федот Филатьев
Бик Мурза Юсупов
Емельян Кривошеин
Андрей Володимиров
Иван Андреев
Илья Иванов
Василий Степанов
Митрофан Зеленин
Егор Саландин
Амир Мансуров
Дмитрий Забыров
Матросы 2-й статьи
Ларион Афанасьев
Родион Епифанов
Потап Квашинин
Иван Васильев
Иван Алексеев
Канониры
Федор Егоров
Моисей Колпаков
Десятник
Терентий Неклюдов
Парусник
Степан Вакурин
Купор [\[4\]](#)
Павел Помылев

Выход «Невы» и «Надежды» из Кронштадта в предназначенное им путешествие. — Прибытие их на копенгагенский рейд. — Пребывание в Копенгагене. — Выход «Невы» и «Надежды» из Копенгагена. — Разделение кораблей по причине бывшей 18 сентября жестокой бури в Северном море. — Прибытие «Невы» в Фальмут 26 сентября. — Соединение с кораблём "Надежда". — Медный рудник Долкит.

Август 1803 г. Приготовясь ко вступлению в предназначенный нам путь и нагрузив оба корабля «Нева» и «Надежда» потребными для американских селений вещами, вышли мы на кронштадский рейд 19 июля 1803 года ^[5]. На нём простояли до 7 августа по причине крепких и непрестанно дувших западных ветров.

Такое продолжительное ожидание удобного к отплытию времени могло бы, конечно, быть сопряжено с немалой скукой, если бы нас не избавило от неё ежедневное посещение наших родственников и других особ, любопытствовавших видеть своих соотечественников, предпринимающих в первый раз столь далёкое странствование. Наконец, подул южный ветер, и по прибытии на корабль «Надежда» камергера Резанова, назначенного чрезвычайным к японскому двору посланником, мы снялись с якоря поутру 7 августа в 10 часов.

7 августа. При проходе нашем мимо брандвахтенного фрегата ^[6], главный командир кронштадтского порта адмирал Ханыков сделал нам честь своим посещением и, вместо отца, благословил меня на дорогу, по старому русскому обычаю, хлебом и солью. Выйдя в открытое море, я приказал собрать всю команду на шканцах. Первым моим долгом я счёл нужным указать каждому, сколь продолжительно и с какими трудностями сопряжено предпринятое нами путешествие. А потом советовал им жить между собой дружески, соблюдать всевозможную чистоту, а больше всего быть послушными своему начальству.

До самого вечера дул ветер то лёгкий, то довольно свежий, при котором наши корабли шли на всех парусах. Около 10 1/2 часов подул юго-западный ветер и продолжался до 11-го числа. В течение этого времени оба корабля принуждены были лавировать и могли прийти только до острова Гогланда ^[7]. После тихой погоды, продолжавшейся несколько часов, ветер переменился и подул с юго-востока. Во все прошедшие дни я занимался распределением пищи для своей команды, положив в сутки каждому человеку по одному фунту говядины, по такому же количеству сухарей и по чарке водки, также по одному фунту масла в неделю, и соразмерное количество уксуса, горчицы и круп. Сверх этого, назначено было давать один раз в неделю горох и крутую кашу, к чему наши матросы довольно привычны.

13 августа. Хотя ветер утих, но мы уже вышли из Финского залива, миновав ещё накануне мыс Дагерорд ^[8].

14 августа. Дул восточный ветер, погода была приятная. Поутру в пять часов мы увидели остров Готланд на северо-западе. В 8 часов случилось с нами первое несчастье: один из лучших наших матросов, черпая воду на бизань-руслене ^[9], упал в море, и хотя в ту же минуту употреблены были все средства к его спасению, но всё было безуспешно.

16 августа. Поутру в половине шестого часа показался остров Борнгольм на довольно

близком расстоянии. Мы увидели бы его гораздо раньше, если бы этому не препятствовала мрачная погода, продолжавшаяся всё утро.

Около нас находилось множество иностранных судов, из которых иные лавировали к северо-востоку, а другие пользовались вместе с нами попутным ветром, и мне весьма было приятно видеть, что корабль «Нева» всех их обгонял. В 9 часов вечера ветер утих совершенно. Погода опять наступила пасмурная, и оба наши корабли стали на якорь неподалеку Стефенса [10].

17 августа. На самом рассвете при слабом северо-восточном ветре мы снялись с якоря, и, вылавировав до Драгоэ [11], принуждены были по причине совершенной тишины опять стать на якорь. Течение с востока было столь сильно, что если бы я не ожидал корабля «Надежды», то скоро бы достиг копенгагенского рейда. Вскоре потом подул восточный ветер, и оба корабля в четыре часа пополудни пришли на малый рейд.

19 августа. Поутру мы подошли ближе к гавани, чтобы удобнее взять груз, приготовленный в Копенгагене как для нас, так и для наших американских селений. Около полуночи начался прежестокый шквал с сильным дождём, громом и молнией, которая сверкала до самого рассвета. Но так как барометр мой еще с 17-го числа предсказывал ненастье, то я спустил брам-реи [12] и брам-стенги еще до вечера, а потому во всё время свирепствовавшей бури был совершенно спокоен.

Укрепив корабль на якорях надлежащим образом, я занялся его перегрузкой и нужными поправками. Весьма жаль, что нам, при всём нашем старании, не удалось сохранить кислой капусты, которая была положена компанейскими смотрителями в сорокаведёрные бочки, и почти вся испортилась. Таким образом, мы лишились этой полезной противо-цынготной пищи, которой было бы для нас достаточно более, нежели на половину времени нашего плавания. В продолжение работ на моём корабле, я отправил свои хронометры на берег и отдал их для проверки Г. Бугге, директору копенгагенской обсерватории. Это обстоятельство познакомило меня с человеком, которого достоинства известны учёному свету; следовательно, мне остаётся только быть ему благодарным за оказанную благосклонность. Он показал мне королевскую обсерваторию и собственные свои астрономические инструменты, которых у него весьма большое собрание. Занимаясь своими делами, я также имел время и для удовлетворения моего любопытства. Но так как Копенгаген столица весьма известная, то описывать её считаю излишним.

7 сентября, около 8 часов пополудни, мы вышли на рейд, чтобы при первом попутном ветре вступить под паруса и продолжать наше плавание далее.

8 сентября. Ветер дул с северо-запада при весьма непостоянной погоде. Невзирая на это, мы снялись с якоря в 6 часов пополудни, а к 11 часам вечера пришли в Гельсингер [13]. На другой день поутру мы хотели продолжать своё плавание. Но жестокий ветер с северо-запада принудил нас простоять на якоре шесть дней.

15 сентября. В 7 часов утра при западном-юго-западном ветре снялись с якоря. Во время приближения к мысу Колу, ветер постепенно начал усиливаться и около полудня принудил нас зарифить марсели [14]. В 6 часов пополудни миновали Ангольтский риф [15] (мель). На нём стоял корабль, принадлежащий Соединённым Американским Штатам, который отплыл от Гельсингера раньше нас несколькими часами. Он в виду у нас срубил свою грот-мачту [16] для облегчения. Но едва ли через то спасся, поскольку упомянутый риф составлен из очень больших камней. Его следует весьма опасаться, ибо он выдался в море на расстояние около 6 миль [17] [11 км] от маяка.

16 сентября. В 6 часов полуночи надлежало бы нам видеть мыс Скаген [18], но этому

воспрепятствовал туман. Однако, по вычислениям, можно было полагать, что мы находились тогда в Северном море.

Известно, что в судах, не имеющих течи, воздух иногда спирается в интрюме [\[19\]](#), портится и способствует болезням. Для предупреждения таких вредных последствий, я приказал дважды в неделю наливать в интрюм морскую воду и выкачивать её по прошествии каждых 12 часов.

17 сентября. В 10 часов утра мы увидели на севере норвежские берега Дромель и Бромель [\[20\]](#), а на другой день претерпели шторм. В час пополудни начал дуть жестокий ветер, и вдруг последовало волнение. Корабль был в чрезвычайном движении, которое весьма сильно мешало убирать паруса. Во время работы на верхней части корабля шквал находил за шквалом, и атмосфера так помрачилась от дождя, что мы и на деке [\[21\]](#) едва могли видеть друг друга. Между тем, валы непрерывно обливали палубу и уносили с собой все, что на ней не было прикреплено. Матросы работали с неустойчивостью и к 4 часам утра убрались совершенно. Как я ни был занят ночью, однако же не забыл повесить фонари, чтобы показать кораблю «Надежда» место, где мы находились. Но при всей осторожности мы потеряли его из виду, а на рассвете увидели подле себя небольшое купеческое судно. Полагая, что с товарищем нашим не приключилось никакого несчастья, я решился отправиться прямо в Фальмут, в первое назначенное нами сборное место.

Таким образом, предсказание моего барометра [\[22\]](#) сбылось вторично; уже за три дня начал он опускаться, а перед бурей остановился на 744,2 мм.

19 сентября. В 9 часов над берегами видно было северное сияние. Оно продолжалось около получаса, распространяясь и уменьшаясь поминутно. Сегодня барометр поднялся на 12,5 мм.

23 сентября. Мы приблизились к английским берегам. Ветер 22-го числа хотя значительно и стих, но волнение было еще столь велико, что валы нередко вливались в задние каютные окна. В час пополудни, удостоверясь по лоту, что мы находимся на северной оконечности банки Дип-Вотер, я отложил намерение идти на Орфорднес, а спустился прямо к Норд-Форланду [\[23\]](#), чтобы скорее вступить в Канал [\[24\]](#). В полдень мы находились, по наблюдениям, на 51°53 с. ш., а в 8 часов вечера были уже на середине между мелями Гудвин-Санд и Овер-Фал [\[25\]](#). Идя на фордевинд [\[26\]](#) под всеми парусами и невзирая на противное течение, мы вскоре вышли в открытое море. Пройдя же Зюйд-Форланд и миновав риф Варн [\[27\]](#), немного спустились и направили свой путь к Дунженесу [\[28\]](#).

24 сентября. Барометр поднялся до 768 мм. Погода наступила прекрасная. В 6 часов утра поровнялись с мысом Бичи-Гед, а до наступления вечера подошли к острову Вайту [\[29\]](#), где ветер почти совершенно утих.

25 сентября. Встретились с английским фрегатом, от которого известились, что перенесённая нами в Северном море жестокая буря свирепствовала и в Канале. От этой бури многие корабли потеряли мачты, а иные и совсем погибли у берегов. Следовательно, мы можем считать себя счастливыми, что избежали гибели, хотя не без великого труда и с потерей нескольких, впрочем, маловажных вещей. В 10 часов вечера мы увидели маяк Эдистон, пройдя который в 6 милях [11 км], легли в дрейф [\[30\]](#). Сперва я намеревался идти далее и уже там дожидаться рассвета. Но, усмотрев подле маяка огонь, который каждые полчаса то пропадал, то опять показывался, и не зная тому причины, решился дожидаться утра подальше от берегов.

26 сентября. Не видя ничего, кроме обыкновенного маяка, я спустился в Фальмут, куда и прибыл в 11 часов до полудня.

Первой моей заботой было утвердиться на якорях, а потом встретиться с англичанами как можно более дружески. Для этого был послан офицер уведомить коменданта крепости, что русский корабль «Нева», идущий к северо-западным берегам Америки, желает салютовать, если ему будет ответствовано равным числом пушечных выстрелов. Получив на то весьма учтивый ответ, мы сделали взаимное салютование, после которого тотчас сошли на берег.

Хотя в гавани я не нашёл своего спутника, но, надеясь соединиться с ним в скором времени, я начал готовиться к выходу в море. Палуба моего корабля от прошедшей бури была повреждена и требовала поправки.

Время года становилось позднее, и для большей безопасности я приказал привязать новые паруса. Невзирая на эту работу, команда была разделена так, что часть её всегда могла ездить на берег для покупок. Это нужно было и для того, чтобы люди пользовались береговым воздухом вместе со свежей провизией и укрепили своё здоровье для перенесения предстоящих им трудов.

На третий день нашего прибытия в гавань пришёл туда и корабль «Надежда». Во время бури он потерпел гораздо более, нежели «Нева»; на нём оказалась течь вокруг бортов. Впрочем, я весьма радовался, что Крузенштерн нашёл своих матросов такими же искусными и расторопными, какими были наши. Следовательно, нам ничего более не оставалось желать, как только обыкновенного счастья мореплавателей для совершения своего предприятия.

Поскольку помощь и расторопность бывших на корабле офицеров несколько облегчили меня от хозяйственных забот, то мне оставалось довольно времени для других полезных дел. А так как город Фальмут не может занять путешественника на продолжительное время ни малым числом своих строений, ни узкими переулками, разбросанными по горе, то я старался удовлетворить своё любопытство обозрением окрестностей.

В 1-й день октября, вместе с естествоиспытателями Тилезиусом [\[31\]](#) и Лангсдорфом [\[32\]](#), и взяв с собой надворного советника Фоссе [\[33\]](#), я отправился к медному руднику Долкуту. От Фальмута он находится в 12 милях [22 км], а от города Редруфа в 3 милях [5,5 км].

Долкут разрабатывается ныне обществом купцов. В длину простирается он на 1 милю [1,8 км], а в глубину на 180–190 сажен [от 330 до 350 м]. При нём находится до 1 000 работников, из которых одна половина работает внутри, а другая на поверхности рудника. Надзиратель уверял меня, что двенадцатая доля добываемой здесь руды обращается в металл, приносящий хозяевам прибыли около 4 000 фунтов стерлингов. Работники здесь, как и на

многих английских рудниках, договариваются с хозяевами с публичного торга. Иные из них получают пять, шесть, а иные и восемь шиллингов с каждого фунта стерлингов из вырученной за металл суммы. Следовательно, они имеют некоторое соучастие с хозяевами, а потому и работают прилежнее. Расчёт с ними бывает два раза в месяц, и если кто по своему договору не выработает ничего, то обыкновенно получает от хозяев для своего содержания некоторую небольшую плату в зачёт будущих своих трудов. Рудник окружают главные корнвалисские рудники Кукс-кичен, Дрюйд, Тин-крафт и Канберенвин. Говорят, что они принадлежат лорду Донстанвиллю.

Фальмут хотя и небольшой город, но по удобству и местоположению своей гавани заслуживает внимания. В нём каждый мореплаватель может получить нужные для себя запасы гораздо дешевле, нежели в других английских портах, а особенно рыбу, которая ловится там в великом множестве. Фальмутская гавань служит пристанищем для пакетботов ^[34], ходящих в Лиссабон, Северную Америку и Западную Индию. Вход в гавань защищается с западной стороны крепостью Пенденисом, а с восточной — С.-Мосом и весьма удобен для судов по причине тихого прилива и отлива.

Корнвалис ^[35] совсем не походит на те прекрасные места, каких великое множество в Англии. Там встречаются повсюду горы и дикий камень, пашни попадают весьма редко, и, вместо плодородных садов, путешественник видит одни только кустарники. Несмотря на это, Корнвалис обогащает государство не менее прочих. Англия получает из него жёсть и медь. Около корнвалисских берегов производится весьма изобильная рыбная ловля, которая не только создаёт расторопных и сильных матросов, но и приносит великую прибыль. Рыба пильчард ^[36] ловится здесь в такой изобилии, что в одно лето её заготавливают до 60 000 бочек. Она походит на сельдь, но несколько поменьше и жирнее. Из неё добывается жир, который может быть употребляем с пользою во многих случаях. Сама же рыба обыкновенно вывозится в страны Средиземного моря, ибо испанцы её очень любят.

Глава вторая. Плавание корабля «Нева» из Фальмута к Канарским островам

Прибытие посланника из Лондона. — Отплытие корабля «Нева» из Фальмута 6 октября. — Описание чрезвычайного воздушного явления. — Прибытие к острову Тенерифу. — Санта-Крус. — Город Лагона.

6 октября, 1803 г. немедленно по прибытии нашего посланника из Лондона на корабль «Надежда», мы снялись с якоря. Пользуясь попутным ветром и морским отливом, мы пришли к Лизарду ^[37] в 11 часов вечера, и с полуночи русский флаг развевался уже в открытом океане.

6 октября. Ветер дул восточный, погода была несколько холодновата. Так как в этих местах алжирцы и другие морские наездники (Алжирские и другие пираты. (Прим. ред.)) нередко нападают на суда, то для предосторожности мы зарядили все пушки ядрами.

10 октября. От самого Лизарда ветер дул свежий, а сегодня сделался тише. С 8-го начали показываться птицы, буревестники, которые могут быть названы жителями океана, а сегодня появились небольшие птички, которые, повидимому, были отнесены от берегов юго-восточными ветрами. Их налетело на корабль столько, что наши кошки переловили весьма многих. В 11 часов я измерил несколько расстояний луны от солнца, а перед тем — высоты ^[38] для хронометров. По первому наблюдению, сделанному в полдень, западная долгота (Долгота во всём описании путешествия считается от Гринвичского меридиана. Когда же она показана по хронометрам, то означает среднюю между тремя, находящимися на корабле.) вышла $13^{\circ}55'$, а по последнему $13^{\circ}28'$. Найденная же по наблюдениям северная широта оказалась $38^{\circ}44'$. Вечером при частом блистании зарниц между югом и востоком показалось весьма удивительное воздушное явление; оно прошло по горизонту почти целую четверть неба, и потом скрылось за облако, оставив после себя тонкую огненную полосу, которую можно было видеть весьма явственно около 10 минут ^[39].

17 октября. С самого выхода нашего из Фальмута продолжал дуть свежий переменный ветер с юга, и погода стояла сырая. Однако нам удавалось иногда делать наблюдения, из которых видно было, что мы имели тогда непрерывное южное течение, которое подвинуло корабль «Нева» около 50 миль [90 км]. Сегодня небо прояснилось, и мы отовсюду были окружены морскими хищниками ^[40], которые, как бы желая разделить с нами радость, произведённую в нас прекрасной погодой, беспрестанно играли вокруг.

Приближаясь к умеренным широтам, я между прочими распоряжениями приказал людям, чтобы они, высушив свое тёплое платье, убрали его в сундуки, а оставили бы только по одной паре для холодных ночей. Также приказано было, чтобы в бытность нашу в жарком климате всякое утро одна вахта непременно окачивалась морской водой, чтобы каждый матрос был вымыт два раза в неделю. Я был уверен, что это средство послужит к сохранению здоровья; кроме чистоты, оно укрепляет тело.

18 октября. Ветер был лёгкий, с северо-запада; погода стояла приятная. В полдень по наблюдениям, мы находились под $30^{\circ}8$ с. ш. и под $15^{\circ}14$ з. д. Течение здесь сделалось несколько медленнее, так как со вчерашнего полудня мы подвинулись вперёд только на 8 миль [15 км] к югу и на 13 миль [24 км] к востоку. В 3 часа пополудни с марса [41] в северо-западной стороне замечены острова Салважи [42], которые могли бы мы видеть в полдень, если бы тому не воспрепятствовала мрачная погода.

Сегодня по причине тёплого времени я велел выдавать команде французскую водку, смешанную с водой, или грог.

19 октября. На самом рассвете увидели мы остров Тенериф, находившийся от нас на юго-западе в 45 милях [83 км]. Но поскольку в это время над высотами носился ещё туман, то Пик показался нам только в 7 часов утра, и потом до самого полудня эта славная гора почти беспрестанно представлялась нашему взору. Покрытая снегом, её вершина, освещенная солнечными лучами, представляла прекрасное зрелище. Признаюсь, что вид, этого огромного исполина привёл меня в восхищение. Хотя прежде я и проходил мимо острова Тенериф, но, по причине пасмурной погоды, мало видел его берега.

С самого утра был усмотрен большой трёхмачтовый корабль, который приблизился к нам лишь около 5 часов пополудни и поднял французский флаг. Мы, так же подняв свой флаг, подошли к нему для переговоров. Корабль оказался французским корсаром [43] «Эжилсьен», который, считая нас за англичан, приготовился к сражению. Хотя от якорного места мы были и недалеко, но при наступлении ночи решились лавировать до рассвета.

Взяв пеленг [44] северного мыса Тенерифа, я нашёл, что измерение моё, сделанное в полдень, было к западу от настоящего пункта на $1^{\circ}21$. Со вчерашнего дня нас увлекло на 8 миль [15 км] к югу и на 9 миль [16,7 км] к востоку. Хронометры же оказались весьма верными.

Вид г. Санта-Крус на о. Тенерифе (Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна).

20 октября. Вместе со светом я спустился к Санта-Крусу и около полудня прибыл туда. Еще до опускания якоря, капитан порта, подъехав к нашему кораблю, показал нам место для стоянки. Раоположась на якорях, я и Крузенштерн вместе были у губернатора маркиза де ла Казы Кагигала. В то же самое время пришёл и вчерашний корсар с испанским бригом. Последний привёз от своего двора повеление, чтобы, в случае нашего прибытия на Тенериф, нам было оказано гостеприимство и помощь. Вскоре после этого американский бриг остановился на якоре подле наших судов. Он уведомил нас, что на Мадере дней с десять тому назад был жесточайший ураган, во время которого сорвало множество домов, и почти все находившиеся там корабли разбросало по берегам. Его же самого, сорвав с якорей, потащило было прямо на камни, называемые Лок-рокс, где он неминуемо бы погиб со всем экипажем, если бы, к счастью, вдруг не подул западный ветер, который и спас его от угрожавшей ему гибели. Мы благодарили бога, что сами не зашли, или, лучше сказать, противный ветер не допустил нас дойти до этого острова, у которого, оставив Европу, предполагали было простоять несколько дней; в противном же случае, может статься, он сделался бы пределом нашего плавания.

Главнейшая причина, побудившая нас зайти на Тенериф, состояла в том, чтобы запастись вином, пресной водой и свежими съестными припасами для команды. Поэтому немедленно мы обратились к местному купцу Армстронгу, к которому имели письма. Он тотчас разослал людей по окрестным местам для заготовления, как можно скорее, всего, что для нас было нужно. Между тем, он употребил все меры, чтобы пребывание на берегу сделать для нас приятным. Г-жа Армстронг, весьма хорошо воспитанная женщина, много тому способствовала. Имея большие познания в музыке, она часто занимала нас ею по вечерам со своими приятельницами и, доставляя нам многие другие удовольствия, заставила нас провести время весело в таком месте, где, по причине весьма уединённой жизни тенерифских испанцев, мы, конечно, кроме скуки, ничего бы не встретили.

Город Санта-Крус по всем правам заслуживает имя столицы Канарских ^[45] островов. В нём имеет пребывание губернатор островов, и производится самая большая торговля. Город состоит из каменных строений, лежит у подошвы горы и с моря представляет прекрасный вид. Он невелик, улицы в нём весьма чисты. На берегу построены три крепости: Сан-Педро, Сан-

Рафаэль и Сан-Кристобал. Из последней ядром оторвана была рука у славного лорда Нельсона [46] во время его нападения в прошедшую войну. Укрепления весьма исправны и достаточно снабжены медными пушками.

Число жителей в Санта-Крусе простирается до 5 000 человек. Нижнее сословие живёт весьма бедно. Главная его пища состоит из солёной и запахом весьма неприятной рыбы. Многие из обитателей спят по ночам на улицах на открытом воздухе. Я не могу ничего сказать из опыта о жителях высшего сословия. Но судя по тому, что в городе нет ни одного общественного места, даже порядочного сада, который мог бы прикрыть человека от зноя, должен согласиться с теми, которые уверяли меня, что и они проводят свои дни весьма скучно.

В городе можно удобно и достаточно снабдить себя съестными припасами. Вода весьма хороша; живность, плоды и зелень изобильны. Однако всё дорого, кроме виноградного вина.

Стоять на якоре здесь не очень спокойно, а зимой даже и опасно, так как рейд совершенно открыт для юго-восточных ветров, которые иногда дуют чрезвычайно жестоко. Можно к тому прибавить, что грунт во многих местах каменист, а потерянных на дне якорей такое множество, что непременно надо подвязывать бочки к канатам, чтобы их не перетереть.

Приближаясь к Санта-Крусу, должно держаться берега как можно ближе. Обойдя северо-восточный мыс острова и подходя к городу, надлежит стараться достать глубину. Берега от самого мыса кажутся весьма близкими. Полагая, что мы находились от них в 4 милях [7,3 км], по ходу корабля, я увидел, что ошибся целой половиной. Подле берегов так же чисто, как и в отдалении от них. следовательно, опасаться нечего.

Гору Пик [47], во время пребывания нашего, мы видели только два раза, да и то не долго. Вершина её покрыта снегом, от которого очищается только в июне и июле.

Долгом себе поставлю заметить, что вид острова Тенерифа с северной стороны, находящийся в Ост-Индийском английском атласе, весьма не походит на действительный.

При нашем отправлении в дальнейший путь, г-жа Армстронг подарила мне несколько весьма редких раковин, которые привезены были сюда с острова Ямайки. Наш посланник также получил в подарок довольно совершенную мумию и две ноги старинных жителей Тенерифа. Видно, что они издревле имели искусство бальзамировать или погребали тела умерших в таких местах, где сама природа сохраняла их от истления. Здесь мне удалось достать также несколько кусков лавы, выброшенных из Пика.

Мичман моего корабля Берг, побывав в Лагоне, сделал некоторые заметки и сообщил их мне. Здесь прилагается краткая из них выписка.

Город Лагона лежит в 3 милях [5,5 км] от Санта-Круса. Ведущая к нему дорога так гориста, что по ней не может ехать никакая повозка, а потому употребляются только верховые лошади и ослы. Домов считается в нём до ста. Жители, повидимому, весьма бедны. Там находится пять монастырей, из которых два девичьих. Берг был в С.-Августанском монастыре, который, так, как и другие, выстроен довольно хорошо, его церковь имеет множество сокровищ. По всей же дороге, кроме нескольких скудных садов и диких растений, ничего не видно, но окрестности города, по его словам, прекрасны.

Глава третья. Плавание корабля «Нева» от Тенерифа до острова св. Екатерины

Отплытие из Тенерифа. — Остров св. Антония. — Переход через экватор. — Оба корабля «Нева» и «Надежда» отправляются для отыскания острова Ассенцао. — Мыс Фрио. — Остров Алваредо. — Остров Св. Екатерины.

Октябрь 1803 г. Лишь только отдали мы марсели 27 октября, нас посетил тенерифский губернатор. При отъезде на берег, корабль «Надежда» салютовал ему девятью выстрелами, на которые равным же числом выстрелов ответствовано было и с городской крепости. Я же, с своей стороны, проводил его, поставив людей по вантам и приказав прокричать «ура». По окончании этого обряда, оба корабля при тихом южном ветре снялись с якоря.

Миновав Канарские острова, мы оставили умеренный климат и страны, наслаждающиеся чистой атмосферой. С 30-го числа духота воздуха сделалась весьма приметной, отчего каждый из нас чувствовал некоторое стеснение. А потому. я приказал давать команде иногда виноградное вино, а иногда в их грог мешать лимонный сок, которым мы запаслись достаточно в Санта-Крус. Мы должны были оставить употребление тёплого платья и всячески старались укрыться от зноя. Широкая парусина была развешена над шканцами; я запретил матросам быть на солнце без нужды или спать на открытом воздухе.

Попутные ветры дули тихо и постоянно, так что мы почти не трогали парусов, поставив их надлежащим образом. Большие касатки (Касатка — морское млекопитающее из отряда китообразных (семейство дельфинов). (Прим. ред.), акулы и дельфины беспрестанно окружали корабль. Последние нравились всякому своей красотой и проворством, а особенно когда им предшествовали лощманы (Рыба величиной с макрель, полосатая. Она почти всегда плавает перед морскими хищниками и потому называется лощманом.).

6 ноября в 5 часов утра мы увидели к югу в 20 милях [37 км] остров Св. Антония (один из островов Девердских или Зелёного мыса ^[48]). Ориентируясь на середину острова, я измерил несколько высот по хронометрам, из которых № 50 показал долготу 25°11', пенингтонов 25°45', а № 136 — 26°23'. Я переменил ход первых двух, так как изменение в их ходу не малое. Меня оно не удивило бы, если бы случилось с одним только пенингтоновым хронометром, потому что он подвергался необыкновенным движениям при переноске в обсерваторию на Санта-Крус. Но № 50 привёл меня в изумление. Признаюсь, что на новый ход я решился очень скоро, потому что № 136 остался без всякой перемены. К этому надо присовокупить и то, что суточное сравнение часов, которое я вёл и записывал в особый журнал, также весьма согласно с ежедневными наблюдениями.

Не имея никакой другой цели быть на виду Зелёных островов, кроме проверки своих хронометров, от острова Св. Антония мы взяли такой курс, чтобы, подвигаясь к югу, можно было удалиться и от берегов. Так как юго-восточные ветры дули тихо, то корабль «Нева» не мог пройти всей гряды островов до 10-го числа и находился тогда только под 13°35 с. ш. и 27°13 з. д.

Если нет никаких особенных причин, то гораздо лучше оставлять острова Зелёные по восточную сторону и не подходить даже к острову Св. Антония ближе 10 или 12 миль [18 или 22 км], так как нередко случается, что когда в море дует свежий пассатный ветер, то у берегов

бывает совершенная тишина. Некоторые суда, плывя к мысу Доброй Надежды, оставляют острова Св. Антония, Св. Луции и Св. Винцента с западной стороны, но многие из них платят за это весьма дорого. В 1797 году я был на военном английском корабле «Резонабль». Капитан его вздумал было пройти между островами. Но корабль, войдя в середину между ними, ввиду совершенной тишины или безветрия, совсем остановился. А потому, потеряв целый день, мы очень радовались, что нам удалось выбраться назад. Правда, плывя по восточную сторону островов Зелёного мыса, можно выиграть 150 миль [280 км], идя к мысу Доброй Надежды. Но если принять во внимание тихую погоду, противные ветры и часто возникающие между островами течения, можно видеть, что нет никакой причины подвергаться явной опасности. По моему мнению, при выходе из Ламанша, все острова, как-то: Дезертиры, Мадеру и Тенериф, лучше оставлять с восточной стороны, если нет никакой крайней надобности к ним заходить.

16 ноября, достигнув северной широты 6°00 и западной долготы по хронометрам 21°08, мы потеряли северо-восточные пассатные ветры. Наступили переменные ветры и неносная погода. Она началась еще вчерашнего числа шквалами с громом и молнией и сопровождалась дождём, который беспрестанно нас мочил. Поэтому мной было приказано развесить жаровни с калёным углем на палубе и накурить купоросной кислотой [\[49\]](#). Эта погода продолжалась от 25-го числа. В это же время мы вошли в северную широту 1°34 и западную долготу 22°37. Тогда начал дуть свежий юго-восточный ветер и очистил атмосферу. В продолжение прошедших девяти дней мы имели много работы, так как каждую минуту были готовы бороться с сильными вихрями, которые находили часто и всегда сопровождалась проливным дождём. От столь ненастной погоды была, по крайней мере, та выгода, что мы накопили около 30 бочек воды, для мытья платья и для варки елового пива, эссенцией (Эта эссенция делается из еловых шишек и держится весьма долго во всяком климате.) которого я запасся в довольно большом количестве.

Неудивительно, что при столь жестокой погоде мы почти ничего подле себя не видели, кроме тропической птички (Видом она походит на небольшую чайку, кроме хвоста, который издали кажется как бы одним округлённым пером. Прежде, хотя я видал их много, но всегда на дальнем расстоянии, а эта летала мимо нас весьма близко. Подле глаз находятся у неё черноватые пятна, перья на спине буроватые, всё остальное белое.) и нескольких дельфинов. Последние, подобно морским разбойникам, немилосердно гоняли бедную летучую рыбу [\[50\]](#), которая, не зная, куда укрыться от неприятеля, то погружалась в воду, то выпрыгивала на воздух. Но этим они только утомляли себя и напоследок, выбившись из сил, становились жертвой своих гонителей. Одна из них взлетела к нам на корабль. Она походила на сельдь, длиной в 10 дюймов [25 см], но голова у неё несколько круглее и толше, нежели у сельдей.

26 ноября. В 10 часов утра перешли экватор, а в полдень, по наблюдению, были мы под 10 ю. ш. и под 24°09 з. д. по хронометрам. Удостоверившись в этом, я немедленно приказал поднять на своём корабле флаг, гюйс [\[51\]](#) и вымпел [\[52\]](#) и, подойдя к своему товарищу, поздравил его с благополучным прибытием в южное полушарие. В это время мои матросы были расставлены по вантам и прокричали несколько раз «ура». То же самое было произведено и матросами корабля "Надежда".

27 ноября. Вчерашний обряд служил только введением к сегодняшнему празднику. Поутру после парада команда и офицеры собрались на шканцы. Поздравив их с благополучным прибытием в южную часть света, я пил вместе с прочими.

Так как еще ни один русский корабль, кроме «Невы» и «Надежды», не проходил экватора, то, желая отметить столь редкий случай, я приказал на каждую артель зажарить по две утки, сделать по пудингу и сварить свежий суп с картофелем, тыквой и прочей зеленью, которая у нас сохранилась от самого Тенерифа, прибавив к этому по бутылке портера на каждых трёх человек.

В 3 часа пополудни сели мы за стол, в конце которого пили опять. В это время был поднят военный флаг, и производилась стрельба из всех пушек. Вечером вся команда выражала своё удовольствие песнями, и мы проводили время в приятных разговорах и в воспоминаниях о своих родственниках и знакомых.

Мореплаватели, совершавшие путешествие вокруг света, тщательно занимались наблюдением морских течений. Будучи уверен, что такие наблюдения, наконец, когда-нибудь доведут нас до важных открытий, я с начала своего плаванья начал брать дневную разность между вычислениями и наблюдениями, и поставил себе за правило в соответствующих местах этих записей помещать мои рассуждения. Со времени отплытия нашего от Канарских островов до прибытия в полосу переменных ветров или в северную широту 6° , морское течение было направлено к югу и к западу. Потом оно переменило направление на северное и восточное и продолжалось до $1^{\circ}34$ с. ш., когда подул юго-восточный пассатный ветер. С этого времени морское течение устремилось большей частью к западу и продолжалось до самого экватора. Из взятых разностей между указанными переменами направления воды видно, что корабль «Нева» на всём упомянутом пространстве увлекло течением около градуса к югу и на столько же к западу.

После перехода экватора, юго-восточный пассатный ветер постепенно усиливался, по мере того, как мы подвигались к югу, и в то же время отклонялся всё более к востоку. Следовательно, он весьма благоприятствовал нашему плаванью.

5 декабря мы были под $16^{\circ}30$ ю. ш. и под $31^{\circ}18$ з. д. Ветер перешёл в северо-восточную четверть. Поутру я измерил несколько расстояний луны от солнца, по которым полуденная долгота оказалась $30^{\circ}38$. Следовательно, от показанной хронометрами она отличалась на 40. Но так как на верность лунного наблюдения полагаться нельзя, то вероятно, что мы в это время находились близ пункта, указанного хронометрами.

Сегодня капитан Крузенштерн был на моём корабле и предложил мне итти отыскивать остров Ассенцион [\[53\]](#). Я тем охотнее согласился на это предложение, что не нужно было далеко уклоняться от настоящей дороги. Главное намерение этого предприятия заключалось в том, чтобы решить сомнительный вопрос, существует ли остров Ассенцион или нет? Итак, оба корабля взяли надлежащий курс.

9 декабря. До 9-го числа старались мы делать свои поиски. Но видя, что все принятые нами меры становятся тщетными, и удостоверясь совершенно, что около $20^{\circ}30$ ю. ш. и между западными долготами 30° и 37° острова Ассенцион совсем нет, мы решились продолжать свой путь. Заключая по ветрам, тогда дувшим, что мы в скором времени можем притти к гавани, я начал заранее приготовляться к наливу воды, для чего и велел собрать все бочки и принял все возможные меры, чтобы во время пребывания нашего в Бразилии предохранить команду от болезней.

12 декабря. Во всю минувшую неделю ветры большей частью дули северные и довольно свежие, почему мы и имели весьма успешный ход. В 5 часов утра в 80 милях [55 км] на западе показался мыс Фрио.

Мы находились тогда у глубины 40 сажен [73 м], грунт был ил с песком. Его появление ожидали мы наперёд, так как накануне были окружены бабочками разных цветов, а к вечеру достали лотом дно на 55 саженях [$100,6$ м], грунт ракушки, крупный песок с камнями и кораллом. На рассвете небо покрылось туманом, так что нельзя было делать астрономических наблюдений. Впрочем, по произведённому мной вчера наблюдению, я мог заключить, что хронометр № 136, на который я более всех надеялся, несколько отстал. Пролежав на юго-западе до четырёх часов пополудни, мы легли к юго-востоку [\[54\]](#). Так как ветер стал около 10 часов

сильнее, то мы взяли по два рифа у марселей ^[55]. Приближаясь к берегам, я пытался, не достану ли чего со дна, и для того неоднократно опускал дрожд (Так называется сетка с железными граблями, которой в Англии ловят устриц.), но без успеха: изловил только несколько дюжин животных, похожих на речных раков, длиной около 1/5 дюйма [в 4 или 5 мм]. Они весьма проворны. Около нас было их такое множество, что, когда мыли палубу, то в каждое ведро попадалось от 5 до 10 этих животных. Дельфины также окружали нас весь день. С корабля «Надежда» убили одного из них, который, как говорят, имел в длину до 3 футов [1 м] и был весьма вкусен.

Итак, сегодня благополучно и в совершенном здравии достигли мы Америки. Плавание наше от экватора было довольно поспешно. Кроме ветров, этому способствовало и само морское течение. С 27 ноября оно подвинуло корабль «Нева» на 62 мили [115 км] к югу и на 75 миль [139 км] к западу. Направление же его было юго-западное в продолжение юго-восточного пассатного ветра, или до 15° широты, а потом, при северных ветрах, переменилось на северо-восточное и продолжалось до самого берега.

13 декабря. Ветер дул южный, небо было ясное. Поутру измерил я десять, а вечером восемь высот для хронометров и, находясь весь день в виду мыса Фрио, нашёл, что No№ 50 и 136 показывали около 70 миль [130 км] восточнее, особенно последний, считая, что долгота мыса западная 41°43'. Вчера вечером найдено по азимуту склонение компаса 55°4'00", а сегодня 5°10'.

Около захода солнца ветер повернул к востоку, и мы легли курсом к острову Св. Екатерины.

14 декабря. Берегов еще не было видно; в полдень делали измерения на южной широте 24°14' и западной долготы 42°17', по хронометру № 50, который оказался вернее прочих, и по пеленгам мыса Фрио. Так как сегодня солнце было в зените, то мы измерили высоты его на обе стороны и потому нашли наклонение горизонта ^[56] 4°38'.

16 декабря. Полагая, что мы находимся недалеко от берега острова Св. Екатерины, перед обедом привязали канаты к якорям и легли в дрейф около 8 часов вечера с намерением удержаться до утра на одной глубине, которая была 30 сажен [55 м], а грунт точно такой же зеленоватый ил, как у мыса Фрио.

17 декабря. Перед рассветом мы опустились на юго-запад и в начале пятого часа увидели на юго-юго-западе небольшой, но высокий остров. Вскоре потом открылся другой гористый остров на западе-юго-западе. Чем ближе мы подходили, тем больше открывали новых высот, а в 8 часов с половиной появился весь берег. Полагая, что к югу надлежало быть острову Алваредо, я повернул корабль на северо-запад и пошёл вдоль берега на расстоянии 7 миль [13 км]. Глубина по нашему пути была 25, 23 и 22 сажени [46, 42 и 40 м], грунт — крупный песок с цельной ракушкой и мелкий песок с такой же примесью. Около 10 часов наступила пасмурная погода. Не имея полуденного наблюдения, мы лавировали у берега до самого вечера, а на ночь поворотили в море. Дул северо-восточный ветер. Направляясь к востоку до 10 часов, мы имели глубину от 20 до 22 сажен [от 36 до 40 м]. С того времени по румбу северо-северо-восток к северу она начала увеличиваться и за полночь была уже 30 сажен [55 м], грунт везде тёмный, зеленоватый ил.

18 декабря. С утра небо казалось яснее вчерашнего, но при этом некоторые берега не были видны. В полдень найдена южная широта 26°59'. Лишь только начал я спускаться на широту острова Алваредо, как увидел, под берегом судно, за которым и погнался, но после того, как я прошёл около 8 миль [15 км] на юго-запад, мне показалось, что оно находится слишком близко от берега. Поэтому я принуждён был лечь ^[57] к кораблю «Надежда». В 3 часа подошёл я к Крузенштерну для переговоров и решил с ним осмотреть берега к югу. Через час наступила самая тихая погода; берега закрылись туманом, и над горами, лежащими южнее, загремел гром. Приняв это за признак наступающей бури, я приказал убирать паруса. И в самом деле, около 4

часов налетел вихрь с дождём, который вскоре потом обратился в шторм. Поэтому и оставили мы только грот-марсель [\[58\]](#), зарифленный всеми рифами, фок и бизань, прочее же всё закрепили. В 10 часов ночи нечаянный случай сблизил было нас с кораблём «Надежда» так, что если бы он немного замедлил спуститься, то конечно столкнулся бы с нами. Об этом приключении мне сказали лишь тогда, когда уже оба корабля почти касались друг друга бортами, однако же, к счастью, разошлись без всякого вреда. Я убрал фок [\[59\]](#) и придержался к ветру [\[60\]](#), а корабль «Надежда» поставил фор-стенги-стаксель [\[61\]](#). Чувств наших при этом описывать нет нужды. Скажем только, что как офицеры, так и матросы показали величайшую расторопность, которая спасла корабль почти от неизбежной гибели.

20 декабря. С полуночи ветер начал понемногу стихать, однако всё еще дул крепко и отнёс нас в море так далеко, что только 20-го числа на рассвете мы увидели опять землю и в полдень пришли на то же место, где находились третьего дня. В 2 часа пополудни измерил я расстояние между солнцем и луною, по которому западная долгота вышла $48^{\circ}20'$. В то же время хронометры показывали: пенингтонов $48^{\circ}4'$, № 50 $47^{\circ}31'$, № 136 $46^{\circ}33'$. В 4 часа пополудни приехал к нам лоцман и подтвердил, что остров, который мы считали островом Алваредо, есть точно он самый (На некоторых картах этот остров показан лежащим по южную сторону острова Св. Екатерины; однако это неверно.). Всю ночь лавировали под парусами.

21 декабря. Вместе с восходом солнца приближались мы к берегам, а около 6 часов пополудни стали на якорь у крепости Санта-Крус. Корабль «Нева» проходил между Алваредо и Галом. Итти этим проливом без лоцмана я бы никак не отважился, так как Лаперуз в своём путешествии называет его весьма трудным. Но опыт показал совсем обратное. Я никогда не видывал лучшего пролива. Проходя всю ширину его, мы не нашли менее 21 сажени [\[38 м\]](#) глубины; грунт был везде ил. Для того, чтобы удостовериться еще более в безопасности этого пролива, я послал подштурмана на ялике промеривать глубины. Он нашёл у самых бурунов Гала 14 сажен [\[25,5 м\]](#), а около Алваредо — 11 сажен [\[20 м\]](#), грунт темноватый ил. Для судов, идущих в гавань Св. Екатерины, нужно только войти в середину между означенными островами, а потом править к юго-юго-западу и держаться на глубине не менее 5 сажен [\[9 м\]](#), если корабль будет большой. Мы было вошли на глубину $4\frac{1}{2}$ сажени [\[8,2 м\]](#), но, держась к западу, тотчас прибавили до 5 сажен [\[9 м\]](#). Глубина от Алваредо уменьшается постепенно до крепости Большого мыса, где она найдена нами в 5 сажен [\[9 м\]](#), грунт мелкий песок. С этого места до Санта-Круса глубина увеличивается до 6 сажен [\[11 м\]](#), грунт ил. Я остановился почти на том же месте, где некогда стоял корабль Лаперуза. При нашем приближении к Санта-Крусу, где живёт комендант, на всех крепостях были подняты португальские флаги. Едва успели мы стать на якорь, как к нам приехал офицер, который, получив от нас сведения, кто мы, откуда идём, куда и зачем, тотчас отправился опять с донесением к губернатору. Мне весьма было приятно видеть его удивление, когда он слышал, что русские идут вокруг мыса Горна. Положив простоять в этой гавани несколько дней, чтобы запастись водой и подкрепить силы людей, находившихся на корабле «Нева», которым впоследствии надлежало предпринять немалый труд, я желал, насколько возможно, избавить их от излишней работы. Но при осмотре такелажа [\[62\]](#) вышло совсем иначе.

Обе мачты, грот и фок, были так повреждены, что непременно надлежало поставить новые. Не имея никаких возможностей сделать это своими силами в скором времени, я прибегнул к помощи губернатора, который принял нас весьма ласково и обещал помочь во всём. Тотчас приказал он городовому тимерману доставить нам нужные для корабля деревья. Но, при всём старании португальцев, на исправление корабля «Нева», употреблено было около месяца. Между тем, мы заботились о заготовлении других необходимых вещей и запаслись водой. Португальцы

доставили на оба корабля дрова. Эта услуга была для нас тем важнее, что рубка дров и доставка их, по причине знойного времени, могла бы расстроить здоровье матросов. Притом и сами леса наполнены опасными гадами.

1804 год

1 февраля. Поставив на корабль «Нева» две новые мачты, мы уже 1 февраля были готовы к отправлению в дальнейший путь. Обе мачты сделаны были из дерева олио (Здесь растёт три рода олио: чёрный, белый и красный. Первый из них самый крепкий, но весьма тяжёлый, второй — хрупкий, а третий — самый удобный для мачт. Цветом он красноват, растёт в великом множестве по берегам. Он столь высок и прям, что может быть употребляем на цельные мачты для самых больших кораблей. Доставлять этот лес весьма трудно, потому что нет удобных дорог. Деревья, полученные нами, срублены были в 2 милях [3,7 км] от берега, но на доставку их к морю пришлось употребить семь дней [\[63\]](#).), которое хотя и не такое гибкое, как сосна, и целой третью тяжелее её, но чрезвычайно крепкое. Чтобы эти мачты имели надлежащую тяжесть, я велел сделать их на метр короче прежних, а потому фок-мачта была длиной в 59 футов [18 м], а грот-мачта в 63 фута [19 м]. Мы могли отправиться в путь 1 февраля, но так как губернатор и многие наши знакомые из жителей города желали нас посетить, то и пришлось простоять на якоре до 4 февраля. Губернатор с несколькими офицерами на короткое время посетил оба корабля. При этом, в знак уважения к нашему посланнику, который прибыл вместе с губернатором на корабль «Надежда», была произведена с крепости пушечная стрельба.

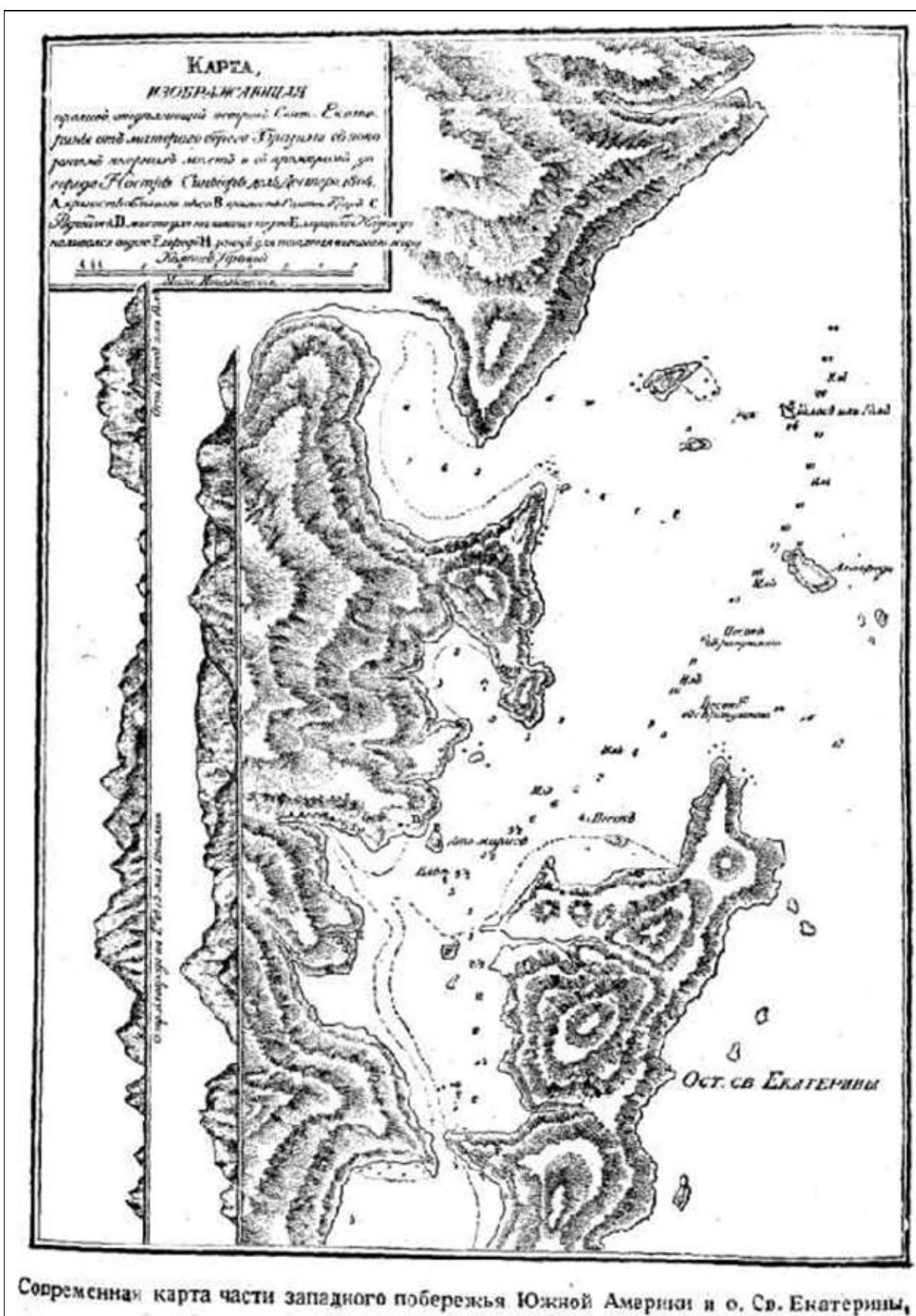
В то время как мы занимались приведением «Невы» в состояние, годное к продолжению дальнейшего плавания, астроном корабля «Надежда» Горнер, устроив свою обсерваторию на острове Атомирисе, на котором находится крепость Санта-Крус, проверил мои хронометры. По его наблюдениям, они весьма ощутимо переменили свой ход. Замеченная в хронометре № 136 чрезвычайная перемена меня весьма удивила, и я не знал, чему её приписать. Горнер снял несколько лунных расстояний, по которым и определил, что обсерватория его находилась под 48°00 з. д. и под 27°22 ю. ш. Весьма жаль, что мне самому не удалось заняться здесь астрономическими наблюдениями. Поэтому, взамен этого упущения, постараюсь сообщить читателям что-нибудь другое, могущее обратить на себя их любопытство и внимание.

Остров Св. Екатерины находится близ бразильских островов и принадлежит Португалии. В длину он простирается не более 30 миль [55 км], а самая большая ширина его около 10 миль [18 км]. Леса острова наполнены плодовыми деревьями, а поля, почти без всякой обработки, производят весьма полезные растения. Первое население острова образовали, как говорят, выходцы из окружающих мест. Ныне живет на нём множество семейств, по собственному желанию переселившихся из Европы. Число жителей, по сообщению губернатора, простирается до 10 143. Между ними находится около 4 000 негров. Эти несчастные хотя и содержатся здесь, подобно прочим местам, в неволе, но, кажется, в лучшем состоянии, нежели в Западной Индии [\[64\]](#) или в других европейских колониях, в которых мне случалось быть самому. Португальцы успели почти всех своих невольников обратить в христианскую веру.

Вся военная сила этого острова состоит из одного тысячного полка строевых войск и трёхтысячного корпуса милиции. Первые разделяются на отряды. В то время, когда один из них несёт стражу, все прочие занимаются хлебопашеством. Однако это бывает только в мирное время. Главный город острова, в котором живёт губернатор, называется Ностра-Сеньора-дель-

Дестере. Он построен близ берега, в том месте, где остров отстоит от материка только на 200 сажень [366 м], и содержит немалое число жителей. Путешественники могут запастись в нём всякой провизией и весьма хорошей водой. Европейская и индийская пшеница, сарацинское пшено, сахар, ром, кофе и плоды находятся там в великом изобилии. К этому следует прибавить, что многие из указанных продуктов весьма дешёвы.

Эта часть Бразилии производит хлопчатую бумагу, кофе, сарацинское пшено, самые крепкие деревья и множество других весьма полезных и дорогих вещей, но не имеет никакой торговли с иностранцами. Поэтому, при всех своих выгодах, она находится в бедности. Если бы португальское правительство позволило жителям острова Св. Екатерины торговать прямо с Европой, а не через Рио-де-Жанейро, то они скоро могли бы приобрести великое богатство. Когда там при всевозможном угнетении находится множество драгоценных произведений природы, то чего же надлежало бы ожидать без этого угнетения? Нет сомнения, что Португалия знает о всех вышеуказанных выгодах. Но, давая преимущество одному Рио-де-Жанейро, она, конечно, имеет особенные немаловажные к тому причины.

Но так как нет почти ни одного места на земном шаре, которое не имело бы каких-либо недостатков, то и остров Св. Екатерины не совсем их лишён. На нём, подобно всему бразильскому берегу, находится великое множество змей и вредных насекомых. Хотя здешние жители и имеют надёжные средства излечения от их укусов, однако, чужестранцам надлежит быть весьма осторожными. Я нередко удивлялся многим из наших спутников, которые не подверглись никакому несчастному случаю, каждый день гоняясь за бабочками. Здесь их несметное множество, и наипрекраснейших в свете. Губернатор же уверял меня, что посылаемые им курьеры в Рио-де-Жанейро, во избежание укуса ядовитых змей, лежащих иногда

поперек дороги целыми стадами, принуждены бегут скакать на, лошадях верхом с возможной скоростью. Лишь только настанет вечерняя заря, повсюду слышен ужасный шум. В одном болоте лягушки издают голос, подобный собачьему лаю, в другом будто колотят часовые в доски, в третьем скрипят, а в четвёртом раздаётся чрезвычайный свист. Мне часто случалось проходить мимо таких мест, где были слышны все указанные голоса. Таково, например, болото, находящееся близ губернаторского дома, и многие другие. Офицеры наши называли их адмиралтействами. В самом деле, иностранец, проходя ночью мимо этих мест, легко может подумать, что там с большой поспешностью занимается работой тысяча человек.

Я не знаю, находятся ли около берегов этого острова морские змеи, как у Коромандельского [65] берега или в других местах жаркого климата, где мне случалось бывать. Напротив того, могу уверить в существовании аллигаторов (род крокодилов, водящихся в Америке), ибо мы сами поймали одного молодого и отослали его на «Надежду» к натуралисту Тилезиусу, который весьма искусно срисовал его, а кожу положил в спирт. Хотя это животное имело в длину не более аршина [0,7 м], но чешуя на нём была так крепка, что пробить её остроугою мы никак не могли и потому принуждены были втащить его на корабль петлёй.

Из насекомых более всех забавляли нас огненные мухи, которых находится здесь два рода. Одни походят на обыкновенных мух с тем отличием, что у них нижняя часть зада издаёт блеск или некоторый свет. Другие подобны продолговатым козявкам. На голове они имеют два жёлтых круглых пятнышка, производящих в темноте удивительный свет. Взяв в руки трёх из них, можно читать книгу ночью. Мне самому случалось однажды с помощью такой мухи отыскать в темноте платок. Этими светящимися насекомыми столь наполнены здешние места, что от вечерней до утренней зари повсюду бывает довольно светло. К ним можно причислить также и червя, похожего на гусеницу, середина которого имеет блестящий жёлтый цвет, а голова и хвост — красно-огненный.

Вид г. Ностре-Сеньера-дель-Дестеро на с. Св. Екатерины (Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна).

Кажется, что укреплений в гавани и городе наделано гораздо больше, нежели требуется, и притом ни на одной батарее нет порядочной пушки. Почти все они, кроме употребляемых для салютования, лежат на козлах.

Жители острова Св. Екатерины вежливы и принимали нас везде с великой любезностью. Я

согласен с мнением Лаперуза, который называет их чрезвычайно честными и беспристрастными, хотя есть между ними, как и во всех других местах, люди противоположных свойств.

Гостеприимство и помощь, оказанные нам губернатором острова Св. Екатерины, Франциском Шевером Курадо, обязывает меня изъявить ему торжественную мою благодарность, тем более, что его обхождение с нами основано было не на расчёте, но на искреннем к нам расположении. Он не только с охотой удовлетворял все мои запросы, но и сам всячески старался занять меня предметами, заслуживающими особенного внимания любопытного путешественника.

Проводя большую часть времени на берегу, я имел случай видеть, каким образом здешние жители, как белые, так и чёрные, празднуют святки. Первые забавлялись увеселениями по обычаю европейских католиков, а последние — по африканским обрядам. Разделясь на разные партии, они веселились до самого крещения, занимаясь по улицам пляской и представлением своих сражений. Не знаю, когда эти люди имели отдых, ибо они шумели повсюду как днём, так и ночью. Впрочем, мне нигде не случилось видеть столь тихих и порядочных невольников, как на этом острове. Во всё время моего пребывания я не видал ни одного пьяного или развратного человека.

Природных американцев видеть нам не случилось. Они, по словам губернатора, не имеют никаких сношений с португальцами. Как меня уверяли, американцы всех вообще арапов считают за обезьян и, встречаясь с ними, подчас убивают.

Кажется невероятно, чтобы могли существовать люди столь ограниченных понятий. Басня эта, по мнению моему, выдумана для того только, чтобы удержать арапов от побега.

Главную пищу здешних жителей составляет корень маниок ^[66], а потому его разводят в большом количестве. Он весьма здоров, питателен и на вкус приятен. Из него делается мука, которую можно употреблять с молоком или с водой, наподобие толокна, и для печения хлеба. Белизной своей он не уступает нашему крупчатому, но на зубах жёсткий.

Корабли, имеющие нужду в починке или в снабжении жизненными припасами, должны предпочтительнее останавливаться на том месте, где мы стояли на якоре, нежели у Бон-Порта или близ города. Кроме безопасности от ветров и хорошего грунта, вода находится здесь очень близко. В окрестностях можно лучше достать все припасы, которые мы, по нашему неведению, заказали в Ностре-Сеньора-дель-Дестере. Водой можно там запастись или подле острова Атомириса или в местечке, называемом Св. Михаил, которое гораздо удобнее, но невыгодно по своей отдалённости.

Когда мы пришли к этому острову, то погода была весьма умеренная. Но с половины января сделалось теплее, вплоть до самого нашего отправления. Термометр на корабле всё время показывал от 21 до 29°. ^[67] В последнем случае жара была несносная.

Хотя около этого времени ветры дуют здесь, вообще, с северо-востока (На острове Св. Екатерины ветры бывают периодические. С мая по ноябрь дуют южные, а с ноября по май — северные.), но бывают также и южные ветры с дождём и продолжаются до двух суток. С нашего прибытия последние дули изредка, а после случались чаще и несколько мешали нам в работе.

Приливы и отливы при острове Св. Екатерины невелики, если только ветры умеренные. Первые идут с северо-востока, а последние с юга. Повышение и понижение уровня воды в обыкновенное время бывает около 3 футов [1 м], а в прошедшее полнолуние отмечено было в 5 футов [1,5 м].

Полагаясь на чужие слова, я весьма опасался этой местности, однако же, опыт доказал, что бояться было нечего. Занимаясь непрестанно работой с утра до вечера в такое время, когда солнце находилось почти в самом зените, мы не чувствовали ни малейшего расстройства в своём

здоровье. Несмотря на это, надлежит остерегаться на первый случай употребления воды и сна на открытом воздухе. В первые две недели на моём корабле было от трёх до шести человек больных, которые страдали резами в животе и чувствовали небольшую лихорадку. Но всё это проходило через двое или трое суток. Кажется, что чай, который я велел давать матросам каждое утро, и слабый грог, вместо воды, были для них весьма полезны.

Глава четвёртая. Плавание от острова св. Екатерины до острова св. Пасхи

Отплытие от острова Св. Екатерины. — Обход мыса Сан-Жуана. — Обход Огненной Земли. — Разделение кораблей вследствие бури и чрезвычайно туманной погоды. — Остров Св. Пасхи. — Его описание.

Февраль 1804 г. Четвертого числа в 2 часа пополудни ветер подул с юго-востока, и мы снявшись с якоря, прошли между островами Алваредо и Св. Екатерины. Во время приближения нашего к северной оконечности последнего, ветер усилился и принудил нас взять по два рифа у марселей, а около 6 часов мы были уже вне опасности.

Этот пролив столь же хорош, как и между Галом и Алваредо. Мы придерживались более острова Св. Екатерины, опасаясь шквалов с востока. Однако же находились на большой глубине, которая от якорного нашего места увеличивалась от 5 до 15 сажен [от 9 до 27,5 м]. Грунт сперва был песок, а потом ил. К 7 часам все небольшие острова остались к западу от нас.

В первые два дня нашего плавания свежий ветер дул с юго-востока, потом начал поворачивать к северу и перешёл напоследок в северо-восточный ветер. Поэтому корабли шли с такой скоростью, что 11-го числа достигли $38^{\circ} 19$ ю. ш. и $50^{\circ} 47$ з. д. Проходя устье реки Лаплаты, мы чувствовали довольно сильное течение на северо-восток, но так как мы это предполагали еще наперёд, то и направили свой путь более к юго-западу.

12 февраля. Ветер дул юго-западный, с порывами; погода была пасмурная. Такое обстоятельство, конечно, для нас было весьма неприятно, ибо, кроме задержки в пути, настала чувствительная стужа. Сегодня явились большие касатки и альбатросы (Альбатросы — большие морские птицы; они водятся в холодном климате, а иногда бывают около мыса Доброй Надежды в таком множестве, что в час можно наловить удою до дюжины. Самый большой альбатрос изловлен нами при моём возвращении из Индии в 1799 году. От конца одного крыла до другого он был длиной в 10 футов [3 м].). Один из них был чёрный, кроме перьев под брюхом и крыльями, которые были белыми.

18 февраля. На $45^{\circ} 29$ ю. ш. и $58^{\circ} 32$ з. д. мы делали астрономические наблюдения. В 6 часов пополудни снято несколько лунных расстояний, по которым долгота оказалась $58^{\circ} 55$ и, следовательно, на 22 мили [41 км] западнее долготы, которую показывали хронометры. Около 9 часов, занимаясь чтением в каюте, вдруг почувствовал я удар в подветренном борте. Воображая, что это произошло от излишнего и внезапного наклона корабля, я тотчас вышел наверх, но, вместо того, увидел позади судна беловатое тело. Судя по удару и по множеству летавших вокруг птиц, я счёл его за мёртвого кита, которого мы коснулись. К счастью, это чудовище не попало под нос нашему кораблю, в противном случае, при нашем быстром ходе, мы могли бы потерять мачты.

19 февраля. Хотя и начали показываться птички, предвестники бури, однако, поскольку барометр стоял высоко, мы не пугались их. Мореплаватели называют этих птичек бурными потому, что нередко своим появлением они предвещают худую и ветреную погоду. В действительности, правильнее именовать их морскими ласточками, ибо они весьма походят на береговых ласточек, но только больше размерами. Цветом они чёрные, около хвоста имеют

белое пятно, а на концах крыльев с обеих сторон белые полосы. Во время бури держатся обыкновенно в струе корабельного пути и, летая, очень часто машут крыльями. В 4 часа пополудни мы были на глубине 70 сажен [130 м], а в 8 часов — 50 сажен [92 м]; грунт — мелкий песок.

22 февраля. Мы переходили из одной широты в другую с такой скоростью, что чувствовали частую перемену и в климате. Но с 19-го числа, когда мы пришли на измеримую глубину, термометр вдруг понизился, и наступил чувствительный холод. Сегодня около нашего корабля появилось множество китов средней величины. Один из них подошёл почти к борту. Они забавляли нас наиболее тем, что непрестанно гонялись за островками, составленными из сплетшейся травы, которые мы начали проходить, начиная с широты 40°.

25 февраля. В 4 часа утра мы увидели землю Штатов [\[68\]](#). Погода была пасмурная, потом хотя несколько и прояснилось, но берег едва можно было рассмотреть. В 9 часов мы находились на глубине 45 сажен [82 м], грунт — песок, мелкий камень и коралл. В 11 часов мы могли пеленговать мыс Сан-Жуан. По замеренному румбу оказалось, что из наших хронометров No№ 136 и 50 отличались от истинной долготы на 1°1 к востоку. До 3 часов пополудни наш курс был на юг, но так как ветер начал поворачивать к северо-западу, то мы легли к юго-востоку. Всё утро не выходили у нас из виду беленькие птички, величиной с бурных. Они летали большей частью около плавающей травы, которой наши корабли были окружены гораздо больше прежнего. В 6 часов мы прошли через полосу сильного течения, простиравшуюся с востока к западу. Хотя море по обе стороны её пенилось и волновалось, но сама она, как бы составленная из особенного вещества, пребывала тихой и гладкой. Это явление, может быть, произошло от встречи двух противоположных течений.

Неусыпно заботясь о сохранении здоровья людей, я приказал с этого дня класть в горшок сушёный бульон, с солёной же пищей употреблять тыкву и лук, а для завтрака давать чай или пивное сусло. Такая пища и тёплая одежда, которая уже заблаговременно была выдана, без сомнения, предотвратила многие болезни, на которые прежние мореплаватели весьма жалуются в подобном климате.

О морском течении скажу здесь только то, что всё время оно было переменным и что южное и западное оказались на расстояний около 25 миль [46 км] от земли Штатов. В первые три дня, по нашем отплытии от острова Св. Екатерины, течение несло нас к юго-востоку, а против устья реки Лаплаты — к северо-востоку. За этим устьем, имеющим в ширину около 140 миль [260 км], между мысами Св. Марии и Св. Антонио, течение устремилось к югу, но потом отклонилось к северу. При этом последнем течении корабль «Нева» обошёл мыс Сант-Жуан.

Еще не успели мы, так сказать, осмотреться в пространстве южной части океана, как встретились с противными ветрами и худой погодой. 26-го числа начал дуть юго-западный ветер с порывами, а на 27-е число превратился в шторм. Поэтому мы принуждены были идти на весьма малых парусах. На 28-е хотя ветер и стих, но сильное волнение продолжалось по 29-е число.

29 февраля. Сегодня вторично сделалась жестокая буря. Море было в чрезвычайном движении, а волны ударяли в наш корабль с такой свирепостью, что выломали почти все наши шхафуты (Шхафут — часть ограды корабля, лежащая между грот и фок-мачтами, по верхнему деку.). Если бы к полудню несколько не утихло, то, конечно, мы лишились бы всех гребных судов, хотя они и были прикреплены к палубе. Легко можно себе вообразить, в каком неприятном положении мы тогда находились. Кроме ужасного волнения и жестокого ветра, нас чрезмерно беспокоили ещё непрестанный дождь, снег и град.

В продолжение всего шторма нам сопутствовала птица величиной с гусёнка, похожая издали на альбатроса. Голова у ней толстая, шея короткая, хвост клином; верхняя часть крыльев,

голова, хвост и нос чёрные. По отношению к голове нос слишком длинен, на конце с желтоватой шишкой. Спина с черноватыми пятнами. Нижняя часть крыльев белая, с чёрными полосами по концам.

1 марта всё еще продолжалась мокрая погода, хотя ветер и утих. *2-го же числа* наступил прекрасный день. Пользуясь этим благоприятным временем, мы делали наблюдения, которые показали, что мы находились на южной широте $59^{\circ}02$ и долготе $63^{\circ}45$. Но удовольствие наше продолжалось недолго, ибо ветер вечером *3-го числа* из северо-восточного сделался северо-западным, а вскоре потом западным и дул тихо.

6 марта были видны чёрные птицы величиной с обыкновенную утку, с беловатыми и довольно длинными носами. Около нас также летали буревестники и бурные птички. Сегодня я занимался осмотром своего запасного магазина с зеленью и к великому моему удовольствию нашёл целую бочку луку и сто тыкв, не повредившихся и годных к употреблению в пищу. Кроме того, у нас оставалось ещё несколько ветвей бананов. Я крайне жалел, что мало запасся лимонами в Ностре-Сеньора-дель-Дестере, потому, что они показались мне еще незрелыми. Но они могли бы доспеть на корабле, что и случилось с лимонами, которые взяты были офицерами.

9 марта. К нам прилетела птица, похожая на виденную нами во время прошедшего шторма, с той только разницей, что голова у ней была белая и хвост не клинообразный; она весьма похожа на бюфонова костолома.

17 марта. В прошедшие две недели продолжались попеременно то тишина, то лёгкие, но большей частью противные ветры, исключая 11-е число, когда дул свежий восточный-юго-восточный ветер, и 14-го, когда были северные ветры. В эти два дня корабль «Нева» подвинулся вперёд на значительное расстояние. 15-го погода была ясная, а вечером показались небольшие, так называемые, Магеллановы облака [\[69\]](#). Их было только два; цветом они белые и бывают видимы в южной, довольно высокой широте.

Того же числа мы миновали островок из сплетшейся травы, похожий на виденные нами против Патагонских берегов. Думаю, что он был отнесён от Терры дель Фуэго (Огненной Земли) или от материка дувшими там недавно северными ветрами.

21 марта погода была прекрасная, и хотя 18 и 19-го числа продолжалась тишина, но 20-го подул свежий, попутный ветер, при котором сегодня мы достигли, по самым исправным наблюдениям, $51^{\circ}33$ ю. ш. и $93^{\circ}29$ з. д. Таким образом, обойдя мыс Горн, мы вошли в Великий океан, ибо в полдень сего числа находились мы на 50 миль [92 км] севернее мыса Виктории, или северной оконечности Мегелланова пролива. С крайним удовольствием могу здесь упомянуть, что до сих пор на моём корабле не было ни одного больного человека. Правда, со времени отправления нашего из Кронштадта случались временные припадки, однако же, они продолжались не более двух или трёх дней.

Хотя многие мореплаватели опасаются обходить мыс Горн, но, по моим наблюдениям, он почти ничем не отличается от всех других мысов, лежащих в больших широтах. Как по описанию прежних мореплавателей, так и по собственным нашим данным должно заключить, что около этого мыса, даже и в зимнюю пору, также случается совершенно тихая погода и переменные ветры, как и в Европе. Если лорд Ансон [\[70\]](#) получил здесь большое повреждение во время свирепствовавшей тогда бури, то это могло бы случиться и в Ламанше. Я уверен, что, справившись в журналах судов Американских Соединённых Штатов, корабли которых ежегодно плавают этим путём к северо-западным берегам Америки, можно обнаружить гораздо больше успехов, нежели неудач, при обходе мыса Горн. При этом имеется одно только то неудобство, что путешественник, по причине величайшего отдаления этого мыса от населённых мест, лишаясь мачт или претерпевая какое-либо несчастье, не скоро может получить помощь. Хотя на

южной стороне Терры дель Фуэго (Огненной Земли) находится множество гаваней, но так как они мало известны, то кораблю, а особенно повреждённому, опасно их отыскивать. Впрочем и там нельзя получить большой помощи, так как на всём вышеуказанном берегу, как это можно видеть из разных описаний, растёт только кустарник. Английский капитан Блай, встретившись здесь с плохой погодой, после тщетных усилий, продолжавшихся несколько недель, принуждён был, наконец, спуститься к мысу Доброй Надежды. Равным образом и мне однажды случилось перед Ламаншем провести около месяца так, что не более трёх раз можно было нести марсели, зарифленные всеми рифами [\[71\]](#).

Барометр, по моим наблюдениям, поднимается у мыса Горн в ясную погоду не так высоко, как в северном полушарии на той же широте, а в плохую опускается гораздо ниже. При юго-западных ветрах он почти всегда понижался у нас и тогда часто погода стояла бурная, с дождём, градом и снегом. Барометр иногда и повышался при переменных юго-западных и северо-восточных ветрах. В это время была туманная и сырая погода, но потом, как только ртуть поднималась, погода становилась лучше, а нередко переменялся и ветер, сперва к югу, после к востоку, и, наконец, к северу. К неудобствам этих мест можно причислять холод, град и снег, которые часто случаются вместе со шквалами, а также дожди, бывающие во время крепких ветров. Таким же неприятностям подвергаются и те, кто принуждён осенью обходить Норд-Кап. Достойно замечания, что перед худой погодой около мыса Горн бывают большие утренние и вечерние росы. Весьма вероятно, что те, кому случается оставаться в этом месте очень долго, не избегнут неприятностей, но более от стужи или от ненастной погоды, нежели от чего-либо другого. Некоторые мореплаватели упоминают о чрезвычайно сильных западных течениях, бывающих в этих местах. В пример можно привести и лорда Ансона, корабли которого прежде, нежели перешли на западную сторону Магелланова пролива, были снесены к востоку на довольно значительное расстояние. Но и в этом случае я должен сказать обратно. По лунным наблюдениям с 31 марта по 3 апреля выходит, что корабль «Нева», во время своего двадцатичетырёхдневного плавания от земли Штатов до мыса Виктории, подвинулся к востоку только на 40 миль [74 км] по долготе (Крузенштерн в своём журнале показывает, что его корабль был снесён на вышеуказанном расстоянии на $3,5^{\circ}$ к востоку [\[72\]](#)). Такую разность можно приписывать не чему иному, как только тому, что он на действие волнения, сильного во время нашего обхода мыса Горна направленного к востоку, полагал в своих вычислениях гораздо менее, нежели я. Астрономические же наблюдения на обоих кораблях были всегда сходны между собой.). Из наблюдений же, сделанных в разные дни, было видно, что течение влекло нас иногда к югу и западу, а иногда к северу и востоку. Словом, мыс Горн такое место, где случайно можно повстречаться с плохим и хорошим, с обстоятельствами, могущими содействовать успешному плаванию или препятствующими этому.

О времени, когда лучше обходить Горн, а также и о расстоянии, на котором при этом держаться от берегов, имеется весьма много различных мнений. Мореплаватели, проходившие этот мыс четыре раза, уверяли меня, что самое лучшее время декабрь или январь. Один предпочитает Ламееров пролив, а другой советует обходить землю Штатов по восточную сторону, а потом, если позволит ветер, держать путь прямо на мыс. Он уверяет притом, что близ Терры дель Фуэго (Огненной Земли) чаще случаются переменные ветры, нежели далее к югу. Английский шкипер, с которым мне привелось видеться на острове Св. Екатерины, уверял меня, что апрель и начало мая он предпочитает всем другим месяцам, и говорил, будто бы испанцы никогда не оставляют реки Лаплаты раньше половины марта. Но, как бы то ни было, я всегда оставался при своём мнении и, к великому моему удовольствию, на самом опыте мог удостовериться в его справедливости. Поэтому и думаю, что гораздо лучше обходить землю Штатов с западной стороны в ясную погоду при северных ветрах. Больше всего должно стараться достигнуть южной широты $58^{\circ}5'$, хотя бы то было при северных ветрах. Находясь же в этой широте, надлежит продвигаться до 80° или 82° долготы, а потом направлять путь к северу. Если юго-западные ветры будут продолжительны, то лучше пролежать до 60° или до 61° ю. ш., нежели уменьшать её, не прибавляя чувствительным образом долготы, и, лавируя, ожидать перемены.

Зыбь здесь, повидимому, продолжается долго, а особенно западная, в которой мы находились всегда сами. Держаться далеко к западу я советую не только по причине течений, которые, как уже упомянуто выше, мы не нашли чрезмерно сильными, но также и для того, чтобы, уклоняясь далее в море, сделать себе попутными юго-западные и даже западные ветры,

На многих английских картах в южной широте $56^{\circ}05'$ и в западной долготе 62° обозначен небольшой островок. Однако же о существовании его в этом месте я сомневаюсь, ибо 26 февраля, находясь от него в 15 милях [28 км], я мог бы видеть землю, если бы она тут существовала. Но ни я и никто из находившихся на моём корабле людей не приметил ни малейших признаков земли. То же самое можно сказать и об острове Пинис Дюдозе, который указан под $46^{\circ}37'$ ю. ш. и $58^{\circ}15'$ з. д.

24 марта северо-северо-восточный ветер усилился, и погода наступила пасмурная, с мелким дождём. После полудня настал густой туман и продолжался до самой ночи. Во время тумана я шёл на немногих парусах, чтобы, не разлучаться со своим спутником. Но эта предосторожность оказалась тщетной. 25-го марта на рассвете корабль «Нева» остался один. Весь этот день мы старались всеми способами отыскать корабль «Надежда». Но, видя все свои усилия бесполезными, решились идти к острову Св. Пасхи. Здесь не нужно, кажется, описывать наших чувств при этом случае, а довольно сказать, что мы остались одни в самом

неприязненным климате, отдалённые от обитаемых мест и не имея никакой другой помощи, кроме той, какую могли сами себе подать.

28 марта с полуночи поднялся юго-западный ветер и вдруг так усилился, что я с трудом мог убрать паруса и едва не лишился фок-мачты. К утру тучи спустились почти до самых наших флагштоков (Флагштоками называются верхи брам-стенг; или самых высоких мачт на корабле.) и носились с чрезвычайной быстротой. Поэтому я было приготовился к шторму. Однако же к полудню показалось солнце, а к вечеру ветер несколько приутих.

Со вчерашнего числа пристали к нам две птицы, похожие на костолома, но только крылья у них короче, нежели у последнего. До подъёма на воздух они некоторое расстояние пробегают по воде [\[73\]](#).

31 марта по хронометрам достигли мы $39^{\circ}20$ ю. ш. и $98^{\circ}42$ з. д. Последняя от найденной посредством лунных наблюдений отличалась на $1^{\circ}51$ к западу, что, однако же, кажется, слишком много.

Разлучась с кораблём «Надежда», я расположил свой путь таким образом, чтобы пройти несколько западнее того места, где капитан Маршанд [\[74\]](#) видел птиц, которые, как он говорит в описании своего путешествия, не удаляются никогда от берегов. Вчера и сегодня мы находились около вышеуказанного места, но никаких признаков земли не видали. Временами погода становилась пасмурной, со шквалами с запада, продолжавшимися почти всю прошедшую неделю.

13 апреля. С 1 по 13 апреля время года стояло еще непостоянное, но ветры дули легче, и шквалы находили реже. Сегодня делал я наблюдение на $29^{\circ}45$ ю. ш. и $104^{\circ}49$ з. д. Долготу эту можно, без всякого сомнения, принимать за самую точную, ибо и по лунным наблюдениям она вышла $104^{\circ}33$.

За несколько дней перед этим мы поставили на палубу кузницу и начали ковать топоры, ножи, большие гвозди и долота для островитян Тихого Океана. 10-го числа я приказал привязать к якорям канаты, чтобы можно было пристать во всей готовности к острову Св. Пасхи, до которого при попутном ветре надеялся дойти в короткое время.

16 апреля. Поскольку с самой полуночи начали находить шквалы и погода казалась переменной, то я поутру в 3 часа лёг в дрейф, что продолжалось до 7-го часа. В это время мы снялись опять с дрейфа, хотя горизонт был покрыт облаками.

В 11 часов увидели мы остров Св. Пасхи, лежащий прямо против нас. Направляя путь с юга на северо-запад, корабль «Нева» около 5 часов подошёл к восточной части острова. Лишь только приблизились мы к первому камню из лежащих у южной оконечности острова, начали появляться шквалы с севера и густой мрак покрыл берега. Поэтому, повернув к востоку, на ночь мы зарифились.

Не доходя до острова Св. Пасхи, видели мы множество небольших птичек, похожих на голубей, но поменьше. Из этого мы заключили, что находились недалеко от острова.

17 апреля поутру берег отстоял от нас в 12 милях [\[22 км\]](#) к западу. В 8 часов, при северо-западном ветре мы подошли к южной оконечности острова, у которой лежат два камня. Один из них весьма удивительного вида, ибо издали походит на корабль под грот-брамселем [\[75\]](#), так что штурман наш счёл его за корабль «Надежда». Проходя мимо камней, мы встретили много полос травы.

Остров Св. Пасхи с восточной стороны показался мне весьма приятным. Во многих местах он покрыт зеленью. Мы видели несколько аллей из банановых деревьев, весьма хорошо рассаженных, и кустарников, подле которых должны быть жилища, потому что как вчера вечером, так и сегодня поутру, мы примечали там дым. Почти на самой середине восточного

берега стоят две высокие чёрные статуи, из которых одна казалась вдвое выше другой. Они, по моему мнению, составляют один памятник, ибо находятся близко одна подле другой, и обе обнесены палисадом. Южная часть острова весьма утёсиста и состоит из камня, издали похожего на плиты, лежащие горизонтальными слоями. На вершине утёса видна зелень. Обойдя южную оконечность острова, я продрейфовал к западу до полудня, а потом подошёл к западному берегу мили на три. В этом положении мне открылось якорное место, по берегам которого был виден большой бурун. Тут мы заметили несколько деревьев и четыре чёрных истукана, из которых три были высокие, а четвёртый как будто бы до половины изломан. Они стоят у самого моря и представляют собою памятники, описание которых находится в путешествии Лаперуза [76]. Сегодня я стал бы на якорь, если бы не опасался западных ветров, при которых стоять здесь опасно. Хотя лёгкий ветер дул с северо-северо-запада, но иногда находили дождевые тучи, и, судя по облакам, погода казалась весьма непостоянной.

Не найдя здесь своего спутника, я решился дожидаться его несколько дней, а между тем заняться описанием берегов и лучше познакомиться с этим местом, достойным любопытства. Для этого я опустился вторично к восточной части острова. Мы прошли вдоль неё километрах в пяти и к полудню обогнули восточный мыс. Тогда облака, начавшие показываться еще с утра, наконец, скопились, и пошёл проливной дождь с переменным ветром. Поскольку мне не хотелось потерять последних своих пеленгов, то, удалясь от берега на расстоянии около 7 миль [13 км], я лёг в дрейф.

Середина восточной части острова Св. Пасхи ниже своих оконечностей и местами покрыта растениями, около которых находятся жилища островитян.

От берега мы были в столь близком расстоянии, что весьма явственно могли видеть людей, собравшихся из любопытства. Иные из них бежали вслед за нами, а другие влезали на груды камней. Около 9 часов во многих местах появился дым, а потому я и заключил, что островитяне в это время готовили себе пищу.

На утёсистом берегу стоят пять монументов, из которых первый мы заметили тотчас по обходе южной оконечности острова. Он состоит из четырёх статуй. Второй находится несколько подалее и состоит из трёх истуканов. Потом следует третий, тот же самый, который мы видели вчера. Четвёртый и пятый стоят ближе к восточному мысу. У последних двух находится гораздо больше жилищ, и подошва горы окружена растениями. Там представилась нам весьма обширная плантация, похожая на банановую, и другие насаждения, среди которых, как казалось, был сахарный тростник. Хотя дул северо-западный ветер, но по берегу разливались буруны. Я заметил только одно песчаное место, но и оно было усеяно таким множеством камней, что не может служить пристанью. По самому берегу лежит много камней; некоторые из них мы сочли за сидящих людей. В иных же местах они образуют большие груды, наверху которых приметно было что-то белое. Вероятно, они составлены нарочно жителями и что-нибудь означают.

Люди казались нам обнажёнными и темноватого цвета. Из животных мы не видели ни единого.

Сегодня около нашего корабля показалось множество летучей рыбы. Из морских птиц я видел до сих пор только три рода: тропических, диких, о которых я упоминал прежде, и чёрных, похожих на последних как видом, так и полётом, но только несколько больше.

При заходе солнца настала совершенная тишина, и потому мы должны были остановиться на ночь в 9 милях [16 км] к северу от восточного мыса.

19 апреля на рассвете подул тихий южный ветер, с большой юго-западной зыбью. Увидев берега, мы направили свой путь вдоль северного. Моё намерение было пройти вдоль него столь же близко, как и вдоль восточного берега. Но маловетрие и тишина, продолжавшиеся попеременно с дождём, не позволили выполнить это намерение. Впрочем, самое дальнее

расстояние от берега было не более 5 миль [9 км]. Мы могли явственно рассматривать не только мысы и другие места, составляющие главный предмет описаний путешественников, но даже насаждения и жилища. Эта часть острова Св. Пасхи менее населена, чем восточная.

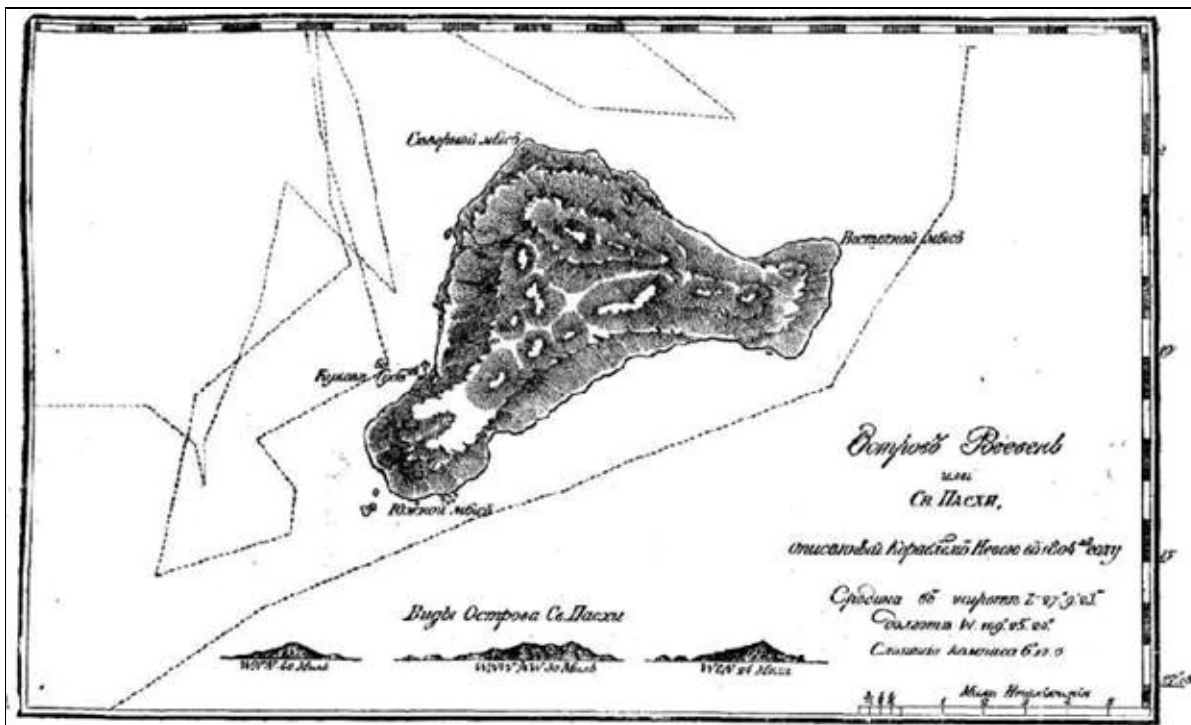
Между северным и восточным мысами нами замечены четыре памятника, из которых первый находился посредине и состоял из одной статуи, второй и третий — из двух статуй каждый, а последний — из трёх. Подходя к ним, мы увидели, что жители развели в разных местах огонь, продолжавшийся до самого вечера. Может быть, это означало приглашение, чтобы мы подошли к берегу. Однако же, не находя нигде удобного места, чтобы пристать, я продолжал свой путь к западу.

Между тем, был отправлен ялик для наблюдения над течением, которого он не нашёл, хотя нам непрестанно попадались плавающие полосы травы. Я велел наловить её и приметил, что иная обросла кораллами, другая у корня имела частицы красного коралла с ракушками, иная же, будучи переломана посредине, содержала множество искр, которые при внимательном рассмотрении оказались весьма малыми животными.

20 апреля. Ночь была дождливая. Так как погода продолжалась еще ненастная, то и сегодня я не был расположен стать на якорь, а решился пройти западным берегом. После полудня сперва настала тишина, но в третьем часу подул лёгкий ветерок, при котором наш корабль сделал два галса [77]. Потом наступил мрак. Около 6 часов спустился я к югу, где и пробыл до следующего утра. Продолжавшаяся зыбь с юго-запада распространила большое волнение по всей западной стороне острова, на которой мы заметили множество огней и разных растений. Поэтому можно заключить, что она столь же населена, как и восточная. Всю ночь шёл дождь при переменных ветрах с севера к югу.

21 апреля, при самом восходе солнца, мы направили свой путь к берегу. Но порывистый ветер и часто находившие мрачные облака принудили нас до 8 часов дважды ложиться в дрейф. Около 9 часа небо прочистилось, и корабль подошёл к губе Кука. Но так как ветер дул с юго-запада, то я не решился стать там на якорь. Чтобы не удалиться от острова, не оставив какой-либо приметы для корабля «Надежда», на случай его прибытия после нас, я отправил лейтенанта Повалишина на ялике с тем, чтобы он, взяв с собой некоторое количество ножей, набойки, бутылок и прочего, роздал всё это островитянам и, между тем, старался бы обозреть местоположение и измерить глубину, не приставая к берегу. В 2 часа пополудни ялик воротился к кораблю с несколькими бананами, сладким картофелем [78], иньямами [79] и сахарным тростником.

Поровнявшись с восточным мысом, спустились мы к Маркизским островам.

Описание острова Св. Пасхи

Остров Св. Пасхи ^[80] найден голландским мореплавателем Рогевроном в 1722 году. Я не намерен входить в подробности истории открытия этого острова, потому, что о нём уже весьма много было написано раньше, а помещу здесь только то, чему сам был очевидцем.

Мы увидели остров, не доходя до него 40 миль [74 км], хотя горизонт был и не совершенно чист. В ясную погоду, кажется, можно его видеть миль за 60 [километров за 110]. Сперва показалась нам пологая гора с бугром по правую сторону на западе-северо-западе. Пройдя 10 миль [18,5 км], мы потеряли из виду упомянутый бугор, а слева заметили две небольшие возвышенности, которые потом соединились с означенной горой. Обходя этот остров довольно близко, я не нашёл нигде такого места, где кораблю можно было бы стоять на якоре. Берега повсюду утёсистые, кроме двух небольших заливов на восточной стороне острова, за южной оконечностью, и на северной, не доходя северного мыса.

Так называемая губа Кука, куда послан был мной ялик, повидимому, — лучшее место для пристани. Но и она опасна при западных и юго-западных ветрах. Зыбь бывает в это время стоит велика, что на якорь нельзя полагать большой надежды, особенно же у самого берега. Находясь в 1 1/4 мили [в 2 км] от бурунов, мы нашли, что глубина в этом месте была 60 сажей [110 м]. Грунт — твёрдый камень. Повалишин нашел в 1,5 кабельтовых ^[81] [278 м] от берега глубину в 10 сажен [18 м], в 3 кабельтовых [560 м] — глубину в 16 сажен [29 м], а в 4 кабельтовых [740 м] — 23 сажени [42 м]. Но так как Лаперуз пишет, что на 24 саженьях [44 м] должно класть якорь, то это и составит только около 5 кабельтовых [925 м] от берега. К этой губе можно смело подходить со всех сторон, смотря по ветру. В якорном месте также ошибиться нельзя, ибо только против него находится небольшая песчаная отмель, всюду же камень, от северного мыса до южного.

Здесьние жители не столь бедны, как описывают предшествовавшие нам мореплаватели. Если они имеют недостаток в скоте, чего я, однако, утверждать не могу, не побывав на берегах острова, то, по крайней мере, они снабжены многими весьма здоровыми и питательными

растениями. Жилища их хотя не могут равняться с европейскими, однако же довольно хороши. Своим видом они походят на продолговатые бугры или на лодки, обращенные вверх дном. Некоторые дома стоят поодиночке, а иные по два и по три вместе. Окон никаких не видно, а двери делаются посредине строения, небольшие и похожие на конус. Около каждого жилища есть поле, усаженное бананами и сахарным тростником. По берегам находится множество статуй, верные изображения которых можно, видеть в описании путешествия Лаперуза [\[82\]](#). Они высечены из камня с весьма грубым изображением человеческой головы и крышкой цилиндрического вида. Кроме того, нами замечено много куч камней с небольшими черноватыми и белыми пятнами наверху. Кажется, и они служат вместо каких-то памятников.

Жители, по нашим наблюдениям, разводят огонь всегда около 9 часов утра. Из этого можно заключить, что они в эту пору готовят себе пищу вне своих жилищ и около того же времени обедают. Удивительно, почему жители острова Св. Пасхи, как рассказывают многие мореплаватели, нуждаются в воде, когда они могут без большого труда заpastись ею во время нередкого случающихся в течение года дождей. В Западной Индии находится множество островов, не имеющих ни рек, ни источников. Однако же обитатели их, чему я сам был свидетелем, делают обширные ямы в земле и накапливают в них зимой такое количество дождевой воды, что во всё остальное время года довольствуются ею без всякой нужды. Лаперуз уверяет, что жители описываемого нами острова Пасхи привыкли пить морскую воду, а потому о запасах пресной воды они мало заботятся.

Приближаясь к губе Жука, мы увидели на берегу множество островитян. Приметив наш ялик, все они тотчас бросились к небольшой песчаной отлогости и с крайним нетерпением ожидали его приближения, изъявляя криком свою радость и показывая знаками, где ему удобнее пристать. Увидав, что ялик остановился, тотчас же бросились в воду около 30 человек и приплыли к нему, невзирая на сильный бурун. Повалишин, повторяя несколько раз «теео», что означает «друг» на их языке, сделал знак, чтобы они подплывали к его ялику не все разом, а только по одному человеку. Сперва отдал он бутылку с письмом от меня к Крузенштерну, объяснив им знаками, чтобы её показали такому же большому судну, как наше, когда оно пристанет к острову. Потом дарил каждого пятаками на цепочках, которые островитяне немедленно надели на шею, а также кусками набойки, горчичными бутылками с деревянными, привязанными к ним палочками, на которых было написано «Нева», и ножами. Последние были для них гораздо приятнее, нежели все прочие вещи. Я очень жалел, что не послал их больше, а особенно, когда узнал, что к ялику приплывал старик лет 60 и, принеся с собой небольшой травяной мешочек варёного сладкого картофеля, усиленно просил нож. Однако же, получив несколько копеек, которые я приказал нанизать на проволоку, вместо серёг, и набойки, он был доволен подарками и возвратился назад, отдав матросам не только сахарные трости и мешочек с картофелем, но также и мат, сплетённый из тростника, на котором, вместо лодки, он приплыл к ялику. Может быть, старику в его жизни не один раз случалось видеть европейцев. Он только один имел длинноватые волосы и небольшую тёмносерую бороду. Все же прочие были острижены, черноволосы и без бород. Каждый из них имел, по пучку тростника, которым, как казалось, они поддерживали себя на воде. Матросы указывали им на корабль «Нева», но они изъявляли крайнее своё сожаление, что плыть так далеко не могут. Из этого, а также и употребления для плавания пучков тростника и мата можно заключить, что тех лодок, о которых упоминает Лаперуз, на острове Св. Пасхи уже не было в употреблении.

Повалишин думает, что на берегу было в это время около 500 человек, между которыми находились и малолетние дети. Он так захлопотался со своими гостями, приплывшими к ялику, что не мог рассмотреть, все ли они были мужчины или находились в числе их и женщины. Многие из них покрыты были от шеи до колен некоторым родом плаща, а иные держали куски

белой и пёстрой ткани, величиною с обыкновенный платок, которым беспрестанно махали. По его словам и всех бывших с ним, островитяне лицом и тёмнооранжевым цветом тела походят на южных европейцев, загорелых от солнечного зноя. По лицу, носу, шее и рукам проведены были у них узенькие черты. Уши они имели обыкновенные, сложение тела здоровое, а ростом иные были до 6 футов [1,8 м]. Ялик стоял столь близко от берега, что можно было явственно рассмотреть несколько жилищ и камень, из которого составлены ближние монументы или статуи. По указанию Повалишина, они высотой около 13 футов [4 м]. Четвёртую часть их составлял цилиндр, поставленный на головах статуй.

Об изделиях островитян с точностью судить не могу. Но кошелёк и мат, подаренные стариком Повалишину, заслуживают некоторого внимания. Первый длиной в 15 дюймов [38 см] и сплетён весьма искусно из травы, а второй длиной около 4 3/4 фута [1,5 м], шириною 15 1/2 дюймов [39 см]. В середине последнего положены сахарные трости, оплетённые камышом. Шнурок же, которым скреплён мат и из которого сделаны были ушки у кошелька, хотя также состоит из травы, но чистотой нимало не уступает льняному, каким с самого начала он нам и показался. Кук полагает остров Св. Пасхи под 27°06 ю. ш. и 109°46 з. д. По моим же наблюдениям, середина его лежит под 27° 9 23" ю. ш. и 109°25 20" з. д. Широта южного мыса оказалась 27°13 24", а долгота 109°30 41". С Куком мы не согласны в отношении числа жителей острова. Хотя сам я и не был на берегу, но если иметь в виду пятьсот человек, которые, приметив наш корабль, немедленно сбежались из ближних мест, то что же надлежит заключить о прочих, находящихся на острове селениях. Сверх того, обходя остров, насчитали мы 23 дома, стоящих недалеко от берегов. Положив, что это число составляло только половину всех жилищ и что во всяком из них живёт по 40 человек, выйдет всего 1 840 человек. Итак, по моему мнению, на острове Св. Пасхи должно быть всех жителей, по крайней мере, полторы тысячи.

Из деревьев, кроме небольших, да и то изредка растущих, нигде никаких не замечено, исключая бананы, которыми, мне кажется, как и другими съедобными растениями, усажена двадцатая часть острова. Остальные же места, даже сами вершины гор, поросли низкорастущей травой и с моря представляют весьма приятный вид.

Во время нашего плаванья вокруг острова снято несколько азимутов [\[83\]](#), которые по двум разным пель-компасам показали среднее склонение магнитной стрелки [\[84\]](#) — 6°12 0".

Глава пятая. Плавание корабля «Нева» от острова св. Пасхи до островов Маркизских и Вашингтоновых

Острова Фату-Гива [Футу-Гива], Мотане [Сан-Педро], Тоу-Ата [Фаху-Ата], Гоива-Гова [Гиваоа, Ла Доменика], и Фатугу [Футу-Хугу]. — Обнаружение островов: Уа-Гунга [Уахуга], Нука-Гивы, Уа-Боа. — Имена вещей с жителями острова Нука-Гивы. — Посещение короля. — Описание королевского жилища. — Залив Жегауа. — Корабли «Надежда» и "Нева".

Апрель 1804 г. За несколько миль от берега установился юго-восточный ветер. Поэтому мы питали надежду, что непременно будем пользоваться пассатными ветрами ^[85], и уже опять попали в тот климат, где царствует ясная и приятная погода. Но оказалось совсем не так. С 26 апреля ветры сделались переменными, а с 30-го дули северо-восточные до самых Маркизских островов ^[86]. Из этого можно заключить, что в этой части света юго-восточный пассат не простирается столь далёко от экватора, как по восточную сторону Америки.

В продолжение нашего плавания не случилось ничего достойного внимания, кроме того, что команда довольно хорошо отдохнула от трудов, понесённых около мыса Горн. Нередко сопровождали нас тропические птицы и акулы. Последних мы ловили на уд. Они служили нам свежей и вкусной пищей.

7 мая на самом рассвете увидели мы остров Фату-Гива в 30 милях [55 км] к западу. Он представился нам в виде трёх довольно ровных холмов. Облака сперва закрывали его вершины, но вскоре потом исчезли и позволили нам зарисовать вид острова. К востоку от северной оконечности лежит продолговатый плоский камень, который мы миновали в четырёх милях. Он должен быть опасен для судов, ибо находится на самом открытом месте и милях в одиннадцати от берега. Едва мы прошли Фату-Гиву, как вдруг появился остров Мотане, который с одной стороны имеет обрывистый, а с другой покатый берег. Затем начали показываться по порядку Тоу-Ата, Гоива-Гова и Фатугу, Последний весьма приметен. Это не что иное, как высокий кругловатый камень, с небольшой изрытой оконечностью, которую мы обошли около 7 часов вечера. В полдень, находясь на параллели южной оконечности острова Мотане, я делал наблюдения на 10°00 ю. ш. Хотя на картах этот остров изображён меньше острова Фатугу, но на самом деле он вдвое больше. Мы довольно долго пробыли по восточную сторону всех упомянутых островов, для более обстоятельного и удобного их осмотра. Все они показались мне гористыми и утёсистыми, кроме Тоу-Ата, который местами положе прочих, но и на нём видны высокие хребты. Обойдя остров Фатугу, мы направили свой путь на северо-запад, а находясь между Фатугу и островом Уа-Гунга, легли в дрейф, чтобы во время ночи не пройти мимо чего-нибудь, достойного внимания.

8 мая, приближаясь на рассвете к острову Уа-Гунга, мы обошли его с юго-западной стороны. Лишь только мы подошли к камням, лежащим у северо-западного мыса, погода вдруг сделалась непостоянной, а вскоре потом наступило совершенное безветрие. Хотя это и не было опасно, ибо с самого утра мы держались от берега не ближе 4 миль [7 км], весьма жаль, что такой случай совершенно не допустил нас описать этот остров. Во время приближения нашего к

упомянутым камням, на западе появился остров Нука-Гива, а к юго-западу остров Уа-Боа. По сделанному сегодня наблюдению южная оконечность Уа-Гунга лежит под 8°56 ю. ш. Остров этот также довольно высок и, из-за множества находящихся на нём хребтов, неровен и неправилен. На юго-западной стороне есть несколько небольших заливов, где гребные суда могут удобно приставать. Для больших кораблей, кажется, можно считать годным только тот залив, который находится у самой южной оконечности острова, хотя впрочем и он не совсем закрыт от южных ветров. Подле него лежат небольшие острова, из которых один высокий и утёсистый, а другой плосковатый и покрыт зеленью.

В долинах мы видели множество растений, посаженных руками человека, однако же, ни людей ни жилищ нигде не заметили. Лейтенант Гревс () Путешествие Ванкувера [\[87\]](#). пишет, что на его корабле были многие из жителей острова Уа-Гунга, и называет их ласковыми и добродушными.

После полудня дул северо-восточный ветер, почему мы и легли сперва на северо-запад, а в 6 часов вечера, находясь близ северного мыса острова Нука-Гивы, повернули от берега.

9 мая. С самой полуночи начали находить тучи, а около 3 часов на море установилось безветрие. Корабль несло к берегу Нука-Гивы, но, к счастью, подул свежий ветер и помог отойти от берега. Около 9 часов, когда мы находились подле восточного берега острова, к нам пришла лодка с восемью островитянами. Приближаясь к кораблю, один из гребцов затрубил в раковину, а другой непрестанно махал белым лоскутом ткани. Приняв это за знак, что они не имеют против нас никаких неприязненных намерений, я приказал также махать с нашего корабля белыми платками и полотенцами, а напоследок мы вывесили белый флаг. Как только лодка приблизилась к кораблю и нами был подан знак островитянам на него взойти, то они вдруг бросились в воду и с помощью верёвок, спущенных за борт, влезли на корабль с величайшей проворностью. За всякую безделицу я давал им по ножу или по гвоздю, чем они были весьма довольны, а особенно первыми. Матросы, побуждаемые любопытством, обступили их отовсюду, однако же, это ни мало не мешало гостям непрестанно петь, плясать и прыгать различным образом. Между тем, они ни на минуту не переставали любоваться полученными подарками. Заприметив ещё четыре лодки, которые спешили к нам, я приказал удалиться всем островитянам, находившимся на корабле. Они исполнили это без малейшего ослушания, прыгая в воду один за другим. Лишь только к нам подъехали новые гости, то оставившие нас произвели ужасный крик и, показывая соотечественникам свои подарки, часто повторяли слово «кюана». На одной из лодок, на которой было пятнадцать гребцов, находился, повидимому, их старшина, ибо все прочие лодки были гораздо меньше и беднее. На ней была поставлена палка с пучком сушёных банановых листьев и небольшой лоскут ткани с небольшим четырёхугольным матом вроде опахала. Находясь под парусами, мне не хотелось быть окружённым множеством островитян, а потому я позволил войти на корабль только некоторым из них. Старшина, узнав об этом позволении, тотчас бросился в воду и влез на корабль. Взойдя на шканцы, он сел и подал мне привезённую с собою ткань. Я хотел было надеть на него пёстрый колпак, но он просил «коге», почему я дал ему ножик (полагая, что он того просил) и грош, вместо серьги. Один из офицеров показал ему зеркало, к которому старшина так пристрастился, что пришлось было с ним расстаться. Островитяне обходились с нами как со старинными своими знакомыми или друзьями. Они весьма честно меняли свои плоды и другие редкости и были так вежливы, что каждый из них, желая возвратиться на берег, просил даже у меня на то позволения. Я показывал им кур, которых они называли «моа», показывая знаками, что на берегу их много, так же, как и свиней, которых они называют «буага». Но, увидев козу и баранов, дивились им чрезвычайно, а потому мы и заключили, что этих животных на острове нет.

Хотя ветер продолжался в это время самый слабый, однако же, идя всё утро к югу, я

надеялся вечером стать на якорь в губе Тай-о-Гайе. Но наставшая после полудня тишина принудила нас отдалиться от берегов на ночь, потому что погода казалась весьма непостоянной.

10 мая с полуночи лил столь крупный дождь, что в короткое время можно бы было наполнить водою дюжину бочек. На самом рассвете мы подошли к южной оконечности Нуку-Гивы. Но так как ветер дул с юго-запада, то мы принуждены были направить свой путь к югу.

Губа, из которой вчера приезжали к нам островитяне, лежит на восточной стороне острова, между северной и южной его оконечностью. Она показалась мне довольно обширной, но только ничем не защищена от восточных ветров. Спеша насколько возможно скорее достигнуть места своего назначения, я не имел времени послать гребные суда для обстоятельного осмотра губы, хотя жители весьма усердно просили нас остановиться, уверяя, что в Тай-о-Гайе нет ни свиней, ни овощей.

Около 8 часов ветер повернул к северо-востоку, а поскольку и небо начало понемногу очищаться, то мы и направили свой путь к берегу, подходя к которому около 9 часов, увидели ялик корабля «Надежда». Каждый из вас при свидании со своими друзьями после семинедельной разлуки с ними, проявил чувства живейшей радости, а особенно узнав, что все они совершенно здоровы.

К полудню мы вошли в губу, но так как ветер не допускал нас до надёжного якорного места, то мы принуждены были тянуться к нему на завозах [\[88\]](#). Я тотчас отправился к Крузенштерну на корабль «Надежда», где нашёл множество островитян и самого короля этой губы, который, как и все прочие, был совершенно обнажён, с той только разницей, что тело его испещрено было более всех и самыми мелкими узорами. Меня он особенно полюбил и дал мне имя Ту, обещая приехать на «Неву» с подарками. Кроме природных островитян, на корабле «Надежда», находились англичанин и француз, которые, живя долгое время между маркизцами, могли быть для нас весьма полезны. Возвратясь на свой корабль, я узнал, что король уже был у нас и привёз несколько бананов. Подходя ближе к якорному месту, мы были окружены множеством плавающих островитян. Иные из них имели при себе плоды, а другие приплыли без всего.

11 мая на самом рассвете около корабля был слышен шум. Мы увидели до ста плавающих женщин. Они всеми способами старались получить позволение взойти на корабль.

Около 7 часов утра начался торг кокосами, плодами так называемого хлебного дерева и разными редкостями, который и продолжался до полудня. В это время мы купили до двухсот кокосовых орехов, несколько плодов хлебного дерева и бананов, платя за семь кокосов, за связку хлебных плодов и за хорошую ветвь бананов по куску железного обруча, длиною в 4 дюйма [10 см]. В 8 часов приехал к нам на двух лодках король со своим дядей и прочими родственниками. Они привезли с собой четырёх свиней, за которых просили находившихся у нас двух английских баранов. Но, получив отказ, увезли их с собою обратно, не согласясь взять за них топоры, гвозди и другие вещи. Желая одарить короля как можно лучше, я дал ему топор и несколько ножей, но его величество принял один только колпак и небольшой кусок пёстрой ткани. Такой отказ вызвал у меня некоторое сомнение, но вскоре потом я вышел из него, узнав от англичанина, что король, не имея чем отдарить меня, не хотел ничего взять. И в самом деле, он послал тотчас свою лодку на берег, которая через несколько минут воротилась с пятьюдесятью кокосами, за что я дал топор и три ножа дяде короля, привезшему эти подарки. Около этого времени прибыл на корабль ещё один из королевских родственников и променял нам небольшую свинью на петуха с курицей.

В час пополудни наложил я табу (Значение слова табу будет объяснено подробно в другом месте. Здесь же его нужно понимать просто как запрещение.), вывесив красный флаг, и мена товаров тотчас прекратилась. Как только команда отообедала, мена опять возобновилась.

В похвалу островитян надо сказать, что мы пожаловаться на них не можем, так как они

поступали весьма честно. Мы обыкновенно спускали с борта верёвку, за которую плавающий привязывал свои товары, а потом или сам взлезал вверх или же ему опускался обратно кусок железного обруча (обыкновенная наша плата). Получив его, каждый бросался в воду с радостью, считая себя счастливейшим человеком на свете.

Сегодня положили мы другой якорь. Так как жара для матросов была тягостна, то я воспользовался нашими гостями. Я приказал позвать плававших островитян на корабль и поставил их на шпиль [\[89\]](#), я обещал им по старому маленькому гвоздю, если они будут прилежно вертеть. От этого обещания появилась у них чрезвычайная радость, и мы едва могли удержать их от беготни. По окончании работы каждый взял своё, прыгнул в море с радостными криками. Королю весьма понравился мой попугай, за которого я мог бы получить двух свиней. Находясь в моей каюте, увидел он зеркало, от которого долгое время не отходил и, поворачиваясь поминутно, любовался самим собой. До сахара он был такой охотник, что беспрестанно просил его и ел по целому куску. После завтрака король, не простясь ни с кем, соскочил с корабля в воду и поплыл к берегу. Плавающий народ не оказывал ему ни малейшего уважения. Королевская свита оставалась еще на корабле. Каждый просил выбрить его, узнав, что бритвой это гораздо удобнее сделать, нежели раковиной. Желание их тотчас было исполнено, после чего они оставили нас, показав величайшее удовольствие от сделанного им угощения. Между тем, я познакомился с англичанином Робертсом и склонил его помогать нам во время нашего пребывания здесь. Он остался на корабле ночевать с тем намерением, чтобы с рассветом ехать за водой.

12 мая поутру опять не замедлили явиться к нашему кораблю островитяне, однако же, число их было наполовину меньше вчерашнего. Потому мы могли купить у них только пятьдесят кокосов и несколько редкостей. Около полудня приехал сам король и просил променять четырёх своих петухов на наших. Поэтому я дал ему одного бразильского за всех, брату же его уступил утку, за которую он мне привёз посредственной величины свинью. Он выпросил также и селезня, обещаясь привезти на другой день поросёнка. Такая мена была для меня весьма выгодна, а особенно потому, что я желал, чтобы эти птицы развелись на острове Нука-Гиве, где до того времени их никогда не было.

Сегодня на нашем корабле случилось следующее происшествие. Я купил весло у одного островитянина, осматривая которое, мичман Берг уронил его нечаянно на голову королю, сидевшему на шканцах. От этого король упал и начал делать разные телодвижения, показывая, что получил сильный удар. Этот случай меня весьма встревожил. Берг, стараясь загладить свой неумышленный проступок, подарил королю кусок обруча около 4 дюймов длиной, отчего его величество тотчас вскочил и захохотал, показывая знаками, сколь искусно умел он притворяться. После обеда меня посетил Крузенштерн и между прочим рассказал, что король привозил к нему свинью, но так как на корабле все сидели в это время за обедом и никто не выходил наверх, то король рассердился и увёз её назад.

Хотя этот случай казался с первого взгляда маловажным, однако же, он едва не произвёл дурных последствий. Некто из наших недоброжелателей, приехав на берег, распространил слух, будто бы король задержан на корабле «Надежда» и сидит в оковах за то, что не согласился подарить привезённую им свинью. При этом возмущился весь залив. Множество островитян окружили наш баркас, который только что был налит водой. Они грозили Робертсу лишить его жизни. Робертс всячески старался уверить их в несправедливости распространённого слуха. Однако же всё было тщетно, пока сам король приехала к толпе, не уверил её, что он не видал ни от кого никакой обиды. Это известие, хотя и сильно нас огорчило, но нечего было делать, и надлежало вооружиться терпением.

13 мая. Происшествие, случившееся вчера на берегу, не только не удержало нас от

вторичной отправки баркаса за водой; но и сами мы решились посетить короля в его жилище. В 8 часов мы вышли на берег со всеми теми офицерами, которые в это время не были заняты по службе, и с десятью вооружёнными матросами. Всех же нас было около 30 человек. Выйдя на берег и имея при себе Робертса переводчиком, мы пошли сперва по взморью, а потом сквозь рощи кокосовых орехов и хлебных деревьев. Миновав несколько бедных хижин, мы прибыли, наконец, к дому королевского брата. Но поскольку мы несколько утомились от дальней дороги, то, расставив стражей, принуждены были остановиться для отдыха. Народ, который шёл за нами толпой, стеснился было вокруг нас, но Робертс приказал им стоять подальше. Приказание это они исполнили без всякой обиды. Отдохнув немного, мы продолжали свой путь попрежнему. Но так как нужно было проходить вброд несколько ручейков, а тропинка, по которой мы пробирались, была узка и грязновата, то дорога показалась нам весьма затруднительной и доказывала, что нукагивцы невеликие охотники до чистоты. Войдя в королевский двор и расположив своё войско, мы вступили в жилище, или, лучше сказать, в беседку, стоящую на каменном основании. Она сделана из шестов, которые сзади стояли перпендикулярно, а в передней стене положены горизонтально. Двери сделаны посередине, шириной в 5 футов [1,5 м], а вышиною около 3 футов [1 м] и разделены вдоль брусом. Прилегающее к стене отделение беседки устлано травой и тонкими рогожами для сна и сиденья. Крыша сделана из листьев хлебного дерева, построена скатом. Стены увешаны посудой, сделанной весьма искусно из колабашей (Колабаш — род тыквы, растущей на дереве. Он растёт разными фигурами и имеет кожу гораздо толще обыкновенной тыквы, а, потому из него весьма удобно делается посуда всякого рода.), каменными топорами, копьями и булавами, а потолок — военными доспехами. В переднем углу стояли барабаны, или, лучше сказать, длинные, но узкие кадушки, сверху обтянутые кожей, и производящие унылый звук.

Мы нашли тут короля, королеву, их дочь и сына с несколькими родственниками и приближёнными. Между ними находилась также молодая женщина, которая почитается богиней острова. Из всего её обхождения можно было тотчас заметить, что она старается во всём соответствовать оказываемому ей почтению. Одарив всю королевскую фамилию ножами, ножницами, зеркалами, набойкой и прочими мелочами, мы распрощались с ней. При выходе Робертс показал мне дитя королевского сына, почитаемое островитянами также за божество, которое держал дядя на своих руках. Я желал, чтобы его поднесли ко мне поближе, но мне ответили, что сделать это никак нельзя, ибо на место, где живет дитя, наложено табу. Я тотчас подошёл к младенцу сам и покрыл его тонким холстом. Тогда пришла к нам и вся королевская фамилия, но из народа ни один человек не смел приблизиться.

Осмотрев как само жилище короля, так и пристроенные к нему здания, из которых одно служит вместо столовой, а другое кладовой для хранения разных хозяйственных вещей и припасов, мы пошли в дом к Робертсу.

Дорога от королевского дома идёт по горе, с которой можно видеть залив и разные насаждения, находящиеся в долинах. Жилище Робертса было не так обширно, как у других знатнейших жителей острова, однако же, оно было окружено довольно большим количеством кокосовых, хлебных и других плодовых деревьев. Отдохнув немного в его доме, мы пошли на кладбище. Тут находится несколько весьма грубо вытесанных статуй, означавших место могил. Один труп лежал просто на деревянной толстой доске на высоких шестах, а сверху был покрыт сделанной из листьев крышей. Повидимому, он лежал уже весьма давно, ибо, кроме костей, ничего не осталось. Более всего обратил моё внимание один памятник, поставленный недавно умершему жрецу. Он сделан из кокосовых листьев, довольно хорошо сплетённых наподобие беседки. В середине находится возвышение, а перед ним жертвенник из тех же листьев, которые своей зеленью радуют взор. По кладбищу разбросано множество кокосовых корок, которые

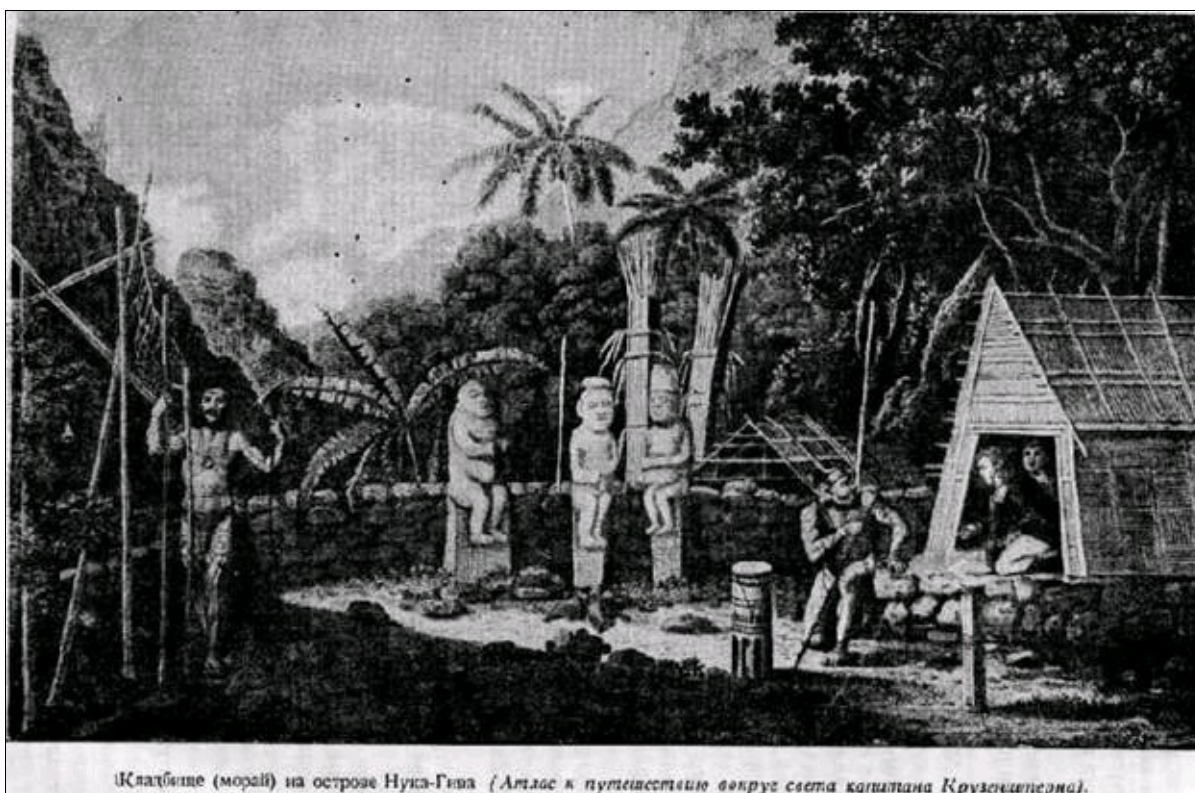
мешали нам ходить. По указанию Робертса, они разбросаны островитянами нарочно и являются жертвоприношением умершим. На голове одного истукана лежал целый кокосовый орех.

К нашим судам мы возвратились по другой дороге и заходили в разные дома островитян. Все они построены одинаковым образом и не только не отличаются от королевского, но иные из них даже красивее и чище.

Множество островитян постоянно следовали за нами, без всякого оружия, имея при себе разные вещи, которые они желали променять нам на железо, ножики и другие безделицы. Мы накупили множество тканей, оружия, украшений и тому подобного.

По прибытии нашем к берегу, квартирмейстер корабля «Надежда» уведомил Крузенштерна, что во время его отсутствия оторвался у катера якорь, который отыскать он никак не мог. После внимательного осмотра кабельтова [\[90\]](#) мы удостоверились, что островитяне отрезали его полученными от нас ножами.

Лишь только взошёл я на корабль «Нева», ко мне явился король с каменным топором, который отдал нам за железный топор. Спустя несколько минут он опять возвратился и просил меня променять такой же топор на свинью. А так как король пожаловал к нам в такое время, когда мы были за столом, то его величество, по моему приглашению, сел вместе с нами обедать. Оладьи с мёдом ел он с большим удовольствием, а рюмки с портвейном выпивал досуха, хотя и морщился. По окончании обеда наш гость отправился в своё жилище уже навеселе.

Жлаблнше (морай) на острове Нука-Гива (Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна).

14 мая. Поутру пришёл от королевы нарочный сказать мне, что если я пришлю своё гребное судно, то она со своими родственницами охотно посетит наш корабль «Нева», прибавив, что на лодках островитян ездить ей запрещено. Это сделано, кажется, для того, чтобы неприятель не мог увезти столь знатных особ. Я тотчас отправил к берегу ялик и перед полднем имели мы удовольствие видеть на своём корабле королеву, её дочь, невестку и племянницу. Мы угощали их по возможности и, одарив, отправили всех назад.

Как сама королева, так и другие были покрыты жёлтой тканью и намащены кокосовым маслом, которое хотя и придаёт телу большой лоск, но пахнет весьма неприятно.

Молодые женщины все недурны, а особенно невестка, или мать того ребёнка, которого островитяне почитают божеством. Она дочь короля владеющего заливом Гоуме, и называется

Ана-Таена. Между её отцом и свёкром происходила почти непрерывная война как на суше, так и на море. Но с того времени, как сын короля Катонуа женился на дочери короля залива Гоуме, война на море прекратилась, потому что невеста привезена была по воде. Если, по каким-либо неприятным обстоятельствам, она принуждена будет оставить мужа и возвратиться к родителям, то война, которая продолжается ныне только на суше, может возобновиться и на воде. Напротив, если она умрёт в этой долине, то последует вечный мир. Этот договор так понравился островитянам, что все они единодушно признали виновницу общего покоя за богиню и, сверх того, положили почитать и детей её божествами.

Лишь только гости наши уехали, королевский брат привёз к нам свинью за полученный им топор, а поросёнка с целой лодкой кокосовых орехов — за одного селезня. Я очень доволен, что имел случай оставить на острове утку и селезня, которые, принеся нам прибыль, конечно, не будут бесполезны и своим новым хозяевам.

15 мая. Желая как можно более запастись съестными припасами, я и Крузенштерн, взяв с собой некоторых офицеров, поехали в небольшой залив Жегауа, находящийся около 3 1/2 миль [6 км] к западу.

Лишь только мы показались, как жители окружили нас со всех сторон, мужчины с плодами и уборами, а женщины с разными растениями. Выйдя на берег, мы прямо пошли в королевский дом, где позавтракали и отправились осматривать местоположение губы.

Хотя в короткое время мы успели выменять до 60 ветвей бананов, но свиней, которых впрочем здесь довольно много, достать никак не могли. Король сперва обещал променять борова на топор, но после передумал. Правда, торговля наша была неудачна, однако же, мы не могли считать эту поездку бесполезной. Напротив того, она доставила нам случай осмотреть и описать небольшую, но прекраснейшую гавань, которая защищена от всех ветров. Вход в неё несколько узок. Но так как перед ним не более 21 сажени [38 м] глубины, то, в случае безветрия или противных ветров, он весьма удобен для верпования ^[91], а при южном ветре в том не будет никакой нужды. У самых берегов эта гавань довольно глубока, особенно с южной стороны. Саженьях в тридцати пяти от песчаной вершины глубина её 2 1/2-3 сажени [4,5–5,5 м], чем же дальше, тем она становится глубже. При входе в неё есть небольшое селение и прекрасная речка, которую я назвал Невкой.

16 мая, запасшись необходимым количеством кокосов и других растений, мы весь день готовились к продолжению предстоящего нам пути. Робертса, за оказанные им во многих случаях полезные для нас услуги, я наградил холстом, железом и прочими нужными вещами, кроме пороху, хотя он и весьма убедительно его просил. Мной положено было за непреложное правило не оставлять островитянам ни малейшего количества этого губительного вещества. Он получил ещё от меня множество разного рода семян европейских растений, которые могут быть полезны как для самих жителей, так и для приезжающих к ним.

17 мая в 5 часов поутру мы начали сниматься с якоря, а около 9 часов были уже под парусами. Ветер дул с берега, и потому мы несколько отошли от якорного места, но вскоре потом он совсем переменялся. Ожидая такой перемены ветров, которая при наличии гор, окружающих залив, бывает почти беспрестанно, я велел заблаговременно приготовить катер с верпом и ялик для буксира. Видя, что, при всём нашем старании продвигаться вперёд, наш корабль тащило в противоположную сторону, мы должны были тянуться на завозах. В это время сильное течение воды влекло к берегу корабль «Надежда», шедший впереди нас, так что буруны показывались у него под кормой. Это обстоятельство заставило меня, оставив свои завозы, послать немедленно катер в помощь «Надежде». Когда он к нам возвратился, то я приказал завести три кабельтова на ветер, а к вечеру, поставив марсели, вышли мы в море при вихре с дождём.

Перед этим посетил меня в последний раз король. Он шутил на счёт бывших у нас за три дня перед тем посетительниц, не исключая и своей жены, уверяя, что все они чрезвычайно довольны нами, а особенно богиня, которой я подарил золотой шнурок на шею. В это время оторвался бочёнок, привязанный, вместо томбуа [\[92\]](#), к верпу, по которому мы тянулись. Тотчас отправлена была лодка за водолазом, но еще до его прибытия мы зацепили за кабельтов кошкой (Кошкой называется небольшой четырёхлапый якорь с крюками, употребляемый для вылавливания чего-нибудь, находящегося в воде.) и вытащили его. Король, весьма довольный нашим приёмом, распрощался с нами обыкновенным образом, т. е. не говоря никому ни слова, и отправился домой со всей своей свитой.

В 10 часов вечера, удалясь от берега около 3 миль [5,5 км], мы легли в дрейф для подъёма гребных судов и для ожидания корабля «Надежда», который оставался еще на якоре.

Я было забыл упомянуть о ракетах, которые были пущены вчера вечером с тем намерением, чтобы узнать, за что сочтут их островитяне. Король уверял меня, что народ приведён был ими в чрезвычайное изумление, и сколько Робертс ни старался уверить их, что ракеты пущены были только для того, чтобы повеселить их, все бывшие тогда на берегу перепугались до смерти. Как только появился огонь, они заключили, что эти ракеты — звёзды, которые мы могли выпускать когда и куда хотим, и что они, не исчезая в воздухе, возвращаются к нам опять.

Глава шестая. Описание островов Маркизских и Вашингтоновых, особенно Нука-Гивы

Местоположение Маркизских и Вашингтоновых островов. — Описание острова Нука-Гивы. — Образ правления. — Обряды при погребении. — Табу.

Мая 1804 г. Острова Маркизские: Фагу-Гива [Футу-Гива], Мотане [Сан-Педро], Тоу-Ата [Фаху-Ата], Гоива-Гова [Гиваоа, Ла Доменика] и Фатугу [Футу-Хугу] лежат, по сделанным мною лунным наблюдениям, между $138^{\circ}18$ и $138^{\circ}55$ з. д. и между $10^{\circ}30$ и $9^{\circ}25$ ю. ш. Первые четыре открыты в 1595 году испанским мореплавателем Алваро-Менданья де Неира, а последний Куком. Вашингтоновы ^[93] же острова — Уа-Боа, Уа-Гунга [Уахуга], Нука-Гива, Гиау и Фатуда — находятся к северо-западу от Маркизских. Из них первые три простираются в ширину около 35 миль [64 км], а в длину до 40 миль (74 км). Они найдены в 1791 году в мае месяце Инграмом, начальником американского купеческого корабля из Бостона, шедшим к северо-западному берегу Америки. Хотя все вышеуказанные острова составляют один архипелаг, но поскольку они сделались нам известны в разные времена, а не все сразу, то я и разделяю их на две части.

Я займусь описанием одного только острова Нука-Гивы. О прочих же ничего не могу сказать более, как только то, что они возвышенные, утёсистые и неправильные, вследствие находящихся на них многочисленных хребтов, кроме Тоу-Аты, показавшегося мне в некоторых местах отложе прочих. Удивительно, что ни один из островов не имеет конической возвышенности, но каждый из них представляется как бы прямо поднимающейся из моря стеной.

горами, то вход и выход для кораблей могут быть довольно затруднительны. Впрочем, выбрав удобное время и держа в готовности якоря и гребные суда для буксира, нечего опасаться. Как только покажутся острова Митао и Мутоние, находящиеся по обеим сторонам устья залива, должно держать путь ближе к первому. Острова эти лежат к берегу так близко, что издали отличать их весьма трудно. При выходе из залива нужно держаться восточного берега, так как, какие бы ветры ни дули внутри него, в море они бывают, большей частью, с востока-северо-востока до востока-юго-востока. Лучшее якорное место — под прикрытием юго-восточного мыса, где глубина 14 сажен [25 м], грунт — песок с илом.

Хотя в Тай-о-Гайе, ввиду буруна, неудобно наливать водой, однако же, жители так услужливы, что стоит только баркасу остановиться на верпе подле берега и спускать бочки в воду, как целая толпа плавающих островитян будет их подхватывать и, налив водой, доставлять обратно с такой поспешностью, что часа в два можно ими наполнить большой баркас. С такой же скоростью доставляются островитянами на гребные суда и дрова, которые можно рубить у самого берега. За всё это мы давали каждому из них по куску обруча в 12 см длиною.

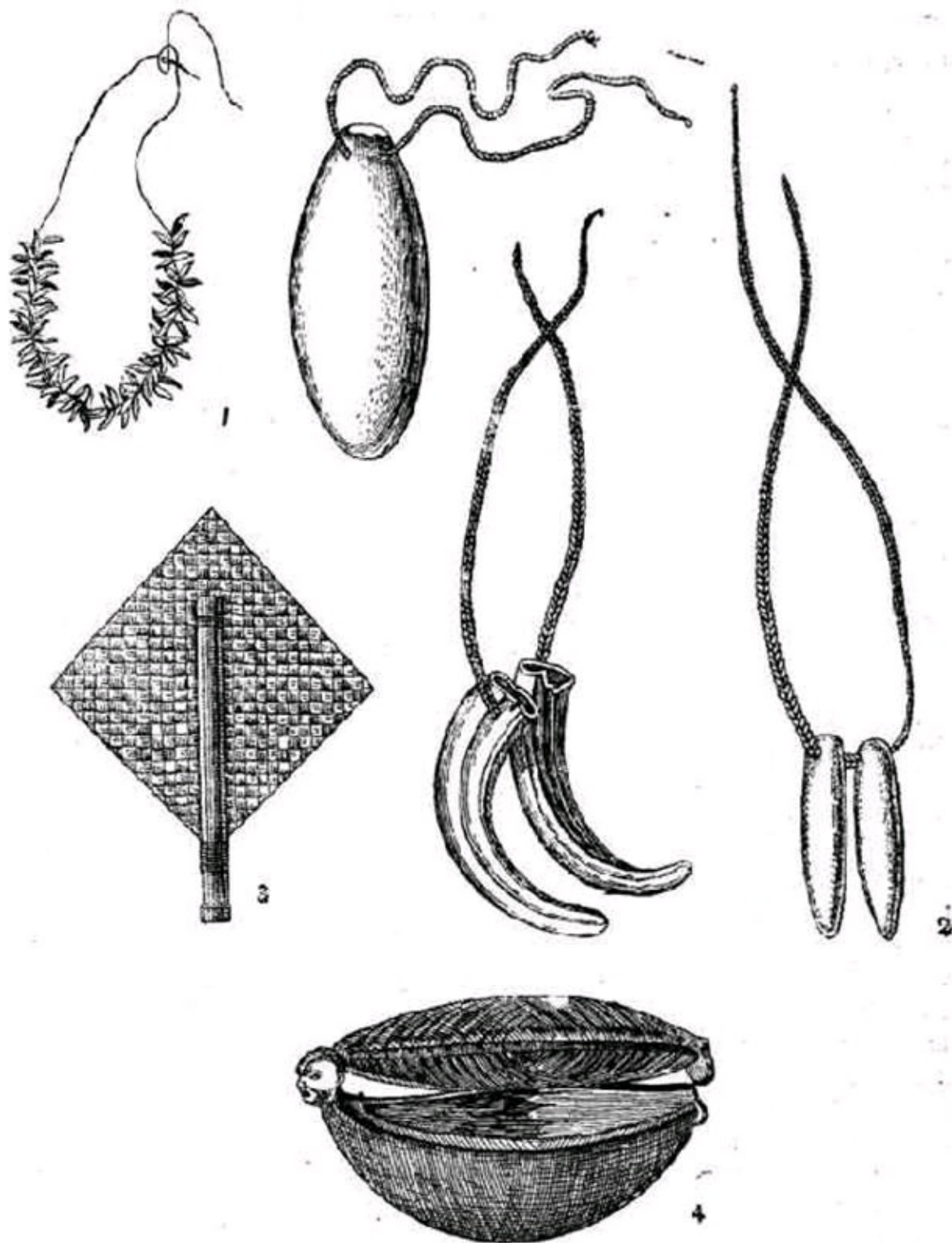
Вследствие кратковременного пребывания и незнания местного языка, мы, конечно, расстались бы с этими местами без всяких других сведений, кроме только того, что могли сами увидеть или заключить по одним догадкам, если бы не помог нам Робертс, которого судьба, как бы нарочно, на наше счастье завела сюда. Около семи лет назад он ушёл с купеческого судна сперва на остров Тоу-Ата, где прожил два года, и, переехав потом в Тай-о-Гайю, пользуется теперь некоторым уважением новых своих соотечественников, ибо женат на королевской родственнице и имеет землю.

Нука-Гива, подобно прочим островам этого архипелага, управляется многими владельцами, которые, к сожалению, находятся почти в беспрестанной войне между собой. Хотя всё достоинство этих старшин заключается более в имени, нежели в существенной власти, однако же, им предоставлены некоторые особенные перед прочими преимущества, как-то: лучшие и обширные земли, уважение народа и право в хороший урожай брать четвертую часть плодов, принадлежащих их подданным, в другое же время — смотря по обстоятельствам. Эти правители вступают во владение наследством. Хотя вести войны со своими неприятелями они не могут без согласия народа, однако же, нередко бывают орудием для прекращения кровопролития. Примером этому могут служить жители залива Тай-о-Гайя. Они имели непримиримую вражду с жителями двух других заливов, лежащих по обе стороны от него. Война между ними происходила непрерывно как на суше, так и на море. Но с того времени, как королевский брат женился на дочери правителя одного из этих заливов, а сын его на дочери старшины другого, оба эти народа, по крайней мере на море, прекратили неприятельские действия. Если же жёны их окончат свою жизнь у мужей, то между народами война прекратится навсегда. Было бы весьма утешительно, если бы все правители последовали их примеру и тем доставили бы вечный мир своим подданным.

Судя по тому, что у нукагивцев есть жрецы, они должны иметь и веру, но в чём она состоит, неизвестно. Гражданских же законов у них никаких нет, и каждый, набрав себе множество приверженцев, всё право поставляет на силе. Нахальство, воровство и даже смертоубийство хотя и почитаются у этих диких народов пороками, однако, кроме мщения от обиженного или от его родственников, никакому другому наказанию не подвержены. Установленных обрядов богослужения также нет.

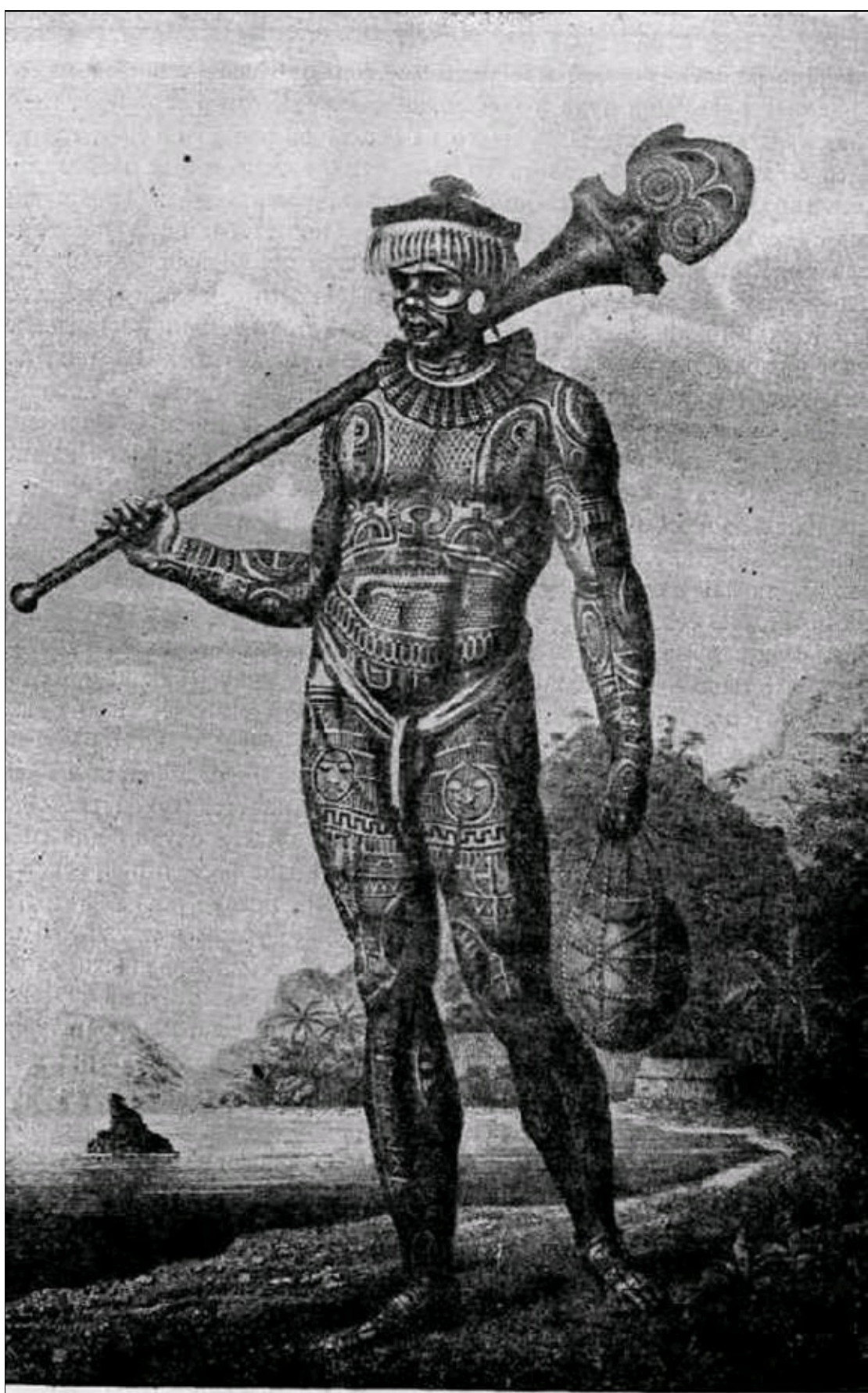
Тело покойника обыкновенно обмывается и кладётся на доску среди дома. Родственники и посторонние посещают его до выноса. Первые выражают свою печаль рыданиями, царапая при том своё тело до крови зубами какого-либо животного, острой раковиной или чем-нибудь другим, а прочие — как хотят.

После этого умерший относится на кладбище, ставится на возвышенной площадке и там истлевает. В военное время тела и кости умерших зарываются в землю, чтобы они не попались в руки неприятелю, ибо не может быть обиднее жителю Маркизских островов, как видеть голову своего родственника привязанной к ногам соперника. Робертс уверял меня, что после смерти жреца приносятся в жертву три человека. Двое из них вешаются на кладбище, и кости их, когда они спадут на землю, превращают в пепел, а третьего разрывают на части и съедают. Голова же его обыкновенно надевается на истукана. На такое жертвоприношение определяются, однако же, не свои люди, но украденные у соседей, которые, узнав о том, ведут войну с похитителями от 6 до 18 месяцев. Впрочем, продолжение её зависит от наследника умершего, который по кончине своего родственника удаляется в неприкосновенное место (т. е. на которое наложено табу). Пока он не оставит своего убежища, смертоубийство между двумя народами не прекращается. Во время пребывания наследника в этом самовольном заключении, ему оказывают всяческое внимание и не отказывают ни в чём, хотя бы он потребовал человеческого мяса ^[94]. По окончании столь нелепой и несправедливой войны, следуют пиршества и всякого рода забавы и увеселения.

Украшение и утварь жителей Вашингтоновых островов. (Атлас карт и рисунков к сочинению Лисянского).

1 — Ожерелье из зубов. 2 — Шейные украшения из костей, свиных клыков и раковин. 3 — Простой веер. 4 — Деревянная чашка.

Татуированный нуагивец (Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна).

Хотя прежние путешественники и заключали, что здешние женщины не имеют ни к кому супружеской обязанности, однако же, заключение это неверно. Супружество на этих островах соблюдается так же, как и в Европе, а если и есть какая-либо разница, то разве в самых маловажных обстоятельствах. Хотя здесь, как уже упомянуто выше, нет никакой законной

расправы и суда, однако же, обычай утвердил некоторые правила, служащие для обуздания виновных. Например, если муж узнает о неверности своей жены, то он всячески старается достать жену своего соперника и воздать ему равное за равное. При совершении браков (Всё сказанное мной здесь и Маркизских островах относится также и к Вашингтоновым.) наблюдают следующий обряд. Молодой человек, полюбив девицу, старается познакомиться с ней наедине или идёт прямо к её отцу и объявляет ему о своём намерении. Когда предложение его принято невестой и родными, то он с того же дня живёт с ней в самом тесном согласии. Если через некоторое время они друг другу понравятся, то дело оканчивается тем, что молодые переезжают в свой дом. Женщины богатых семей имеют обыкновенно по два мужа. Один из них может быть назван господином, а другой домашним прислужником. В отсутствии же первого он заступает его место. Он обязан следовать за женой везде, где настоящему её мужу не случится быть. Такие помощники выбираются иногда после брака, а гораздо чаще бывает, что в одно и то же время сватаются двое, с тем, что один из них заступит первое, а другой второе место. Последние обыкновенно бывают люди необеспеченные, но с хорошими качествами и достоинствами. Островитяне считают вполне допустимым, если жена родит и на другой день после свадьбы, и ребёнок признаётся законным. Брачные разводы совершаются здесь с такою же лёгкостью, как и свадьбы. Если между мужем и женой возникает несогласие или они друг другу не полюбятся, то расходятся без всяких околичностей. Муж берёт себе другую жену, а жена вступает в новый брак. Хотя принятым обычаем запрещается родственникам вступать в супружество ближе второго колена, однако же, бывают случаи, что отец живёт со своей дочерью, а брат с сестрой. Впрочем, такие связи считаются пороком. Нам рассказывали, что за несколько лет перед этим один нукагивец сделался любовником своей матери, но островитяне уверяли при том, что такого примера прежде никогда не было. Из этого можно заключить, что права матери почитаются здесь священными.

Татуированный нукагивец (Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна.)

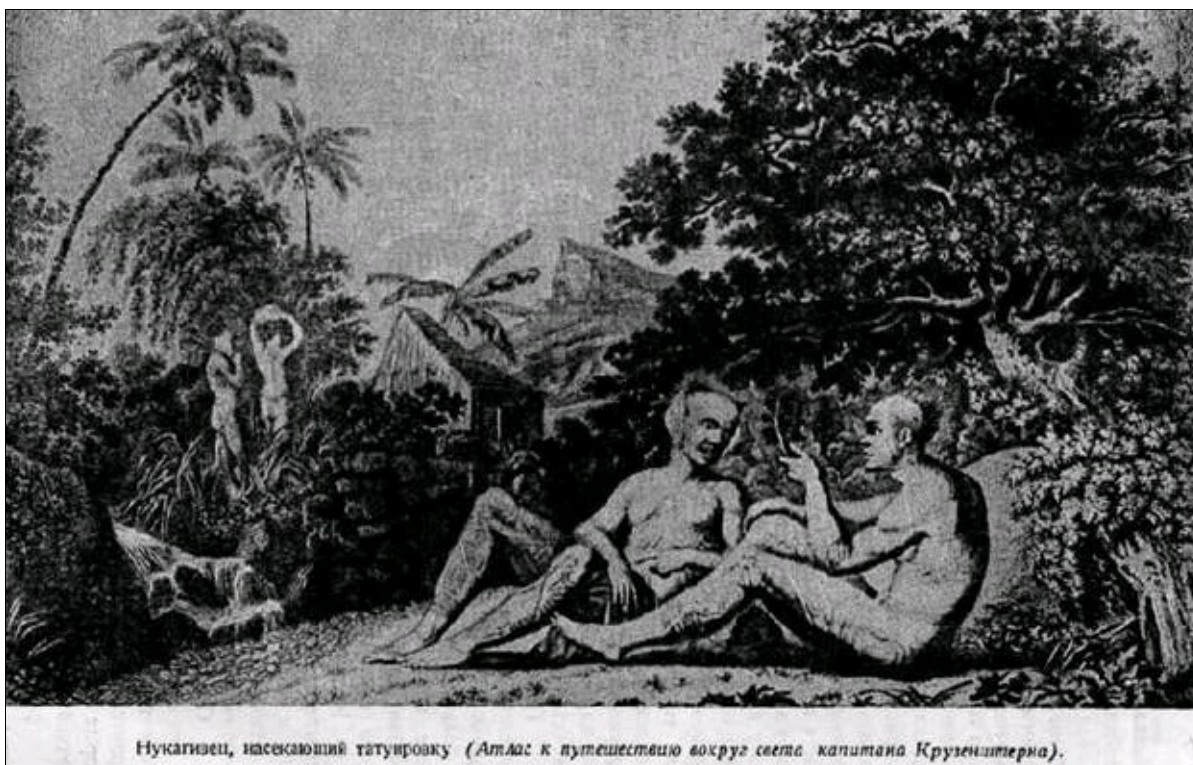
При рождении детей маркизцы соблюдают только один обряд, состоящий в отрезании пупа у новорождённого. До того времени, пока этот обряд еще не совершён, никто не может ни входить в дом, где родился младенец, ни выходить из него. Такое запрещение называется здесь табу [\[95\]](#). Их бывает, сколько я мог заметить, два. Одно духовное, а другое королевское. Первое налагается жрецами, а последнее королём. Хотя нарушители табу наказываются примерным образом, однако же, это нарушение, особенно людьми сильными, делается нередко. Каждый из здешних жителей пользуется имуществом, доставшимся или по наследству или благоприобретённым. У богатых насаждения, дома, лодки и прочая собственность содержится в довольно хорошем порядке, у людей бедных господствует скудность и даже совершенная

нищета. Дома нукагивцев представляют род беседки, сделанной из тонких шестов. Из них задние и боковые ставятся обыкновенно стоймя, а передние кладутся изредка и притом так, что их, в случае надобности, можно вынимать. Крыша делается из листьев хлебного дерева и издали походит на нашу соломенную. Во всём доме больше одного помещения не бывает, оно без окон и с широкой дверью посередине. В одном только королевском доме видел я перегородку с дверью, которая была столь низка, что сквозь неё можно было пролезть не иначе, как на коленях, да и то с большим трудом. Лучшие строения стоят на довольно возвышенных площадках из камня, который хотя не обтёсан, но хорошо подобран. Внутренность дома, лучше сказать, пол, разделяется на две части бревном. Из них ближайшая к стене устилается сухой травой, а потом рогожами, на которых спят, передняя же часть служит для сидения. Чистота и опрятность нукагивских жилищ мне весьма понравились. Под крышей и по стенам обыкновенно вешается разная посуда и другие вещи, выдолбленные из дерева, а также военные уборы и оружие. В некоторых домах я видел множество зрелых кокосов, живописно развешанных по стенам. Кроме этих жилищ, каждый зажиточный островитянин имеет ещё особое строение такого же почти рода, которое служит вместо столовой, а особенно в праздничное время. На него налагается табу для женщин, которые не только не могут туда входить, но даже проходить той дорогой, на которой перед постройкой лежал камень для фундамента. К этому надо добавить ещё магазин для запасов и небольшой огород, в котором растут деревья, из которых делают островитяне употребляемую ими ткань. Эти магазины или погреба не что иное, как кругловатые ямы, уложенные булыжником. Стены и пол обмазаны глиной и покрыты ветвями и листьями. В них хранятся продукты, состоящие, большей частью, из разных кореньев, и плоды хлебного дерева. Припасы кладутся на упомянутые листья, потом засыпаются глиной с песком, а напоследок землёй. Этот способ, по уверению жителей, наилучший для сбережения плодов и кореньев. Особых кухонь видеть мне нигде не случилось, а каждый готовит свою пищу на открытом воздухе перед домом. Плоды хлебного дерева и коренья пекут, обернув их листьями. Свинину же готовят иным образом. Сперва вырывают яму и, положив в неё дров, кладут на них булыжник и дают ему раскалиться. Потом булыжник очищается от пепла, который вынимают из ямы, устилают яму листьями и, наконец, кладут совершенно очищенную целую свинью (которых здесь всегда давят, а не колют). Сверху покрывают её листьями, потом булыжником, засыпав его землёй. Животное остаётся в яме до тех пор, пока совсем не изжарится. Так как этих животных на Нука-Гиве не очень много, то нередко случается, что зажаренная свинья принадлежит многим семействам. В таком случае она делится на части по изготовлению и раздаётся хозяевам; Если мясистые части не дожарились, тогда готовится другая печь, подобная первой, и сыроватые куски жарят вторично.

Все мои старания получить точные сведения о числе жителей Нука-Гивы были тщетны. По уверению же Робертса и судя по тому, что довелось видеть самим, можно полагать, что их на одном только южном берегу до 4 000 человек.

Здесь жители весьма статны и красивы, а особенно мужчины, которые ростом и чертами лица не уступят никакому европейскому народу. Цвет тела их темноватый, волосы чёрные и прямые. Богатые или знатные нукагивцы имеют довольно светлый цвет кожи, так, что если бы они с самого детства одевались по нашему обычаю, не испещряли (Вышеупомянутое испещрение здесь называется «тэту»). Оно делается наколкой на коже и никогда не сходит. Для этого употребляется небольшая кость с несколькими острыми зубцами, вправленная в тонкую бамбуковую палочку.) бы своего тела разными узорами и не намазывали его кокосовым маслом, то по цвету кожи не уступали бы южным европейцам. Татуировка здесь в таком употреблении, что редко можно видеть человека, тело которого и голова не были бы испещрены фигурами. У многих, как, например, у короля и его родственников, нет на теле ни одного места, которое было

бы оставлено в природном его виде. Этот обычай сперва показался мне странным, но напоследок телесная пестрота островитян казалась мне весьма красивой. Женщины, однако же, не испещряют своего тела. Они имеют только некоторые черты на руках, губах и на ушах около отверстий, в которые продеваются серьги.

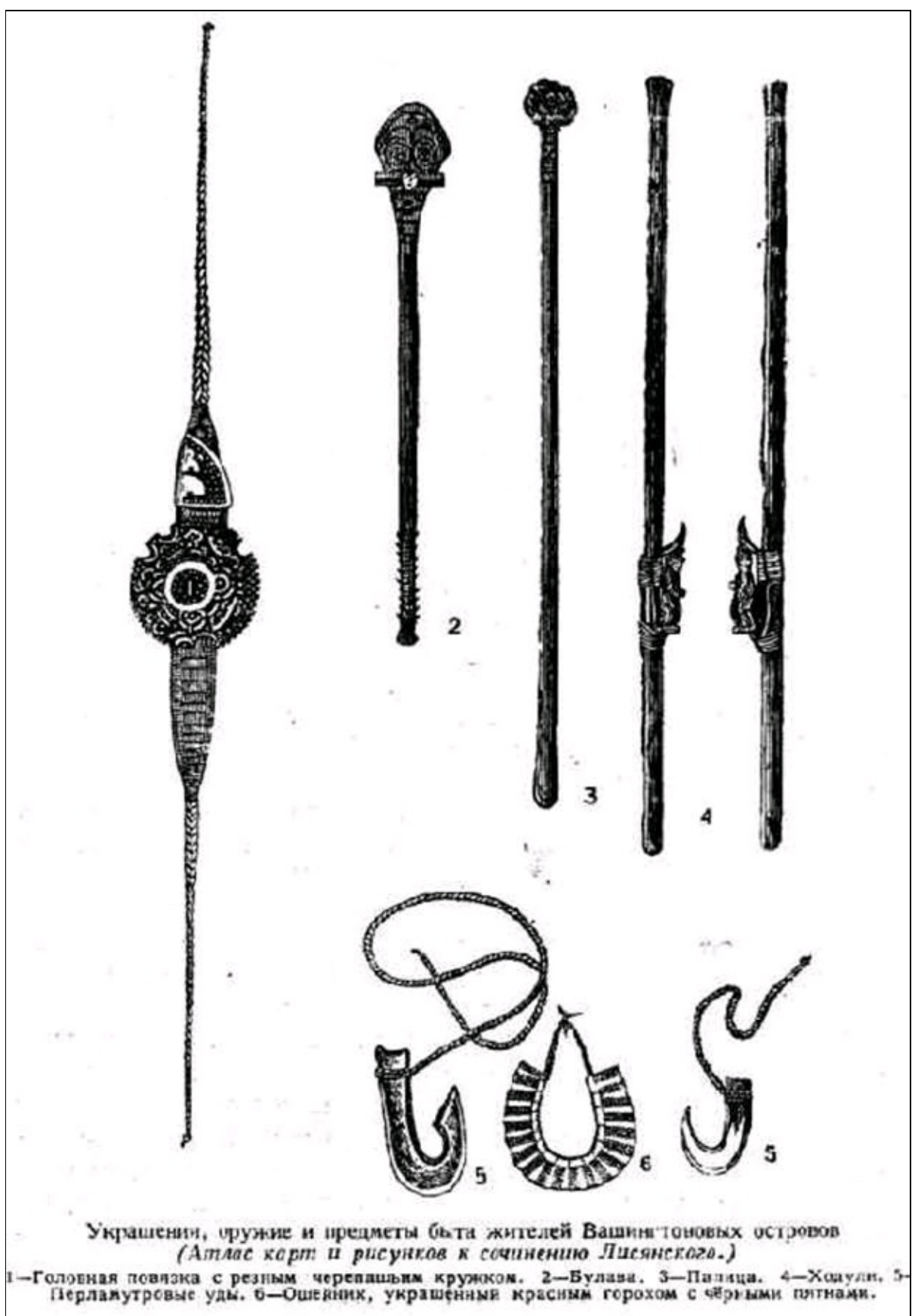
Мужчины не прикрывают своей наготы никакой одеждой. Иногда они носят что-то вроде полотенец для прикрытия тех частей тела, которые, как кажется, и сама природа желала утаить от взора других. Обрезание не в употреблении, но они вытягивают крайнюю плоть и завязывают её шнурком, концы которого висят вниз. Сперва я думал, что это делается для предохранения от укусов насекомых, но впоследствии убедился, что это не что иное, как обычай. Однажды королевский брат, взойдя к нам на корабль и приметив, что шнурок у него нечаянно спал, тотчас остановился, закрылся руками и знаками просил завязки. Это обстоятельство служит доказательством того, что маркизцу быть без такого убранства столь же стыдно и непристойно, как европейцу без нижнего платья. Маркизские женщины обыкновенно покрывают своё тело тканью, сделанной из коры таким образом, что одним концом обёртывают себя вместо юбки, а другой накидывают через левое плечо, оставляя правую или обе груди обнажёнными. Это называется у них полным нарядом, а запросто ходят совсем нагие, закрыв только бёдра небольшим лоскутом ткани. Иные из мужчин стригут волосы вокруг всей головы, оставляя их только на темени. Другие выбривают всю верхнюю часть головы, кроме только двух клочков по сторонам, которые завязывают в пучки, так что они кажутся рогами. Иные же обнажают одну сторону вдоль головы, а на другой оставляют длинные волосы. Некоторые из них красят своё тело желтоватым цветом, другие намазывают его кокосовым маслом. Все вообще носят в ушах, вместо серёг, раковины или тоненькие кусочки дерева. Шею украшают ожерельем из свиных клыков, раковин, касаткиных зубов или просто из дерева, усаженного красными горошинами. Женщины, когда бывают в полном наряде, также намазываются кокосовым маслом, смешанным с жёлтой краской. Волосы имеют длинные и в задней части головы связывают их в пучок.

Пища, употребляемая островитянами, состоит из рыбы, кокосов, бананов, плодов хлебного дерева и корня, называемого тарро ^[96]. Жители привозили к нам и сахарный тростник, но, кажется, он растёт у них не в большом изобилии. Мужчины и женщины едят вместе, кроме тех

случаев, когда обед бывает в вышеупомянутых столовых. Свиной также немного, и потому они употребляются в пищу только во время какого-либо праздника.

Недавно жители этой губы терпели такой сильный голод, что многие из них принуждены были рассеяться по горам, оставив жён и детей, и питаться всем тем, что только могли сыскать. По словам Робертса, в одной этой губе умерло около 400 человек, или около четвертой части всех её обитателей.

Судя по доброте и кротости нравов местных жителей, нельзя даже и подозревать, чтобы они были людоедами. Однако же, по уверению Робертса, они в самом деле употребляют в пищу взятых ими в плен неприятелей. Мы получили от них несколько человеческих черепов, из которых иные были проломаны камнями. Эти трофеи зверской и бесчеловечной их победы мы выменивали на ножи.

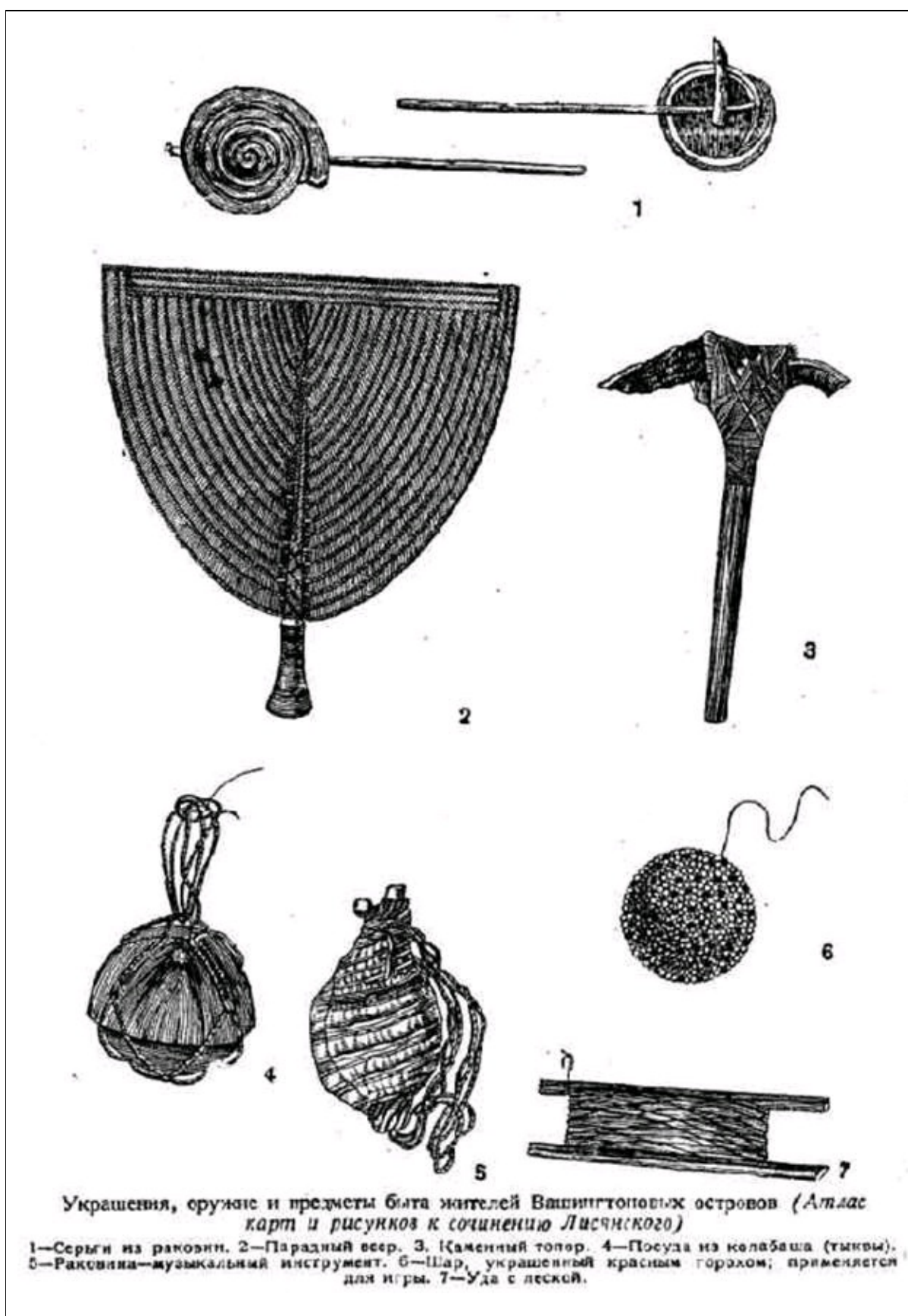
Маркизцы ведут войну на море и на суше. Их оружие состоит из булавы, копья и узкого весла с круглой ручкой, которое употребляется вместо сабли. Всё это оружие делается из весьма твёрдого дерева.

Булава имеет в длину около $4 \frac{3}{4}$ фута [1,5 м]. Один её конец бывает кругловатый, а другой — широкий и плоский. На нём обыкновенно вырезаются разные украшения. Весло длиной в 6 футов [1,8 м], а копье от 11 до 13 футов [от 3,4 до 4 м]. Сверх того, употребляют они пращи,

которыми весьма далеко и метко кидают камни. Хотя этот народ, по указанию Робертса, и храбр, однако же, нападает на неприятеля не явно, всегда украдкой и чрезвычайно боится огнестрельного оружия. Такой страх вселил в них американский корабль, выстрелом с которого был убит королевский старший брат. В то время, как он плавал около этого корабля, кто-то из островитян бросил хлебный плод и попал в капитана корабля. Часовой, без всякого приказания, выстрелил из ружья и, вместо виновного, убил невинного королевского брата. Этот случай так сильно подействовал на всех островитян вообще, что даже вид ружья приводит их в содрогание.

Каждый здешний житель чистосердечно верит, что душа деда переселяется в его внука. Если бесплодная женщина ляжет под мёртвое тело своего деда, то непременно сделается беременной. Верят в существование нечистых духов, которые будто бы иногда, приходя к ним, свистят и страшным голосом просят пить кавы (Кава [какао — прим. ред.], или ава, напиток уже довольно известный из описаний прежних мореплавателей.) и есть свинины. Никто из жителей не сомневается, что если эти требуемые нечистым духом вещи поставить посреди дома и чем-нибудь накрыть, то, конечно, через некоторое время они совершенно исчезнут.

Военных маркизских лодок видеть мне не случилось; обыкновенные же их лодки продолговатые и узкие. Дно их выдалбливается из цельного дерева, к которому потом нашиваются бока. Нос прямой, как у галеры. По нему весьма удобно выходить на берег. На корме горбылём выводится довольно длинное дерево, в конец которого проходит шкот [\[97\]](#) треугольного паруса из тонкой рогожи. Чтобы лодка во время плавания не опрокидывалась, между носом и кормой кладётся поперёк два длинных шеста, на концы которых привязывается перевес, или коромысло, состоящее из довольно толстого бревна, которое при наклоне лодки на сторону, упираясь в воду, препятствует ей опрокинуться.

Природа острова Нука-Гива изобильна. Он горист, окружён водопадами, которые не только имеют с моря прекрасный вид, но и снабжают жителей отменно хорошей водой. Климат здоровый и весьма способствует долголетию островитян. Робертс уверял меня, что многие здешние обитатели доживают до ста лет. Я сам видел королевскую мать, которая, хотя имела уже восемьдесят лет от роду, однако же, не чувствовала никаких припадков, сопряжённых со старостью. Море, окружающее берега острова, изобилует рыбой, но жители, как кажется, небольшие охотники до рыбной ловли, ибо она требует трудов, а иногда и сопряжена с опасностями. Плодоносных деревьев и кореньев, употребляемых в пищу, растёт там множество.

Туму-мей, или хлебное дерево [99]. Свои ветви оно распространяет весьма широко, листья похожи на фиговые, но гораздо больше и темноватого цвета. Плод имеет овальный вид, к концам несколько сжатый, светлозелёного цвета, но когда будет сорван, то по прошествии двух или трёх дней темнеет. Поперечник длины спелого плода от 5 1/2 до 6 1/2 дюймов [от 14 до 16 см], а ширина от 4 до 5 дюймов [от 10 до 12 см]. Это весьма полезное для здешних жителей дерево приносит плоды три раза в год. Первый, самый лучший, бывает около января и называется мейнуе; второй — около сентября, а третий — около половины июня; последний именуется коуме. Из коры этого дерева делается толстая ткань, которую иногда желтят с помощью какого-то корня и кокосового масла.

Туму-егу. Так называется кокосовая пальма, плод которой и польза, им приносимая, известны уже всему свету.

Меика, банановое или платановое дерево [100]. Здесь их много родов. Иные из них, как мне и самому случалось видеть, имеют плоды длиной в 9 дюймов [23 см], а окружностью 7 1/2 дюймов [19 см]. Обыкновенные же плоды бывают не длиннее 6 дюймов [15 см].

Туму-иши. Род каштанового дерева; приносит плоды в мае и ноябре.

Тыману. Дерево весьма крепкое. Из него строятся военные лодки; в окружности бывает около 9 футов [3 м]. Кроме упомянутых лодок, употреблять его ни на что более не позволено.

Туму-маи, походит на ольху. Из него жители строят свои обыкновенные лодки.

Кенаи. Мягкое дерево, употребляемое по большей части для челнов и перегородок. Оно принимается весьма скоро. Стоит только отрубленную или сломанную ветвь посадить в землю, и она в самое короткое время пустит корни, как наша верба или ива.

Пуа-деа. Самое толстое из всех растущих на острове деревьев. Говорят, что иные из них имеют до 30 футов [9 м] в окружности. Рубить его запрещено. Однако же ветви срезаются для жертвоприношений. Их разводят на кладбищах для тени.

Когу. Это дерево употребляется на дрова. На нём растут чёрные ягоды, которые смешиваются с душистым корнем для окраски тела в жёлтый цвет.

Тоар. Весьма крепкое дерево. Из него делают копья, военные булавы и прочее оружие.

Фоу. Дерево средней величины. Из его коры островитяне прядут нитки, употребляемые на рыбные сети и на верёвки. Говорят, что ветви этого дерева состоят из 8 слоев, которые можно весьма удобно сдирать один за другим.

Еути. Из коры этого дерева делается белая ткань. Способ, при этом употребляемый, самый простой. Набрав довольно большое количество коры, мочат её до тех пор, пока древесные частицы отделятся от жилок, которые потом колотят вальком. Расплющиваясь, они соединяются между собой и составляют как бы лист бумаги. Наконец, расстилают эту материю по земле. Высохнув, она становится годной к употреблению.

Е-ама, или свечное дерево. Плоды его употребляются вместо свечей. Они походят на небольшие каштаны. Очистив, нанизывают их на прутик и в случае нужды зажигают.

Гиба. Большое дерево, из которого делается ткань белого цвета для поясов, употребляемых мужчинами.

Фоа. Оно служит для украшения. На нём растут шишки, подобные кедровым, но только гораздо крупнее. Разломив их и нанизав зёрна, жители носят их на шее и голове вместо

КОРЕНЬЯ

Тау. Род иньяма. Листья его походят вкусом на капустную рассаду, если хорошо приготовлены.

Карне. Длиной обыкновенно около 3 футов [1 м]. Большая часть его растёт в земле. Он созревает в 12 месяцев и готовится вместо иньяма, или вроде пудинга.

Гое. Род картофеля. Островитяне едят его только в случае неурожая других растений, ибо он вкусом горьковат и мало питателен.

Титоу. Походит на нашу репу и растёт на полях.

Тоугу. Величиной с кокосовый орех. Сваренный, походит на кисель.

Из трав на острове родится только одна, которую можно употреблять в пищу. Она походит на горчицу и называется *емаге*. Мы сами неоднократно употребляли её вместо салата, и она нам весьма понравилась.

Глава седьмая. Плавание корабля «Нева» от Вашингтоновых до Сандвичевых [Гавайских] островов

Отплытие от острова. Нука-Гивы. — Остров Овиги [Гавай]. — Меня вещей с островитянами. — Острова Мове [Мауи] и Отувай [Кауаи]. Описание Отувая.

Май 1804 г. 18 мая с самого утра ветер дул с востока-юго-востока, и были беспрестанные шквалы. Но так как мы находились тогда между островами Уа-Боа и Нука-Гива, то и не терпели от них никакого беспокойства, кроме того, что ежеминутно спускали и поднимали паруса. Около 9 часов я видел корабль «Надежда» под парусами. Он, как кажется, только что лёг в дрейф под самым берегом для подъёма гребных судов. Спустясь к нему, мы обошли юго-западную оконечность Нука-Гивы и направили путь к северу, желая открыть тот мыс, который мы видели 8-го числа, находясь по северную сторону острова. Но поскольку корабль «Надежда» пошёл на запад-юго-запад, то и я, чтобы не разлучиться с ним, принуждён был в полдень сделать то же самое, довольствуясь видом одной западной стороны Нука-Гивы и определив широту его юго-западной ок" нечности. Перед выходом из гавани мы порешили итти к западу-юго-западу на три градуса, чтобы осмотреть, нет ли в той части каких-либо островов, еще не открытых до этого времени, как это предполагает Маршанд.

19 мая дул восточный ветер, погода была ясная. В полдень, по нашим наблюдениям, мы были под 9°30 ю. ш. и 141°30 з. д., а к 8 часам вечера прошли указанные выше три градуса. Не приметив ничего даже похожего на землю, мы взяли направление к Сандвичевым островам [\[101\]](#).

Запасшись достаточным количеством плодов, я приказал всей команде выдавать по одному кокосовому ореху и по три банана в сутки на человека, а во время завтрака употреблять пивное сусло, чтобы этим заменить недостаток свежего мяса, которое с самого нашего отплытия из Бразилии случалось употреблять не более трёх раз.

20 мая. Ветры большей частью дули с востока и северо-востока так тихо, что сегодня мы были только на 6° с. ш. и 146°12 з. д. Следовательно, мы вторично перешли линию равноденствия [\[102\]](#). В это время нам попалась акула длиной около 7 футов [2 м], которую тотчас разрезали и приготовили к обеду. Нельзя сказать, чтобы её мясо было совсем противным, так как оно понравилось всем матросам и офицерам, только я один считал его хуже мяса дельфина.

С 3 июня установились северо-восточные ветры, а погода, которая в минувшие четыре дня была переменной, превратилась в постоянную и приятную, так что мы ничего больше не желали, как только скорого прибытия к Сандвичевым островам. Весьма удивительно, что, вместо юго-восточного пассата, почти всегда, дул северо-восточный ветер, исключая несколько дней, которые, однако же, можно назвать случайными. Со времени нашего перехода через экватор из опыта я узнал, что не только воздух, но и вода сделались гораздо холоднее, а потому и не видно более ни птиц, которыми наши корабли были часто окружены в подобных этим широтах, ни рыб, кроме акул.

8 июня поутру в 9 часов увидели мы на северо-западе остров Овиги [Гавай], а в полдень пеленговали восточную его оконечность.

Около 2 часов пополудни мы приблизились к берегам так, что могли удобно рассмотреть жилища, которых на оконечности находится довольно много. К нам приехали шесть лодок, в

каждой из них было от двух до трёх человек. Первый из этих островитян, взойдя на корабль, приветствовал каждого встречного, говоря ему «гау-ду-ю-ду» и хватая за руку. Он, конечно, перенял эти слова у какого-нибудь англичанина, живущего на острове. Сперва я питал себя приятной надеждой получить от них какие-либо свежие съестные припасы, но в ожидании своём совершенно обманулся. Островитяне привезли к нам немного ткани и другие маловажные безделицы. Прележав до 5 часов в дрейфе; мы наполнили паруса, чтобы на ночь, которая была пасмурной и дождливой удалиться от берега.

9 июня в 3 часа пополудни мы спустились к западу, а в исходе 11-го часа нам открылась юго-западная оконечность острова. Обойдя её, мы остановились на дрейфе против одного жилища, в ожидании ехавших к нам двух лодок. Обе они пристали к кораблю «Надежда». Первая привезла свинью весом около 2 1/2 пудов (40 кг), за которую привезший требовал сукна, но так как последнего на корабле не было, то её отвезли обратно на берег. Пробыв почти на одном месте до 4 часов пополудни и не видя никакого челна, мы опять удалились от берега на ночь.

10 июня погода стояла приятная, дул умеренный восточно-северо-восточный ветер, который потом повернул к северу и так стих, что подойти к берегу было никак невозможно. В полдень, имея южную оконечность острова на северо-востоке, мы делали наблюдения на 18°58 с. ш.

Сегодня Крузенштерн распрощался со мной, твёрдо решась в следующую ночь отправиться на Камчатку. Я было уговаривал его промедлить здесь ещё дня три, для снабжения свежей провизией, в которой он имел такой недостаток, что даже офицеры более двух месяцев питались одной только солониной. Но рвение этого человека и желание исполнить своё предприятие самым лучшим образом были непоколебимы. На мои представления он отвечал мне, что все матросы корабля «Надежда», по освидетельствованию врача, были совершенно здоровы.

В 8 часов вечера подул восточный ветер. Мы легли в дрейф, а корабль «Надежда» направил свой путь к юго-западу.

11 июня на рассвете ветер повернул к западу. С его помощью мы подошли к губе Карекекуа с намерением в неё войти, ибо по трёхдневному опыту мы узнали, что у берегов снабдить себя свежими продуктами невозможно. В это время юго-западный мыс острова Овиги находился от нас на западе-юго-западе, а северо-западный на северо-востоке. Около 8 часов приехала к нам лодка с англичанином Люисом Джонсоном из местечка, называемого Оери-Руа, лежащего неподалеку от юго-западной оконечности. На лодке был также мальчик Джордж Керник, природный сандвичский житель, который путешествовал с капитаном Пюжетом и жил в Англии семь лет. На мой вопрос, в каком положении находится ныне остров Овиги и можно ли на нём получить без затруднения и опасности потребные для нас припасы, Джонсон ответил мне, что здешний король, решаясь вести войну против острова Отувая [Кауаи], живёт теперь со всеми своими старшинами на острове Вагу [Оау], и что, хотя мы в Карекекуи не найдём никого, кроме простого народа, однако же будем приняты со всевозможной учтивостью. Он присовокупил, что в отсутствие короля главное управление имеет англичанин Юнг, который, хотя и живёт в нескольких милях от губы, однако, узнав о нашем прибытии, не замедлит к нам явиться. Несмотря на это уверение, я дал приказание, чтобы корабль был готов на всякий случай. За упомянутой лодкой явились ещё три, из которых на одной привезено было два поросёнка. Их нам уступили за 9 аршин [6 м] толстого холста. Я купил также несколько тканей за кусок пёстрого тика. Направляясь к северу, мы подошли к самому берегу и поворотили на другую сторону, так как ветер повернул тогда к северо-западу.

Хотя ветер и позволял нам направлять свой путь на северо-северо-запад, однако же без помощи течения, которое, как уверяют, здесь, у самых берегов направлено почти всегда к северу, было бы невозможно обойти южный мыс. Находясь в одной миле [1,8 км] от берега, я послал ялик и катер на буксир, а между тем старался пользоваться морским течением. В пять часов,

обойдя южный мыс губы, я положил якорь на 17 саженях [31 м], где грунт был песок с ракушкой. Так как время уже начало склоняться к вечеру, то мы тотчас офертоенились [\[103\]](#). При входе первая глубина была 40 сажен [73 м], вторая — около 36 [65 м], а третья — около 28 сажен [51 м], грунт — коралл с битыми ракушками; потом 22 и 17 сажен [40 и 31 м], а грунт — песок с ракушкой. Подходя к губе, я боялся, чтобы к кораблю не подъехало множество лодок, которые могли бы помешать нам в работе. Однако мы не видали ни одной по случаю табу, во время которого ни один человек не может быть на воде. После захода солнца, когда запрещённое время кончилось, к нам приплыли около ста женщин. Но так как я приказал ни одной из них не входить на корабль, то они и отправились обратно на берег, негодуя на свою неудачу.

12 июня. Вместе с рассветом явились к нам лодки с разными припасами. Сперва мы купили все съестные припасы, сколько их ни было, а потом брали ткань и другие редкости. Узнав, что Юнг запретил продавать европейцам свиней без его ведома, я тотчас послал Джонсона к начальнику сказать, что если он не пришлёт мне свежего мяса, то корабль «Нева» в тот же самый вечер уйдёт в море. Такое объявление немедленно подействовало. Сам старшина приехал к нам с двумя свиньями и с большим количеством кореньев. Мы приняли его весьма ласково и дали ему три бутылки рому, два топора и шляхту, [\[104\]](#). Изъявив нам своё удовольствие, он обещался и впредь снабжать нас припасами. Между тем, покупка редкостей продолжалась весьма успешно, и не только офицеры, но даже и матросы накупили множество разных вещей. Хотя островитяне охотно меняли свои товары на ножи и небольшие зеркала, но всего важнее для них были наша набойка и полосатый тик, так что за кусок той или другой материи, длиной в 4 аршина [около 3 м], что называется по-здешнему пау, можно было достать аршин 20 [метров 14] лучшей ткани островитян. Даже и простой холст имел высокую цену. Напротив того, на железные обручи, которыми мы запаслись слишком много, никто и смотреть не хотел. Старшину я пригласил к обеду. Он ни от чего не отказывался, даже от водки и вина, а употреблял всё, что подавалось на стол, с большим аппетитом и, наконец, сделался довольно хмелен. Вечером опять многочисленное венерино войско окружило корабль, но я велел переводчику уведомить его, что никогда и ни одной женщины на корабль не будет пущено, и просил старшину приказать всем лодкам удалиться, так как солнце было уже на закате, после которого я не позволял оставаться ни одному островитянину. Эту мою просьбу он тотчас выполнил, так что при спуске флага мы остались одни. Призваться, что после чрезвычайного шума, продолжавшегося весь день, такая перемена была всякому из нас приятной. Невзирая на запрещение Юнга, мы сегодня купили двух больших свиней, столько же поросят, две козы и десять кур, также бочку сладкого картофеля, несколько кокосов, тарро и сахарного тростника.

13 июня около 8 часов утра наш корабль был опять окружён лодками, а к полдню приехал и старшина с четырьмя большими свиньями, из которых одну он подарил, а за остальные взял полторы полосы железа. Я давал ему за них другие вещи, но он уверял меня, что свиньи принадлежат королю, который приказал отдать их только за полосовое железо. Кроме этого, мы купили поутру около дюжины кур и двенадцать небольших свиней.

После обеда я объявил старшине о моём желании быть на берегу, почему он и отправился туда вперёд. Под вечер поехали и мы, вооружив 12 гребцов. Бурун у деревни Карекекуи был довольно велик, и потому мы были принуждены пристать у Вайну-Нагала, где старшина встретил меня и сказал, что он на всех жителей наложил табу. В самом деле, ни один человек не следовал за нами, а каждый сидел у своего дома. Миновав несколько бедных хижин, мы вошли в кокосовую аллею, где на деревьях старшина показал нам многие скважины, пробитые пушечными ядрами после убийства капитана Кука [\[105\]](#), и уверял, что при этом англичане убили

много народа. Из аллеи мы продолжали путь по берегу одни, ибо старшина извинился, что он не может идти с нами, потому что на этой дороге стоит храм, мимо которого им запрещено проходить. В селении Карекекуи первое строение, обратившее наше внимание, был огромный амбар или сарай, в котором король хранил до войны шхуну, построенную капитаном Ванкувером. После этого мы вошли в другой, где строилась двойная лодка старшины, который в этом месте опять соединился с нами и повёл нас к себе. Отдохнув несколько в его жилище, мы пошли смотреть королевский дворец. Это строение, кроме своей обширности, ничем не отличается от прочих. Оно состоит из шести домов, или, лучше сказать, хижин, построенных у пруда. Тут нет ничего искусственного, но всё оставлено в природном виде. Первая хижина, в которую мы вошли, называется королевской столовой. Во второй король угощает знатнейших своих подданных и приезжающих европейцев. Третья и четвёртая назначены для его жён, а пятая и шестая служат кухней. Все они составлены одинаковым образом из шестов, обнесены и покрыты древесными листьями. В некоторых из них прорезано по два небольших окна в углу, а у других только двери, шириной в 2 1/2 фута [0,75 м] или 3 фута [1 м]. Каждый дом стоит на возвышенной каменной площадке и обнесён невысоким палисадом. Не могу сказать, в каком порядке содержится этот дворец во время королевского в нём пребывания, но при нашем осмотре, кроме отвратительной неопрятности и нечистоты, мы ничего не видели. Старшина, войдя в первую хижину, тотчас снял с себя шляпу, башмаки и кафтан, подаренный ему вашими офицерами, уверяя меня, что никто из островитян не может входить в палаты овитского [гавайского] владетеля, имея на себе верхнюю одежду, а должен остаться только в одной повязке (маро), которой из благопристойности они прикрывают тайные части тела.

Из дворца повёл он нас в королевскую божницу. Она обнесена палисадом; перед входом стоит истукан, представляющий божество, которому поклоняются островитяне. Внутри палисада, по левую сторону, находится, также у входа, шесть больших идолов, а далее небольшой домик, во внутренность которого, по словам нашего проводника, нам было запрещено войти. Однако же и снаружи можно было видеть, что в нём ничего нет.

Перед указанным палисадом есть другое огороженное место, в котором также поставлено несколько идолов. Не зная языка этих островитян, я не мог получить никаких сведений об их вере и духовных обрядах, и потому поневоле принуждён был оставить неудовлетворённым своё любопытство по этому предмету. Сопровождавший нас старшина, не будучи знатным местным вельможей, не мог близко подходить к главному храму. Однако же мы и без него продолжали свой путь к нему. Этот храм построен на возвышенности и обнесён сделанным из жердей палисадом, длиною около 50, а шириною около 30 шагов. Он имеет четырёхугольный вид. На стороне, прилежащей к горе, поставлены 15 идолов, перед которыми сооружён жертвенник из необделанных шестов, весьма похожий на рыбную сушильню. Здесь-то жители приносят свои жертвы. Во время нашего осмотра мы нашли тут множество разбросанных кокосов, бананов и небольшого жареного поросёнка, который, повидимому, был принесён ещё недавно. По правую сторону от жертвенника стояли две небольшие статуи, а несколько далее небольшой жертвенник для трёх идолов, против которых на другой стороне находилось такое же число истуканов. Один из них, кажется, от ветхости, подперт шестом. Близ моря стоял небольшой и уже почти развалившийся домик.

Пока мы всё это рассматривали, подошёл к нам главный жрец. Через переводчика я его спрашивал о многом, но он мало удовлетворил моё любопытство. Я только мог узнать от него, что 15 статуй, обёрнутых тканью по пояс, представляют божества войны. Идолы, стоящие по правую сторону жертвенника, изображают божества весны или начала растений, а находящиеся напротив них истуканы — божества осени, заботящиеся о зрелости плодов. Упомянутый нами выше небольшой жертвенник посвящён божеству радости, перед которым жители веселятся и

поют в урочное время. Должно признаться, что храмы сандвичан, кроме сожаления о слепоте и невежестве последних, не могут возбудить в путешественнике другого чувства. В них нет ни чистоты, ни приличного таким местам украшения, и если бы не было в них истуканов, которые впрочем выдолблены самым грубым образом, то каждый европеец счёл бы их за изгороди для скота. При выходе из этих мест мы перелезли через низкую каменную ограду, а жрец прополз в ворота, или, лучше сказать, в лазейку, уверяя меня, что если бы он осмелился последовать нашему примеру, то по их уставу непременно лишился бы жизни. Этих нелепых, на одном лишь невежестве основанных правил, здесь великое множество, и потому чужестранец, по своему неведению, может иногда подвергнуться наказанию, хотя не столь жестокому, какому предаётся природный житель этой страны.

От вышеупомянутого храма мы отправились к своим шлюпкам другой дорогой, но она была усеяна таким множеством камней, что, перескакивая с одного на другой, мы едва не переломали себе ног. Проходя мимо хижин, которых попадалось нам множество, мы заметили только три или четыре так называемых хлебных дерева, да и то в самом плохом состоянии. Напротив того, растение, которым здесь окрашивают ткань в красную краску, растёт в довольно большом количестве. О домах жителей вообще можно сказать, что в них повсюду видна нечистота и неопрятность. Собаки, свиньи и куры — неразлучные товарищи островитян. Они вместе с ними сидят, едят и прочее.

Около 6 часов оставили мы берег, и тогда высыпало на нас смотреть до тысячи островитян, которые по приказу старшины все находились у своих домов. Прибыв на корабль, я узнал, что в наше отсутствие куплено несколько провизии.

14 июня с самого утра началась опять мена товаров и продолжалась весьма выгодно до приезда к нам старшины. С этой минуты съестные припасы начали вдруг дорожать. Подозревая в этом одного островитянина, который находился у нас на корабле, я велел его удалить, после чего торг пошёл попрежнему. Сегодня старшина привёз с собой две больших свиньи и продал нам за два платя, которые приготовлены были для подарков. Сверх этого, мы выменяли 12 поросят и несколько кур, но они обошлись нам довольно дорого. На самом рассвете разнёсся слух, что в губу Тувай-Гай [Кавайае] прибыл большой корабль, а потому Юнг приехать к нам не может. Слух этот счёл я, однако же, за выдумку, которой жители хотели нас напугать и надеялись продать нам свои вещи дороже обыкновенной цены.

15 июня торг продолжался попрежнему, но только всё стало дороже, кроме птицы, а после завтрака приехал и Юнг. Он весьма жалел, что до вчерашнего дня он ничего не слышал о нашем прибытии. Полагая, что это произошло от бездействия старшины, я сегодня не позвал его к обеду. Он тотчас почувствовал это и обещался впредь не только помогать нам в покупке припасов, но даже привезти самую большую свинью в подарок, чтобы только загладить прежний свой поступок. Юнг привёз с собою шесть свиней, из которых две подарил мне, а за прочие просил полтора куска тонкой парусины, уверяя, что они принадлежат королю. Но так как мне не хотелось дать ему более одного куска, то я и не мог их купить.

После обеда я с офицерами и Юнгом отправился в Тавароа, желая видеть место, в котором Европа лишилась славнейшего мореплавателя, капитана Кука. При самом выходе из катера, представился нам камень, на котором пал этот бессмертный человек, а вскоре потом мы увидели и ту гору, где, как говорят жители, сожгли его тело. На утёсах её находится множество пещер, в которых хранятся кости умерших, и также то место, где с древних времён кладутся скелеты здешних владетелей. Последний король Тайребу погребён тут же.

В Тавароа находится девять небольших храмов, или, лучше сказать, оград, наполненных идолами. Приставленный к ним жрец уехал в это время на рыбную ловлю, поэтому войти в их внутренность нам было запрещено. Впрочем, между этими храмами и карекекуйскими нет

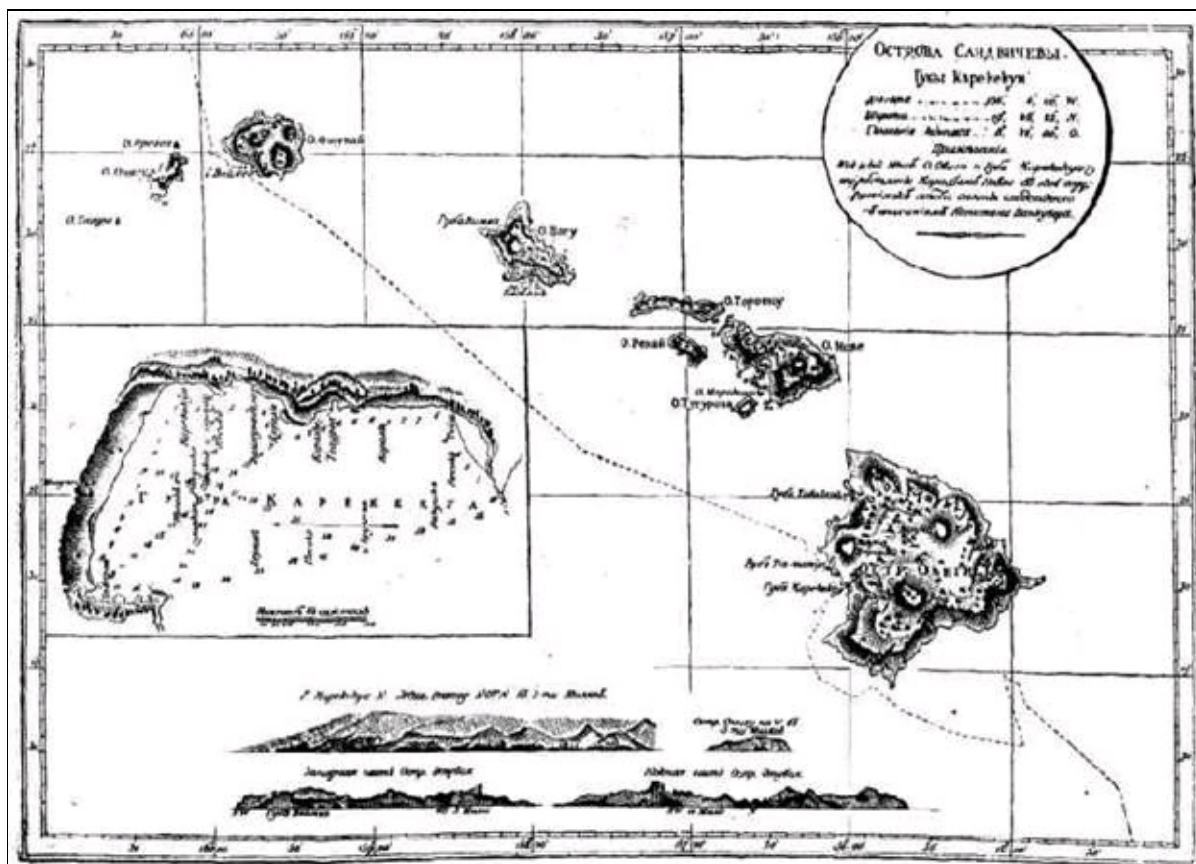
никакой разницы. Они только гораздо меньше последних. Каждый из них посвящен особому божеству и принадлежит кому-нибудь из здешних старшин. Потом были мы у сестры главного старшины этих мест, который находится в войске при короле. Она, кажется, имела уже более 90 лет. Лишь только Юнг сказал, что приехал начальник корабля, то она, взяв меня за руку, хотела было её поцеловать, говоря, что лишилась зрения и не может видеть, каков я. Мы застали её сидящей под деревом и окружённую народом, который, казалось, более насмехался над её старостью, нежели оказывал уважение. Она говорила много о своей приверженности к европейцам, а потом пригласила нас в свой дом, который, кроме величины, ничем от всех прочих хижин не отличался. Обойдя все жилища, мы не нашли на взморье и до гор никакой травы. Всё пространство было покрыто лавой, обломками которой даже обнесены и дома, вместо каменного палисада.

Возвратясь на корабль, мы нашли на нём двух американцев из Соединённых Штатов. Один из них в прошедшем году был на северозападном берегу Америки и уведомил меня о разорении местными жителями нашего селения, находящегося в заливе Ситкинском, или Ситке. Известие это я счёл тем более вероятным, что еще перед нашим отправлением из Кронштадта в гамбургских газетах упоминалось нечто подобное.

На следующий день поутру приехал ко мне Юнг и отдал привезённых им вчера четырёх свиней за один тюк парусины. За такую же цену я купил ещё четырёх у старшины. Итак, к полудню мы уже были снабжены всеми нужными припасами. После обеда мы начали сниматься с фертоеня, а около 9 часов, при береговом ветре (В жарких климатах береговой ветер всегда дует ночью, или когда солнце находится под горизонтом, а морской — днём [\[106\]](#).), который здесь никогда не переменяется, вступили под паруса. К нашему сожалению, оба каната были несколько потёрты, а особенно плехтовый [\[107\]](#), хотя якоря были брошены на песчаном грунте. Поэтому можно заключить, что под ним находится коралл. Если бы мне случилось остановиться здесь вторично, то я подвинулся бы около кабельтова ближе к горе, где по лоту оказался чистый вязкий песок. Едва мы сошли с места, то обзветрили совершенно и принуждены были буксироваться из губы. Юнг расстался с нами у выхода из губы, а Джонсон уехал уже поутру. Я их обоих одарил всем, для них полезным и нужным, и также послал подарок молодому старшине, у которого живёт Джонсон, так как он сам сперва прислал нам подарки и хотел приехать на корабль, но был удержан смертью своей жены.

17 июня. На рассвете 17-го числа мы были в 6 милях [11 км] от места, где наш корабль стоял на якоре. В полдень, по наблюдениям, мы находились под 19°34 49" с. ш. В 6 часов при начавшемся небольшом ветре мы продолжали свой путь. Против западной оконечности острова Овиги показался остров Мове [Мауи]. За северным мысом губы Карекекуи, сколько я мог заметить, морское течение направлено к северо-западу, а еще раньше устремляется на самый мыс, и потому надлежит весьма остерегаться этого места, чтобы в случае внезапной тишины не сесть на мель.

18 июня. В 3 часа пополудни ветер начал дуть с северо-востока, а к 7 часам так усилился, что корабль шёл по 9 миль [16 км] в час. Это обрадовало нас немало, ибо бороться с тишиной и маловетрием весьма неприятно, а особенно находясь вблизи берегов, где ввиду чрезвычайной глубины остановиться на якоре нельзя. Отправляясь от острова Овиги, я был сперва намерен побывать на острове Вагу, где в это время находился овигский король со всем своим флотом и войском, и посмотреть на военные приготовления гавайцев. Хотя для столь немаловажного и весьма любопытного обстоятельства можно было бы пожертвовать несколькими днями, но, узнав, что там открылась зараза, я решился итти прямо к острову Отуваю. В полдень, по нашим наблюдениям, мы находились под 20°20 с. ш. и 157°42 з. д. (по хронометрам No№ 136 и 50).

19 июня в 5 часов мы увидели на северо-западе остров Отувай, а около 8 часов прошли его южную оконечность и легли вдоль берега. Близ губы Веймеа [Уаимеа] подошли к нам четыре лодки, из которых на одной было пять человек, а на прочих по одному. Они привезли с собой только копья, которые и были раскуплены нашими офицерами. На мою долю досталось опахало из хвостов тропических птиц, за которое я дал ножик. Ветер был свежий до западного мыса, у которого вдруг сделалось совершенное безветрие, почему наш корабль двигался мало-помалу, до самого вечера, только течением между островами Онигу [Ниау] и Отувай. Между тем, пожаловал к нам король этих островов Тамури. Взойдя на корабль, он тотчас заговорил по-английски, а потом показывал свидетельство от морских капитанов, которых он снабжал съестными припасами. Прочитав эти бумаги, я старался ему втолковать, что европейцы, боясь подвергнуться опасности в его владениях, неохотно заезжают и весьма редко в них останавливаются, а потому и советовал ему добрым и честным своим поведением заслужить от них такое же доверие, каким пользуется ныне овигский владетель Гаммамея, к которому иногда в один год заезжает от 10 до 18 кораблей. Он меня уверял, что при всём его старании снискать доверие и любовь европейцев, он не имел ни малейшего успеха, и никто к нему не приезжает. Узнав, что мы недавно оставили остров Овиги, он спрашивал о тамошних обстоятельствах. Легко можно было догадаться, к чему клонилось его любопытство. Я отвечал ему, что Гаммамея находится на острове Вагу, откуда еще до моего прибытия он подошёл бы к Отуваю, если бы не воспрепятствовала болезнь, которая принуждает его возвратиться даже домой и оставить все свои военные приготовления. Слова эти, по моему наблюдению, вызвали в Тамури большую радость. Однако же он дал мне понять, что твёрдо решился защищать себя от неприятеля до последней капли крови. По его уверению, на острове Отувае находилось тогда до 30 000 человек, между которыми было пятеро европейцев, 40 фальконетов [\[108\]](#), три шестифунтовые пушки [\[109\]](#) и знатное количество ружей.

Вместе с королём взойшёл на корабль человек с небольшой деревянной чашкой, опахалом из перьев и полотенцем. Видя множество врезанных в чашку человеческих зубов, я опросил, что это значит, и получил в ответ, что король в эту чашку плюёт, а зубы принадлежат умершим его

приятелям. Но кажется, этот сосуд держится здесь только для одного вида, так как король почти непрерывно плевал на палубу. Я подарил ему байковое одеяло и многие другие безделицы, но он неотступно просил полосового железа и красок, показывая нам, что он строит большое судно. Однако же я был принуждён ему отказать; таким образом, наш гость, выпив два стакана грога, отправился на берег. Цветом своего тела он не отличался от прочих островитян, но многих из них дороднее. Во время пребывания его на корабле опрокинулась одна лодка, но двое гребцов, под присмотром которых она находилась, показали в этом случае такое проворство, что тотчас же её поворотили и переловили все вещи, бывшие в ней. Такие случаи бывают здесь нередко, и даже на самом открытом море.

20 июня в 2 часа пополудни ветер подул с северо-востока, а к восходу солнца так усилился, что остров Отувай, который был в 20 милях[37 км] к юго-востоку, около 6 часов утра скрылся от нас в весьма короткое время. В полдень делали мы астрономические наблюдения, по которым оказались северная широта $23^{\circ}06'$ и западная долгота $160^{\circ}11'$. Опасаясь встретиться с западными ветрами, по прекращении пассатных, мы легли на северо-северо-запад, чтобы можно было выйти в западную долготу 165° и достигнуть 30° с. ш. Моё намерение было держаться на остров Уналашку, а потом направить свой путь к Кадьяку.

Остров Отувай горист и в ясную погоду должен быть виден издалека. Западный берег, мимо которого мы прошли весьма близко, населён и имеет приятный вид. Со стороны моря он низмен, а потом постепенно возвышается. Дома на острове показались мне лучше сандвичских и каждое строение окружено деревьями. Жаль только, что здесь нет хорошей гавани, ибо Веймеа открыта для всех ветров, кроме восточных.

Остров Онигу лежит к западу от Отувая. Хотя он и невелик, но высок. При нём находятся два островка, один по северную, а другой по юго-западную сторону. Разные корни, сладкий картофель и другая зелень растут там в громадном изобилии, и европейские корабли могут ими запастись с избытком.

Наконец, я должен отдать справедливость жителям Сандвичевых островов, а особенно обитающим в Карекекуи, где мы простояли шесть дней. Хотя мы непрестанно были окружены лодками, однако же, не имели ни малейшей причины к неудовольствию. Каждый островитянин, приезжавший к нам, оставался для меня товаров от восхода солнца до заката, но все было тихо и спокойно. Словом, никто из нас ничего дурного за ними не приметил.

Глава восьмая. Описание Сандвичевых [Гавайских] островов, особенно острова Овиги

Июнь 1804 г. Сандвичевы острова открыты капитаном Куком в 1778 году. По мнению некоторых, они уже в 1542 году были известны Испании, но испанцы, стремясь тогда единственно к открытию драгоценных металлов, считали нужным скрыть их настоящее положение. Однако же неоспоримо и то, что Европа до конца восемнадцатого столетия не имела ни малейших сведений об этом важном архипелаге. Его составляют следующие острова: Овиги [Гаваи], Мове [Мауи], Тугурова [Каулауи], Ренай [Ланаи], Тороту [Молокаи], Вагу [Оау], Отувай [Кауаи], Онигу [Ниау], Оригоа, Тагура, Мороки ^[110]. Из них три последних по своим малым размерам могут быть помещены в числе больших камней. Они занимают пространство от 18°54 до 22°15 с. ш. и от 154°50 до 160°31 з. д. ^[111].

Этот архипелаг, во время открытия его капитаном Куком, принадлежал трём разным владельцам, а теперь разделяется на два главных владения, из которых первое составляют Отувай, Оригоа и Тагура, а второе — все прочие, лежащие к югу острова. Отуваем владеет ныне Тамуре, а Овигой — Гаммамея ^[112].

Последний, по всем собранным мной сведениям, почитается человеком весьма храбрым и редких дарований. С самого начала своего вступления во владение принадлежащими ему островами он всячески старался заслужить себе доверие у европейцев, а потому корабли пристают к его островам не только без всякого опасения, но и в совершенной надежде, что они будут приняты благосклонно и снабжены всеми потребными для мореплавателей запасами. От такого поведения он и сам получает большую пользу, ибо приходящие европейские корабли доставляют ему множество вещей, нужных или полезных для общежития. Его войско доведено до такого состояния, что может почитаться непобедимым между островитянами Южного моря ^[113]. За десять лет до правления Гаммамеи железо на Сандвичевых островах было столь редко, что малый его кусок считался лучшим подарком, но ныне никто на него смотреть не хочет. Гаммамея успел завести небольшой арсенал. Имеет при себе до пятидесяти европейцев, которые частью составляют его совет, а частью управляют войсками. Соединённые Американские Штаты снабжают его пушками, фальконетами, ружьями и другими военными снарядами, а потому все эти вещи для островитян уже не удивительны.

Короли Сандвичевых островов имеют самодержавную власть. Их владения хотя и считаются наследственными, однако же, редко случается, чтобы после смерти короля не имел притязаний сильнейший. Гаммамея сам вступил во владение насильственным образом по смерти Тайребу. Сперва он разделил Овиги с сыном покойного короля, а потом захватил и весь остров. После короля первую власть имеют здесь нуи-нуи-эиры. Некоторые из них так сильны, что почти не уступают и самим своим правителям.

Военные силы королевства составляют все островитяне, могущие носить оружие. Каждый островитянин с самых юных лет приучается к воинским подвигам. Король, отправляясь в поход, приказывает всем или только некоторым из своих нуи-нуи-эиров (вельмож) следовать за собою с их подданными. Кроме этой, так сказать, милиции, король содержит ещё небольшую гвардию, составленную из самых искусных ратников, которая всегда находится при нём. Гаммамея с

помощью европейцев построил себе несколько шхун от 10 до 30 тонн и вооружил их фальконетами.

Поскольку определённых законов здесь совсем нет, да и понятия о них не имеется, то сила заступает место права. Король, даже по одной своей прихоти, может каждого подвластного ему островитянина лишить жизни. Такая же власть предоставлена и всякому начальнику в управляемой им области. Если эти князьки поссорятся между собой, то свои распри решают или не обращаясь ни к кому, или жалуются иногда в причинённых обидах королю, который на принесённые ему жалобы обыкновенно даёт следующий ответ: "прекратить ссору оружием". Когда какой-либо нуи-нуи-эиры нанесёт королю оскорбление, то последний посылает гвардию или убить или привести к себе виновного. В случае же ослушания, если преступник силен и имеет многих приверженцев, междоусобная война бывает неминуема.

Для описания нравственности жителей этих островов довольно будет привести в пример два происшествия, случившиеся по прибытии Юнга на Овиги. Первый из них следующий. Один островитянин съел кокос в запрещённое время, или табу, за что ему надлежало лишиться жизни. Кто-то из европейцев, услышав о столь странном обыкновении и желая спасти несчастного, просил короля пощадить его. Но тот, выслушав все доказательства чужестранца с большим вниманием, отвечал, что Овиги не Европа, следовательно, должна существовать и разница в наказаниях. Виновный был убит.

Второй случай. Король дал Юнгу землю с некоторым числом людей. В одном из принадлежавших ему семейств находился мальчик, которого все любили. Отец его поссорился со своей женой и решился с ней развестись. При этом вышел спор, у кого должен остаться сын. Отец сильно настаивал оставить его при себе, а мать хотела взять с собой. Напоследок отец, схватив мальчика одной рукой за шею, а другой за ноги, переломил ему спину о своё колено, отчего несчастный лишился жизни. Юнг, узнав об этом варварском поступке, жаловался королю и просил наказать убийцу. Король спросил Юнга: "Чей сын был убитый мальчик?" Получив ответ, что он принадлежал тому, кто его умертвил, он сказал: "Так как отец, убив своего сына, не причинил никому другого вреда, то и не подвергается наказанию". Впрочем, он дал знать Юнгу, что он имеет полную власть над своими подданными и если хочет, то может, без всякого сомнения, лишить жизни того, на кого пришёл жаловаться.

По этим двум примерам можно судить и о прочих нравах гавайцев. То, что во всей Европе было бы сочтено за самый малейший проступок, на острове Овиги наказывается смертью, жестокое же и варварское дело остаётся без всякого внимания, а иногда оно считается даже справедливым.

Все здешние гражданские и духовные постановления заключаются в табу. Это слово имеет разный смысл, но собственно означает запрещение. Король волен наложить табу на всё, на что только пожелает. Однако же есть и такие табу, которые он сам непременно должен исполнять. Последние установлены издревле и наблюдаются с уважением и строжайшей точностью. Самое большое из них называется макагити, или 12-й месяц года. Кроме того, каждый месяц, исключая ойтуа, или 11-й, имеет по четыре табу. Первый именуется огиро, или 1-й день, второй мугару, или 12-й, третий орепау, или 23-й, а четвёртый окане, или 27-й. Табу огиро продолжается три ночи и два дня, прочие же по две ночи и одному дню. Эти табу могут считаться духовными, прочие же все светские или временные и зависят от короля, который объявляет их народу через жрецов.

Табу макагити походит на наши святки. Целый месяц народ проводит в разных увеселениях: песнях, играх и примерных сражениях. Король, где бы он ни находился, должен сам открыть этот праздник. Перед восходом солнца он надевает на себя богатый плащ (Одеяние, или покрывало, украшенное красными и жёлтыми перьями. Его подробное описание помещено уже

во многих других путешествиях.) и потом на одной, но чаще на нескольких лодках отъезжает от берега, принаравливаясь так, чтобы вместе с солнечным восходом опять пристать к нему. Для встречи короля назначается один из сильнейших и искуснейших ратников. Во всё время плавания он следует по берегу за королевской лодкой. Как только она пристанет, и король, выходя на берег, сбросит с себя плащ, этот ратник, находясь не далее 30 шагов, изо всей силы бросает в него копье, которое король должен или поймать, или быть убитым, ибо в этом случае, как говорят, нет ни малейшего потворства. Изловив копье, король оборачивает его тупым концом кверху и, держа под мышкою, продолжает свой путь в геяву, или главный храм богов. Это служит народу знаком к открытию праздничных забав. Повсюду начинаются примерные битвы, и воздух мгновенно наполняется летающими копьями, которые для этого нарочно делаются с тупыми концами. В продолжение макагити всякое наказание прекращается.

Этот обряд островитяне соблюдают с такой строгостью, что если бы кто вздумал напасть на какую-либо отдалённую королевскую область или на принадлежащую кому-нибудь из вельмож землю, то никто из них не может оставить места, где он проводит праздник. Некто советовал нынешнему королю отменить это празднество, указывая, что он каждый год должен подвергать свою жизнь явной опасности без всякой пользы. Но Гаммамея с надменностью отвечал, что он столь же искусно умеет ловить копье, сколь самый искуснейший из его подданных бросает его, и, следовательно, ничего не опасается.

Время у сандвичан разделяется следующим образом. Год состоит из двенадцати месяцев, а каждый месяц из тридцати дней. Дни делятся не на часы, но на части, например: восход солнца, полдень и заход. Время между солнечным восходом и полднем, а также между полднем и заходом оолгаца опять делится на две части. Год начинается с нашего ноября.

Жители Сандвичевых островов признают существование добра и зла. Они верят, что после смерти будут иметь лучшую жизнь. Их храмы наполнены идолами, как у древних язычников. Иные из них представляют божество войны, другие — мира, иные — веселья и забав и прочее. В жертву приносят плоды, свиней и собак, из людей же убивают в честь своих богов одних только пленников или возмутителей спокойствия и противников правительства. Это жертвоприношение более относится к политике, нежели к вере. Здешнее духовенство к своему званию готовится с самого детства. Во время табу оно даёт наставления народу. Здесь есть также особая секта, последователи которой утверждают, что они своими молитвами могут испросить у богов власть убить всякого, кого только пожелают. Эта нелепая секта называется когунаанана, и, как кажется, члены её с самого детства учатся многим хитростям и обманам. Когда кто-нибудь из них вздумает сделать эту безбожную молитву, то стороной даёт о том знать жертве своей варварской злобы. Этот бедный человек, по своему слепому суеверию, которое у гавайцев выходит уже из всяких пределов, узнав о молитве, произносимой ему на погибель, лишается ума и чахнет или убивает самого себя. Немудрено, если при этом случае упомянутые изверги употребляют ещё что-нибудь другое. Впрочем, родственники несчастного человека, доведённого до самоубийства, имеют право нанять кого-нибудь из вышеуказанных собратий, чтобы он своей молитвой отомстил злодею. Однако же еще никогда не случалось, чтобы хоть один из их сообщников лишился от того жизни или, по крайней мере, ума.

Геяву, или храм сандвичан, не что иное, как открытое четырёхугольное место, огороженное кольями, на одной стороне которого находятся статуи, поставленные полукругом на небольшом приступке. Перед этой толпой идолов стоит жертвенник, также из шестов. По сторонам палисада находятся истуканы, представляющие также разных богов. При входе стоит обыкновенно большая статуя. Истуканы сделаны самым грубым образом и без всякой соразмерности. У многих из них головы втрое более туловища, которое ставится на столб. Иные без языков, другие с языками, но в несколько крат больше природных. У одних на голове

поставлены разные чурбаны, а у других рты прорезаны далее ушей.

Выше было упомянуто, что островитяне приносят в жертву своим идолам также мятежников и пленных. Это варварское жертвоприношение производится следующим образом: если мятежник или пленный принадлежит к знатному роду, то вместе с ним убиваются от 6 до 20 его сообщников, смотря по состоянию виновного. В большом капище на этот случай готовится особенный жертвенник с множеством кокосов, платанов и кореньев. Убитых сперва палят огнем, а потом кладут на плоды, начальника в середине, а товарищей и помощников по обеим сторонам, ногами к главному божеству войны и в некотором расстоянии друг от друга. Между ними помещают свиней и собак. В таком положении они остаются до тех пор, пока тела сгниют. Тогда головы принесённых в жертву насаживаются на палисад капища, а кости кладутся в нарочно для того приготовленное место. Об этом рассказывал мне через переводчика главный жрец большого капища в Карекекуи. Но Юнг уверял меня, что этот рассказ не совсем верен. По его словам, особенных жертвенников в этом случае никаких и никогда не делается, а тела кладутся ничком просто на землю, так что руки одного лежат на плечах другого, и к идолам головами. Трупов не обжигают огнём, и собак также не приносят в жертву, кроме только тех случаев, когда моления идолам делаются о женщинах, ибо у гавайцев собаки почти исключительно принадлежат этому полу. Юнг рассказывал мне, что с окончанием этого обряда налагается табу, называемое гайканака, на десять дней, по истечении которых головы убитых людей накалываются на ограду капища, а кости, составляющие руки, ноги и бёдра, кладутся в особое место, всё же прочее сжигается. Я не могу решить, который из этих рассказов вернее. Кажется, что Юнг, живя долгое время между островитянами, мог бы приобрести ясное понятие о жертвоприношениях гавайцев.

Похороны на острове Овиги совершаются с неравной пышностью, смотря по состоянию людей. Бедные обвёртываются в простую ткань и погребаются у берегов или в горах. Ноги умершего загибаются так, что пятками достают до самой спины. Напротив того, знатных людей одевают в богатое платье и кладут в гробницу, вытянув руки умершего вдоль туловища. Потом тело ставится в особую для него построенный домик, где остаётся до тех пор, пока совершенно истлеет. После этого кости собираются в скелет и кладутся в особое место. В честь умершего вельможи убивают до шести самых любимейших его подданных. Но самый лютый и бесчеловечный обряд совершается после смерти короля. В два первых дня после его кончины умерщвляется по два человека. Потом строится домик, куда ставится покойник, одетый в самую великолепную одежду, какую только можно иметь на этом острове. Во время постройки домика убивают ещё двух человек. После истления королевского тела готовится другое здание, причём опять два человека лишаются жизни. На это второе кладбище переносятся королевские кости и одеваются снова, первое же платье истлеет вместе с трупом. По происшествии некоторого времени создается храм в честь умершего владетеля, и приносятся в жертву ещё четыре человека. Королевские кости, перенесённые в это последнее место, составляются так, чтобы скелет походил на сидящего человека или имел бы такое положение, в котором младенец бывает в утробе матери. Наконец, кости одеваются в третий раз, и в таком состоянии оставляют их навсегда. После смерти короля все его подданные ходят нагие и на целый месяц предаются распутству. В продолжение этого времени мужчина может требовать от всякой женщины, чего только пожелает, и ни одна из них, даже сама королева, не смеет отвергнуть его требования.

Подобная нелепость бывает и после смерти здешних вельмож, но не так долго, да и то в одном только владении покойною. Об этом я узнал также от вышеупомянутого жреца. Юнг и это известие во многом нашёл неверным. Он утверждал следующее: 1) гробов здесь никаких нет, и кости большею частью вынимаются из рук, ног и бёдер, всё же прочее сжигается вместе с остатками тела покойника; 2) общение мужчин с женщинами продолжается только несколько

дней, исключая молодых людей, которые иногда забавляются и долее; 3) после кончины короля и знатных вельмож умерщвляются только те, кто еще при жизни покойника клянётся умереть с ним вместе. Они содержатся гораздо лучше прочих подданных.

Которое из этих мнений справедливее, решить невозможно, не будучи очевидцем этого обряда. Я заметил только одно несходство в рассказе жреца о королевском погребении. По уверению его, кости каждого умершего владетеля должны навсегда оставаться в гаяву, т. е. нарочно для этого построенном капище. Напротив того, мне показывали в одном утёсе пещеру, в которой лежат кости их владетелей, до последнего, Тайребу. Может быть, они переносятся туда по истечении некоторого времени, или в этой самой пещере делается для каждого умершего короля особое отделение, которое также называется гаяву.

Печаль об умершем выражается выбиванием себе передних зубов, острижением волос и царапанием тела до крови в разных местах. После смерти вельможи каждый из его подданных выбивает себе по одному переднему зубу, так что если бы случилось ему пережить многих своих господ, то под конец непременно он остался бы без зубов. Хотя этот странный обычай здесь введён не весьма давно, но исполняется везде с большой точностью.

Сандвичане среднего роста, цвет тела имеют светлокаштановый, лицом различны. Многие из мужчин походят на европейцев. В женщинах же есть что-то особенное. Они круглолицые, нос почти у каждой из них плосковатый, глаза чёрные, а удивительнее всего, что они весьма сильно походят одна на другую. Волосы у обоих полов чёрные, прямые и жёсткие; мужчины подстригают их разным образом, но самый употребительный состоит в том, чтобы волосы были обрезаны наподобие римского шишака. Женщины же остригаются довольно коротко, оставляя спереди ряд волос дюйма в 1 1/2 [сантиметра в 3,5]. Остальные волосы каждый день после обеда намазываются известью, составленной из коралла, отчего они получают беложелтоватый цвет. Почти то же самое делают иногда и мужчины с волосами, представляющими как бы перо у шишака. При виде их можно подумать, что островитяне имеют от природы двухцветные волосы.

Сандвичане, вопреки почти всем островитянам Тихого океана, ничем не намазывают своего тела и не прокалывают ушей. Серьги я заметил только у одного отувайского короля. На руке они носят запястья из слоновой или из какой-либо другой кости. Женщины иногда украшают свои головы венками из цветов или из разноцветной шерсти, выдёргивая её из сукон, привезённых к ним европейцами. Что же касается до прочего одеяния, то оно состоит из куска ткани длиной 4 1/2 аршина [около 3 м], а шириной около 1/2 аршина [35 см] или немного шире. Первым опоясываются мужчины, а последним обвёртываются по пояс женщины. В холодную погоду они накидывают на плечи четырёхугольный кусок толстой ткани, сложенной в несколько раз, которая служит им вместо шубы. В обыкновенное время как богатые, так и бедные одеваются одинаковым образом, но в праздники или в каких-либо особенных случаях первые наряжаются в плащи из перьев, которые вместе с шлемами и веерами представили бы великолепное зрелище и во всяком европейском театре. При всём том они великие охотники до одежды европейцев. Поношенные рубахи, фуфайки или сюртуки можно променивать у них с большой выгодой на продукты и прочие вещи. Мы наделили их платьем, которое по своей ветхости для нас уже совсем не годилось, но островитяне ему были чрезвычайно рады, и многие из них приезжали к кораблю, имея на себе наши обноски. Хотя предшествовавшие нам мореплаватели утверждают, что сандвичане склонны к воровству, но я за ними ничего подобного не приметил. Хотя на корабль «Нева» пускали мы их понемногу, однако же, при этом они могли бы что-нибудь украсть.

Каждый день подъезжало их к нам для торга человек до тысячи, однакож, кроме честности, мы от них ничего не видели. Впрочем, скоро они сделались величайшими барышниками. При торге они так между собою согласны, что твёрдо удерживают цену на продаваемый ими товар.

Если кому случится что-нибудь выгодно продать, то это в одно мгновение узнают по всем лодкам, и каждый из них за подобную вещь просит ту же цену. Железо, бывшее здесь в прежние времена в большой цене, ныне не стоит почти ничего, кроме одного полосового, которое островитяне берут довольно охотно. Лучшими же вещами считались: простой холст, набойка, ножницы, ножики с красивыми черенками и зеркала. За куски обручей, за которые на острове Нука-Гиве мы получали от 6 до 10 кокосов или по 2 ветви бананов, в Карекакуи могли мы достать только самые маловажные вещи.

На Овиги в течение минувших десяти лет много переменилось, и всё сделалось дороже прежнего. Причину такой дороговизны надо приписать судам Соединённых Штатов, которых в одно лето приходит до восемнадцати, чтобы запастись всеми нужными продуктами на остальное их плавание.

Насколько показались мне хорошими маркизские дома, настолько же сандвичские не понравились. Последние строятся, кажется, совсем не по климату, ибо походят на наши крестьянские амбары, с той только разницей, что крыша на них делается выше, а стены, напротив того, весьма низки. Редкие из них имеют окна, да и то самые малые, а большая часть из них делается с одной только дверью, с рамой, подобной нашим слуховым окнам, в которую едва можно пролезть. Пол устилается сухой травой, а сверху её кладутся рогожи. У богатых бывает до шести лачуг, построенных одна подле другой. Каждая из них имеет особое назначение. Иные служат спальней, другие столовой, жилищем для жён, слуг, служанок и кухней. Они строятся на каменных основаниях и обносятся низким палисадом, который обыкновенно бывает во многих местах изломан свиньями или собаками.

Пища сандвичан состоит из свинины, собак, рыбы, кур, кокосов, сладкого картофеля, бананов, тарро и иньяма. Рыбу едят иногда сырую, прочее же пекут. Употребление свинины, кокосов и бананов женщинами запрещено, а мужчинам разрешено всё.

Свиней здесь не колют, а душат, обвязав рыло верёвкой, и в пищу готовят следующим образом. Вырыв яму и наложив один или два ряда камней, разводят на них огонь (который производится здесь трением). Потом кладут ещё камни, так, чтобы воздух проходил между ними свободно. Когда камни раскалятся, то разравнивают их, чтобы они плотно лежали, покрывают тонким слоем листьев или камыша, на который кладётся животное, и поворачивают его до тех пор, пока не сойдёт вся щетина. Если же и после этого останутся еще волосы, то соскребают их ножами или раковинами. Очистив тушу таким образом, разрезают брюхо и вынимают внутренности, а между тем огонь разводится вторично, и как только камни раскалятся, то разгребают их, оставив только один слой, на который стелят листья и кладут свинью, наполнив выпотрошенное брюхо горячими камнями, обёрнутыми в листья. После этого животное покрывается листьями и калёными камнями, а сверху засыпается песком или землёй. В таком положении оно остаётся до тех пор, пока изжарится.

Коренья готовят таким же образом, с той только разницей, что, до покрытия их горячими камнями, поливают водой.

Знатные, или эиры, не могут употреблять огня, разведённого простым народом, а должны разводить его сами. Знатный же у равного себе не только может взять огня, но даже и готовить на нём своё кушанье. Мне неизвестно, позволено ли простому народу брать огонь у своих господ, однако же, уверяют, что это иногда случается.

В отношении употребления пищи женщинами здесь наблюдается весьма странный обычай. Им не только запрещено есть в доме, где обедает мужчина, но даже входить в него. Мужчина же может быть в женской столовой, но к пище не прикасается. Вне дома, например, в поле, на лодке, оба пола могут есть вместе, исключая пудинг, приготовляемый из корня тарро.

Сандвичане употребляют соль и охотники до солёной рыбы и мяса. Также готовят

они в пищу катышки из муки корня тарро, которыми запасаются для своих дальних путешествий. Из них, размочив их сперва в пресной или солёной воде, готовят они род саламаты [\[114\]](#), похожей несколько на мучной раствор.

Свадебных обрядов здесь нет никаких. Мужчина и женщина, понаравясь друг другу, живут вместе, пока не разбранятся. В случае же какого-либо неудовольствия, расходятся без всякого отношения к гражданским властям. Каждый островитянин может иметь столько жён, сколько в состоянии содержать. Но обыкновенно у короля бывает их три, у знатных по две, а у простолюдинов по одной. Духовенство пользуется таким же правом. При всём этом сандвичане чрезвычайно ревнивы, но только не по отношению к европейцам.

Украшения, оружие и предметы быта жителей Сандвичевых островов (*Атлас карт и рисунков к сочинению Лисянского*).

1—Головной убор из перьев. 2—Барабан из калабаша. 3—Вешер. 4—Украшение для ног из свиных зубов. 5—Перламутровые уди с костяным носком. 6—Корзинка из корней. 7—Походный идол из древесных корней.

Жители Сандвичевых островов, сколько можно было заметить, довольно умны и уважают европейские обычаи. Многие из них довольно хорошо говорят по-английски. Все же без исключения знают по несколько слов и произносят их по-своему, т. е. весьма неправильно. По-видимому, они большие охотники путешествовать. Многие просили меня взять их с собой, не только не требуя никакой платы, но отдавая все своё движимое имущество. Юнг уверял меня, что суда Соединённых Штатов нередко берут отсюда людей, которые со временем делаются хорошими матросами.

Можно наверное считать, что сандвичане в короткое время совершенно преобразятся, а особенно, если царствование нынешнего их владетеля продолжится ещё несколько лет.

Один из сыновей его имеет редкие дарования. Войдя со временем в обладание отцовского наследства и получив европейское воспитание, ему нетрудно будет ускорить просвещение своего отечества. Ему нужно будет усилить себя простым народом, который весьма привержен к своим правителям. Тогда будет легко сломлено сопротивление местных вельмож, или нуи-нуи-эиров, а также и других важнейших старшин, которые одни только, по своим личным выгодам, вздумают, может быть, восстать против нововведений.

Сандвичане занимают такие места, которые, при малейшем прилежании, могут доставить им большие доходы. Леса у них довольно, даже есть и такой, из которого могут строить небольшие суда. Один только сахарный тростник, растущий здесь в большом изобилии и без всякого присмотра, доставит островитянам громадные богатства, если они вздумают, обращать его в сахар или ром, которые на американских берегах расходятся теперь в чрезвычайном множестве.

Главная же их невыгода состоит только в том, что ни один остров не имеет закрытой от ветра гавани. При этом там есть такие губы, в которых кораблям стоять на якоре гораздо спокойнее, нежели на Тенерифе и Мадере (По прошествии некоторого времени мае стало известно от шкипера бостонского корабля «Океина», что на острове Вагу находится весьма хорошая, закрытая от всех ветров гавань.).

Сандвичский народ, кажется, имеет большую способность и вкус к ремеслам. Все производимые ими вещи отменно хороши, но искусство в тканях превосходит даже воображение. Увидев их в первый раз, я никак не мог поверить, чтобы первобытный человек имел столь изящный вкус. Смещение цветов и отличное искусство в рисунке, со строжайшим соблюдением соразмерности, прославили бы каждого фабриканта этих тканей даже и в Европе, а особенно если принять во внимание, что сандвичане производят столь редкие и удивительные изделия самыми простыми орудиями.

Сандвичане делают свою ткань из дерева, известного у европейских ботаников под именем *Monis papyrifera* [\[115\]](#), следующим образом. После снятия с дерева коры отделяются лыки, которые разрезаются на небольшие куски, наподобие стружек, и мокнут в воде до тех пор, пока не загниют. Они разбиваются потом на четырёхугольной доске, отчего жилистые частицы, соединяясь между собой, расплющиваются и составляют тонкую ткань, которая напоследок огранивается краской, добываемой из кореньев и ягод. Полосатые же и другие узорчатые ткани рисуются тонким бамбуковым прутиком, у которого один конец расщеплён. Приготовление тканей и наведение на них узоров предоставлено женщинам. Для этого они употребляют разные круглые и четырёхугольные вальки. На каждой стороне последних находится особенная резьба, например, на одной сделаны тонкие полосы, на другой потолще, на третьей клеточки, на четвёртой дорожки, проведённые змейкой, и прочее.

Вступление его во владение после смерти Тайребу. — Военные его подвиги. — Сухопутные и морские силы. — Краткое описание острова Овиги.

Июнь 1804 г. После кончины короля Тайребу на острове Овиги произошли волнения, следствием которых было то, что его владение было разделено между сыном покойного короля, Кяувой и его родственником Гаммамеей. Так как с весьма давних времён между Овиги и островами, лежащими к северу, существовала война, то Гаммамея, приведя в надлежащий порядок свои домашние дела, в 1791 году отправился на двух тысячах лодок и с восемью тысячами воинов против короля Гайкери, во владении которого находились тогда острова: Вагу, Морекай, Ренай и Мове. Сперва он напал на последний из них как на главное местопребывание своего неприятеля, который, после нескольких кровопролитных сражений, принуждён был покориться сильнейшему.

После сдачи острова Мове оозигские войска пошли против островов Морекай и Ренай, которые также после упорного сопротивления покорились победителям. В начале 1792 года Гаммамея, приготовляясь к исполнению дальнейших своих намерений, получил известие, что Кяува напал на собственные его владения. В ту же минуту выбил он у себя несколько передних зубов и со всеми силами отправился на Овиги.

Побеждённый Гайкери, удалившийся тогда на остров Вагу, воспользовался отсутствием своего победителя, переехал опять на остров Мове и возвратил всё отнятое у него неприятелем. Гаммамея, пристав в губе Товайгай, нашёл там своего противника, который, испугавшись столь скорого и внезапного его возвращения, удалился внутрь своих владений. Гаммамея погнался за ним и, после нескольких небольших сражений между обоими войсками, восторжествовал, наконец, употребив следующую хитрость. Он распустил слух, что желает прекратить войну и возвратиться в свои владения с тем, чтобы построить капище богам. Войска Кяувы, поверив этому слуху, оставили все меры предосторожности, а Гаммамея, пользуясь этой оплошностью, напал на них с большой стремительностью и совершенно разбил. Кяува едва мог спастись от гибели, а победитель приказал принести в жертву своим богам несколько человек убитых и взятых в плен знатных людей. Вскоре после этого, по случаю наступившего табу макагити, военные действия остановились. После окончания табу Гаммамея, разделив своё войско на две части, одну из них отдал под начальство храброго Тайаны, а с другой выступил сам в поход. Кяува также не оставался в праздности. Он собрал все свои силы и решился защищать оставшееся ему после отца достояние. Но ничто не могло противостоять храбрости его соперника. Эта несчастная и кровопролитная война продолжалась до конца 1794 года, когда Кяува, видя себя в совершенном бессилии, был принуждён сдаться. Гаммамея сделался, таким образом, единовластным обладателем всего острова Овиги. В таком положении находились эти места, когда капитан Ванкувер пристал к их берегам. Узнав, что обитатели островов живут в непрерывной вражде между собой, он употреблял всякие способы к их примирению и уже питал приятную надежду, что достиг успеха в столь похвальном деле. Но лишь только его корабли скрылись от берегов, как враг тишины и согласия начал опять производить свои пагубные действия. Говорят, будто бы жители острова Мове похищали людей с Овиги и, принося их в

жертву своим богам, раздражали Гаммамею. Но мне кажется вероятнее всего, что он, сделавшись гораздо сильнее прежнего, твёрдо решил овладеть своими соседями.

Получив известие о смерти Гайкери и о том, что его сын Трайтшепур, вступив в обладание наследством, поссорился со своим дядей, владельцем острова Отуая [Каудай], Гаммамея приказал тотчас собрать войска, в числе которых находилось восемь европейцев. Он вооружил фальконетами построенную капитаном Ванкувером шхуну и, взяв с собой три медные трёхфунтовые пушки, отправился в поход. Упомянутые здесь пушки принадлежали шхуне «Фейер-Америкен», которая была захвачена островитянами в 1791 году.

Война началась опять с острова Мове. Но так как ни этот остров, ни другие уже не оказывали прежнего упорного сопротивления, то были взяты все, в самое короткое время, исключая Вагу, который сдался только в 1795 году, после смерти Тайаны. Этот весьма храбрый человек сделался напоследок изменником своему королю. Гаммамея, отправясь на Вагу, приказал Тайане следовать за ним с особым отрядом войск. Но вместо того, чтобы пристать к назначенному месту, тот высадил свои отряды в другом и соединился с войском Трайтшепура. Гаммамея, пристав к берегу, ожидал своего вождя, полагая, что он еще находится в море. Вдруг он увидел его вооружённым против себя. Такой случай мог бы поколебать многих, но храбрый Гаммамея немедленно решился напасть на бунтовщика и разбил его после кровопролитного сражения. После окончания битвы Тайана, со многими из своих товарищей, был принесён в жертву, а головы их были воткнуты на ограду капища.

В 1796 году Гаммамея принуждён был приехать на Овиги для укрощения мятежа, произведённого братом убитого Тайаны, эиры Намутаги. Пробыв на этом острове около года, он опять возвратился на Вагу для приготовления к походу против острова Отуая [Каудай], где находится и поныне.

По уверению Юнга, Гаммамея имеет с собою около 7 тысяч войск и 50 вооружённых европейцев. При нём находится также восемь четырёхфунтовых пушек, одна шестифунтовая и пять трёхфунтовых, сорок фальконетов, шесть небольших мортир и до 600 ружей. Он не имеет также недостатка в порохе и в других военных припасах. Морские же его силы состоят, кроме обыкновенных военных лодок, из 21 шхуны, от 10 до 30 тонн величиной, которые, в случае нужды, вооружаются фальконетами и управляются европейцами. С таким ополчением Гаммамея был намерен в прошедшую весну итти против неприятеля, но ему в том воспрепятствовала свирепствовавшая тогда болезнь, лишившая его многих сандвичских воинов на острове Вагу. Во время нашего пребывания многие из островитян думали, что Гаммамея, оставив своё предприятие против острова Отуая, вскоре возвратится на Овиги, где его пребывание весьма нужно. Ибо, оставаясь без надзора, в отсутствие его и всех старшин, островитяне сделались крайне ленивы, так что земля уже не приносит теперь столько, сколько получали от неё прежде. Гаммамея, повидимому, из политических расчётов, забрал с собою всех нуи-нуи-эиров и оставил одного Юнга управлять островом.

Юнг служил боцманом на одном корабле Соединённых Штатов, который в 1791 году заходил к острову Овиги для снабжения свежими продуктами. Капитан дал ему позволение ночевать на берегу, сказав, что если корабль ночью снимется с якоря, то он может приехать поутру за гавань. На самом рассвете Юнг, услышав пушечный выстрел с корабля, хотел тотчас отправиться, но, придя к берегу, узнал, что на все лодки наложено было запрещение, или табу, и только на следующее утро он может взять лодку. Юнг принуждён был остаться. На другой день король получил известие, что шхуна «Фейер-Америкен» взята на северной стороне острова, и все находившиеся на ней люди были перебиты, кроме одного Девиса. Такая новость заставила островитян удержать у себя Юнга. Однако же король дал ему честное слово, что на первом европейском судне он может отправиться, куда пожелает. Каждый из знатных островитян, желая

утешить Юнга, дал ему по частице земли, так что он вдруг сделался богатым. Своим поведением он вскоре снискал к себе уважение как короля, так и народа. Он уже был во многих сражениях, а ныне занимает должность королевского наместника.

Остров Овиги — самый большой из всех Сандвичевых островов; он простирается на расстоянии 80 миль [около 150 км] с севера к югу и почти на столько же с востока на запад. Берега его во многих местах утёсистые, а другие пологие, но, простираясь внутрь острова, мало-помалу возвышаются и переходят в склоны гор Роу [Мауналоа], Кау [Маунакеа], Ворорай [\[116\]](#). Первая из них по измерению, упоминаемому в третьем путешествии капитана Кука, имеет в высоту 18 000 футов [5 486 м]. По лавам и другим вулканическим веществам, которыми заполнены овигские берега, надобно думать, что этот остров в прежние времена содержал много подземного огня. На нём, как уверяют жители, и теперь между восточной оконечностью и горой Роа [\[117\]](#) находится извергающее пламя отверстие, которое жители называют Таура-Пери. Юнг также говорил мне, что три года назад, гора Макаура, лежащая по западную сторону острова, недалеко от губы Товайгай, выбросила столько лавы, что заполнила небольшую губу, лежащую у её подошвы, и погубила множество селений. Но с того времени она затихла, и в ней осталось только одно отверстие. Хотя овигские берега не обещают ничего особенного и населены единственно для производства рыбной ловли или торговли с приходящими судами, но внутренность острова весьма плодородна. Её населяют земледельцы, которые избытками своих трудов снабжают иностранные корабли. Остров производит кокосы, бананы, платаны, тарро, иньям, сладкий картофель, лук, капусту, редьку, дыни, арбузы, тыквы и прочее. Но важнее всего для путешественников, имеющих нужду в свежем мясе, то, что на нём водится множество свиней. Ванкувер во время пребывания своего на Овиги оставил там немного рогатого скота. Теперь его уже порядочное количество, и приезжающие сюда европейцы вскоре будут пользоваться здесь говядиной и бараниной. Коз разведено великое множество. Мы купили двух за самую безделицу; мясо их весьма вкусное. Жаль только, что все упомянутые животные одичали и живут в горах, хотя это и было настоящей причиной их размножения, ибо природа имеет здесь гораздо лучший за ними присмотр, нежели островитяне. Недавно случилось, что стадо быков, сойдя в долины, испортило многие посадки. Король дал повеление переловить этих животных, для чего была отряжена тысяча человек. Но дикие быки, увидев себя окружёнными отовсюду, рассвирепели, начали сами сражение и, убив четырёх человек, опять скрылись в горы. Легко может статься, что Овиги скоро будут заполнены диким скотом. У одного только короля я видел корову с телёнком, которых он намерен держать дома. Сперва здесь водились только свиньи и темношёрстные крысы, величиною немного больше обыкновенной мыши. Последних и ныне на Овиги находится такое множество, что островитяне принуждены бывают вешать всякие вещи от них как можно выше. На одном американском судье недавно привезены сюда две лошади. Нынешний владетель этого острова сумел снискать себе такую любовь иностранцев, что каждый из них при вторичном к нему приезде привозит что-нибудь новое и полезное для островитян.

На Овиги находится немного птиц. Из домашних водятся куры, но и то в небольшом количестве, а из диких: серый гусь, кулики, ястребы, вороны и небольшая птичка с крючковатым носом и красным брюхом. Крылья же, голова и хвост ее тёмносерого цвета. Её красными перьями сандвичане украшают свои плащи и шлемы. Самая маленькая жёлтая птичка, перья которой употребляются для украшений, — весьма редка. К ним надо присоединить ещё два рода серых птичек, похожих на нашу коноплянку.

Рыбы ловится у берегов довольно много. У островитян я видел солёную рыбу разных родов и, между прочим, летучую рыбу длиною в 1 фут [около 30 см].

Пресмыкающихся гадов здесь почти нет никаких, кроме ящериц. Из них мохнатые

считаются у островитян священными. Они обыкновенно водятся в домах и видом весьма отвратительны.

Овиги разделяются на шесть частей. Названия их следующие: Кона, Когола, Гамакуа, Гидус, Пуна и Кау. Ими владеют нуи-нуи-эиры, или вельможи острова. Каждая из этих частей разделена на гопуи, или уезды, которыми управляют неки-неры-эиры. Гопуи раздроблены на разные небольшие уделы, которые отдаются земледельцам (Каждый земледелец имеет право оставить землю своего господина и перейти на другую или занять какое-либо ненаселённое место, но это случается весьма редко.). Большая топуа может иметь таких участков до тридцати. Каждый островитянин платит двойные подати: одну — королю, а другую — нуи-нуи-эиру той части, где он живёт. Подати состоят из свиней, собак, тканей и красных и жёлтых перьев, употребляемых на украшение плащей.

Глава десятая. Плавание корабля «Нева» от Сандвичевых островов до острова Кадьяка

Июнь 1804 г. Отойдя несколько от острова Отувая, мы лишились северо-восточного пассата, а вместо него наступили юго-западные ветры и мрачная погода, в продолжение которой мы иногда могли видеть только одних морских птиц. Летучая рыба уже не попадалась нам в северной широте 25° , и с того времени мы находились в совершенно холодном климате. Столь скорая перемена погоды и употребление свинины вызвали было желудочные заболевания среди матросов, но хина с вином и тёплая одежда скоро их прекратили. Впрочем, эти неприятные обстоятельства облегчались тем, что мы довольно скоро приближались к месту, которое было пределом половины нашего путешествия, ибо, по произведённым 27-го числа наблюдениям, мы находились под $36^{\circ}24$ с. ш. и $164^{\circ}03$ з. д. Последнюю можно считать за верную, потому что она отличалась лишь на 6 миль [11 км] к западу от лунной, которую я имел несколько дней назад.

29 июня дул крепкий юго-западный ветер. Со вчерашнего числа мы прошли параллель, на которой капитан Кук, Диксон [\[118\]](#) и прочие мореплаватели видели разные признаки земли. Но я ничего подобного не приметил. Правда, ввиду слабой прозрачности атмосферы, мы не могли далеко видеть, однако же, можно было бы встретить хотя бы птиц, о которых упоминают путешественники.

30 июня. Находясь в северной широте $42^{\circ}18$ и западной долготе $163^{\circ}12$, мы встретились с животным, которое играло у самого судна более часа. Оно казалось фута три [около метра] длиной, с довольно пушистым хвостом около 2 футов [0,6 м]. Голова его походит на собачью, с тонкой длинноватой мордой. Шерсть на спине тёмная, а под брюхом и мордой белая. Я счёл его за выдру, и заключил, что мы находились тогда близ какой-либо неизвестной земли, потому что эти животные не могут отплывать далеко от берега. Но, не имея времени удостовериться в таком предположении на самом деле, мы оставили это до более удобного случая и продолжали свой путь к северу. Хотя в это время и совсем не было ветра, однако же, мы чувствовали довольно большой холод, а особенно ночью, во время которой термометр упал почти до $1,5^{\circ}$. Не знаю, какое сделать заключение об этом климате, где почти среди лета мы нашли глубокую осень. Возможно, что частые туманы и сырость препятствуют солнечным лучам нагревать воздух. Судя же по широте, климат должен был бы быть подобным тому, какой мы имеем в южной части Европы [\[119\]](#).

3 июля, достигнув $48^{\circ}20$ с. ш. и $160^{\circ}41$ з. д., мы видели тюленей и множество уток, между которыми находились так называемые топорки. Последние не отлетают далеко от земли.

7 июля мы были в северной широте $54^{\circ}27$ и в западной долготе $157^{\circ}08$. Полагая, что мы находимся недалеко от острова Чичикова, я приказал убрать лишние паруса; в полночь достали лотом дно на 70 сажнях [128 м]; грунт — ил с мелким серым песком. В своём предположении мы были уже совершенно уверены, так как утки и топорки сегодня окружали нас стадами. Часто нам попадались также кусты морской капусты [\[120\]](#), которая походит более на лук, а потому впредь мы и будем называть её этим названием (Это растение названо морской капустой живущими на Кадьяке нашими промышленниками.).

8 июля. На другой день юго-восточный ветер, который начал было дуть со второго часа ночи, прекратился совершенно. Так как морского лука плавало около корабля довольно много, то я приказал из любопытства достать одну луковицу. От шишки или от головки этого растения идут две ветви с продолговатыми листьями; середина ствола пустая, на тонком конце его находятся волоски, покрытые тёмнокрасной слизью.

К полудню показалось солнце, но широты наблюдать нам не удалось. В 2 часа пополудни мы увидели остров Чирикова на северо-северо-востоке в 40 милях [74 км]. Сперва он представился в виде трёх холмов, которые потом как бы слились в единую возвышенность, с восточной стороны утёсистую, а с западной пологую. Впрочем, он не столь высок, как описывает его капитан Ванкувер. К юго-западу от западной стороны его лежит риф, длиной около 3 миль [5,5 км], на конце которого находится большой плосковатый камень. Не имея сегодня никакой возможности к проверке местоположения острова, я отложил это до другого удобного случая, а между тем в продолжение туманной ночи старался держаться не менее 12 миль [22 км] от берега.

9 июля. На другой день около 10 часов утра небо прочистилось, и мы находились в 22 милях [41 км] к северо-северо-востоку от острова. В полдень мы делали наблюдения в северной широте $55^{\circ}52'$. Юго-восточная оконечность острова была тогда в 27 милях [50 км] на юго-запад 170° по правому компасу [\[121\]](#) (что найдено по крюз-пеленгу [\[122\]](#)) и потому широта её северная $55^{\circ}42'50''$, а долгота западная $155^{\circ}23'30''$ по двум хронометрам.

Проверив положение этого острова, мы продолжали свой путь по настоящему направлению и скоро увидели на северо-востоке острова: Ситхунак и Тугидак в 35 милях [65 км]. К ним мы (подошли уже к вечеру, и хотя время тогда было мрачное, однако же, были видны высокие хребты и оконечности мысов.

10 июля. Во втором часу пополудни мы пришли на глубину 55 сажен [100 м], грунт — белый песок с илом. Так как в это время дул крепкий ветер, то, взяв рифы, мы легли в дрейф. Это обстоятельство несколько нас задержало, ибо не ранее, как в 2 часа на западе открылась восточная часть острова Ситхунака, а за нею явился и давно ожидаемый Кадьяк [\[123\]](#). Этот остров мы увидели на северо-востоке в 18 милях [33 км] и по двуголовому мысу, описанному в путешествия Дугласа [\[124\]](#), легко установили своё местоположение. Чем больше приближался корабль «Нева» к берегам, тем они казались изрезаннее. Так как дальние горы были еще покрыты снегом, то вместе с утесистыми мысами они представляли, хотя и неприятную, но величественную картину природы. В 4 часа мы подошли к гавани Трёх Святителей, откуда к нам приехал один русский промышленник и несколько природных жителей острова Кадьяка на своих байдарках (Кожаная лодка.). Эти гости для нас были тем приятнее, что привезли с собою довольно большое количество свежей рыбы. Я предполагал к вечеру дойти до мыса Чиниатского, но ветер нас задержал так, что только к заходу солнца мы могли приблизиться к острову Салтхидаку.

11 июля дул южный ветер. Но по причине густого тумана, мы даже в 5 саженях [9 м] от корабля не могли ничего видеть. Поэтому до 4 часов пополудни мы лежали [\[125\]](#) на северо-восток и находились на глубине от 440 до 22 сажен [от 73 до 40 м]; грунт — мелкий камень с серым песком и битой ракушкой. Около шестого часа, пройдя остров Угак, мы легли в дрейф.

12 июля после полудня, туман прочистился и мы явственно рассмотрели Чиниатский мыс. Пользуясь юго-западным ветром, я наполнил паруса и, подойдя ближе к берегу, опустил в залив. Обойдя упомянутый мыс, мы легли на запад-северо-запад.

Увидев камень Горбун, находящийся среди залива, мы направились прямо на него. Мне весьма не хотелось проходить близко к этому месту, но оставшийся при нас лоцман из гавани Трёх Святителей на этом настоял. Предполагаемая мной опасность не замедлила появиться. При проходе нашем мимо камня ветер вдруг задул с противной стороны и вместе с течением привёл было нас в весьма неприятное положение, которое мы могли избежать не иначе, как с помощью гребных судов, готовых для буксира. Вскоре после столь внезапной перемены ветра, сделалась тишина и появился густой туман, а потому мне не оставалось другого средства удерживаться на

своём месте, как только при помощи буксира, ибо течение заметно увлекало нас к северо-востоку. Лот, который мы беспрестанно бросали, остался единственным нашим путеводителем. У Горбуна глубина оказалась от 10 до 20 сажен [от 18 до 36 м], грунт — мелкий камень, а чем далее от него, тем глубже, и напоследок глубина дошла до 95 сажен [174 м], грунт — ил. Боясь островов Пустого и Лесного, берега которых очень опасны для кораблей, мы буксировались на юго-восток до половины двенадцатого часа.

13 июля с полуночи мы легли курсом на север, а придя на глубину 60 сажен [110 м], бросили верп. Не успели мы ещё убрать паруса, как услышали неподалёку чрезвычайный шум. Полагая, что он происходил от гребных судов, отправленных к нам (войдя в залив, я послал на байдарке письмо в гавань, чтобы мне подали возможную помощь) из гавани Св. Павла, я велел закричать "ура!" и через несколько минут увидел байдары, или большие кожаные лодки, наполненные людьми. На одной из них приехал помощник правителя (Поселений Российско-Америкуанской компании.) Бандер. Это очень нас обрадовало, ибо, после десятичасового нашего плаванья, лоцман, наконец, признался, что он и сам не знает, где мы находимся. Бандер скоро опять отправился на берег, оставив у меня своего штурмана, который ввёл «Неву» в гавань около 2 часов пополудни. Когда мы подошли к селению, крепость салютовала нам 11 пушечными выстрелами. Вскоре потом Бандер и несколько жителей приехали поздравить меня с благополучным прибытием. Каждый может себе вообразить, с каким чувством надлежало мне принять это поздравление, видя, что я первый из русских, предприняв столь трудный и дальний путь, достиг места своего назначения, не только не имея на своём корабле ни одного человека больного, но с людьми, которые были ещё здоровее прежнего. Всё это приводило меня в радостное восхищение.

Идя к Кадыяку, я воображал, что в этом году моё путешествие окончится, но ошибся. На другой день нашего прибытия Бандер вручил мне бумагу от правителя Российско-Американской компании, коллежского советника Баранова, в которой он извещал о взятии местными жителями селения Ситкинского и просил моей помощи. Видя, что Баранов уже с самой весны отправился туда на четырёх парусных судах со 120 русскими и с 800 кадыяками на 300 байдарках, и зная также, как важно занятие Ситкинского селения для русской торговли, я, не теряя времени, начал готовиться опять в поход и потому приказал как можно скорее осмотреть такелаж (Снасти.) и поправить всё нужное. Если бы случившиеся тогда дожди и восточные ветры нам не воспрепятствовали, то бы мы, конечно, вышли опять в море через десять дней. Последние дули так постоянно, что корабль Соединённых Штатов «Океин», который мы застали в гавани, был ими задержан на шесть недель.

Во время нашего пребывания в гавани Св. Павла, я посылал своего штурмана по Чиниатскому заливу для его описания. Сам же, когда можно было, занимался астрономическими наблюдениями, по которым оказалось, что мы находились тогда под 57°46'36" с. ш. Мы также имели возможность проверить компас и хронометры, из которых № 136, вместо 42",2, как я полагал, от островов Сандвичевых отстал на 48",4, а № 50, вместо 10" — на 13".

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Глава первая. Плавание корабля «Нева» от острова Кадьяка до залива Ситки

Корабль «Нева» отправляется из гавани Св. Павла. — Прибытие его в залив Ситку. — Неприятельские действия. — Взятие крепости ситкинцев.

Август 15 числа 1804 г. В самый полдень корабль «Нева» был выбуксирован из гавани Св. Павла, а в 3 часа пополудни вступил под паруса. При снятии с якоря ветер дул свежий, с запада. Войдя в пролив между берегами островов Кадьяка и Лесного, мы было зашпилили; однако, вскоре потом опять получили легкий северо-западный ветер, при котором вышли в открытое море. Место, которым мы прошли, называется Северным проливом и имеет великое преимущество перед Южным: по нему можно проходить при ветрах с северо-запада до юго-востока, и почти одним курсом, а особенно имея в готовности гребные суда.

Во время плавания нашего до залива Ситки ничего достопримечательного не случилось; ветры большей частью дули с запада, и корабль шёл довольно скоро, чему способствовало также и юго-западное течение, которое действовало непрерывно.

19 августа. В 6 часов утра увидели мы землю на северо-северо-востоке. Но так как горизонт был еще покрыт мраком, то рассмотреть показавшуюся нам землю было невозможно. По наблюдениям, в полдень находились мы под $57^{\circ} 08$ с. ш. и $136^{\circ} 46$ з. д. В это время мыс Эчком отстоял от нас на 25 миль [46 км] к северо-востоку и виден был весьма явственно. Поэтому надлежало заключить, что либо хронометры мои показывали на 15 миль [28 км] более к западу, или упомянутый мыс должен лежать под 136° з. д. Во весь этот день ветер был столь слаб, что корабль «Нева» не мог поравняться с горой Эчком раньше 10 часов вечера. Обстоятельство это тем более для меня было неприятно, что мы не могли подойти к судну, которое видели в южной стороне и считали за корабль "Океин".

20 августа. В продолжение всей следующей ночи стояла тихая погода, а в 9 часов утра подул свежий западный ветер. Пользуясь им и приливом, мы пришли к Крестовской гавани и остановились на 55 сажнях [100 м] глубины, грунт — ил. Со вступления нашего в залив Ситку до того времени, как мы стали на якорь, не видно было нигде не только ни одного человека, но даже ни малейшего знака, чтобы в этих местах было какое-либо жилище. Взорам нашим повсюду являлись леса, которыми покрыты все берега. Сколько мне ни случалось встречать необитаемых мест, но они никоим образом не могут сравниться с этими своей дикостью и пустотой. Что же касается до самого залива, то, кроме косы, лежащей к юго-востоку от первого приметного мыса по восточную сторону горы Эчком и средних островков, почти везде можно лавировать и даже нетрудно сыскать яркое место. Судно, виденное нами вчера, остановилось близ берега за вторым мысом от Эчкама. Лишь только бросили мы якорь, пришла к нам небольшая лодка с четырьмя человеками. Сперва приближались они с великою осторожностью, но после, увидев, что я знаками приглашаю их к себе, тотчас пристали к борту. Мне хотелось хотя одного человека заманить на корабль, однакож никто сделать этого не осмелился. Я дал им несколько медных пуговиц в намерении завести с ними знакомство, но они, увидя две большие лодки, вышедшие из-за островов, тотчас нас оставили и удалились к берегу. Обе эти лодки были компанейские байдары; приехавший на них штурман Петров привёз донесение, что

принадлежащие Российско-Американской компании суда «Александр» и «Екатерина» стоят здесь уже 10 дней. Они пришли из Якутата и дожидаются Баранова с партией, отправившейся для промысла под прикрытием двух парусных судов «Ермака» и «Ростислава». К моему сожалению, я слышал, что ситкинские жители собрались в одно место и решились всеми силами препятствовать русским возобновить свои поселения. Однакож я надеялся, что это дело обойдётся без всякого кровопролития. Около захода солнца прежняя лодка опять появилась, но только с другими людьми, которые приглашали нас к себе; но я сказал им, чтобы они приезжали в Крестовскую гавань. Гости эти были вооружены огнестрельным оружием и просили меня променять им несколько ружей, давая за каждое по два морских бобра. Лица у них испещрены были красной и чёрной краской; у одного от самого лба до рта сделан чёрный круг наподобие полумаски, борода же и прочие части вымазаны светлой чернотью. Желая быть в совершенной готовности к отражению всякого внезапного нападения, я к ночи приказал половину наших пушек зарядить ядрами, а другую картечью.

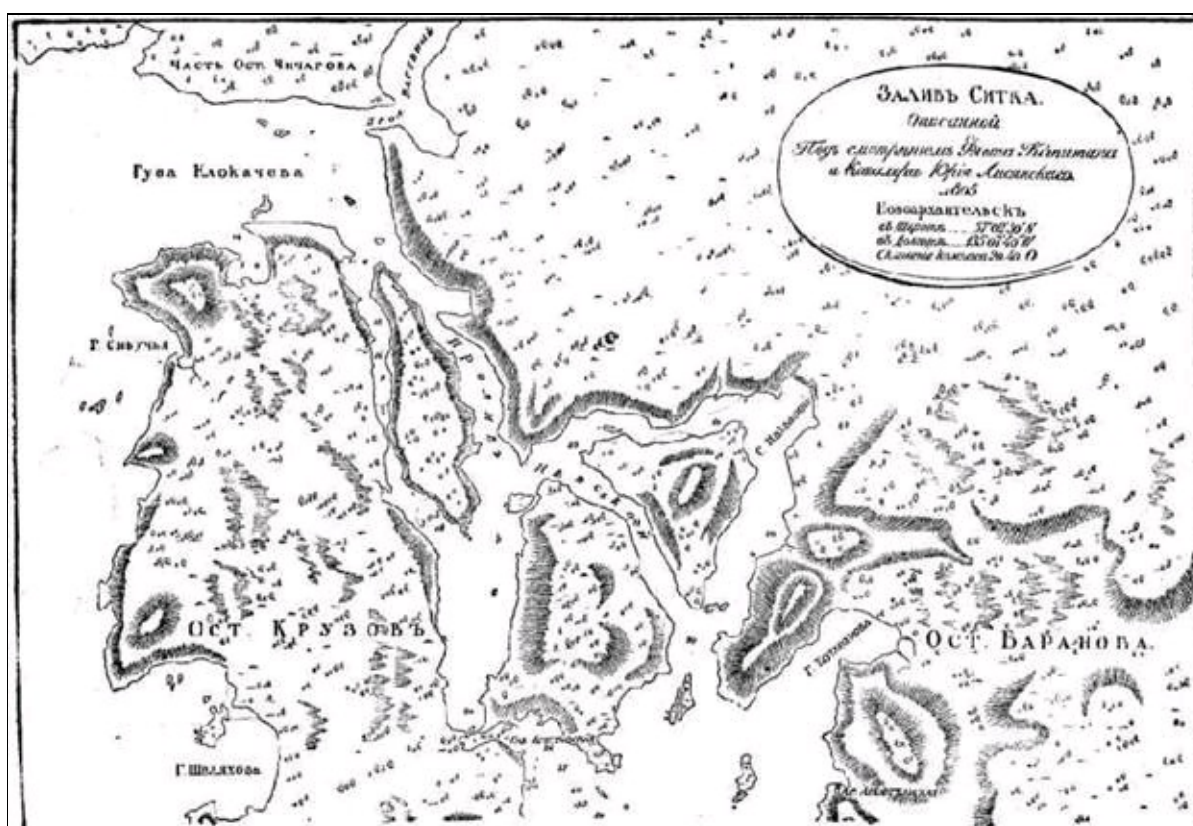
22 августа. Ветер не позволял кораблю войти в гавань под парусами, а потому и надлежало нам тянуться к ней на завозах; но так как глубина везде была большая, то мы в этот день могли только достигнуть якорного места, где и бросили якоря с носу и с кормы.

25 августа. К нам пришло судно, которое 20-го числа стояло у второго мыса от Эчкома. Это был корабль «Океин». Причина прибытия его в эту страну была та, что его капитан предполагал, будто бы ситкинцы производят с нами большой торг бобрами, которых мы здесь совсем не видали.

26 августа. На другой день пришла к «Океину» лодка, на которой находился молодой человек и два взрослых мальчика.

Я было приглашал их к себе, но напрасно. Один кадьякский житель, недавно бежавший из ситкинского плена, приехал к нам с корабля «Александр» и уведомил меня, что молодой человек, находившийся на упомянутой лодке, должен быть, как ему кажется, сын ситкинского начальника, нашего главного неприятеля. Но так как он и сам не совершенно был в том уверен, то я послал его хорошенько высмотреть, а между тем приготовил вооружённый ял. Лишь только лодка оставила «Океин», немедленно за нею погнались, но тщетно. Трое упомянутых молодых людей гребли с таким проворством, что наш ял никак не мог их догнать: они не только не оробели от погони, но ещё с великою неустрашимостью ответствовали на ружейную стрельбу, производимую по ним с нашего яла.

В самый день моего приезда был я на обоих компанейских судах и нашёл на них большой недостаток. На каждом из них находилось по две шестифунтовых пушки и по два четырёхфунтовых картауна [\[126\]](#), не было, однакож, ни пороха, ни такелажа столько, чтобы они могли исполнить своё предприятие с желаемым успехом. Я удивился, как можно было отправить эти два перевозочных бота (так как судами назвать их нельзя) в столь худом состоянии против народа, который, сделав преступление, употребил все зависящие от него меры для своей защиты и снабдил себя достаточным количеством огнестрельного оружия. И потому, войдя в хозяйственное распоряжение этими судами, я приказал их начальникам требовать от меня всего нужного, а между тем прибавил на каждое из них по две пушки с достаточным количеством снарядов.

31 августа. По 31-е число мы не видели ни одного из жителей, кроме тех, которые находились на упомянутой выше лодке, но сегодня около полудня явилась большая лодка с 12 человеками, из которых каждый был раскрашен и имел голову, убранную пухом. Объехав мыс гавани, они пробирались украдкой около берега. Поутру мы отправили за рыбой две байдары. Боясь, чтобы ситкинцы не овладели ими, я начал стрелять по лодке из пушек, однакож, нельзя было нанести им никакого вреда, потому что они миновали пролив, находящийся против нас, с великой поспешностью. В это время капитан корабля «Океин» ездил на своём баркасе за лесом и на обратном пути был атакован у берега. Я тотчас послал свой баркас в погоню за ситкинцами, но отыскать их было невозможно, так как они успели перетащить лодку через отмель в другую

небольшую губу, чего наш баркас был не в состоянии сделать. После этого я отправил то же самое судно вместе с катером для подания помощи рыболовам, если бы ситкинцы вздумали на них напасть. Уже в самые сумерки все наши гребные суда благополучно возвратились. Хотя поутру рыболовы и видели неприятельскую лодку, но та, которая проезжала мимо нас, с ними нигде не встретила.

Поэтому мы и заключили, что она, испугавшись нашей пушечной стрельбы, решила скорее убраться домой. Впрочем я не знаю, что должно думать о сегодняшней дерзости ситкинцев. Если бы они не имели в виду никаких неприятельских намерений, то могли бы прямо подъехать к нашему кораблю: вместо того, поравнявшись с нами, они сделали несколько ружейных выстрелов и пробили насквозь катер, который мы тогда спускали на воду, равным образом нанесли они небольшой вред и баркасу корабля «Океина», но из людей, на нём находившихся, ни один не убит, не ранен.

8 сентября поутру судно «Океин» ушло в море. Пользуясь ясной погодой, я сделал астрономические наблюдения и нашёл, что долгота этого места была западная $135^{\circ}18'15''$, широта же северная $57^{\circ}08'24''$. С самого нашего приезда мы здесь ничем более не занимались в ожидании Баранова, как только рыбной ловлей и другими мелкими работами. При минувшем новолунии я заметил прилив и отлив, по которым прикладной час [\[127\]](#) вышел 1 час и 10 минут пополудни. Мы, конечно, могли бы заняться подробным описанием проливов, разделяющих соседний наш архипелаг, но так как, по причине неприятельских действий со стороны ситкинских жителей, разъезжать на гребных судах было бы опасно, то мы и принуждены были проводить своё время в скучной праздности.

19 сентября дул юго-восточный ветер с частыми шквалами и дождём; эта ненастная погода продолжалась с 8-го числа, да и вообще можно сказать, что погода с самого нашего прихода, исключая несколько дней, стояла ветреная и дождливая, а иногда и туманная. В 5 часов пополудни прибыл к нам Баранов на судне «Ермак». Нет нужды описывать, с какой радостью увидели мы его прибытие; довольно сказать только то, что уже более месяца, как мы ждали его в этом несносном климате и оставались без всякого дела. Признаюсь, я было начал сомневаться, жив ли он. По уведомлению Баранова, ненастная погода стояла почти во всё время его плавания. Он прошёл проливом Креста во все соседние проливы и был в Хуцнове с партией, которая отстала от него третьего дня по причине крепкого ветра, и, следовательно, скоро должна притти к нам. Он прошёл вышеозначенным путём для того, чтобы наказать тех, которые разбили нашу партию во время разорения крепости Архангельской, а также и для промысла бобров, которых, не взирая на многие препятствия, удалось ему набить 1 600. В первом намерении он не имел большого успеха, потому что колюши (Колюшами, или колошами [\[128\]](#), называются все народы вообще, живущие от пролива Креста до Шарлотских островов.), узнав о его прибытии, тотчас разбежались.

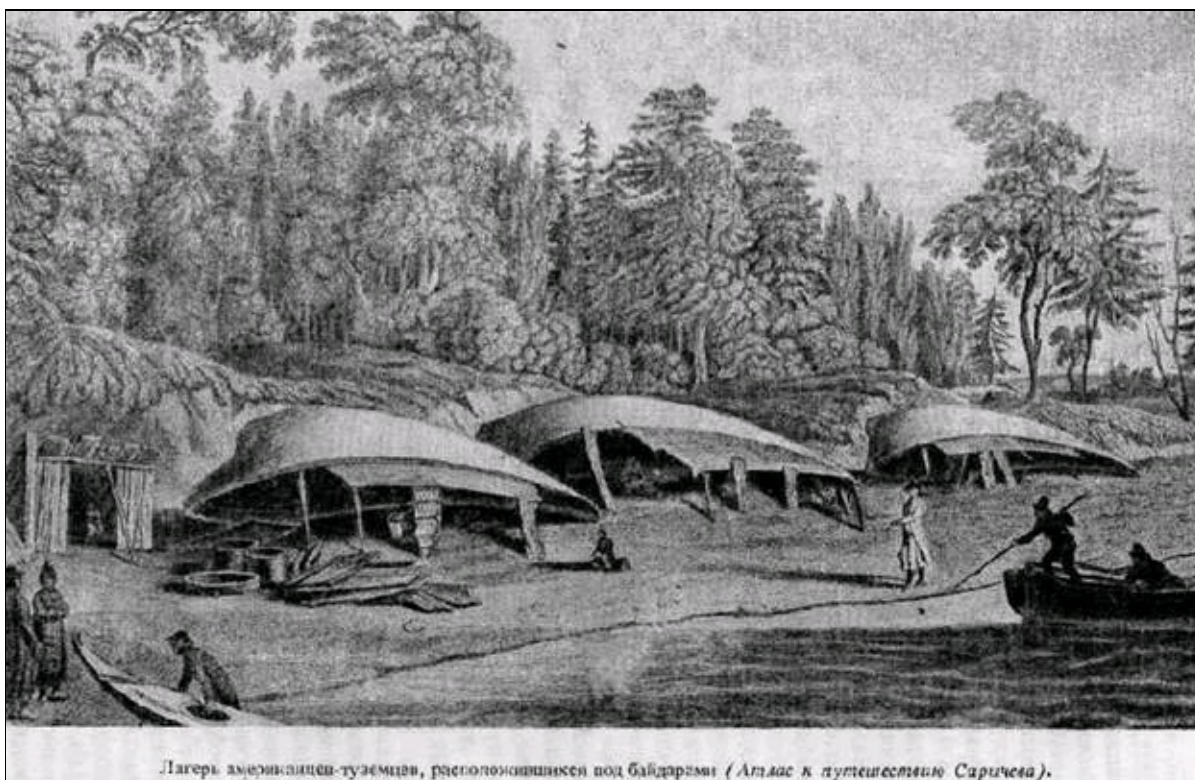
20 сентября. На другой день Баранос приехал ко мне и привёз разные колюшские вещи и маски, довольно искусно вырезанные из дерева и раскрашенные разными красками. Личины эти надеваются во время празднеств и представляют головы животных, птиц или каких-либо чудовищ. Все они так толсты, что на большом расстоянии невозможно пробить их пулей. Из привезённых вещей самой важной и особенное внимание заслуживающей была доска (род щита), выкованная или вытянутая из самородной меди, найденной на так называемой Медной реке. Длинной доска эта в 3 фута [91 см], шириной внизу 1 фут 10 дюймов [56 см], а сверху 11 дюймов [28 см]. На внешней поверхности её нарисованы некоторые изображения. Таких досок, по редкости и дороговизне своей, никто, кроме людей богатых, иметь не в состоянии, так как каждая из них стоит от 20 до 30 бобров. Говорят, что при праздничных обрядах носят их перед хозяевами, а иногда бьют по ним, извлекая звуки, вместо музыки. Впрочем вся важность таких досок состоит в самородной меди, потому, что за такую доску, сделанную из нашего металла, не дают более одного бобра..

23 сентября. Не имея никакого известия, где находится разлучившаяся с Барановым партия, мы отправили судно «Ермак» для отыскания её, а между тем занялись приготовлением на берегу удобного для неё места. В 8 часов вечера, к великому нашему удовольствию, показалась передовая часть партии. Она состояла из 60 байдарок и более 20 русских, под начальством Кускова, который, подойдя к «Неве» сделал ружейный залп, а мы пустили две ракеты. Хотя время было светлое, однако, я приказал повесить по одному фонарю на каждую мачту, полагая, что байдарки будут проходить всю ночь.

24 сентября. Поутру на другой день собралось не более половины партии, но берег, длиной сажень в 150 [метров 270], занят был людьми. К восходу солнца небо прочистилось. Но так как множество кадьякцев находилось ещё в отсутствии, то я отправил вооружённый четырьмя фальконетами баркас, приказав ему находиться в заливе и, в случае нужды, защищать их от нападения ситкинцев. Сам же в 9 часов сошёл на берег.

Требуется великий дар красноречия, чтобы надлежащим образом описать картину, представившуюся мне при выходе из шлюпки. Некоторые семейства успели уже построить шалаши, иные же еще начали делать их, и байдарки ежеминутно приставали к берегу во

множестве. Казалось, все окружавшие нас места были в сильном движении. Иные люди развешивали свои вещи для сушки, другие варили пищу, третьи разводили огонь, а остальные, утомясь от трудов, старались подкрепить силы своим сном. При выходе моём из шлюпки собралось навстречу нам около пятисот русских американцев [\[129\]](#), между которыми были и тайоны (старшины или начальники). Спустя несколько часов, я собрался возвратиться на корабль, но вдруг с пришедших с моря байдарок дали нам знать, что ситкинцы напали на русских американцев. Вооружённые промышленники тотчас бросились на помощь, а я, с своей стороны, послал десятивесельный катер и ялик под командой лейтенанта Арбузова, так что в полчаса устье гавани покрылось гребными судами. В 5 часов пополудни войско наше воротилось назад, и Арбузов донёс, что он подходил к нашей разорённой Архангельской крепости, но никого из ситкинцев не видел, а слышал только от кадьякских жителей, что неприятели, выехав на одной лодке, схватили нашу байдарку и убили двух гребцов.

Лагерь американцев-туземцев, расположенный под байдарками (Атлас к путешествию Саричева).

25 сентября. Наконец, 25-го числа вся партия, кроме 33 байдарок, собралась в одно место. Если они не присоединились к судну «Ермак», то, верно, попали к неприятелю. Удивительно, что ситкинцы не захватили, по крайней мере, четвертой части партии, так как она вчерашнего числа была так рассеяна, что более трёх байдарок вместе нигде не было видно. Наши американцы были столь смелы, что ночью по одиночке подъезжали к неприятельским жилищам. Поутру я был опять на берегу; войско наше уже расположилось в губе и каждое семейства выстроило для себя шалаш. Шалаши эти составляются самым простым образом. Сперва кладётся байдарка на ребро, перед которой, отступя на 4–5 футов [1,2–1,5 м], вколачиваются два шеста с поперечной жердью, с которой на байдарку кладутся вёсла, прикрепляемые с обоих концов. Последние обыкновенно прикрываются тюленьими кожами, а пол устилается травой и потом рогожами. Перед каждым таким жилищем разводится огонь, на котором, особенно поутру, непрестанно что-нибудь варят или жарят.

Партия Баранова была составлена из жителей кадьякских, аляскинских, кенайских и чугатских [\[130\]](#). При отправлении из Якутата в ней было 400 байдарок и около 900 человек, но ныне первых считается не более 350, а последних 800. Такие потери в людях приписывают простудным болезням, от которых несколько человек умерло, а другие для излечения

отправлены назад в Якутат. При партии находится 38 тайонов, или старшин, которые управляют своими подчинёнными и во всём сносятся с русскими, промышленниками. Обыкновенное вооружение партии составляют длинные копья, стрелы и другие орудия, приготовляемые для промысла морских зверей, а иногда употребляемые и для защиты. Но на этот раз выдано было ей множество ружей. Однако же и это наших неприятелей ситкинцев, повидимому, весьма мало устрашает.

27 сентября. Сегодня, как и вчера, корабль наполнен нашими американцами. Я нарочно приказал пускать всех, чем они крайне были довольны. Им никогда не случалось видеть такого корабля, и потому дивились ему чрезвычайно. Наши пушки, ядра и прочие снаряды приводили их в изумление. Тайонов потчевал я водкой в каюте. Они, конечно, уехали с теми мыслями, что на корабле моём собраны самые лучшие сокровища, так как стулья, столы и моя койка превышали их воображение. После обеда чугачи забавляли нас на берегу своей пляской. Они были наряжены в самые лучшие уборы, какие только у них находятся: иные были в фуфайке без нижнего платья, а другие в плащах и в парках (род сарафана с рукавами). У всех же вообще головы были убраны перьями и пухом. Они пели песни, приближаясь к нам, и каждый из них держал весло, кроме самого тайона, который, имея на себе красный суконный плащ и круглую шляпу, выступал важно, несколько в стороне от своего войска. Вся партия, подойдя к нам, стала в кружок. Сперва запели они протяжно, а потом песня становилась мало-помалу веселее. Пение своё сопровождали они телодвижениями, которые под конец превращались в иступленные. Танцовщики были в то же время и музыкантами, а музыка состояла из их голосов и старого жестяного изломанного котла, который служил им вместо литавров. По окончании этого увеселения, я роздал каждому по несколько листов табаку и возвратился на корабль. К вечеру явилось судно «Ермак», и вместе с ним пришли те самые байдарки, которые почитали мы погибшими. Таким образом, собрались все суда, кроме одного «Ростислава», отставшего от Баранова при самом выходе из Хуцновского пролива. Не теряя времени, мы положили учинить нападение на неприятеля и принудить его к удовлетворению наших требований, состоявших в том, чтобы не препятствовали восстановлению нашего поселения в их стране для производства охоты.

28 сентября на самом рассвете наши суда начали собираться в поход к ситкинскому селению. Вся партия двинулась из Крестовской гавани в одиннадцать часов до полудня. При самом выходе было безветрие, и потому парусные суда надлежало буксировать. В 10 часов ночи прибыли к месту своего назначения. Всю ночь слышны были голоса ситкинских жителей. По их частому уханию мы заключили, что происходит у них шаманство (род колдовства), вероятно, по случаю нашего прибытия.

29 сентября. На другой день погода была прекрасная. В 10 часов утра подошли мы к старому селению ситкинцев, которое они оставили. Один ситкинский тайон, явясь к нам на мыс, объявил, что жители желают мира и возникшее несогласие хотят прекратить без пролития крови. Мы ничего более не желали, как только миролюбивого окончания распри и приглашали тайона к себе на корабль для дальнейших переговоров. Но он не согласился, из чего и надлежало заключить, что ситкинцы не имеют ни малой склонности к миру, а желают только выиграть время. Баранов, сойдя на берег с некоторым числом вооружённых людей, поднял флаг на довольно высокой горе посреди оставленного селения: в то же самое время партовщики (так называют русских людей, составляющих партии), покрыли весь скат горы своими байдарками, а сами расположились в домах ситкинцев. В крепость поставили мы шесть пушек, из которых четыре были медными, а две чугунные. Крепость и по самому своему местоположению могла почитаться непреодолимой. Баранов, ещё при первом своём поселении, намерен был занять это место. Но так как ситкинцы обошлись с ним тогда весьма дружелюбно, то он, не желая показать

им, что покушается притеснить их, довольствовался только тем местом, на которое за два года перед этим ситкинцы напали и до 30 поселенцев предали смерти.

До высадки на берег мы сделали с судов залп по кустарнику, чтобы узнать, не засел ли в нём неприятель, а между тем лейтенант Арбузов, разъезжая на баркасе, обозревал берега. В полдень я прибыл в крепость, которая и названа была Новоархангельской, при нескольких выстрелах из всех орудий.

Вскоре после этого показалась вдали большая лодка, которую я приказал баркасу атаковать. Он встретился с ней у последнего острова. После довольно продолжительной перепалки из ружей и фальконетов, которыми баркас был вооружён, одно ядро попало в находившийся на неприятельской лодке порох, за которым ездила она в Хуцнов. На ней был также главный ситкинский тайон Котлеан, но, заметив наши суда, заблаговременно сошёл на берег и лесом пробрался в крепость. Если бы он попался в наши руки, то эта война кончилась бы скорым миром и без всякого кровопролития. Баркас привёз шесть пленных, из которых четверо были опасно ранены. Удивительно, каким образом могли они столь долго обороняться и в то же самое время заниматься греблей. У некоторых пленных было по пяти ран в ляжках от ружейных пуль. К вечеру явился к нам от ситкинцев посланник. С ним были ещё три человека, которые, однако, заблагорассудили воротиться назад. Он объявил, что соотечественники его желают заключить мир с русскими и ожидают нашего на то согласия. Ему приказано было сказать через переводчика, что поскольку ситкинцы разорили нашу крепость и перебили многих невинных людей без всякой причины, то мы пришли наказать их. Если же они раскаиваются в своём преступлении и желают искренно мира, то прислали бы немедленно в крепость своих тайонов, которым объявлены будут условия, подтвердив им, что мы, при всём справедливом нашем гневе, готовы снизить на их просьбу, и дело кончить без пролития крови. С этим ответом посланник отправился в своё селение.

30 сентября. На следующий день тот же самый человек, по требованию нашему, приехал к нам на лодке, однако же, без тайонов, но только с одним аманатом [\[131\]](#). Приближаясь к крепости, они что-то пели весьма протяжно, а как только лодка подошла к берегу, то аманат бросился в воду плашмя спиной. Мы тотчас послали людей для приёма, которые подняв аманата, привели его в крепость. Баранов подарил ему тарбоганью парку, ситкинцы же послали нам в подарок бобра. В это время как на нашей, так и на неприятельской крепости развевался белый флаг. Невзирая на это, посланник должен был воротиться назад без всякого успеха, так как мы без тайонов не хотели входить ни в какие мирные переговоры. Около полудня показалось до тридцати вооружённых человек, которые, подойдя к крепости на ружейный выстрел, стали в строй и начали переговоры. Баранов велел сказать им, что он совершённое ими злодеяние предаст забвению, если они согласятся дать ему двух надёжных аманатов и возвратят всех кадыякских жителей, находящихся у них в плену. Присланные не приняли нашего предложения, а давали другого аманата на место того, который был уже в нашей крепости. Таким образом, продолжавшиеся около часа переговоры кончились без желаемого успеха. Видя, что неприятели стараются продлить время, мы решительно дали им знать, что при первом случае не замедлим с вооружёнными судами явиться у их укрепления. Оно лежало в одной губе, верстах в полутора от нашей крепости. Получив этот ответ, весь строй пришёл в движение, прокричал три раза ууу! (крик этот означает, по сообщению переводчиков, конец делу) и тотчас воротились домой.

1 октября поутру мы начали тянуться на завозах к неприятельскому укреплению, куда и пришли около полудня. Тотчас по прибытии нашем ситкинцы подняли белый флаг; мы отвечали им тем же и ожидали переговоров с час. Не видя, однако, ни малейшего к тому знака, мы решились поуготать неприятеля небольшой стрельбой. А между тем я послал баркас с несколькими матросами к берегу и ял с четырёхфунтовым медным картауном, под начальством

лейтенанта Арбузова с тем, чтобы он старался истребить неприятельские лодки и сжечь амбар, стоявший недалеко от них, если будет удобный к тому случай. Арбузов, высадив свои войска на берег и взяв с собою одну пушку, начал приближаться к неприятельской крепости. Вслед за ним отправился и Баранов с двумя пушками, к которым вскоре потом подвезены были ещё две пушки, так что около пятого часа пополудни мы уже имели на берегу довольно хорошую артиллерию и до 150 ружей. Войско наше, несмотря на непрестанный огонь с неприятельской крепости, смело к ней приближалось. С наступлением ночи положено было сделать приступ. Арбузову надлежало действовать своими пушками против одних ворот, а Повалишину против других. Артиллерия перетащена была через речку. Осаждавшие, не теряя ни мало времени и закричав ура, бросились на крепость. Но неприятель, уже давно приготовившийся к сильной обороне, открыл ужасный огонь. Пушки наши действовали также весьма успешно, и крепость была бы непременно взята, если бы кадьядцы и некоторые русские промышленники, употреблённые для перевозки артиллерийских орудий, не разбежались. Неприятель, пользуясь этим случаем, усилил свою стрельбу по нашим матросам и в короткое время переранил всех и одного из них убил. Арбузов и Повалишин, видя, что нападение было неудачно, решились отступить. В это время убит был другой матрос, которого ситкинцы подняли на копья. Приметив, что неприятель делает вылазку в намерении преследовать отступавших, я приказал стрелять с судов, чтобы удержать стремление ситкинцев и прикрыть отступление. Арбузов, посадив всех своих людей на гребные суда и взяв с собою артиллерию, возвратился к нам вечером. По его словам, если бы все поступали с такою же храбростью, какую показали матросы, то крепость не могла бы долго держаться: пушки были уже у самых ворот, и несколько выстрелов решили бы победу в нашу пользу. Но трусость кадьядцев всё испортила. Баранов, Повалишин и все матросы, находившиеся в этом деле, были ранены. Один матрос на другой день умер.

2 октября. Поутру неприятель, ободрённый успехом, производил пушечную стрельбу по нашим судам, но не причинил ни малейшего вреда. Баранов, уведомив меня, что за болезнью на корабле быть не может, просил принять меры, какие только сочту я нужными, к окончанию начатого дела. Я приказал с судов, при всяком удобном случае, тревожить неприятеля пушечной стрельбой, не делая никакой высадки на берег. Такое распоряжение имело желаемый успех. Неприятель принуждён был просить мира. Я принял его предложение с тем, однако, чтобы к нам были присланы аманаты и возвращены все кадьядские пленные. Присланный сперва старался отделаться от моих требований своим красноречием, но потом, услышав, что мы без того не отойдём от крепости, прислал к нам своего внука в аманаты, дав честное слово, что всё прочее на другой день будет исполнено. Подозревая, нет ли какого умысла в столь неожиданной перемене, я через переводчика приказал, чтобы ни один человек не выходил из крепости, и ни одна лодка не выезжала бы до тех пор, пока мир не будет заключён совершенно. Между тем, зная по многим опытам вероломство ситкинцев, мы приготовились к новому нападению. Я обласкал находящегося у нас аманата, от которого узнал, много ли у них тайонов, пороха, ружей и пушек, какое количество провианта и где живут женщины.

3 октября. К рассвету ситкинцы выставили на крепости белый флаг и начали присылать аманатов, но с таким промедлением, что до самого вечера я получил их не более девяти. Между тем мы принуждены были неоднократно стрелять по крепости, потому что множество людей выходило из неё на берег, чтобы подбирать наши пушечные ядра. Однако при всём том еще можно было ожидать мира, так как самые ближние родственники тайонов находились уже у нас.

4 октября. Поутру ситкинцы прислали к нам мужчину и двух кадьядских женщин, от которых мы узнали, что ещё есть несколько тайонов, которые нам не доброжелательствуют, поэтому мы потребовали аманатов и от них. Баранов, приехав ко мне после полудня, положил

твёрдое намерение требовать сдачи крепости, без чего никакого мира заключать было невозможно. Требование это сделано было вечером, чтобы неприятели имели довольно времени одуматься. Между тем, я приказал своим судам подвинуться к берегу. С самого прибытия судов в это место наши партовщики разъезжали по островам. Вчера кадьякцам удалось отыскать юколы (вяленая рыба, которая запасается для зимнего времени) столь великое множество, что ими нагрузили 150 байдарок.

5 октября. Поутру привезен был к нам один аманат с кадьякской девушкой. Она уведомила, что наши неприятели, не надеясь на собственные свои силы, послали к хуцновским жителям, своим родственникам, просить у них помощи. Известие это заставило послать к ситкинцам переводчика с требованием, чтобы они немедленно оставили крепость, если не желают себе совершенной гибели. Весь день проведён был в переговорах; наконец, сам главный тайон просил у нас позволения переночевать в крепости, дав честное слово, что вместе с рассветом все жители оставят её.

6 октября. Поутру, подняв белый флаг на корабле, мы спрашивали, готовы ли ситкинцы выехать из крепости, но получили в ответ, что они ожидают прибылой воды. Около полудня начался прилив, но неприятели не показывали ни малейшего вида к исполнению своего обещания. Переводчику приказано было опять кричать в крепость, но, не получив никакого ответа, я принуждён был стрелять. В этот день взяты нами две лодки. Не видя никакого успеха в переговорах, я советовал Баранову приказать делать плоты, на которых можно было бы при полной воде подвезти пушки под самую стену. Вечером приехал ко мне тот самый, который перевёз к нам всех аманатов. Он просил возвратить ему перехваченную нами лодку, уверяя, что в то самое время, как он собирался ехать, унесло её водой. Отказав в просьбе, я советовал ему уговорить своих земляков выйти из крепости как можно скорее. Дав обещание исполнить это, он сказал, что если соотечественники его согласятся на наше требование, то ночью прокричат трижды ууу! И в самом деле, в 8-м часу вечера слышали мы гул, на который и сами прокричали три раза ура! После этого ситкинцы, пропев песню, дали нам знать, что они только теперь считают себя в совершенной безопасности.

7 октября. На следующий день поутру, не видя никакого движения, я заключил, что ситкинцы занимаются приготовлением к выезду из крепости. Спустя несколько времени, заметив, что повсюду насело великое множество ворон, я послал переводчика на берег. Он скоро возвратился с известием, что в крепости, кроме двух старух и мальчика, не было уже ни одного человека. Опасаясь, чтобы при их выезде на лодках мы не произвели по ним пушечной стрельбы, они решились бросить всё и бежать лесом, оставя нам до двадцати лодок, из которых многие были ещё новые. Таким образом, за совершённое ими злодеяние они самих себя наказали жесточайшим образом.

8-го числа судьба ситкинакого укрепления решилась. Сойдя на берег, я увидел самое варварское зрелище, которое могло бы даже и жесточайшее сердце привести в содрогание. Полагая, что по голосу младенцев и собак мы можем отыскать их в лесу, ситкинцы предали их всех смерти.

Ситкинская крепость представляла неправильный треугольник, большая сторона которого простиралась к морю на 35 сажен [65 м]. Она состояла из толстых брёвен наподобие палисада, внизу были положены мачтовые деревья внутри в два, а снаружи в три ряда, между которыми стояли толстые брёвна длиной около 10 футов [3 м], наклонённые на внешнюю сторону. Вверху они связывались другими также толстыми брёвнами, а внизу поддерживались подпорками. К морю выходили одни ворота и две амбразуры, а к лесу — двое ворот. Среди этой обширной ограды найдено четырнадцать барабор (домов), весьма тесно построенных. Палисад был так толст, что немногие из наших пушечных ядер его пробивали; а потому побег ситкинцев надо

приписывать имевшемуся у них недостатку в порохе и пулях. В крепости мы нашли около 100 наших пушечных ядер; я приказал отвезти их на корабль. Кроме этого, нам достались две оставленные неприятелем небольшие пушки. В бараборах отыскано некоторое количество вяленой рыбы, солёной икры и другой провизии, также множество пустых сундуков и посуды. Все обстоятельства заставляли нас заключить, что в крепости находилось не менее 800 человек мужского пола.

9 октября. Кончив своё предприятие против ситкинцев, 9-го числа мы возвратились к Новоархангельской крепости.

15 октября. С 10-го числа погода продолжалась дождливая и была великим препятствием в нашей работе, которая состояла в разных постройках. Что же касается до ситкинцев, то мы уже никакого о них известия не имели, несмотря на то, что каждый день до ста из наших рыбаков разъезжали по разным проливам. Мы здесь с некоторого времени не могли достать никакой речной рыбы, а попадались одни только палтусы [\[132\]](#), которые весом были иногда до 8 пудов [128 кг]. Они ловятся здесь по ноябрь, а с этого времени по март уходят на большую глубину. Поэтому на зиму надо заблаговременно запастись съестными припасами.

21 октября. На прошедшей неделе наши стрелки убили пять сивучей [\[133\]](#). Большой сивуч весил до 70 пудов [1 120 кг], прочие же от 40 до 60 пудов [от 640 до 960 кг]. Мясо этих животных походит на говяжье и может служить хорошей пищей, почки же и язык весьма вкусны. В этот день байдарка ездила на реку за рыбой неподалёку от нашей старой крепости; один из находившихся в ней гребцов застрелен из лесу. Это обстоятельство заставило нас думать, что ситкинцы не хотят жить с нами в мире.

23 октября. Сегодня приехал на корабль «Нева» старик, привозивший к нам ситкинских аманатов. Ныне же он явился в виде посланника от хуцновского народа с уверением, что они желают жить с русскими дружески. В подарок он привёз нам двух бобров. Баранов и я, со своей стороны, отарили его разными вещами с полным уверением в желании нашем сохранять доброе согласие с своими соседями. После этого посланник требовал от нас позволения, чтобы хуцновские жители взяли ситкинцев в своё владение, утверждая, что последние не заслуживают доверия. На столь странную просьбу Баранов отвечал, что он в домашние их обстоятельства мешаться не намерен, а желает иметь дружбу со всеми. Потом велел переводчику рассказать о случившемся третьего дня убийстве. Старик, выслушав это, усугубил свою просьбу, чтобы соотечественникам его позволено было овладеть ситкинцами. После этого рассказал он следующее о происхождении ситкинцев: "В губе, неподалёку от старой нашей крепости, жили два малолетних брата, но неизвестно, откуда они взялись. Они не имели ни в чём недостатка. Однажды, ходя по морскому берегу, меньший из них по имени Чаш, нашёл растение, похожее на огурец с колючками, и съел его. Старший, увидев это, говорил своему брату, что съеденный им плод для них запрещён, и после такого преступления должно им будет искать себе пропитание трудом, прежнее же во всём довольствие, которым они пользовались, исчезнет. После этого предались они печали; спустя несколько времени появились стахинцы [\[134\]](#) из пролива позади острова Адмиралтейства и хотели взять в плен обоих братьев. Но они, рассказав о своём сиротстве, малолетстве и бедности, упростили пришельцев не только не лишать их свободы, но ещё снабдить жёнами и наставлением как жить в свете. Желание их было исполнено; они имели многих детей, и положили начало ситкинскому народу".

2 ноября. С третьего дня погода начала меняться. Окружавшие нас горы покрылись снегом, и холод по утрам сделался довольно ощутимым. Поутру, по обеим сторонам корабля, прошло несметное множество касаток. Это показалось нам странным, так как они обыкновенно приходят к здешним берегам весной для ловли сельдей. После перехода нашего к крепости

Новоархангельской жаловаться на погоду мы не имели причины. Мы заметили, что прикладной час здесь составляет 11 минут пополудни.

В прошедшую неделю по ночам нередко было заметно северное сияние и такой холод, что термометр не поднимался выше нуля.

Глава вторая. Плавание корабля «Нева» из залива Ситки до острова Кадьяка

Корабль «Нева» оставляет мыс Эчком. — Описание восточной части острова Кадьяка. — Северная часть того же острова.

Ноября 10 числа 1804 г. Поутру при маловетрии мы вступили под паруса, а к 8 часам вечера оставили мыс Эчком. Во время прохода нашего по заливу три раза было совершенное безветрие, которое принудило буксировать корабль, но, наконец, подул северо-восточный ветер, при котором и вышли в море. С отправления нашего от ситкинских берегов ветры дули непрестанно восточные и юго-восточные и так сильно, что корабль «Нева» до 13-го числа никогда не имел менее 8 миль [15 км] ходу в час.

14 ноября. В 9-м часу остров Еврашичий и мыс Чиниатский были у нас в виду. К полудню ветер сделался порывистым, и шквалы так часто повторялись, что я принуждён был поворачивать корабль каждые два часа к великой своей невыгоде; к вечеру несколько поутихло.

15 ноября. С полуночи ветер повернул к востоку-юго-востоку, потому и я направился к югу. На рассвете мы увидели остров Угак. В это время погода вдруг сделалась ясной и около полудня позволила нам подойти к гавани Св. Павла. Вход в неё был несколько неудачен, так как корабль «Нева», ввиду отсутствия в проходе надлежащих знаков, стал на мель; однако, снят был без всякого вреда и поставлен на том самом месте, на котором стоял по прибытии из Европы.

16 ноября. Расснастившись совершенно и укрепив корабль надлежащим образом для зимовки, мы перешли жить на берег. Читатель легко может себе вообразить радость, которую наши матросы высказали при этом, так как после столь продолжительного плавания, а особенно после ситкинского похода, даже и пустая земля должна была показаться им гораздо приятнее, нежели самый лучший корабль.

26 ноября. С прибытия нашего до 26-го числа погода стояла холодная; термометр иногда опускался до 5,5 °С ниже точки замерзания.

27 ноября. В гавань Св. Павла прибыло судно «Ермак», посланное Барановым в Якутат. Оно, вместо того, чтобы возвратиться в Ситку, пришло сюда. Это судно дважды подходило к горе Эчком, но каждый раз встречалось там со штормом и было отнесено в море. У кадьякских берегов оно находилось 12 дней и в продолжение двух последних суток не имело ни капли свежей воды.

Почти весь декабрь стояла тёплая погода при северо-восточном ветре. Термометр большей частью показывал 3 °С, а 24-го числа -3 °С; с этого времени земля покрылась снегом, который и оставался до самой весны.

1805 год

Январь 1805 г. С январём наступила настоящая стужа, которая и продолжалась до 9 марта. В

продолжение этого времени, исключая нескольких дней в феврале, погода стояла ясная, и ветры дули свежие с запада или с юго-запада. Самый же большой мороз был 22 января в 9 часов вечера, когда термометр упал почти до $-17,5^{\circ}\text{C}$. В последних числах февраля и в первых марта морозы также нередко были -16° и -17°C , но после началась оттепель, которая и позволила нам опять приняться за свою работу. Не теряя нисколько времени, я велел готовить корабль к походу, а сам занялся астрономическими наблюдениями, и с помощью лучших инструментов Тroughtона и Ramsden нашёл, что гавань Св. Павла лежит на $152^{\circ}8'30''$ з. д.

22 марта. Между тем, как делались приготовления к нашему отправлению, я решился осмотреть и описать восточную часть острова Кадьяка. 22 марта я вышел из гавани Св. Павла с тремя байдарками, имея при себе штурмана и одного матроса. Едва мы подъехали к камню Горбуну, как вдруг налетел шквал, а над берегами начали показываться тучи с юга: поэтому, опасаясь крепкого ветра за Чиниатским мысом, рассудили мы пристать к ближайшему берегу и там переночевать.

23 марта. Утро было тихое и приятное. На самой заре мы отправились в путь. В 8 часов прошли Чиниатский мыс, а в половине двенадцатого находились против острова Угака. Во время проезда между ними и кадьякским берегом дул южный ветер, который произвёл такое волнение, что в короткое время нас перемочило. Однако, мы никакого другого несчастья не имели и благополучно прибыли к Игатскому жилищу в половине седьмого вечера. Берег от Чиниатского до Толстого мыса так утёсист, что, кроме последнего, на северной стороне нигде нельзя пристать. Он состоит из аспида [\[135\]](#), поверхность которого покрыта грубой травой; изредка попадает невысокий топольник; что же касается до ельника, то его, кроме как у самого Чиниатского мыса, да и то в весьма малом количестве, нигде более не видно. Я не имел другого способа определить расстояние между Павловской и Игатской губой, как только по ходу байдарок и часам, по которым вышло около 75 вёрст [80 км].

24 марта. На другой день погода была прекрасная. Поутру вместе со штурманом Калининым я поехал по заливу и был на компанейском судне, называемом "Пётр и Павел", которое, не имея возможности войти в гавань Св. Павла, принуждено было зимовать здесь. После обеда я ходил в Игатское жилище, где, кроме одних ребят, никого не нашёл. Ибо все прочие, пользуясь убылью воды, ушли за ракушками, которые в нынешнее время служат здесь единственной пищей.

25 марта. Игатское селение оказалось расположенным на $57^{\circ}29'58''$ с. ш. После обеда пришёл ко мне игатский тайон с женой. Перекрестясь несколько раз, они сели на пол без всяких околичностей и показывали знаками, что хотят нюхать табак. Я не замедлил исполнить их требование и вступил с ними в разговор. Я объяснил им способы, которыми они могут облегчить свою участь и зажить лучшей жизнью. Советовал им строить хорошие дома, на зиму запастись достаточным количеством съестных припасов и соблюдать во всём чистоту и опрятность. Уверял их, что если они разведут огороды, то избавятся от продолжительных и весьма скучных трудов собирать полевые коренья. Во время этого разговора я узнал, что хотя китовина почитается у них первой и необходимой пищей, однако, китовых промышленников, во время ловли, считают нечистыми, а потому никто с ними не только не ест и не пьёт из одной посуды, но даже к ним не приближается. Мне рассказывали о следующем весьма странном суеверии, которым заражены здешние охотники. По окончании лета они прячут свои инструменты в пещерах, где тщательно хранят до времени; крадут тела тех умерших, которые при жизни особенно славились своим искусством и расторопностью, и также держат их в пещерах. Эти мумии хранятся, как некоторые говорят, для большего счастья в промысле, а по мнению других, для того, будто из этих тел вытапливается жир или сок, которым намазываются стрелы, чтобы раненый ими кит скорее умер.

26 марта. Сегодня игатский тайон опять был у меня с дядей и своим племянником. Они, между прочим, рассказывали мне, что первое русское судно, пришедшее в их страну, зимовало по южную часть Кадыака около 1768 года. В следующий год пришло другое судно, но островитяне, сделав на него нападение, принудили его удалиться, не имея, с ним никаких торговых сношений.

Вечером приехал ко мне русский промышленник, бывший на острове Уналашке в то самое время, когда близ него появился новый островок. Об этом чрезвычайном явлении природы я слышал уже давно и потому желал иметь о нём подробные сведения. Островок внезапно показался около половины апреля 1797 года. Первое известие об этом чуде было доставлено алеутами [\[136\]](#), которые, возвращаясь с моря, уверяли всех в Капитанской гавани, что неподалёку видели они огонь над поверхностью моря. Огнедышащая гора [\[137\]](#), извергая из себя пламя, выходила из морской глубины мало-помалу, так что в мае 1798,г. приметен был из уналашкинского селения Макушина вновь появившийся остров, хотя он находился не менее, чем в 70 верстах к северо-западу. Этот остров походит теперь, как говорят, на шапку, довольно высок и в окружности своей имеет около 20 вёрст. Замечено, что с 1799 года он ни мало не увеличивается. Расплавленная материя, разорвав поверхность некоторых вершин, разбросала горные породы, которыми они сложены. Уверяют, что новое произведение природы с самого начала его появления видно было с острова Умнака.

28 марта приехал к нам тайон Минак, старик лет 80-ти, самый большой шаман или колдун на острове. Желая, может быть, удивить нас своими баснями, он уверял, что часто видится с нечистым духом, с помощью которого он предсказывает народу будущее. Мы весьма смеялись над его рассказами, и бедный старик так рассердился, что ушел от нас, не простясь ни с кем.

Залив Игатский имеет в длину около 20 вёрст. В нём находятся многие небольшие губы, из которых в наиболее удалённых суда могут безопасно стоять на якоре. В заливе есть две гавани, где мореплаватели могут найти многие удобства. Входя в залив, надобно держать ближе к южному берегу, так как северный весьма каменист. Внутренность залива покрыта горами и кое-где заселена. Там растёт в значительном количестве тополь, ольха и берёза, из них первый по толщине своей годен к постройке домов, но только непрочен. Место это окружено речками, которые летом бывают наполнены рыбой. Что же касается до птиц, то поверхность воды везде ими покрыта; утки каждое утро своим криком не дают покою. При въезде в залив мы убили несколько чёрных куликов, которые были немного поменьше курицы и имели нос и ноги красные.

29 марта. Сегодня погода стояла тихая и ясная. Поутру в 7 часов, сопровождаемый тайоном и двумя байдарками я отправился в Килюдинский залив. Сперва мы пристали к Угашекскому селению, где нашли всех жителей в великой печали, так как тайонский сын умер ночью и только что был погребён перед нашим приездом. Мать покойника с сестрой и ещё другой родственницей я застал плачущими у могилы. Однако они сделались несколько повеселее, как только начал я потчевать их табаком.

Верстах в 14 к югу от Угашекской губы лежит большой утёс, близ которого опасно ехать на байдарках при восточном, юго-восточном и южном ветрах. Подъезжая к Килюдинскому заливу мы увидели множество небольших кольев, натканных рядом на высоком утёсе, которые означали, что здесь кто-нибудь из промышленников упал в воду. В три часа пополудни мы были у килюдинскопо тайона. Он показал мне два высоких камня, на которых стояли старинные крепости островитян. На одном из них, как говорят, находилось 14 барабор, но теперь и следов их не осталось.

30 марта мы употребили весь день на осмотр берегов. Встречавшиеся нашим взорам новые предметы приносили нам великое удовольствие. Здесь мы настреляли множество диких уток.

Килюдинский залив разве немного короче Игатского и почти совершенно на него походит. Он разделяется на две довольно длинные губы, в которых суда могут стоять спокойно. Нам нельзя было измерить глубину потому, что на байдарках опасно вынимать лот (орудие, посредством которого измеряется глубина). Однако достали дно до 16 сажен [30 м]. Мимоходом пристали мы к одному селению, в котором нашли множество ребят и старух, почти полумёртвых от голода, потому, что все молодые люди мужского пола находились с Барановым. Желая, сколько возможно, облегчить их бедственную участь, я отдал им всю бывшую тогда со мною сушёную рыбу и оставил это печальное место. Бедные жители, исполненные живейшей благодарности, выбежав из своих хижин, кланялись мне в землю и произносили многократно слово «ладно», что означает здесь гораздо больше, нежели спасибо.

Сегодня делал я наблюдения неподалёку от последнего мыса до верхней западной губы у 57°17'43" с. ш. Северо-западная губа гораздо длиннее первой и глубока почти до самой своей вершины. У берегов её местами находится хороший грунт. Жители показывали мне хребты, на которых собирается вещество вроде карандаша ^[138]. Как говорят, оно лежит слоями.

31 марта. Поутру был густой туман и тишина. К 8-му часу хотя и прочистилось, однако ненастье всё ещё продолжалось. После полудня я ездил в Пьяновскую губу. Здесь мне удалось закупить множество редкостей, а особенно кукол, вырезанных из моржовой кости. Судя по ним, можно заключить, что кадьякцы в резьбе ныне уже не столь искусны, как были прежде.

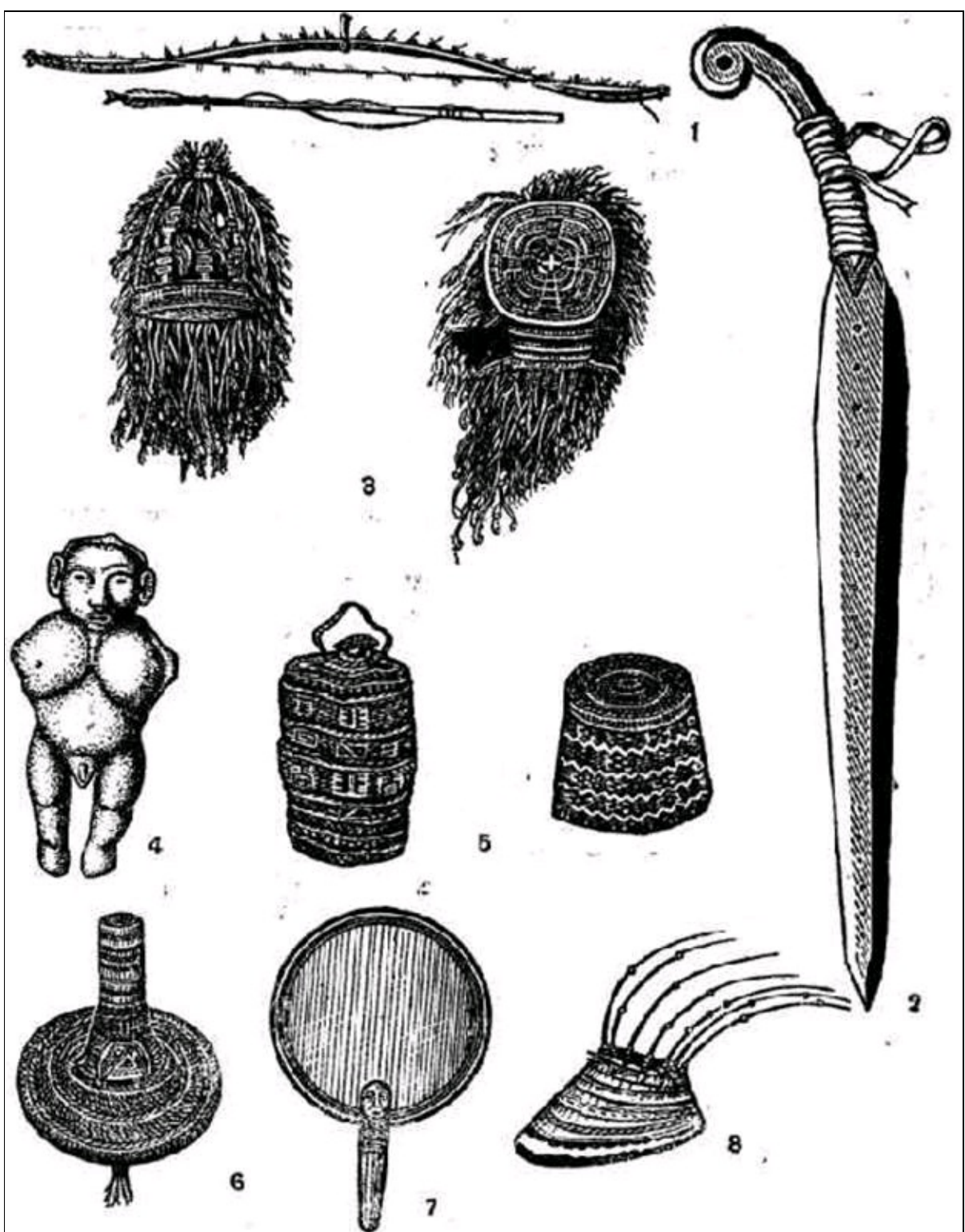
1 апреля погода была дождливая, и временами шёл снег. Невзирая на это ненастье, я с утра отправился в гавань Трёх Святителей, куда прибыл к пятому часу пополудни. Местность до пролива между Кадьяком и островом Салгхидаком довольно гористая. Однако, находятся губы, где гребные суда могут удобно приставать. В одной из них есть небольшое селение. Берега пролива весьма приятны. На них растёт довольно много ольхового, берёзового и тополевого леса, и местами они заселены многими семействами. Мы заезжали в так называемое Беглецовское селение, весьма удобно устроенное. Жители его показались нам здоровее игатских и килюдинских и гораздо зажиточнее. Тотчас по приезде нашем тайонша принесла нам большую чашу ягод, смешанных с китовым жиром, и усердно нас потчевала. Поблагодарив за ласковый приём, я также потчевал её табаком и, одарив почти всех разными безделицами, отправился в дальнейший путь. Туманная погода, наступившая при самом нашем отъезде, не позволила нам рассмотреть берега до гавани Трёх Святителей, у которой они весьма утёсисты и окружены большими камнями.

2 апреля. После полудня небо несколько прочистилось и позволило нам осмотреть и описать гавань. Узнав о приезде тайонов из некоторых селений, я приказал позвать их к себе. Мы долго разговаривали. Я всеми способами старался внушить им охоту к трудолюбию, представляя им неоценимые выгоды домашних ремёсел. Тайоны нимало не опровергали моих советов, но уверяли меня, что множество причин препятствуют, или, лучше сказать, отнимают у них способы к занятию ремеслом.

5 апреля. Сегодня, пользуясь благоприятной погодой, мы отправились к губе Наюмляк. По эту сторону её северного мыса, мы находились под лёгким восточным ветром, но как только начали его обходить, то волнение сделалось таким сильным, что наши байдарки весьма часто обливало водой, и мы с великим трудом приплыли к другому берегу. Лишь только мы пристали к Кияикскому селению, как вышел сам тайон со всеми своими подчинёнными навстречу и они вынесли меня на руках с байдаркой на берег. В тайонской бараборе я пробыл около двух часов, с удовольствием занявшись рассматриванием разных редкостей. С великим трудом мы могли попасть в помещение, которое кадьякцы называют жупаном. Хотя оно внутри и довольно просторно, но двери, или, лучше сказать, лазея так узка, что я принуждён был, просунув сперва голову и руки, влезать в неё ползком. На Кадьяке жупан служит гостиной, баней, спальней, а

иногда и могилой. В длину, по крайней мере, тот, в котором мы были, имеет 13 футов и 10 дюймов [4,2 м], а в ширину 14 футов и 7 дюймов [около 4,5 м]. Вокруг этого помещения, исключая отверстие, лежали не слишком толстые брёвна, на расстоянии 3 футов 3 дюймов [около 1 м] от стены. Это пространство устлано лавтаками (невыделанной кожей) и рогожами, а брёвна служат вместо изголовья. Они украшаются иногда коренными бобровыми зубами, которые своим видом походят на человеческие, только гораздо больше. Всякому покажется весьма странно, как можно взрослому человеку улечься в столь коротком пространстве, между стеною жупана и вышеупомянутыми брёвнами, но для здешних островитян длиннее постели не нужны, ибо они спят скорчившись, так что колена достигают почти до самой шеи, и по большей части лежат на спине.

К полудню погода сделалась ясной, и мы, пользуясь ею, делали наблюдения на $57^{\circ}00'52''$ с. ш., а потом сняли несколько лунных расстояний, по которым оказалось, что Кияик имеет $153^{\circ}15'$ з. д. Это место, по моему мнению, приятнее других. В нём я заметил достаточное изобилие всех вещей, нужных в общежитии. Кончив наше обозрение, мы отправились обратно в гавань Трёх Святителей, куда прибыли через два часа с половиной.

Украшения, оружие и предметы быта жителей острова Кадьяк. (Атлас карт и рисунков к сочинению Лисянского)

1—Лук и стрела. 2—Нож из китовой кости. 3—Нарядная шанка с узорами. 4—Кукла. 5—Ишхат (корзина и сосуд для воды). 6—Тайонская шапка. 7—Барабан. 8—Шапка охотников на бобров.

6 апреля. Весь этот день и ночь на 7-е число мы провели в Мысовской губе, на острове Салтхидаке. Мы остановились у местного тайона. Опять я был принуждён ломать себе спину, лазя в разные жупаны, но зато удовлетворил своё любопытство. Там, между прочим, удалось мне видеть мужчину и женщину, у которых волосы на голове все были острижены, а лица вымараны сажей, что означало, по словам моего переводчика, глубокий траур. До прибытия русских в эту страну, эти знаки печали обыкновенно продолжались целый год, ныне же полагается только один месяц, а иногда и менее.

Проведя более суток с жителями всякого возраста, я имел случай удостовериться в чрезвычайной простоте кадьякцев. Правда, при входе моём в жупаны сперва наблюдалась

некоторая учтивость, которая однако, в короткое время проходила, так что если кому из жителей вздумалось лечь или раздеться донага, то он делал это без всякой застенчивости. Между разговорами занимались мы рассматриванием ишхатов, или корзинок, плетёных из корней, в которых жители хранят все своё имущество. Корзины, принадлежащие мужчинам, наполнены были стрелками разных родов и кусками дерева с небольшим изогнутым ножом, зубом и камнем. Эти вещи составляют все кадьякские орудия для разных поделок, кроме не очень широкого куска железа, привязанного к рукоятке. В женских же корзинках содержатся разные лоскутки, жилы, бисер, иголки и другие мелочи. В полдень, по наступлении ясной погоды я делал астрономические наблюдения не только над широтой, которая оказалась $57^{\circ}00'45''$, но и над долготой (по 24 расстояниям луны от солнца), на которую можно надеяться. Последняя, — западная, — равна $153^{\circ}5'22''$.

Вечером развели мы огонь, к которому собралось довольно много жителей. Они все любовались, видя, как мы пили чай, а чтобы и им не было скучно оставаться простыми зрителями, я приказал раздать каждому по сушёной рыбе и по куску китового жира, хозяина же с хозяйкой потчевал своим напитком, которым они, как кажется, были весьма довольны. Приметив, что около 9 часов многие из наших собеседников начали зевать, я просил их итти на покой когда им угодно, а нас не дожидаться. Поэтому все они и разошлись. Здесь ещё можно заметить, что во время чаепития хозяева ужинали, что происходило с некоторым отличием от нашего обыкновения. Как только рыба была сварена, кухарка подала первое блюдо хозяину, который, наевшись, остатки отдал своей жене. Следующие же блюда раздавались по старшинству, так что мальчики ожидали весьма долгое время, покуда дошла до них очередь.

7 апреля. На другой день, проснувшись вместе с рассветом, я вышел из бараборы и увидел многих мужчин на крышах своих жилищ. Это считается у них за первое удовольствие после сна, хотя они всегда любят сидеть и смотреть на море.

8 6 часов утра мы выехали от своего ночлега. Я послал Калинина осмотреть находившуюся неподалёку от нас довольно глубокую губу, сам же сперва заехал в Проклятовское селение, а потом прибыл в гавань около 11 часов. Только в одной Мысовской губе на всём Кадьяке мы видели жёлтый песок, в прочих же местах повсюду находили сланец и простой серый камень.

В полдень у самого строения, находящегося в гавани Трёх Святителей, я делал астрономические наблюдения на $57^{\circ}05'59''$ с. ш., а около 2 часов пополудни снял двенадцать лунных расстояний, по которым оказалось $153^{\circ}19'15''$ з. д. Средняя, между наблюдениями в Мысовской губе и Наюмляке, западная долгота будет $153^{\circ}14'30''$.

8 апреля дул тихий ветер, а погода стояла ясная. В половине восьмого мы выехали из гавани. Калинин пристал к первому мысу для измерения углов, а я верстах в пяти далее вышел на низменность для снятия полуденной высоты, по которой северная широта оказалась $57^{\circ}10'14''$. Едва успели мы отъехать от места, где сделаны были наблюдения, как ветер усилился, однако же, около 5 часов вечера мы прибыли в Беглецовское селение, не имея на пути никакого неприятного случая. Тут мы расположились ночевать и раскинули свою палатку в бараборе перед огнём. Беглецовское селение, как мною и прежде было сказано, лучше других, и жители его зажиточнее прочих. В этом месте нашёл я женщину, которая была заключена в конуру, похожую на шалаш из прутьев с округлым сводом. Она была посажена в него по случаю смерти сына и должна была сидеть двадцать дней сряду, если бы мы не выпросили ей свободы, утверждая, что погода не позволяла ей без явного вреда для здоровья выполнить этот обычай. Как ни странно покажется такое обыкновение просвещённому человеку, однако же оно на Кадьяке исполняется с величайшей точностью, хотя бы то стоило и самой жизни.

9 апреля. В следующий день, несмотря на снежную погоду и свежий ветер, я решился двинуться вперёд и в 9 часов поутру прибыл в селение Езопкино, где за дурной погодой

принуждён был ночевать. Пополудни Калинин ездил в ближнюю губу, а я, между тем, узнав, что в селении Аникинском господствует голод, от которого шесть мальчиков и одна старуха уже померли, отправил туда на своей байдарке сушёной рыбы и китовины. Между прочим меня удивил орёл, который после захода солнца влетел в барабору и сел у огня. Он, говорят, так умён, что где бы ни находился, всегда узнаёт свои байдарки, возвращающиеся с рыбачьего промысла, и тотчас летит домой. Кадьякские жители держат этих птиц единственно для перьев, которые употребляются для стрел всякого рода.

10 апреля поутру мы отправились в Игатский залив. По пути заезжали в Шашхатскую губу, в самой вершине которой я делал астрономические наблюдения на $57^{\circ}18'43''$ с. ш. У южного её мыса находится высокий утёс, образовавшийся, как говорят жители, из конической горы, которая во время бывшего в 1788 году землетрясения низвергнута была в море. Меня уверяли, что прежде, на том самом месте, где теперь лежит длинный каменный риф, был песчаный берег.

Теперь не излишне будет упомянуть о местности, начиная от Килюдинской губы до гавани Трёх Святителей. Всё это расстояние занято островом Салтхидаком, так что пролив по обе оконечности его простирается около 15 вёрст в ширину, а к середине суживается, и, наконец, берега его сходятся так, что расстояние между ними не более полуверсты. В этом месте встречаются два течения, так как прилив от южного мыса острова идёт к северу, а от северного к югу. Берега в узком участке пролива невысоки и изредка покрыты лесом. Хотя нам и не удалось сделать никакого промера, однако же, можно полагать, что глубины будут везде достаточны для судов.

В Шашхате мне случилось видеть искусство отворять кровь. Молодая женщина, взяв иголку, насаженную на деревяшку, воткнула её больному в руку, по крайней мере на полдюйма [1,2 мм]. Потом, наставив конец иглы в середину вены, просунула его насквозь, на другую сторону, и самым тупым инструментом, называемым пекулкой (род медной сечки) разрежала вену до иглы. Кровь в первый раз не пошла, почему она заключила, что не попала в настоящее место, и повторила свою операцию с лучшим успехом. Надобно было иметь много терпенья, чтобы вынести такое повторение, но больной даже ив поморщился, хотя кидал кровь ещё в первый раз.

12 апреля. Поутру при тихом ветре и весьма приятной погоде оставили мы Игатский залив, а в полдень пристали к острову Угаку. Проезжая сегодня между ним и Тонким мысом, я не видел ничего похожего даже на тот бурун, который был замечен нами в первый проезд. Этот бурун, как говорят, бывает только при южных ветрах. На Угаке мы пробыли недолго, так как весьма скоро начали скопляться облака, а я спешил возвратиться в своё жилище. Местный тайон советовал нам остаться у него до утра, уверяя, что скоро подует северо-восточный ветер. Однако же я, невзирая на это, поехал и, хотя дождь и волны промочили меня порядочно, в половине десятого пополудни прибыл благополучно в гавань Св. Павла. После полудня ветер начал дуть с востока и произвёл такое волнение, что через байдарки непрерывно плескало. Но эти кожаные лодки так же хорошо противятся бурной погоде, как и палубные суда.

Угакское селение состоит из четырёх барабор, что же касается до жупанов, то они просторнее и лучше всех тех, какие я видел прежде. По прибытии моём я нашёл любимца своего Савву тайоном на острове. Он только что схоронил своего отца. Мы ходили на могилу покойника. Она, как и все прочие, состояла из невысокого бугра, на котором положено несколько брёвен, сперва вдоль, а потом поперёк, а на них наложено несколько крупных камней.

По прошествии праздника пасхи, мы принялись за вооружение, которое продолжалось довольно долго, потому что надлежало взять с собой большой компанейский груз не только для Кантона, но и для Ситки. Между тем штурман Калинин, по моему поручению, занимался описанием северной части Кадьяка, которое и совершил с желаемым успехом. Он не только достиг Карлуцкого селения, но даже объехал острова Афогнак и Еврашичий, сделав несколько

астрономических наблюдений в нужных местах для связи с прежними нашими описаниями.

Время стояло прекрасное, и около 15 мая горы были покрыты зеленью. Но неожиданно на 19-е число ударил мороз и выпало снегу на полдюйма [1,2 см], который, однако, после 12 часов совершенно исчез. Такая перемена, которая бывает здесь нередко, наделала бы много хлопот в Европе, но у кадьякцев, кроме полевых растений, морозить нечего. Они даже чистосердечно верят, что такое необыкновенное происшествие предвещает им какое-либо счастье. И в самом деле, их ожидание сбылось, так как на другой же день к нам принесло в гавань мёртвого кита, которого, хотя от него происходил отвратительный и вредный запах, они тотчас распластали и разделили между собой.

Едва мы успели уложить груз, находившийся в кадьякских магазинах, как на байдарках был привезён прошлогодний промысел из Кенайского [\[139\]](#) залива, состоящий из рысей, речных бобров и разных других зверей. Между прочим, было привезено несколько кенайских одежд к другим редкостей, часть которых куплена мной.

Приехавший из Кенайского залива промышленник уведомил нас, что его обитатели живут спокойно, но только требуют, чтобы к ним не присылали наших священников. В противном же случае они поручили ему сказать, что убьют первого, кто только осмелится к ним приехать. К такому раздражению подал повод монах Ювеналий, который в 1796 году, по своему долгу и званию, сильно настаивал, чтобы кенайцы оставили многоженство, и некоторых из них обвенчал по принятому нашей церковью обряду. Кенайцы за такой поступок предали его смерти. Мы также получили известие из компанейской фактории Нучки, что её управляющий послал было на так называемую Медную реку одного человека, чтобы открыть там торговлю, но тот на пути был убит. Одному только промышленнику Баженову удалось возвратиться без всякого вреда. Некогда он сделал по берегу Медной реки около 300 вёрст и, конечно, не избежал бы смерти или рабства, ежели бы его не спасла женщина, которую он любил; по возвращении своём на Кадьяк он женился на ней. По словам Баженова, на этой реке находится большое количество самородной меди. Но жители её тщательно скрывают те места, где она попадает большими кусками.

Наше приготовление к походу должно было кончиться в начале июня, если бы мы не принуждены были сделать новый бушприт [\[140\]](#). Это неожиданное обстоятельство задержало корабль «Нева» до 13-го числа.

Климат на острове Кадьяке. — Растения. — Звери и птицы. — Число жителей. — Их бараборы, или дома. — Обычаи. — Одежда. — Пища. — Брачные обряды. — Обряды при погребении. — Рыбная и птичья ловля и охота. — Орудия для охоты и ловли. — Строение байдарок. — Управление на Кадьяке.

Кадьяк — один из самых больших островов, принадлежащих России в пятой части света [\[141\]](#). Он довольно горист и окружён глубокими заливами, в которые впадает множество речек. На их берегах можно устраивать селения, другие же места покрыты скалами и почти вечным снегом. Этот остров состоит из сланца, лежащего наклонными слоями, и плотного серого камня. По словам жителей и по собственному опыту нашёл, что климат острова не очень приятен. Воздух редко бывает чист, даже летом случается мало таких дней, которые можно бы было назвать тёплыми. Погода совершенно зависит от ветров. Когда они дуют с севера, запада или юга, то и погода стоит ясная. В противном же случае сырость, дождь и туман следуют непрерывно друг за другом. Здешние зимы походят на нашу ненастную осень, но прошедшая зима, которую мы провели на Кадьяке, была исключением из этого общего положения. Довольно глубокий снег лежал с 22 декабря по 15 марта, и термометр Фаренгейта опускался иногда до нуля (17,7 °С. (Прим. ред.)). Я нарочно мерял толщину льда на прудах, которая в марте оказалась равной 18 дюймам [0,45 м].

Тополь, ольха и берёза растут на Кадьяке в небольшом количестве, а ель попадает только около северного мыса и гавани Св. Павла. До прибытия русских в эту страну, кроме сараны [\[142\]](#), кутагарныка [\[143\]](#), петрушки, лука, горчицы [\[144\]](#) и огуречной травы [\[145\]](#), никаких других растений не было. Теперь же разводят там картофель, репу, редьку, салат, чеснок и капусту. Впрочем, последние растения еще не вошли в общее употребление. Для их разведения требуется большой труд и преодоление многих препятствий, происходящих от климата. Влажный воздух и частые дожди много препятствуют хлебопашеству. Однако же в прошлом году Компанией здесь было посеяно немного ячменя, который местами весьма хорошо родился и совершенно доспел. Поэтому можно судить, что яровой хлеб на этом острове может расти с успехом.

Среди животных число природных обитателей острова не слишком велико. Они состоят из медведей, разных родов лисиц, горностаев, собак и мышей. Со времён же Шелехова на острове разведён рогатый скот, козы, свиньи и кошки. Я также имел удовольствие во время моего пребывания к вышеуказанным родам домашних животных прибавить английскую овцу и русского барана, от которых уже произошло потомство. Напротив того, там водится великое множество птиц, как-то; орлы, куропатки, кулики, разных родов журавли, топорки, ипатки [\[146\]](#), гагары, урилы [\[147\]](#), ары [\[148\]](#), речные и морские утки, вороны и сороки. Сперва не было там кур, но русские развели и их в большом количестве. Уток здесь множество разных родов. Некоторые из них отлетают весною, когда являются гуси и лебеди, которые местами остаются на целое лето. Сверх того, находятся ещё три сорта небольших птичек, из которых тёмносерые называются ненастными потому, что они своим пением предвещают скорую непогоду.

Кадьяк изобилует также белой и красной рыбой. К первому роду принадлежат палтус,

треска, калага [\[149\]](#), бык [\[150\]](#), терпуг [\[151\]](#), камбала, гольцы [\[152\]](#), окуни, вахня [\[153\]](#), сельди и уйки [\[154\]](#), а ко второму: чевыча [\[155\]](#), сёмга, кижучь [\[156\]](#), хайко [\[157\]](#), красная горбуша и красные гольцы. Речки с мая по октябрь наполнены красной рыбой, так что её в короткое время можно наловить руками несколько сотен. Иногда случается, что она стоит кучами от самого дна до поверхности воды, как будто бы в чану, и тогда дикие звери, а особенно медведи, питаются одними только их головами. Они заходят в воду и ловят рыбу лапами с удивительным проворством. Но всего забавнее видеть, когда эти животные, оторвав только мозговую часть головы, бросают остатки на берег. Близ кадыжских берегов водятся во множестве киты, касатки, нерпы [\[158\]](#) и сивучи. Несколько лет назад попадались поблизости морские бобры, но теперь они отошли довольно далеко в море, а серые котики [\[159\]](#) и совсем перевелись (Компания промышляет котиков на островах Св. Георгия и Са. Павла. Сперва эти животные водились там в большом количестве, но теперь несколько поубавились. Однако при хороших порядках недостатка в них быть никогда не может. Бывало такое время, что каждый промышленник убивал по 2 000 котиков в год. Очень жаль, что на обоих этих островах нет хорошей гавани и суда принуждены бывают стоять на якорях в открытом море на плохом грунте. При крепком же морском ветре им непременно надо сниматься с якоря и лавировать. Говорят, что поверхность первого из островов очень высокая, а второго — низменная. Оба они имеют недостаток а пресной воде, птицей же изобилуют, а особенно так называемой ара, яйцами которой промышленники питаются всё лето. Детей она выводит на утёсах.). Кроме этого, весной повсюду ловятся круглые раки [\[160\]](#); они имеют вид расплющенного паука, и с моря в губы идут всегда, сцепившись попарно.

Число жителей острова, относительно его величины, весьма невелико, так как, по моим изысканиям, их не более 4 000 человек.

Старики уверяют, что перед приходом русских на остров число жителей было вдвое больше. Следовательно, и тогда считалось их не свыше десяти тысяч душ. Шелехов в своём путешествии упоминает, что он на Кадыке покори́л русскому скипетру до 50 000 человек. Но это показание так же верно, как и то, будто бы на камне, находящемся против острова Салтхидака, он разбил 3 000 и взял в плен более 1 000 человек. На самом же деле, как я упомянул выше, там находилось не более 4 000, считая в том числе женщин и детей.

Кадыакцы среднего роста, широколицые и широкоплечие. Цвет кожи имеют красновато-смуглый, а глаза, брови и волосы чёрные, последние жёсткие, длинные и без всякой курчавости. Мужчины обыкновенно свои волосы или подстригают или распускают по плечам, а женщины, подрезав их около лба, вяжут назад в пучок. Одежду здешних жителей составляют парки и камлейки; первые шьются из шкур морских птиц или звериных кож, а последние из сивучьих, нерпичьих и медвежьих кишок или китовых перепонок. В прежние времена зажиточные островитяне украшали себя бобрами, выдрами и лисицами. Но теперь всё это отдаётся Компании за табак и прочие европейские безделицы. Мужчины опоясывают себя повязкой с лоскутом спереди, которым прикрывается то, чего не позволяет обнаруживать стыдливость. Женщины носят нерпичий пояс шириной в три или четыре пальца. Головы они покрывают шапками из птичьих шкур или плетёными шляпами, выкрашенными сверху очень искусно и имеющими вид отреза плоского конуса. Ходят почти всегда босые, исключая весьма холодного времени, когда они надевают род сапог, сшитых из нерпичьей или другой кожи.

Кадыакцы весьма пристрастны к нарядам. Уши искалывают вокруг и убирают их бисером разных цветов. Женщины же унижают им руки, ноги и шею. В прежние времена все они сквозь нижнюю часть носового хряща продевали кости или другие какие-либо вещи. Мужчины вкладывали камни или длинные кости в прорез под нижней губой, длиной около полдюйма, женщины же навешивали коралки ^[161] или бисер сквозь проколотые там дырочки, в которые обыкновенно вставляли ряд небольших косточек, наподобие зубов. Нежный пол здесь так же привязан к щегольству и украшениям, как и в Европе. В старину они делали «тату», или узоры на подбородке, грудях, спине и на прочих местах, но такой обычай уже выходит из употребления. Самой дорогой вещью они считают янтарь. Он для кадыакца гораздо драгоценнее, нежели для европейца бриллиант, и его носят в ушах вместо серёг. Я подарил небольшой кусок янтаря тайонскому сыну, который едва не сошёл с ума от радости. Взяв эту драгоценность в руки, он вне себя кричал "Теперь Савва (так его называли при крещении) богат. Все знали Савву по храбрости и проворству, но ныне узнают его по янтарю". Мне после рассказывали, что он ездил в разные места острова нарочно, чтобы показать мой подарок.

Пища здешних жителей состоит из рыбы и всякого рода морских животных: сивучей, нерпы, ракушек и морских репок ^[162]. Но китовый жир предпочитается всему. Как он, так и головы красной рыбы всегда употребляются сырые. Прочее же варится в глиняных горшках или жарится на палочках, воткнутых в землю подле огня. Во время голода, который на острове нередко случается зимой, а весной бывает почти всегда, обычным прибежищем жителей служат отмели, или лайды. Селение, у которого находится такое изобильное место, почитается у них самым лучшим.

Кадьякцы, до прибытия к ним русских, не имели никакой установленной веры, а признавали доброе и злое существа. Из них последнему, боясь его, приносили жертвы, говоря, что первое и без того никому никакого зла не наносит. Теперь они почти все почитаются христианами. Но вся вера их состоит только в том, что они имеют по одной жене и крестятся, входя в дом россиянина. В остальном не имеют никакого понятия о наших догматах, а переходят в веру единственно из корысти, т. е. чтобы получить крест или другой какой-либо подарок. Я знал многих, которые трижды крестились, получая за то каждый раз рубаху или платок.

О первом заселении острова никто из них ничего основательного сказать не может, а каждый старик сплетает особую сказку по своему вкусу. Тайон Калпак, который почитается на острове умным человеком, рассказывал мне следующее: "К северу от Аляски жил тайон, дочь которого влюбилась в кобеля и с ним прижила пятерых детей. Из них двое были женского, а трое мужского рода. Отец, рассердясь на свою дочь и улучив время, когда её любовника не было дома, сослал её на ближний остров. Кобель, придя домой и не видя своих, долго грустил, но напоследок, узнав о месте их пребывания, поплыл туда и на половине дороги утонул. По прошествии некоторого времени щенята подросли, а мать рассказала им причину своего заточения. Старик тайон, соскучась по своей дочери, приехал сам её навестить, но не успел войти в дом, как был растерзан своими разъярёнными внучатами. После этого печального приключения мать дала детям волю итти куда желают, почему одни отправились к северу, а другие через Аляску к югу. Последние прибыли на остров Кадьяк и размножили на нём людей. Мать же их возвратилась на свою родину". На мой вопрос, каким образом собаки могли попасть на Кадьяк, он отвечал, что остров сперва отделялся от Аляски только рекой, а настоящий пролив сделала чрезвычайно большая выдра, которая жила в Кенайском заливе и однажды вздумала пролезть между Кадьяком и материком.

Некто рассказывал мне историю о сотворении острова таким образом: "Ворон принёс свет, а с неба слетел пузырь, в котором были заключены мужчина и женщина. Сперва они начали раздувать свою темницу, а потом растягивать её руками и ногами, от чего составились горы. Мужчина, бросив на них волосы, произвёл лес, в котором размножились звери, а женщина, испустив из себя воду, произвела море. Плунув же в канавки и ямы, вырытые мужчиной, она превратила их в реки и озёра. Вырвав один из своих зубов, она отдала его мужчине, а тот сделал из него ножик и начал резать деревья. Из щепок, бросаемых в воду, произошли рыбы. От душистого дерева (род кипариса) — горбуша, а от красного — кижуч. Мужчина и женщина со временем произвели детей. Первый сын играл некогда камнем, из которого образовался Кадьяк. Посадив на него человека с сукой, он отпихнул его на теперешнее место, где потом начали разводиться люди".

В прежние времена на Кадьяке было многоженство. Тайоны имели до 8 жён, а прочие по своему состоянию. Игатский тайон в бытность мою на острове держал у себя трёх жён. У шаманов их было столько, сколько, как они уверяли своих соотечественников, им позволяло иметь сверхъестественное существо.

Сватовство или вступление в брак производится здесь следующим образом. Жених, услышав, что в таком-то месте находится хорошая девушка, отправляется туда с самыми

дорогими подарками и начинает свататься. Если родители пожелают выдать за него свою дочь, то он одаривает их, покуда они не окажут «довольно». В противном же случае он уносит всё назад. Мужья почти все живут у жениных родственников, хотя иногда ездят гостить и к своим. У своего тестя они служат вместо работников. По прошествии некоторого времени, весь брачный обряд заканчивается тем, что молодой проводит ночь со своей молодой, а поутру, встав вместе со светом, он должен достать дров (Доставать дрова во многих местах этого острова дело весьма трудное по совершенному недостатку в лесе.), изготовить баню и в ней обмыться с женой своей раньше всех. При свадьбах не бывает никаких увеселений, а если зятю удастся убить какое-либо животное, то тесть, из одного хвастовства, рассылает куски своим приятелям. Этот обычай водится во время изобилия, в противном же случае каждый житель бережёт для себя всё, что только может промыслить.

Кадыякцы бывают привязаны не столько к живым, сколько к своим умершим родственникам. Покойник одевается в самое лучшее платье, а потом кладётся по большей части опять на то же место, где лежал во время своей болезни. Между тем, как копают яму, родственники и знакомые неутешно воют. После приготовления могилы, тело умершего завёртывается в звериные кожи, а вместо гроба обтягивается лавтаками [\[163\]](#). Потом оно опускается в могилу, поверх которой кладутся брёвна и камни. По совершении погребения дальние родственники уходят по домам, а ближние остаются и плачут до захода солнца. В прежние времена, после смерти какого-либо из знатных жителей, имели обыкновение убивать невольника, или калгу, как здесь их называют, и погребали его вместе с господином или госпожой. Теперь же тела даже самых богатых осыпаются только раздавленным бисером или янтарём, что, однако же, случается весьма редко. С умершими охотниками кладётся их оружие, т. е. бобровые, нерпичьи и китовые стрелки. Наверху ставят решётки байдарок. Я видел длинные шесты, воткнутые над могилами, которые означали высокий род погребённой особы. Говорят, что кадыякцы чрезвычайно печалются по покойникам и плачут при каждом о них упоминании. Стрижка волос на голове и марание лица сажей считается здесь знаком печали по умершем. Жена, лишившаяся мужа, оставляет свой дом и уходит в другое жилище, в котором и проводит известное время. То же самое делает и муж после смерти своей жены. После кончины детей мать садится на 10 или на 20 дней в особо построенный малый шалаш, о котором мною было упомянуто раньше.

Обряд, наблюдаемый здесь при рождении, довольно любопытен. Перед последним временем беременности строится весьма малый шалаш из прутьев и покрывается травой. Женщина, почувствовав приближение родов, тотчас в него удаляется. Роженица, по разрешении своём от бремени, считается нечистой и в своём заточении должна оставаться двадцать дней, хотя бы то было зимой. В продолжение этого времени родственники приносят ей пищу и питьё, и всё это подают не прямо из рук в руки, но на палочках. Как только кончится срок, то роженица, вместе со своим ребенком, омывается сперва на открытом воздухе, а потом в бане. При первом омовении у новорождённого прокалывают хрящ в носу и всовывают кусок круглого прутика. Делается также прорез под нижней губой или протыкается несколько дыр насквозь. Отец, после рождения ребенка, обыкновенно удаляется в другое селение, хотя и не надолго.

Я могу уверить, что в целом свете нет места, где бы жители были более неопрятны, как на этом острове, но при этом малейшая природная нечистота считается у кадыякцев за самую мерзость. Например, женщины в периодических обстоятельствах должны удалиться в шалаш, подобный родильному, и быть в нём до тех пор, пока не очистятся совершенно. Те же, с которыми это случилось еще в первый раз, принуждены бывают выдерживать там десятидневный карантин и, омывшись, возвратиться к родственникам. Их также кормят или с палочек, или бросают к ним пищу без посуды.

Во время моего проезда по острову мне самому случилось это видеть. Я даже мерил многие конурки, которые обыкновенно вырываются в земле на 2/3 аршина и так плохо покрыты, что с непривычки в дурную или холодную погоду должны быть вредны для здоровья.

Между разными болезнями, которым бывают подвержены кадьякцы, наиболее часты: венерические, простуда и чахотка. Средств, употребляемых для излечения недугов, три: шаманство, или колдовство, вырезывание больной части и кидание крови. Говорят, что в первой степени венерической болезни употребляется взвар из корней, когда же она бросится в нос, то прорезывают ноздри, а в других случаях прокалывают хрящ.

Воспитание детей у кадьякцев ничем не отличается от других подобных народов. Они с младенчества приучаются к стуже купанием в холодной воде и другими подобными способами. Нередко случается, что мать, желая унять раскричавшегося ребёнка, погружает его зимою в море или реку и держит до тех пор, пока не уймутся слёзы. В привычке к голоду они не имеют нужды ни в каком наставнике, а каждый сам время от времени привыкает его выносить. Нередко им случается, по недостатку в съестных припасах, оставаться несколько дней сряду без всякой пищи. Мужчины заблаговременно приучаются делать и бросать стрелки, строить байдарки, управлять ими и прочее. А девицы также с юных лет начинают шить, вязать разные шнурки и делать прочие вещи, свойственные их полу. Все здешние мужчины вообще занимаются рыболовством и промыслом как морских, так и наземных зверей. Одна только китовая ловля принадлежит особенным семействам и переходит от отца к тому сыну, который в этом промысле показал больше искусства и расторопности перед другими. Впрочем, китовую ловлю кадьякские жители еще не успели довести до того совершенства, в котором она находится у гренландцев и у других народов. Кадьякский промышленник нападает только на малых китов и, сидя в однолужной байдарке, бросает в него гарпун, древко которого при ударе отделяется от аспидного носка и остаётся на воде. Таким образом, кит, получив рану и имея в своём теле упомянутый аспидный носок или копье, уходит с ним в море и потом выбрасывается на берег, а иногда и совсем пропадает. Поэтому можно заключить, что никто из китовых промышленников не уверен в своей добыче.

Что же касается морских бобров, то разве сотый из них может спастись от своих гонителей. Они промышляются следующим образом. В море выезжает множество байдарок, и как только которая-нибудь из них подъедет к бобру, то охотник, бросив в него стрелку или не делая этого, гребёт на место, где он нырнул и поднимает весло. Все прочие байдарки, увидев этот знак, бросаются в разные стороны, и около первой байдарки составляют круг сажен до 100 [метров 180] в поперечнике. Лишь только животное вынырнет из воды, как ближние байдарки бросают в него также свои стрелки, а самая ближайшая, став на месте, где нырнул бобёр, опять поднимает весло. Другие располагаются так же, как и в первом случае. Охота продолжается таким образом до тех пор, пока бобёр не утомится или потеряет силы от истечения крови из ран. Я слышал от искусных промышленников, что иногда двадцать байдарок бьются с одним бобром половину дня. Бывают даже и такие животные, что своими лапами вырывают из себя стрелки, однако же, большей частью по прошествии нескольких часов делаются добычей охотников. По опытам известно, что бобёр, нырнув в первый раз, остаётся в воде более четверти часа, но в последующие разы это время мало-помалу уменьшается, и, наконец, бобёр приходит в такое бессилие, что совсем не может погружаться в воду. Весьма жалкое зрелище представляется для человека чувствительного, когда промышленники гонятся за бобровой самкой, имеющей при себе малых детей. Материнская к ним привязанность должна бы тронуть каждого человека, но кадьякский житель не чувствует ни малейшей жалости. Он не пропустит ничего, плавающего по морю, не бросив в него своей стрелки. Лишь только бедная самка увидит своих неприятелей, то, схватив бобрёнка в лапы, тотчас погружается вместе с ним в море, а так как он не может быть

долго под водой, то, невзирая ни на какую опасность, она опять поднимается наверх. В это время промышленники пускают в неё стрелки, которыми она скоро и бывает ранена, стараясь укрыть своего маленького. Случается иногда, что при внезапном нападении бедное животное оставляет своё дитя, но в таких обстоятельствах оно неизбежно погибает, ибо покинутого бобрёнка можно весьма удобно изловить, а мать, слыша его голос, уже не в состоянии удалиться. Материнская привязанность влечет её к своему детёнышу. Она тотчас подплывает к байдарке, стараясь освободить его, и тогда-то получает от промышленников многие раны и неминуемо погибает. Если у самки двое детей, то она старается спасти обоих, но в случае неудачи одного из них разрывает сама или оставляет на произвол судьбы, а другого защищает всеми способами. Кадыкцы, занимаясь этим промыслом с самых юных лет, делаются со временем великими в нём искусниками. В тихую погоду они узнают места, где нырнул бобёр, по пузырям, остающимся на поверхности воды, в бурное же время бобры ныряют, по их наблюдению, всегда против ветра. Меня уверяли, что если бобёр приметит где-нибудь не занятое байдарками место или промежуток между ними шире других, то он непременно туда устремится. Он старается высмотреть это место, высовываясь из воды до пояса, но, вместо спасения, подвергается неминуемой опасности. Убить бобра считается у промышленников большим торжеством. Оно обыкновенно выражается странным криком, после которого следует разбирательство, кому принадлежит добыча. Главное право на неё имеет тот, кто первый ранил пойманного зверя. Если несколько человек вдруг брооили в него свои стрелы, то правая сторона берёт преимущество перед левой, а чем рана ближе к голове, тем важнее. Когда же несколько стрелок, у которых моуты (Моут — жильный шнурок, которым стрелка или её наконечник привязывается к древку.) оторваны, находится в обычных частях тела, то тот, у которого остаток длиннее, считается победителем. Хотя, как кажется, вышеупомянутых правил достаточно, но при всём том происходит множество споров между промышленниками, которые часто приходят к русским для решения.

Нерпа считается у кадыкцев первым промыслом после бобра. Ловят её сетками, сделанными из жил, которые посредством грузил растягиваются в воде. Нерпу бьют сонную, но всего забавнее, когда заманивают её к берегу. Охотник скрывается между камнями и, надев на голову шапку, сделанную из дерева наподобие нерпичьей морды, кричит голосом нерпы. Животное, надеясь найти себе товарища, подплывает к берегу и там лишается жизни.

Ловля птиц, называемых урилами, составляет третий промысел. Их ловят также жильной сеткой, которая внизу растягивается на шест, длиной в 2 сажени [3,7 м]. В верхние концы сетей продевается шнур сквозь ячей, и прихватывается по концам вышеуказанного шеста. Поскольку эти птицы обыкновенно садятся на утёсы, то охотник, подкрадываясь с собранной сетью и достигнув удобного возвышения, бросает её прямо на птиц. Испугавшись, урилы стараются улететь и запутываются в сети. Тогда охотник, держа один конец шнурка, тянет другой к себе и собирает сетку в кошель, в котором иногда находится целое стадо птиц. Ширина сетки бывает обыкновенно сажени две с небольшим, а длина — до 12 сажен [22 м].

Рыба по кадыкским рекам ловится руками и кошельками на шестах, а иногда её бьют вброд копьями. Но в море употребляются костяные уды разной величины, смотря по рыбе. На уду, вместо линя, привязывается морской лук, который бывает длиной сажени в 30 [метров 55], а в диаметре около 1/8 дюйма [0,3 см]. Растение это гораздо лучше жильных шнуров, так как последние слишком растягиваются, когда намокнут, и не так крепки.

Кадыкское оружие состоит из длинных пик, гарпунов и стрелок, которыми промышляют морские звери: киты, нерпы, касатки и бобры. Когда жители вели войну между собой, то вооружались большими луками, наподобие аляскинских, и стрелами с аспидными или медными носками. Но теперь редкие из них держат это оружие. Китовый гарпун имеет в длину около 10

футов [3 м] с аспидным копьем, сделанным наподобие ножа, острого с обеих сторон, который вставляется довольно слабо. Нерпичий не короче китового, с костяным носком или копьем, на котором нарезано несколько зубцов; к нему прикрепляется пузырь. Поэтому, хотя животное и потащит его, но погрузить в воду не может. Есть и ещё особый род нерпичьих стрелок, которые довольно походят на бобровые и отличаются от касаточных только одними носками, ибо у последних они длиннее и вставляются в кость, которая при ударе выпадает. Наконечники указанных стрелок, не исключая нерпичьего гарпуна, привязываются к моутам, или жильным шнуркам, которые прикрепляются к древку. Они вставляются в концы, оправленные в кость, так что, когда зверь ранен, то наконечник выходит из своего места, и, оставшись в теле, сматывает шнурок с древка, которое, упираясь непрестанно о поверхность воды, утомляет добычу, стремящуюся поминутно нырять. Стрелки бросаются правою или левою рукой с узких дощечек, которые следует держать указательным пальцем с одной стороны, а тремя меньшими — с другой, для чего вырезаются ямки. Стрелки кладутся оперенным концом в небольшой желобок, вырезанный посреди дощечки, и бросаются прямо с плеча.

Рабочие орудия состоят из небольшой шляхты, которую теперь делают из железа, а прежде она была аспидная, и из кривого неширокого ножика, вместо которого до прибытия русских употреблялась раковина. К ним можно присоединить ноздреватый камень, употребляемый для очистки работы, и зуб, посаженный в небольшой черенок. С этим бедным набором инструментов кадьякцы искусно отделяют свои вещи. Что же касается женщин, то в искусстве шить едва ли кто может превосходить их, кроме как на островах Лисьих. Я имею многие образцы их работы, которые сделали бы честь лучшим нашим швеям. Чем кадьякцы древнее, тем превосходнее работа, а особенно резьба из кости. Это ремесло, судя по куклам, находящимся у меня, было в хорошем состоянии, если принять во внимание, что оно принадлежало необразованным людям. Но ныне с трудом можно сыскать человека, который изобразил бы что-нибудь порядочное. Всё шьётся здесь жильными нитками, которые выделяются так тонко и чисто, что не уступят лучшему сучёному шёлку. Плетёнки же из них или шнурки делаются с удивительным искусством. Оленья шерсть, козий волос, раздёрганный стамед [\[164\]](#) только на Кадьяке употребляется для украшения. До приезда русских женщины употребляли костяные иголки собственной своей работы, почему в каждом семействе находится небольшое орудие для проверчивания ушек. Женщины так бережливы, что если, даже и теперь сломается железная игла, то просверливают ушки на остатках, покуда это можно делать.

На Кадьяке, подобно всему северо-западному берегу Америки, шаманство, или колдовство, находится в большом уважении. Шаманы учатся своему искусству с малолетства. Уверяют, что они имеют сношения с нечистым духом, по внушению которого могут предсказывать будущее. Они также считают, что некоторым детям положено судьбой быть земными шаманами и что они видят всегда своё назначение во сне. Хотя у каждого из этих обманщиков есть нечто особенное, но основное у всех одинаковое. В середине бараборы постигается нерпичья кожа или другого зверя, подле которой ставится сосуд с водой. Шаман выходит на вышеупомянутую подстилку и, скинув с себя обыкновенное платье, надевает камлейку задом наперёд. Потом красит своё лицо и покрывает голову париком из человеческих волос с двумя перьями, похожими на рога. Напротив садится человек, который предлагает ему вопросы. Одевшись и выслушав просьбу, шаман начинает песню, к которой мало-помалу присоединяются зрители, и напоследок составляется хор, или, лучше сказать, шум. При этом шаман делает разные телодвижения и прыжки до тех пор, пока в беспамятстве не падает на землю. Потом он опять садится на кожу и начинает такие же неистовые движения. Так продолжается долгое время, наконец шаман объявляет ответ, полученный им от нечистого духа. Шаманы исполняют также и должность лекарей, но только в самых трудных болезнях. За это непременно надо их одарить, с тем, однако,

чтобы больной выздоровел, в противном же случае отбирают подарки назад. Всё их лечение больного состоит в вышеописанном бесновании.

После шаманов первое место занимают касеты, или мудрецы. Должность их состоит в обучении детей разным пляскам и в распоряжении увеселениями или играми, во время которых они занимают место надзирателей.

Закоснелые предрассудки произвели множество суеверий в здешнем народе. Ни одна плетёнка не делается без помощи какого-либо счастливого корешка. Бедным считается тот промышленник, который не имеет при себе какого-нибудь счастливого знака. Самые важные из последних — морские орехи [\[165\]](#), которые во множестве валяются по берегам в жарких климатах, а здесь они весьма редки. Лишь только наступит весна, то китовые промышленники расходятся по горам собирать орлиные перья, медвежью шерсть, разные необыкновенные камешки, коренья, птичьи носки и прочее. Всего хуже обычай красть из могил мёртвые тела, которые они содержат в потаённых пещерах и которым даже носят иногда пищу. Здесь введено в обычай, что отец перед своей смертью оставляет пещеру с мёртвыми телами, как самое драгоценное наследие тому, кто делается его преемником в китовом промысле. Наследник, со своей стороны, старается всю жизнь умножать это сокровище, так что у некоторых набирается до двух десятков трупов. Впрочем, надо заметить, что здесь крадут тела только таких людей, которые показывали особенное искусство и расторопность. Китовые промышленники во время ловли, как уже сказано выше, считаются нечистыми, и никто не только не согласится с ним есть вместе, но и не позволит им прикасаться ни к какой вещи. Однако же при всём этом они пользуются особенным уважением, и другие островитяне называют их своими кормильцами.

Кадыкцы проводят свою жизнь в промыслах, празднествах и в голоде. В первых они упражняются летом, вторые начинаются в декабре и продолжаются до тех пор, пока хватит съестных припасов, а с того времени и до появления рыбы терпят большой голод и питаются только ракушками. Во время праздников они непрестанно пляшут и скачут, причём употребляются самые уродливые маски. Мне случалось видеть их забавы довольно часто, но без всякого удовольствия. Их увеселения обыкновенно начинаются женщинами, которые несколько минут качаются из стороны в сторону при пении присутствующих зрителей и звуке бубнов. Потом выходят, или, лучше сказать, выползают мужчины в масках и прыгают различным образом, и это заканчивается едой. Островитяне большие любители увеселений. Вообще же можно сказать, что все они весьма пристрастны к азартным играм, в которые проигрывают иногда всё своё имущество. У них есть одна игра, называемая кружки, от которой многие разорились. В неё играют четыре человека, двое на двое. Они расстилают кожаные подстилки аршин на 5 [метрах в 3,5] одна от другой, на них кладут по небольшому костяному кружку, у которого на краю проведён тонкий ободок чёрного цвета, а в середине назначен центр. Каждый игрок берёт по пяти деревянных шашек с меткой, означающей разные стороны игроков, и садится у подстилки, имея своего товарища напротив себя. Цель игры — выиграть четыре раза по 28; число замечается палочками. Игроки, стоя на коленях вытянувшись, опираются левой рукой о землю, а правой кидают шашки друг за другом, на кружки, с одной подстилки на другую. Если кто попадёт в метку, то другой с той же стороны старается его сбить и поставить на это место свою шашку. Когда все шашки сойдут с рук у обеих сторон, тогда смотрят, как они лежат. За каждую шашку, коснувшуюся кружка, считают один; за ту, которая совершенно покрывает кружок — два, а та, которая коснётся или пересечёт чёрный обод его, — три. Таким образом, игра продолжается несколько часов сряду. Есть ещё другая игра, называемая стопкой. Она состоит в следующем: вырезанный костяной или деревянный болванчик бросается вверх, и если ляжет на своё основание, то это значит 2; если на брюхо — 1, а на шею — 3. Окончание этой игры — дважды десять, что отмечается также палочками.

Кадыякцам надлежит отдать справедливость за изобретение байдарок, которые они строят из токих жердей, прикреплённых к шпангоутам [\[166\]](#), или, лучше сказать, к обручам. Они обтягиваются так хорошо сшитыми нерпичьими кожами, что ни капли воды никогда не проходит внутрь. Теперь их три рода в употреблении, т. е. трёхлючные, двухлючные и однолючные. До прихода русских были только два последние, а вместо первых строились байдары, или кожаные лодки, в каждую из которых помещалось до 70 человек. Все эти суда ходят на малых вёслах, и не только особенно легки на ходу, но и весьма безопасны в море при самом крепком волнении. Надо только иметь затяжки, которые крепятся у люков и задёргиваются на груди сидящего на байдаре. Я сам проехал в трёхлючной байдарке около 400 вёрст [425 км] и могу сказать, что не имел у себя никогда лучшего гребного судна. В байдарке надо сидеть спокойно и чтобы гребцы не делали больших движений, в противном случае можно опрокинуться. Хотя кадыякцы в другом и не слишком проворны, но отменно искусны в управлении этих челнов, на которых они пускаются сквозь буруны и плавают без всякой опасности более тысячи вёрст. Правда, это бывает всегда подле берега, однако, иногда в хорошую погоду ходят вёрст по 70 [около 75 км] без отдыха. Послать двухлючную байдарку к острову Уналашке или в Ситкинский пролив считается здесь обыкновенным делом. Когда на пути их захватывают штормы в открытом море, тогда по несколько байдарок соединяются вместе и дрейфуют спокойно до перемены погоды. В таком случае каждому гребцу нужно иметь камлейку, сшитую из крепких кишок, которая у рукавов и на голове у капюшона затягивается шнуром, так как волны во время бури часто плещут через байдарку. Сперва для меня было весьма неприятно чувствовать движение киля и членов байдарки, которые на каждом валу сгибаются и разгибаются, но потом, привыкнув, я много ими забавлялся.

Удивительно, что эти люди, сумевшие построить вышеописанные суда, оставили почти без всякого внимания самое главное и нужное в жизни, т. е. строение своих жилищ. Последние столь же просты и неудобны, насколько первые превосходны в своём роде. Здешняя барабора состоит из довольно большого четырёхугольного продолговатого помещения, с квадратным отверстием фута в 3 [около метра] для входа и с одним окном на крыше, в которое выходит дым. Посередине вырывается небольшая яма, где разводится огонь для варки пищи, а по бокам

отгораживаются досками небольшие места для разных домашних вещей. Это помещение служит двором, кухней и даже театром. В нём вешается рыба для сушки, делаются байдарки, чистят пищу и прочее. Хуже всего то, что живущие никогда его не очищают, а только изредка настилают на пол свежую траву. К главному помещению пристраиваются ещё небольшие боковые строения, называемые жупанами. Каждый из них внутри имеет свой вход, или, лучше сказать, лазейку, в которую можно пройти не иначе, как нагнувшись и ползя на животе до тех пор, пока можно будет мало-помалу подняться на ноги. Наверху в самой крыше жупанов делается небольшое окно для света, которое, вместо оконницы, обтягивается сшитыми вместе кишками или пузырями. Вдоль стен, отступив от них на 3 фута [1 м], кладутся нетолстые брусья, отделяющие места для сна и сиденья; они же служат и вместо изголовья. Это отделение содержится довольно чисто, потому что устилается соломой или звериными кожами. Жупаны здесь нужны больше для зимы, так как, ввиду их малых размеров, бывают всегда теплы от многолюдия. В самое же холодное время они нагреваются горячими камнями. Они употребляются также иногда вместо бань.

Постройка барабор самая простая. Для этого вырывают четырёхугольную яму футов до 2 [около 0,6 м] глубиной и по углам вкапывают столбы вышиной футов около 4 [немного более 1 м], на которые кладут перекладины и довольно высокую крышу на стропилах. Стены обиваются стоячими досками снаружи. Крыша устилается довольно толстым слоем травы, а бока обмазываются землёй, так что всё строение с внешней стороны походит на какую-то кучу.

Вообще можно сказать, что кадьякцы не имеют ни малейшей склонности к соблюдению чистоты. Они не сделают лишнего шага ни для какой нужды. Мочатся обыкновенно у дверей в кадушки, множество которых стоит всегда наготове. Эту жидкость они употребляют для мытья тела и платья, а также и для выделки птичьих шкурок. Правда, как мужчины, так и женщины большие охотники до бань, но они ходят в них только потеть, если же у кого голова слишком грязна, то он моет её мочой. Впрочем, платье надевают прежнее, как бы оно ни было запачкано.

Кадьяк и окружающие его острова управляются чиновниками Компании. Все природные жители находятся в ведении Кадьякской конторы. О других местах, принадлежащих Компании, я не могу сказать с такой подробностью, как о Кадьяке, на котором я прожил около года. Все кадьякцы считаются теперь русскими подданными. Компания при их помощи не только запасает себе и своим служащим, которых насчитывает до тысячи человек, съестные припасы на целую зиму, но и употребляет их на другие работы. Из них составляются партии для ловли морских бобров, они промышляют лисиц, нерп, птиц и еврашек [\[167\]](#), одним словом, они такие работники, каких в других местах невозможно найти.

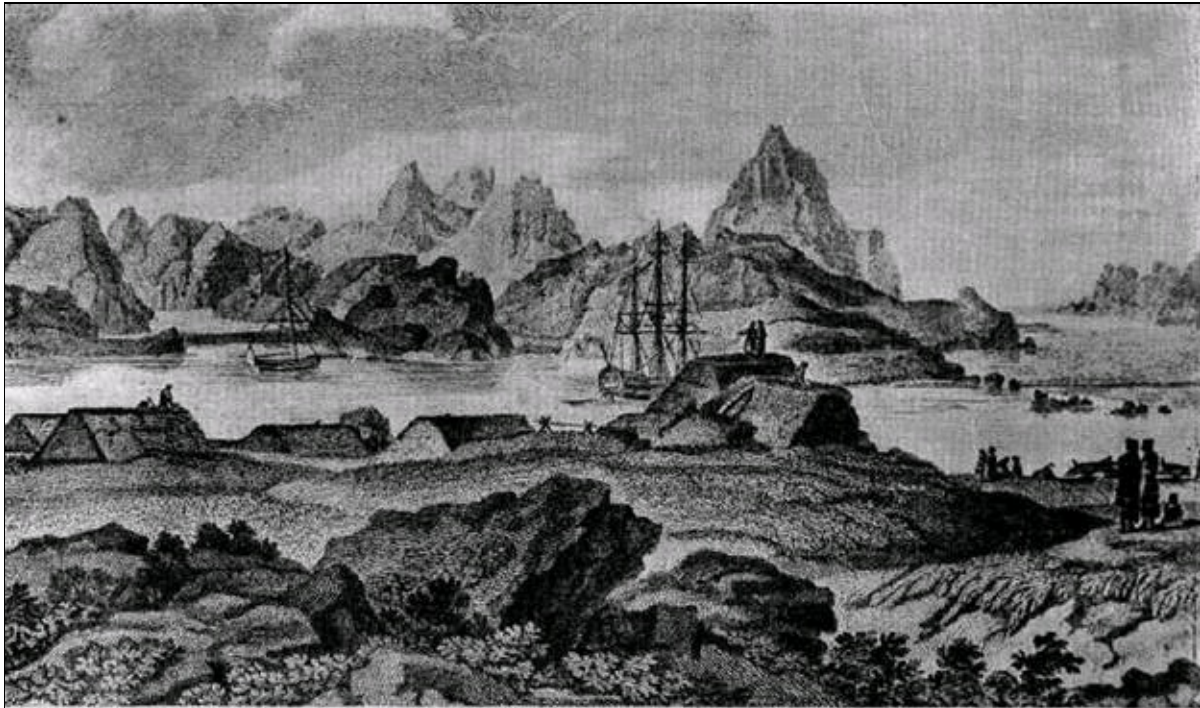
Кадьякцы исполняют приказания Компании с величайшим послушанием и бывают довольны тем, что она за их труды заблагорассудит положить. Кроме бисера, табака и других европейских мелочей, им платится за промысел птичьими, еврашечьими и тарбаганьими парками. Этот торг самый выгодный для Компании, так как не стоит почти никаких издержек. Материал, из которого женщины шьют разное платье, добывается самими обывателями по наряду и отдаётся в кладовые, откуда потом они сами же его и покупают. В награду за свои труды швеи получают только иголки, которые остаются у них от работы, а тайонши нередко по пачке табаку. Однако же должен признаться, что этот столь прибыльный для Компании торг может со временем обратиться в величайший вред для жителей. Каждое лето они уезжают от своих жилищ на тысячу вёрст в малых кожаных лодках, и таким образом, на весьма долгое время разлучаются со своими жёнами и детьми, которые не в состоянии достать для своего пропитания пищу. К этому надо прибавить ещё и то, что в пути кадьякцы нередко встречаются с неприятелями и лишаются жизни. Те же, которые остаются летом на острове, вместо своей общинной работы, принуждены бывают работать на Компанию. Даже и самые старые не

освобождены от этой повинности. Они ловят морских птиц, и каждый из них обязан наловить их столько, чтобы довольно было для семи парок. Такие порядки крайне не нравятся здешним жителям, которые высказывают к старости великое уважение. Меня уверяли, что многие старики, удручённые летами, выбиваются из сил, гоняясь за добычей по утёсистым скалам, и делают жертвой корыстолюбия других. Хотя и можно отдать справедливость нынешнему правителю Баранову и его помощникам, которые, оставив прежние обычаи, обходятся с кадьякскими обывателями снисходительно, однако, при всём том, если вышеуказанные причины не будут совсем устранены, они непрестанно будут уменьшать число жителей Кадьяка.

Чтобы предотвратить совершенное уничтожение этих весьма выгодных промыслов, надлежит, по моему мнению, сделать, по крайней мере, следующее: 2) все вещи (кроме дорогих), нужные для одежды местных жителей и почти ничего не стоящие Компании, продавать гораздо дешевле принадлежащим ей людям, без которых она даже не может существовать; 2) ввести в употребление железные орудия, без которых нельзя ничего сделать, не потеряв напрасно много времени; 3) не посылать партий на байдарках в отдалённый путь, а отправлять их на парусных судах до места ловли и на тех же судах привозить их обратно; 4) оставлять половину молодых людей дома и не употреблять стариков на тяжёлые и не соответствующие их возрасту работы, ибо преждевременная их смерть нередко влечёт за собой разорение целого семейства. Если такие мероприятия будут приняты и приведены в действие, то можно ожидать, что приезжий не будет иметь мучительного неудовольствия встретиться ни с одним жителем, скитающимся без всякой одежды, что сейчас случается особенно часто и даже среди таких людей, которые в прежние времена были зажиточные и весьма богаты.

Хотя около Кадьяка не трудно сыскать множество прекрасных гаваней, однако, компанейские суда пользуются сейчас только двумя: Трёх Святителей, которая, по моим наблюдениям, лежит на северной широте $57^{\circ}05'59''$ и в западной долготе $153^{\circ}14'30''$, и Св. Павла, лежащей под $57^{\circ}46'36''$ с. ш. и $152^{\circ}08'30''$ з. д. Первая из них — та самая, в которой остановился Шелехов при первом своём прибытии на Кадьяк. Она лежит на запад-северо-запад от южного мыса острова Салтхидака и образована косой, выдающейся к северо-западу от южной конечности небольшого залива. Говорят, что до землетрясения, случившегося в 1788 году, местность вокруг этой гавани была гораздо выше. Теперь же она покрывается до гор равноденственными (Равноденственными называются приливы, наблюдаемые при положении луны, земли и солнца на одной линии. (Прим. ред.)) приливами, грунт везде — ил и самый мелкий чёрный песок, а общая глубина от $4\frac{1}{2}$ до 10 сажен [от 8 до 18 м]. Вход в эту гавань, а также и выход из неё весьма удобны, — она закрыта от всех ветров. Вторая же гавань не представляет ничего особенного. Она состоит из узкого пролива, в который можно войти не иначе, как сделав множество перемен в курсе. Правда, северный проход в неё прямой, но часто бывает покрыт туманом. Выход же из неё довольно удобен, так как при южных и юго-западных ветрах погода большей частью стоит ясная, о чём было упомянуто раньше. Обойдя остров Каменный (который надо оставлять на значительном от себя расстоянии, потому что от его северного мыса идёт довольно длинный риф), следует проявить немалую осторожность, ибо по обеим сторонам прохода также лежит много подводных камней, между которыми кораблю негде повернуться, а всего хуже то, что грунт по северную сторону батареи весьма нехорош. Компания отдала этому месту преимущество при заселении только потому, что там растёт множество елового леса, которого совсем нет в других местах острова. Впрочем, оно невыгодно для судов, во-первых, потому, что противные ветры могут задерживать суда слишком долго, во-вторых, здесь на якоре неудобно стоять в зимнее время, ибо иногда бывают весьма сильные ветры. Чтобы иметь лучший и удобнейший вход в гавань Св. Павла, надлежит пройти сперва перпендикулярно к Чиниатскому мысу, а потом держать на камень, который я называл Горбуном

и который надо проходить по правую сторону, так как близ островов Пустого и Лесного видны все опасные места и там в случае безветрия можно останавливаться на верпе на 60 саженьях [109 м], где грунт — ил. При противных же ветрах или непостоянной погоде я советовал бы держаться в море, не входя в Чиниатский залив.

Алеуты на байдарках (Атлас к путешествию Серицкого.)

Глава четвёртая. Плавание корабля «Нева» от острова Кадьяка до Ситкинского залива

Отплытие корабля «Нева» к Ситкинскому заливу. — Свидание и переговоры с ситкинскими посланниками. — Осмотр горы Эчком. — Прибытие тайона Котлеана в Ново-архангельскую крепость. — Целебные воды. — Отплытие корабля от Ситки.

Июнь 1805 г. В 11 часов до полудня, при маловетрии и довольно ясной погоде мы снялись с якоря. При нашем приближении к узкой части пролива ветер стал противным; однако, вскоре потом начал дуть юго-западный ветер и вынес корабль «Нева» на свободную воду. Бандер проводил нас за остров Лесной, где, распрощавшись с нами, отправился обратно, а мы в 5 часов пополудни направили свой путь дальше, пройдя северным проходом, который, как уже сказано прежде, можно всегда предпочитать южному.

При проходе нашем мимо Павловской крепости, нам салютовали из неё пушечными выстрелами, а жители обоего пола, собравшись на берег, в знак своего желания благополучного нам пути, кричали "ура!".

20 июня в четвёртом часу пополудни открылась на северо-восток 6° гора Доброй погоды, а вскоре потом показались и другие возвышенности, между которыми гора Эчком была видна в 40 милях [в 74 км], на юго-восток 60° по правому компасу. Мы надеялись через несколько часов достигнуть якорного места, но настала тишина, почему мы были принуждены употребить все способы, чтобы не приближаться к берегам, которые были покрыты снегом и при ночной темноте казались очень неясными, даже и на недалёком расстоянии. Эта осторожность была для нас полезна, так как течение, подвинувшее корабль к востоку на $2^{\circ}47'$, повидимому, всё еще продолжалось.

21 июня. Поутру мы подошли к горе Эчком, которая вместе с возвышенностями Ситкинского пролива составила картину подобную той, какая представилась мне при первом взгляде на остров Кадьяк.

Гора Эчком с северной стороны была еще покрыта снегом и тем самым доказывала, что в этой стране зима еще не совсем оставила своё пребывание, хотя в других местах уже давно царствовало лето. По наблюдениям, сделанным мной в полдень, мы находились тогда под $57^{\circ}00'30''$, а так как мыс Эчком был в это время на северо-восток 69° по компасу, то и выходит, что он лежит под $57^{\circ}00'$ с. ш. После полудня задул юго-западный ветер, и наш корабль шёл довольно скоро, но, не доходя до островов Средних, обездветрил. Тишина продолжалась недолго. Подул лёгкий южный ветерок и подвинул нас к тому самому проходу, которым в прошедшую осень корабль «Нева» выходил из гавани. Тут течение переменялось, и нас начало было жать к подветренному берегу, поэтому и надлежало к ночи удалиться за Средние острова.

22 июня в час пополуночи мы начали лавировать к гавани при маловетрии с северо-запада. Течение было для нас хотя и попутное, однако, корабль ушёл бы недалёко, если бы ему не помогли присланные Барановым три байдары и наши гребные суда. Оки помогли нам достигнуть якорного места по восточную сторону Новоархангельской крепости. Я было и сегодня старался войти проходом, которым выходил в прошлую осень. Однако, по причине сильного отлива, моя попытка опять осталась тщетной, а потому, опустившись к северо-востоку,

я прошёл между другими островами. Лишь только мы успели убраться с парусами, как приехал к нам Баранов, которого я увидел с тем большим удовольствием, что нашёл его совершенно излечившимся от раны, полученной им в прошлый год в правую руку. К вечеру мы легли на два якоря, приведя Новоархангельскую крепость на запад-северо-запад, а мыс Колошенский — на восток-северо-восток, отдавши по канату на восток и запад, так что плехт имел под собой 15, а даглест [\[168\]](#) — 14 сажен [27,5 и 25,5 м], грунт — ил с песком.

23 июня. С самого нашего прибытия погода, судя по местному климату, продолжалась хорошая. Около десятого часа я сошёл на берег и к величайшему моему удовольствию увидел удивительные плоды неустанного трудолюбия Баранова. Во время нашего краткого отсутствия он успел построить восемь зданий, которые по своему виду и величине могут считаться красивыми даже и в Европе. Кроме того, он развёл пятнадцать огородов вблизи селения. Теперь у него находится 4 коровы, 2 тёлки, 3 быка, овца с бараном, 3 козы и довольно большое количество свиней и кур. Такое имущество в этой стране драгоценнее всяких сокровищ.

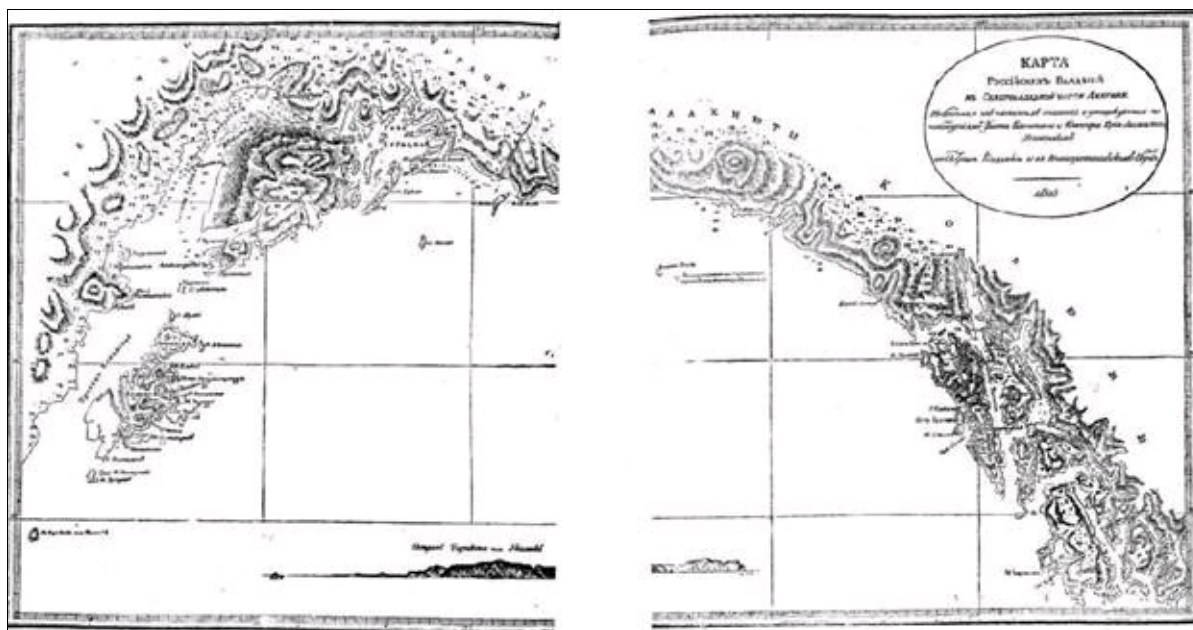
29 июня. Вместе с Барановым и со своими офицерами я ездил на то место, где некогда существовала наша крепость Архангельская. Там мы нашли остатки строений, которые уцелели от пламени. Отобедав на этих развалинах и пожалев об участи тех, которые под ними лишились жизни, к вечеру мы возвратились домой.

2 июля я дал поручение своему штурману Калинину объехать гору Эчком и, отыскав за нею пролив, идущий в Крестовскую гавань, его обстоятельно описать. Баранов уже давно ожидал посещения ситкинских жителей, но, не видя из них ни одного, послал вчера переводчика уведомить, что корабль «Нева» пришёл из Кадыяка и привёз одного из их аманатов (После победы, одержанной нами в прошедшую осень над ситкинцами, я взял всех аманатов с собой на Кадыяк, откуда привез обратно только одного из ситкинцев и двух, принадлежавших другим народам.). По словам Баранова, видно, что ситкинцы желают с нами дружить не очень охотно. Хотя переговоры продолжались всю зиму, однако, до сих пор ни один тайон не являлся в нашу крепость. Зимой они жили порознь, но теперь опять собрались вместе и против селения Хуцновского (в проливе Чатома) построили себе крепость. Из разных сообщений видно, что все народы, живущие около Ситкинских островов, принялись за укрепления. А так как по проливам ежегодно ходят суда Американских Соединённых Штатов и меняют там ружья, порох и прочие военные материалы на бобров, то следует ожидать, что наши земляки в непродолжительном времени будут окружены довольно опасными соседями.

7 июля поутру Калинин возвратился из своего путешествия, исполнив данное ему поручение. Описав вышеупомянутый пролив, он отделил остров, на котором лежит гора Эчком, и доставил мне случай назвать его Крузовым в память адмирала Александра Ивановича Круза (Этот почтеннейший человек помогал мне с детства и доставил мне случай служить моему отечеству [\[169\]](#).), которому я много обязан. Сегодня на место старой бизань-мачты, сделавшейся уже негодною, мы поставили новую.

11 июля. Посланный к ситкинцам переводчик возвратился поутру с известием, что тайоны всё еще не доверяют нам, а требуют другого посольства, после которого уже решатся приехать. По его рассказам, новопостроенная ситкинская крепость походит на старую, но гораздо хуже укреплена. Она стоит в мелкой губе и перед ней по направлению к морю находится большой камень. Получив эти сведения, мы вторично отправили к ситкинцам того же переводчика с подарками и с уверением в нашей дружбе. Он возвратился из своего похода к вечеру 16-го числа с лучшим, чем раньше, успехом. С ним приехал ситкинский тайон для переговоров и был принят со всей важностью, так как здешние народы не уступят никому в честолюбии. О скором прибытии тайона мы получили известие поутру, и Баранов приказал приготовиться к его приёму. Около 4 часов пополудни показались две ситкинские лодки вместе с тремя нашими

байдарками. Все они шли рядом, и сидевшие в них, приближаясь к крепости, запели. В это время начали собираться наши партовщики, а чугачи, назначенные для торжества, одеваться в лучшее своё платье и, так сказать, пудрить свои волосы орлиным пухом. Многие из них расхаживали в одном только весьма поношенном камзоле, а другие, имея на себе исподнее платье и будучи в остальном совершенно обнажёнными, хвастались и восхищались своим нарядом не менее европейского щеголя в новом и модном кафтане. Подъехав к берегу, ситкинцы остановились и, подняв ужасный вой, начали плясать в своих челноках. Сам же тайон скакал больше прочих и махал орлиными хвостами. Едва они кончили этот балет, как вдруг наши чугачи начали свой с песнями и бубнами. Эта забава продолжалась около четверти часа, во время которых наши дорогие гости приехали к пристани и были на лодках вынесены кадьякцами. Я думал, что вся церемония этим кончится, однако же, обманулся. Ситкинцы еще на несколько минут остались на своих лодках и любовались пляской чугачей, которые под звуки песни изображали смешные фигуры. После окончания этого представления, тайон был положен на ковёр и отнесён в назначенное для него место. Другие гости также были отнесены на руках, до только без ковров. Так как день заканчивался, то Баранов приказал угощать посольство, переговоры были отложены до другого утра.

18 июля перед полуднем ко мне приехал ситкинский тайон на ялике Баранова и со всей своей свитой. Не успели они отвалить от берега, как начали петь и плясать, а один, стоя на носу, непрестанно вырывал пух из орлиной шкурки, которую держал в руках и сдувал его на воду. Приблизясь к нашему кораблю, они остановились, запели песню, делали разнообразные движения и потом взошли наверх. На шканцах пляска опять началась и продолжалась около получаса. По окончании этой церемонии я позвал в свою каюту тайона, его зятя с женой и кадьякского старшину, а прочих приказал угощать наверху. Напоив своих гостей чаем и водкой, я начал разговаривать с ними о прошедшем и показал им, как несправедливо поступили ситкинцы с нами в старой крепости, тем более, что постройка её была начата по собственному их согласию. Тайон, насколько можно было заметить, почувствовав справедливость моего упрека, признавал своих земляков виновными, уверяя, что он сам не имел в том никакого участия, что он всеми мерами старался отговорить и прочих от столь злого намерения, но, не добившись успеха, уехал в Чильхат, чтобы не быть свидетелем их поступка. Он говорил правду, ибо с самого начала заселения показывал свою приверженность к русским и, точно, не был при убийстве наших. После этого я призвал к себе аманатов, в числе которых находился и его сын. Это было весьма приятно старику, а особенно потому, что мальчик уже подрос и, живя на

хорошей пище, растолстел. Однако же при этом отец не показал ничего особенного при первом свидании с сыном, а только благодарил меня за заботу о нём, говоря, что он от многих слышал о моём ласковом обхождении с аманатами. После этого разговор наш дошёл до разных обстоятельств, относящихся к здешней стране. Между прочим, я узнал, что от прохода Креста до мыса Десижена народ называется колюшами и что он имеет язык, одинаковый с жителями Стахинской губы (пролив Фридрика). Проведя больше двух часов в разговорах, вышли мы наверх корабля, где, наконец, наши гости, поплясав ещё немного, уехали с такой же церемонией, с какой и приехали. Эти люди непрерывно пляшут, и мне никогда не случалось видеть трех колюшей вместе, чтобы они не завели пляски.

Перед отъездом я позволил тайону выстрелить из 12-фунтовой пушки, чем он был весьма доволен. При этом следует заметить, что ни сильный звук, ни движения орудия не вызвали у него ни малейшего страха.

После полудня я съехал на берег и был при переговорах, по окончании которых Баранов подарил посланнику алый байковый, убранный горностаями халат, а другим по синему. В знак примирения на каждого из этих гостей он приказал навесить по оловянной медали. Потом для посольства было угощение. Я видел с большим удовольствием, что в этом угощении участвовали все наши американцы. Тайоны были приглашены в дом к Баранову и веселились вместе с нами, а прочие плясали на дворе всё время, пока ситкинцы не захмелели и не были сведены под руки на своё место.

На ситкинцах были накидки (Накидкой называется четырёхугольный лоскут какой-либо материи, который накидывается на плечи, наподобие плаща.) синего сукна, лица их были испещрены разными красками, а волосы распущены и напудрены чернетью с орлиным пухом. Последнее считается у них за самый важный убор и употребляется только в радостных случаях. Тайонская же жена была убрана совсем по-другому: её лицо было выпачкано, а волосы вымараны сажей. Под нижней губой она имела прорез, в который был вставлен кругловатый кусок дерева, длиной в 2 1/2 дюйма [около 6 см], а шириной 8 1 дюйм [2,5 см], так что губа, оттянувшись от лица горизонтально, походила на ложку. Когда ей надо было пить, то она всячески остерегалась, чтобы не задеть своего украшения. При ней находился ребенок в плетёной корзинке. Хотя ему было не более трёх месяцев, но под нижней губой и в носовом хряще были уже прорезаны скважины, из которых висел бисер на тонких проволоках.

19 июля. Поутру ситкинцы отправились восвояси. Они отъехали с песнями и в сопровождении наших американцев. Можно сказать, что со стороны Баранова было сделано всё, чтобы убедить наших соседей жить в мире и согласии, и потому, если они и вздумают после этого сделать какой-либо вред нашей американской компании, то будут достойны строжайшего наказания. В знак дружелюбия Баранов подарил тайону медный русский герб, убранный орлиными перьями и лентами. Этот подарок был принят с великим удовольствием. Тайон согласился также с удовольствием взять находившегося у нас в аманатах своего старшего сына, а вместо него прислать младшего.

21 июля. Вчера я узнал, что при партии находятся двое кадьякцев, которые в прошедшую осень были на горе Эчком. Я уже давно желал её осмотреть, но меня всегда удерживало незнание дороги, две трети которой лежит сквозь густой лес. Я воспользовался этим случаем и поутру в 7 часов отправился в путь на катере, взяв с собой лейтенанта Повалишина. Во втором часу пополудни мы пристали к берегу в небольшой губе против острова Мысовского, а так как наши гребцы довольно утомились, то надлежало провести в этом месте ночь, расставив свои палатки и разведя огонь. Вечером я занимался осмотром окрестностей и нашёл, что весь берег состоит из лавы, лежащей глыбами во многих местах. Из таких пород, смешанных с глиной, состоит утёс длиной сажень в сто, а высотой около пяти, на котором растут высокие ели. По

моём возвращении к палаткам один из гребцов принёс мне немного полевого гороха и клубники; последняя хотя еще не совсем доспела, однако же, была довольно вкусна.

На другой день поутру, хотя горы были покрыты густым туманом, я решился итти на гору Эчком в надежде, что к полудню небо прочистится. Предполагая, по словам наших проводников, воротиться к ночи назад, мы взяли с собой немного хлеба и в восьмом часу пустились в путь. Чем далее мы шли, тем дорога становилась хуже и затруднительнее. Глубокие овраги, лежащие повсюду пни и колоды, а также частые колючие кустарники утомили нас, хотя наше путешествие продолжалось еще не более двух часов. Тогда-то я почувствовал, что мы весьма ошиблись, взяв с собою небольшое количество съестных припасов. Между тем, туман увеличивался, и провожатые сами не знали, куда итти. Как ни было затруднительным наше положение, однако же, я решился продолжать свой путь еще на некоторое расстояние, а потом послал одного из кадьакцев за пищей и фризowymi фуфайками для людей. В полдень мы все так утомились, что далее итти никто не был в силах, поэтому и были принуждены остановиться на пригорке у небольшого потока. Погода, как бы сжалась над нами, наконец, прояснилась. Нам стало ясно, что для достижения цели нашего предприятия требовалось много времени, ясной погоды и довольно большого количества съестных припасов. Поэтому, отправив одного из своих проводников к нашим палаткам, мы начали готовиться к ночлегу. При всей своей усталости, каждый принуждён был работать с особым прилежанием, так что к вечеру мы успели сделать два больших шалаша из ветвей душистого дерева (Это дерево можно назвать американским кипарисом [\[170\]](#), так как оно издаёт крепкий, приятный запах.) и развели большой огонь, вокруг которого мы просидели почти до полуночи, разговаривая о своей неосторожности в снабжении. Между тем, наступила ночь, в продолжение которой пала такая большая роса и воздух сделался так холоден, что термометр опустился почти до 4,5° и выгнал нас из шалашей.

23 июля. Чувствительный холод пробудил меня около 2 часов ночи. Проснувшись, увидел я всех моих спутников у разложенного огня. Иной ворочался с боку на бок, а другие лежали, покрыв себя корой, которая служила им покрывалом от холода и защитой от жара. К рассвету опять спустился густой туман. Около 8 часов я сделал выстрел из ружья, в ответ на который мы слышали голос, а через полчаса потом имели удовольствие видеть четырёх человек, пришедших к нам со всеми потребными запасами. Радость наша была чрезвычайной. Подкрепив свои силы пищей, около 11-го часа при ясной погоде мы продолжали свой путь дальше, который был хотя и крут, однако же, приятнее вчерашнего. В полдень, выйдя из леса и отдохнув у кустарников, мы пошли на вершину горы. Дорога лежала между двумя оврагами, наполненными снегом; местами она была довольно узка и по краям усыпана мелким горелым камнем разных цветов, однако же настолько полого, что наше путешествие кончилось во втором часу пополудни. Первое, что нам представилось на вершине, было находящееся посредине её жерло глубиной сажен 40 [75 м], а окружностью около 4 вёрст. Оно имеет вид чаши и сверху покрыто снегом. По словам проводников, оно должно быть наполнено водой, но оказалось совершенно сухим. Надобно думать, что на дне его находятся трещины, в которые уходит вода. А так как осенью здесь бывают продолжительные дожди, то и неудивительно, что упомянутое пространство к зиме, когда здесь были наши проводники, делается озером. Обойдя это жерло, я написал на бумаге имена всех, бывших со мною, и положил её в кувшин, который велел заложить камнем в знак памяти, что до нас никто из европейцев не посещал этого места.

Наши труды и терпение были награждены особенным удовольствием. Стоя на вершине горы, мы видели себя окружёнными самыми величественными картинами, какие только может представить природа. Бесчисленное множество островов и проливов до прохода Креста и самый материк, лежащий к северу, казались лежащими под нашими ногами. Горы же по другую сторону Ситкинского залива представлялись как бы лежащими на облаках, носившихся под

нами. Солнце сияло тогда во всей своей красоте, за исключением десяти минут, когда при небольшом тумане накрапывал дождь. Термометр перед тем показывал 12,7°, а после 11,9°. На этом месте мы провели около трёх часов и возвратились прежней дорогой к своим шалашам около вечера.

24 июля поутру мы отправились к палаткам и спустя пять часов благополучно к ним прибыли. На возвратном пути я насчитал тридцать оврагов. Высоту Эчкама можно считать, примерно, 8 000 футов [2 400 м]. Эта гора довольно пологая со стороны губы, а с моря утёсистая. На расстоянии до 3 вёрст от вершины растёт на ней лес, вершина же местами покрыта травой, а большей частью камнями разных родов. Овраги со всех сторон заполнены снегом, а особенно с моря. Следовательно, глубину их было невозможно узнать. Судя по обширности и глубине жерла, должно заключить, что в прежние времена этот вулкан был гораздо выше, но от времени обрушился и заполнил своими обломками пропасть, из которой некогда извергалось пламя. Вероятно, что после этого явления прошло уже много лет, так как некоторые вещества, изверженные из этого жерла, начали уже превращаться в землю. Самое крепкое из них имеет чёрный цвет и подобно стеклу ^[171], образовавшемуся силой огня из серого камня. У меня есть один кусок, половина которого осталась в прежнем своём состоянии. При ударе о сталь он даёт искры. Серая лава также довольно тверда. Глыбы её лежат по берегу. Что же касается прочих лав, например, красной, подобной кирпичу, и пемзы разных родов, то все они чрезвычайно легки.

25 июля в 2 часа пополудни я прибыл на корабль в то самое (время, как отправлялась партия для ловли морских бобров. Она состояла из 302 байдарок. Наши промышленники были наряжены в лучшее платье и покрасили свои лица разной краской. В таком-то наряде явились они к Баранову и после осмотра тотчас пустились в предстоявший им путь.

28 июля компанейские суда «Ермак» и «Ростислав» отправились вслед за упомянутой партией, при которой они должны оставаться для её защиты всё то время, пока продолжается ловля. После полудня в Новоархангельскую крепость прибыл ситкинский тайон Котлеан. Баранов, хотя и принял его ласково, но не так, как прежнего, потому что он был всегда нашим неприятелем и самым главным виновником разорения прежней нашей крепости. Он приехал с песнями в сопровождении 11 человек из его подчинённых. Прежде, нежели пристать к берегу, он прислал Баранову в подарок одеяло из чернобурых лисиц, прося, чтобы его приняли с такой же честью, какая была оказана его предшественнику, на что ему ответили, что сделать это было никак невозможно, потому что все кадьакцы уехали на промысел. Однако же его лодку подтащили к берегу в брод, а сам он был вынесен двумя людьми. Спустя несколько времени, я с Барановым и с несколькими офицерами посетил эту важную особу. Сперва наш разговор касался оскорбления, причинённого нам его семейством, а потом мы начали толковать о мире. Котлеан признал себя виновным во всём и впредь обещался загладить свой проступок верностью и дружбой. После этого Баранов отдал ему табак и синим халатом с горностаями. Табак был мной роздан сопровождавшим тайона лицам, которые отдали нас корнем джинджамом ^[172], коврижками и бобрами. Прощаясь с нами, Котлеан изъявил своё сожаление, что не застал кадьакцев, при которых ему сильно хотелось поплясать, уверяя, что никто не знает так много плясок разного рода, как он и его подчинённые. Удивительно, как ситкинцы пристрастны к пляске, которую они считают самой важной вещью на свете.

Наши посетители были так же раскрашены и покрыты пухом, как и прежние, но одежда их была несколько богаче. На Котлеане была синего сукна куяка (род сарафана), сверх которого надет английский фризый халат. На голове он имел шапку из чёрных лисиц с хвостом наверху. Роста он среднего и имеет весьма приятное лицо, чёрную небольшую бороду и усы. Его считают самым искусным стрелком. Он всегда держит при себе до двадцати хороших ружей. Несмотря на

наш холодный приём, Котлеан погостил у нас до 2 августа и плясал каждый день со своими подчинёнными.

7 августа я отправился с несколькими больными к целебным водам, где и пробыл по 15-е число. Погода всё это время стояла довольно хорошая, и наша прогулка была бы очень приятна, если бы нас не тревожили комары и мухи, особенно последние, которые в здешних лесах водятся в величайшем множестве и весьма беспокойны [173]. Они чрезвычайно малы, чёрного цвета, с белыми ножками и нечувствительно садятся на тело, так что их можно заметить не раньше, чем они прокусят кожу до крови, после чего делается небольшая опухоль. Есть ещё мушки гораздо меньшей величины. Они обыкновенно садятся пониже глаз и от их укуса делается синее или багровое пятно.

К крайнему моему удовольствию, употребление целебных вод поправило здоровье моих больных, которых я взял с собой единственно для опыта. Ручей целебных вод течёт с невысокой горы, находящейся в 150 саженьях [метрах в 270] от берега, в нарочно вырытый водоём. Температура у самого ключа $66^{\circ},1$, а в водоёме — около 38° . В воде содержатся частицы серы и солей. С первого взгляда она кажется чистой, но по химическим опытам видно, что в ней имеется большое количество растворённых веществ. Ситкинские жители нередко пользуются ею, и можно наверное сказать, что эти воды служат надёжным средством к излечению цынги и различных ран. Остаётся только устроить там спокойный приют для больных. Это, можно сказать, драгоценное место лежит по восточную сторону Ситкинского залива за Южными островами и от Новоархангельской гавани отстоит на 25 вёрст.

16 августа, возвратясь в нашу крепость, я имел случай видеться с главным ситкинским тайоном, который недавно выбран вместо Котлеана. Он так сильно гордился своим достоинством, что никуда не ходил, даже за самым нужным делом. Другие всегда должны были носить его на плечах. И если не было когда-либо наших американцев, то он заставлял себя носить ситкинцев. При всём этом он плясал и делал различные движения вместе с прочими своими подчинёнными. Для этих забав было отведено место против гробницы его брата, которая одна только и осталась в целости. Так как этот тайон при всяком случае показывал своё усердие и дружелюбие по отношению к русским, то Баранов навесил на него медный герб. Около полудня наши гости убрались восвояси.

17 августа. На другой день от острова Уналашки пришёл компанейский бриг «Елизавета» и два судна, принадлежащие Американским Соединённым Штатам, из которых одно, под начальством Вульфа, пришло сюда для починки. Оно ночью ударилось, при сильном волнении и лежа под грот-марселем, зарифленным всеми рифами, о судно, шедшее вместе с ним, у мыса Горна. От этого оба судна потерпели не малый вред. Вторым начальствовал Трескот. Он зашёл сюда для продажи товаров, оставшихся у него от торга.

В таком случае Новоархангельская крепость и впредь может служить хорошим прибежищем для купеческих кораблей. Вместо того, чтобы везти свои товары в Кантон и там продавать за бесценок, для них будет гораздо выгоднее, хотя и с потерей небольшого времени, взять за них, по крайней мере, 50 процентов, которые Российско-Американская компания охотно платит за необходимые для неё вещи, как-то: муку, водку, сукно и всякие вообще съестные припасы.

18 августа. Вчера и сегодня мной снято 45 лунных расстояний от солнца посредством разных инструментов, по которым западная долгота Новоархангельской крепости оказалась $134^{\circ}40'40''$. А так как 2-го и 3-го числа было сделано тридцать астрономических наблюдений, по которым эта долгота вышла $135^{\circ}34'58''$, следовательно, средняя между 75 наблюдениями будет $135^{\circ}07'49''$.

22 августа. Уже с неделю, как я начал готовиться к походу, и хотя время стояло дождливое, однако, наши приготовления доведены были до того, что мы при первом благоприятном ветре

могли оставить Ситку. Мне было весьма желательно не только удалиться от страны, в которой каждый из нас должен был терпеть величайшую скуку, но чтобы иметь больше времени для надлежащего исполнения моего предприятия. Я решился не заходить к Сандвичевым островам, но войти прямо в северную широту $45^{\circ},5$ и в западную долготу 145° , а оттуда держать направление на запад до 165° и на север до 42° . С этого последнего пункта опуститься на $36^{\circ},5$ и идти по параллели до 180° , а потом взять курс к островам Ландронским или Марианским [\[174\]](#). Таким образом, я могу осмотреть места, где капитан Портлок в 1786 году поймал тюленя и также где мы повстречались с животным, похожим на выдру, когда шли на Кадьяк. Кроме этого, может быть, случай позволит нам сделать какое-либо неожиданное открытие, так как наш путь будет совершенно новый до самых тропиков или ещё и далее.

Моё желание пройти в широте $36,5^{\circ}$ до 180° соответствует данному графом Румянцевым предписанию, в котором сказано, будто бы в древние времена был открыт в 340 немецких милях [около 2 500 км] от Японии и под $37,5^{\circ}$ с. ш. большой и богатый остров, населённый белыми и довольно просвещёнными людьми. Он должен находиться между 160 и 180° з. д.

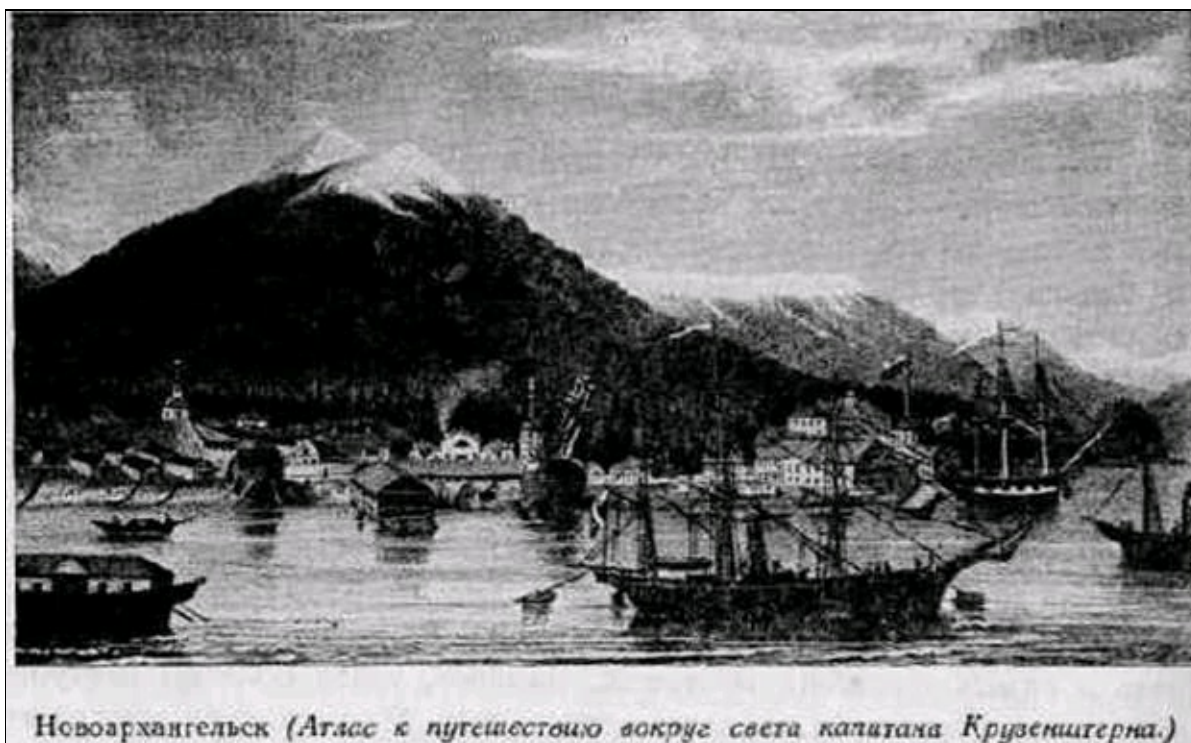
24 августа. Вчера и сегодня погода стояла прекрасная. Термометр показывал около 22° , чего здесь никто из нас ещё не видывал. Можно наверное считать, что если бы не дул в это время свежий ветер, то ртуть поднялась бы до $26^{\circ},5$. Делая наблюдения около трёх недель для установления хода своих хронометров, в эти два дня я кончил мои труды. Познакомившись сегодня с начальником компанейского корабля «Елизавета» лейтенантом Сукиным, я между прочим разговаривал с ним о новом острове, появившемся близ Уналашки. По его описанию, он не так высок, как мне говорили раньше. Он представляет собою три холма или дымящиеся горы, имеет не более 5 миль [9 км] в окружности и расположен на 60 вёрст [64 км] к северу от Уналашки. Такое описание довольно отличается от показания промышленника, которое помещено мной в моём путешествии около Кадьяка. Мнение Сукина должно быть, конечно, вернее, потому что он сам проходил довольно близко от острова и по своим знаниям должен судить основательнее простого человека.

Август 1805 г. Хотя здешний западный берег был известен нам со времени капитана Чирикова [\[175\]](#), но никто не знал, принадлежит ли он к материку или к островам. Это сомнение решено уже капитаном Ванкувером, который открыл пролив Чатома. Но так как обстоятельства не позволили этому славному мореплавателю войти в исследование подробностей, то он и довольствовался только общим положением, как то явствует из его карт. Нынешние же наши изыскания показывают, что среди множества Ситкинских островов находятся четыре главных: Якобиев, Крузов, Баранова и Чичагова. Последний назван так мной по фамилии покойного адмирала Василия Яковлевича Чичагова, под начальством которого я имел честь служить во всю прошедшую войну против шведов [\[176\]](#). Не имея обстоятельных сведений о проливе, отделяющем первый из упомянутых островов, я ничего не могу сказать, кроме того, что по нему проходило однажды небольшое компанейское судно. Что же касается других проливов — Невского и Пагубного, то они довольно глубоки и начинаются губой Клокачёва. Первый идёт в залив Ситкинский, а последний в пролив Чатома, как можно видеть из приложенной при этом карты. Первое наше поселение здесь было основано в 1800 году коллежским советником Барановым, с согласия самих жителей, и существовало до 1802 года, когда они, воспользовавшись неосторожностью наших поселенцев, происшедшей от излишней к ним доверчивости, разорили и разграбили его, пролив кровь многих невинных. Обстоятельное известие об этом несчастном происшествии сообщил мне компанейский промышленник, который тогда был взят в плен, а после нашёл случай спастись.

Баранов, отправляясь на Кадьяк, оставил вместо себя начальника, который, а также и все прочие, был в столь тесной дружбе с ситкинскими жителями, что они нередко гостили по неделе друг у друга. Несмотря на это, ситкинцы, узнав, что наши почти все разъехались на промыслы для заготовки съестных припасов на зиму, собравшись в количестве до 600 человек, приступили к крепости. Некоторые прокрались сквозь лес, а другие на больших лодках проливами. Все они были снабжены огнестрельным оружием. Оставшиеся русские, не испугавшись такого внезапного нападения, произвели по ним пушечную стрельбу, но отразить их не могли, и ситкинцы, вследствие перевеса своих сил, подошли напоследок под самые стены укрепления. В числе их находились три матроса из Американских Соединённых Штатов. Оставив свои суда, они сперва поступили на службу в Компанию, а потом перешли к нашим неприятелям. Эти вероломные бросали зажжённые смоляные пыжи на кровлю верхнего строения, зная, что там хранился порох и сера. Всё здание в три часа превратилось в пепел. При этом нападающие успели вытаскать до 2 000 бобров, которые были заготовлены для вывоза. Свой приступ они начали около полудня, а к вечеру не только все защищавшиеся были преданы смерти, но и сами строения истреблены так, что почти не осталось никаких знаков их прежнего существования. Ситкинцы, исполнив первое своё намерение, тотчас разъехались по разным местам, где только надеялись найти русских или кадьякцев, и, перебив некоторых, не малое число взяли в плен, особенно женщин, которые тогда собирали ягоды на поле. При этом двое русских кончили жизнь в самых жестоких мучениях. Баранов, узнав об этом поступке, тотчас начал готовиться наказать вероломных. Но поскольку многие его суда были в разъезде, то он был принужден отложить своё мщение до удобного случая. Выше уже мной описано, каким

образом русские основали здесь своё второе поселение. При этом они поступили не только без всякой жестокости против своих неприятелей, но и показали слишком большую умеренность в наказании, какое заслуживали ситкинцы.

Нынешнее наше селение называется Новоархангельским. Оно несравненно выгоднее прежнего. Местоположение его и при самом небольшом укреплении будет неприступным, а суда, под прикрытием пушек, могут стоять безопасно. Баранов мог воспользоваться этим местом и при первом поселении. Но так как там жили сами ситкинцы, то он не хотел их обидеть, а довольствовался тем, что ему было уступлено. Хотя не прошло еще и года, как это место заселено нами, однако, оно имеет не только довольно большое число хороших зданий, но и множество огородов, в которых растут картофель, репа, капуста и салат. Равным образом начинает развиваться и скотоводство. Из Кадьяка привезено немного рогатого скота, свиней и кур. Вульф, шкипер американского купеческого корабля, зашедшего сюда весной, оставил английскую овцу с бараном и трёх калифорнийских коз, так что в короткое время наши американские селения не будут иметь ни в чём нужды, если продолжится управление Баранова или его преемник проявит надлежащее внимание. Леса великое изобилие, и, при достаточном числе рабочих и железных материалов, можно будет построить большой флот, не выезжая из залива.

Новоархангельск (Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна.)

Новоархангельск, по моему мнению, должен быть главным портом Российско-Американской компании, потому что, исключая вышеупомянутые выгоды, он находится в центре самых важных промыслов. В окрестности его водится такое множество бобров, что если не воспрепятствуют иностранные суда, то каждый год можно будет их вывозить, по крайней мере, тысяч до восьми; теперь же, поскольку здесь беспрестанно торгуют граждане Американских Соединённых Штатов, то вывоз должно полагать до трёх тысяч. Кроме этого, ситкинские деревья могут приносить не малую выгоду, когда наши суда будут чаще ходить в Кантон.

Ситкинские острова названы мной по имени на них живущего народа, который называет себя ситкаханами, или ситкинцами. Все эти острова покрыты лесом, который, большей частью, состоит из душистого дерева, ели и лиственницы. На них растут также сосна, ольха и другие деревья, но не в столь большом количестве, как первые. Между прочим, есть род яблони, листья

которой совершенно подобны яблоневым, но плод походит на мелкие, желтоватые вишни и на вкус кисловат [\[177\]](#). Ягод там повсюду великое множество. Кроме тех, которые находятся на Кадыяке, растут ещё чёрная смородина, черника, так называемая красная ягода, клубника и особый род малины. Эти места не уступят также никаким другим по количеству рыбы. Кроме разных родов красной рыбы, водится весьма много палтусов, весом около 6 пудов [96 кг] и более, которые часто попадаются на уд. Сельдь также приходит к берегам во множестве. Нельзя это сказать о животных вообще, исключая речного бобра и выдры, а также морского бобра, котика, нерпы и сивуча, которых здесь чрезвычайное множество. Птиц здесь меньше, нежели на Кадыяке. Но породы всё те же, кроме сороки сизоватого цвета с хохлом и двух видов сероватых птичек, из которых одни немного побольше колибри.

Климат на этих островах таков, что, по моим наблюдениям, на них могут расти с желаемым успехом почти все огородные и садовые овощи и фрукты, а также и яровой хлеб. Лето бывает довольно тёплое и продолжается до половины или до исхода августа. Зима же, по словам самих жителей, походит на нашу осень, хотя иногда снег лежит в долинах несколько дней сряду.

Число местных жителей простирается до 800 человек мужского пола, из которых около 100 живёт на острове Якобия, а остальные на острове Чичагова в проливе Чатома. Последние переселились с места, которое мы теперь занимаем. Они среднего роста, на вид кажутся моложавыми, проворны и остроумны. Волосы у них чёрные, жёсткие и прямые, губы несколько толстоватые, лицо круглое, тело смуглое. Но многие, а особенно женщины, не уступили бы цветом лица европейцам, если бы не пачкали себя разными красками, которые довольно сильно портят их кожу. Раскрашивание лица считается здесь главным щегольством. Кроме того, они накидывают на плечи четырёхугольный лоскут сукна или лосины, а головы пудрят орлиным пухом. Иногда случалось мне видеть на некоторых жителях нечто похожее на нижнее платье, или, лучше сказать, на рукава, висящие до половины икр, а также короткие полукафтаны. Военные их наряды состоят из толстых, вдвое согнутых лосиных кож, которые застёгиваются спереди шеи, или полукафтана (куяка), с железными полосами, пришитыми одна подле другой поперёк груди, чтобы её невозможно было пробить пулей. Последние привозятся теперь на судах Американских Соединённых Штатов и меняются на бобров. Говорят, что тарбаганьи и еврашечьи парки употребляются в холодное время, но, повидимому, сукно более всего в обычае. Зажиточные окутываются также в белые одеяла из шерсти здешних диких баранов. Они обыкновенно вышиваются четырёхугольными фигурами с кистями чёрного и жёлтого цвета вокруг. Иногда их внутреннюю часть украшают бобровым пухом.

Алеутка (Атлас к путешествию Сарычева.)

Хотя ситкинцы и храбры, но никогда открыто не сражаются, а стараются напасть на неприятеля врасплох и тщательно скрывают свои действия. Со своими пленниками они поступают жестоко, — предают их мучительной смерти или изнуряют тяжкими работами, особенно европейцев. Если кто-нибудь из последних попадётся к ним в руки, то нет мучения, которому бы не предали этого несчастного. В этом бесчеловечном деле участвуют самые престарелые люди и дети. Один режет тело попавшегося в плен, другой рвёт или жжёт, третий рубит руку, ногу, или сдирает волосы. Последнее делается как с мёртвыми, так и с измученными пленниками, и совершается шаманами, которые сперва обрезают вокруг черепа кожу, а потом, взяв за волосы, сдергивают её. После этого головы несчастных жертв отрубаются и бросаются на поле, или выставляются напоказ. Этими волосами ситкинцы украшаются во время игр.

Ситкинцы с некоторого времени употребляют уже огнестрельное оружие и имеют даже небольшие пушки, которые они покупают у приезжающих к ним жителей Американских Соединённых Штатов. Что же касается прежнего их вооружения (копий и стрел), то его теперь здесь можно видеть лишь изредка.

Обыкновенно пищу ситкинцев в летнее время составляют: свежая рыба, нерпы, бобры,

сивучи и ягоды разных родов, а зимой — вяленая рыба и жир морских животных. Они заготавливают также большое количество икры, а особенно из сельдей. Когда последние появятся у берегов, то все мужчины и женщины ловят их еловыми ветками, а после сушат, развесив по берегу на деревьях. Потом кладут их в большие корзины или вырывают в земле ямы и держат для зимы. К этому можно прибавить одно морское растение, которое собирается с камней и накладывается в коробки, а также род коврижек из лиственничной перепонки, покрывающей дерево под корой, которая соскабливается и сушится в виде четырёхугольников, толщиной около дюйма [2,5 см]. Пищу приготавливают в чугунных, жестяных и медных европейских котлах. Рыбу же и прочее жарят, по примеру кадьякцев, на палочках у огня. Приготовленная к употреблению пища кладётся в деревянные чашки или корытца. Кроме этого, имеются ложки из дерева или из рога диких баранов, продолговатые и чрезвычайно большие. Зажиточные островитяне держат много европейской посуды.

Ситкинские жилища обширны и имеют четырёхугольный вид. Они обносятся колотыми досками, покрываются крышами, по примеру европейских, с той только разницей, что доски или кора, которой иногда покрываются дома, сверху не сходятся, а между ними оставляется продолговатое отверстие, по крайней мере, фута в два [полметра] шириной для выпуска дыма. Окон никаких и нигде нет, а только низкие двери, в которые человеку можно пролезть не иначе, как нагнувшись. Посредине выкапывается широкая четырёхугольная яма, глубиной около аршина [0,7 м], в которой раскладывается огонь. Стороны её у богатых окладываются также досками. Место между ямой и стеной занимает под жильё, над которым делаются невысокие нары, или широкие полки, для поклажи разных вещей, как-то: съестных припасов, одежды и прочего. А поскольку каждое такое жилище населяют родственные семьи, то они иногда отделяются между собой занавесками или чем-нибудь другим.

Здесь лодки делаются из лёгкого дерева, называемого чагой, которое растёт южнее Ситки и иногда выбрасывается поблизости волнами. Хотя лодки эти ододеревки, однако же, некоторые из них могут вмещать до 60 человек. Я видел несколько таких лодок, длиной около 45 футов [13,5 м], обыкновенные же имеют около 30 футов [9 м]. Посредине их вставляются тонкие перекладыны, служащие для распора. Они удивительно ходкие, хотя вёсла у них невелики. Самые меньшие употребляются для промыслов, а большие — для перевоза семей или во время войны.

Обычаи ситкинцев во многом сходны с кадьякскими, так что описание их было бы только излишним повторением. К играм ситкинцы, как кажется, привержены ещё более, нежели кадьякцы, ибо пляшут и поют беспрестанно.

Большие различия замечаются в обрядах погребения. Тела мёртвых здесь сжигаются, а кости кладутся в ящики с пеплом и ставятся обыкновенно у берега на столбах, которые раскрашиваются или вырезаются разными фигурами. Говорят, что после смерти тайона или какого-либо почтенного человека лишают жизни в честь умершего и сжигают с ним вместе одного из принадлежавших ему слуг, которые достаются здесь или покупкой или пленением в военное время. Такой же бесчеловечный обычай наблюдается и при постройке нового дома какой-либо важной особы, но в последнем случае тела убитых просто зарываются в землю. Убитые на войне также превращаются в пепел, кроме голов, которые отрезаются и хранятся особо в коробках. Обыкновение сжигать изрезанные тела умерших пошло, как сказывают, от предрассудка, что будто бы, вырезав из них особый кусок и держа его при себе, можно вредить, кому угодно. Одни только тела шаманов предаются погребению целыми, потому что ситкинцы считают их исполненными силой нечистого духа, и поэтому будто бы они несгораемы.

Самым большим искусством или ремеслом здешних жителей может считаться резьба и рисунки. Судя по множеству масок и виденных мной других резных и разрисованных вещей,

следует заключить, что каждый ситкинец — художник в области упомянутых искусств. Здесь не увидишь ни одной игрушки, даже самой простой, ни одного орудия и никакой посуды, на которых бы не было множества разных изображений, а особенно на коробках и сундуках, крышки которых обкладываются, сверх того, ракушками, похожими на зубы. Привычка каждый день раскрашивать себе лицо сделала, по моему мнению, всех жителей живописцами, или малярами. Наиболее употребительные краски следующие: чёрная, тёмнокрасная и зелёно-голубая. Хотя они, должно думать, разводятся на рыбьем клее, однако же, так крепки, что не линяют и не сходят от дождя. Искусству ситкинцев в разных ремёслах также можно отдать должную справедливость. Их лодки заслуживают особенного внимания. Говорят, будто бы искусство шить у них мало известно. Но мне самому случалось видеть платья, довольно хорошо, искусно и чисто сшитые.

Ситкинские жители в промыслах не могут равняться с нашими байдарочными промышленниками (Здесь я разумею аляскинцев, кадьякцев, кенайцев и чугачей вместе.). Они бьют из ружей морских зверей, большей частью сонных. Впрочем, такой род охоты для них выгоден, потому что морские бобры не переводятся. В тех же местах, где проживут наши охотники, число бобров приметным образом уменьшается, а напоследок они и совсем пропадают. Примером тому служит берег от Кенайского залива до прохода Креста, где теперь нельзя добыть и сотни этих зверей.

Всё, сказанное мной выше, касается не только ситкинцев, но и всех нам известных народов от Якутата до 57° с. ш., которые именуются колюшами, или колошами. Хотя они живут в разных

местах, независимо друг от друга, но говорят на одном языке и связаны между собой взаимными узами родства. Число их по проливам простирается вообще до 10 000 человек. Они разделяются на разные роды, из коих главные: медвежий, орлиный, вороний, касаткин и волчий. Последний называется также коквонтанским и имеет разные преимущества перед другими. Он считается самым храбрым и искусным в военном деле. Утверждают, что люди, составляющие этот род, нимало не боятся смерти. Если кто-либо из них попадётся в плен, то победители поступают с ним весьма ласково и даже возвращают ему свободу. Вышеуказанные роды так смешаны между собой, что в каждом селении можно их найти всех понемногу. Однако же, каждый из них живёт в особом доме, над которым вырезано фамильное животное, служащее вместо герба. Они никогда не воюют между собой, но при случае должны друг другу помогать, как бы далеко они друг от друга ни находились.

У колошей нет никаких обрядов богослужения. Они утверждают, что на небе или на другом свете есть существо, которое создало всё, и ниспосылает разные болезни на людей, когда на них разгневается. Дьявол, по их мнению, весьма зол и посредством шаманов делает всякие пакости на земле.

Права наследства их идут от дяди к племяннику, исключая тайонство или начальничество, которое почти всегда переходит к сильнейшему или тому, который имеет у себя больше родственников. Хотя здешние тайоны и управляют своими подчинёнными, однако же, власть их довольно ограничена. Даже и в небольших селениях их бывает иногда до пяти.

Я было и забыл упомянуть о следующем, весьма странном обычае. У колошенских женщин, как только начнутся периодические недомогания, прорезывается нижняя губа, в которую вкладывается деревянный овал, выделанный наподобие ложки. Этот прорез увеличивается вместе с годами, так что напоследок губа оттягивается более 2 вершков [почти на 9 см] вперёд и около 3 вершков [13 см] по сторонам лица, отчего самая первая красавица делается ужасным чудовищем. Такое безобразие, как оно ни отвратительно, находится здесь в большом уважении, а поэтому знатные женщины должны иметь губы насколько возможно больше и длиннее.

Глава шестая. Плавание корабля «Нева» из залива Ситкинского до Кантона

Открытие острова Лисянского и его описание. — Мель Крузенштерна — Марианские острова. — Тайфун. — Рейд в Макао. — Прибытие кораблей «Нева» и «Надежда» в Вампу. — Разные случаи в Кантоне.

Сентябрь 1805 г. Около 4 часов пополудни подул северный ветер. Полагая, что он установится, я снялся с якоря в 6-м часу вечера. Но не успели мы пройти и половины островов, как вдруг наступила тишина.

По прошествии некоторого времени тот же самый ветер вынес нас из узкого пролива между островами. В 8 часов начался отлив, я хотел воспользоваться им, и, обойдя острова Средние, пролавиrowать там до утра. Но моё желание не исполнилось; около полуночи нашёл туман и принудил нас остановиться на верпе.

2 сентября до 2 часов полуночи мы стояли спокойно. В это же время с юга налетел шквал с волнением и подрейфовал корабль. Поэтому мы были принуждены бросить якорь на глубине в 40 сажен [73 м] и на песчаном грунте. В 6 часов подул северный ветер и позволил нам вступить под паруса, но и этим благоприятным случаем мы пользовались не долго. Вскоре наступила тишина, и корабль остановился.

В это время приехал к нам из крепости Баранов, с которым я распрощался не без сожаления. Он, по дарованиям своим, заслуживает всякого уважения. По моему мнению, Российско-Американская компания не может иметь в Америке лучшего начальника. Кроме познаний, он имеет уже привычку к выполнению всяких трудов и не жалеет собственного своего имущества для общественного блага.

Безветрие продолжалось до полуночи и принудило нас буксироваться. Вскоре потом подул крепкий северо-западный ветер, и потому, убрав лишние паруса, мы направили свой путь к юго-западу.

5 сентября. Поутру ветер повернул было к юго-западу, но вскоре опять установился на прежнем своём румбе. В полдень, по произведённым мной наблюдениям, мы достигли 52°33 с. ш. и 139°00 з. д. Со времени нашего выхода из гавани на корабле находилось около десяти больных. Но сегодня таких было только двое, да и то из числа раненых. Такое количество больных произошло, вероятно, от плохой погоды и чрезвычайной работы, которой мы занимались всю прошедшую неделю, а особенно 2-го числа, когда, по причине совершенного безветрия, никто из нас не спал целые сутки, в продолжение которых мы вышли за мыс Эчком. Теперь, когда все привыкли более прежнего к переменной погоде, можно надеяться, что команда будет здоровее. Нельзя это сказать утвердительно о двух кадьяхках и четырёх мальчишках, родившихся от русских и американок. Первых я взял с собой для управления байдаркой, а последних для обучения мореплаванию.

Во время нашего пребывания в Новоархангельске было набрано и наквашено 60 вёдер дикого щавеля, который мы начали употреблять со вчерашнего числа. Прибавляя к этому противоцынготному средству брусничный сок и мочёную бруснику, мы, конечно, избежим цынги, никакого признака которой до сих пор еще не было. Но так как для достижения Кантона

требовалось много времени, то я принуждён был сделать следующее распоряжение об употреблении матросской пищи: пять дней в неделю варить щи с солониной и щавелем с прибавкой довольно большого количества горчицы или уксуса, а два дня — горох с сушёным бульоном. В воскресенье же и понедельник я велел давать по полкружки пива в день на человека, в четверг — бруснику или брусничный сок, а в среду — чай для завтрака.

8 сентября. Достигнув $48^{\circ}17$ с. ш. и $139^{\circ}29$ з. д., мы видели множество морских котиков, а потому я назначил самых исправных матросов по всем саленгам [\[178\]](#), с тем, чтобы они пристально осматривали весь горизонт. Но до самой ночи ничего замечательного не было открыто, хотя небо было ясное. Мои кадьякцы уже третий день жаловались на боль в желудке. Полагая, что это происходило от употребления хлеба, к которому они еще не привыкли, я уменьшил выдачу им этого продукта питания, зная уже раньше, что даже русские, питаясь долгое время рыбой, сначала много страдают от неосторожного употребления хлеба.

10 сентября. Морские котики, которые попадались нам третьего дня, показывались также, хотя изредка, и вчера. А потому я было решился отыскивать их пристанище, но к полудню задул западный ветер и притом столь сильный, что принудил нас лечь к югу и удалиться от места, где мы собирались делать поиски.

14 сентября мы прибыли в широту $44^{\circ}24$ и долготу $147^{\circ}32$, где нашли, что поверхность моря покрыта небольшими треугольными ракушками, которые росли вокруг крепкого вещества и издали весьма походили на цветы, плавающие по морю. По словам кадьякцев, они служат лучшей пищей морских бобров и растут на деревьях, которые покрываются иногда водой *178*. Но так как они большие охотники до вымыслов, то на их слова не всегда можно полагаться. Вероятнее всего, что упомянутые ракушки образуются в море из того же самого вещества, на котором они находятся, так как ни на одной их кисти я не заметил ничего такого, чем бы они могли прикрепиться к дереву.

16 сентября дул тихий ветер с северо-запада. При восходе солнца показалось стадо небольших птиц, похожих на куликов. Они были беловатого цвета, с чёрными полосами на спине и на крыльях. Мы видели их и вчера, но только на некотором отдалении от корабля. В 7 часов поутру с фор-саленга [\[179\]](#) дано знать, что к югу показалась земля. Посланный мной наверх штурман также думал, что видит берег, но нашедший вдруг туман не позволил ему убедиться в своём мнении. Что касается меня, то я, находясь недалеко от места, где капитан Портлок поймал морского котика, полагал с уверенностью, что земля должна была быть недалёко. Поэтому, не медля нисколько, я спустился на юго-юго-запад и продолжал путь в этом направлении до захода солнца. Хотя мы каждую минуту надеялись встретить землю, однако же, оказалось, что мы гонялись только за облаками. Таким образом, наша радость к ночи обратилась в сожаление, что мы потеряли напрасно несколько миль своего плавания. Надлежало проявить терпение и продолжать прежний путь к западу. По наблюдению, произведённому сегодня, западная долгота оказалась $151^{\circ}04$, а северная широта $-44^{\circ}12$.

28 сентября. Достигнув вчера предполагаемой мной долготы 165° и не имея ни малой надежды сделать какое-либо открытие, я счёл за лучшее спуститься сегодня к югу, ибо, не имея возможности ничего отыскать там, где мы видели разные признаки близости земли, особенно, где нам показалась в минувшем году выдра, следовало заключать, что наши поиски в неизвестных местах, простирающиеся далее к западу, будут, без всякого сомнения, тщетны. Притом и само время становилось для нас весьма дорого.

2 октября северо-западный ветер, дувший около двух суток при весьма приятной погоде, утром утих, и наступила довольно ощутимая теплота. В 4 часа пополудни мной снято несколько лунных расстояний, по которым долгота западная оказалась $166^{\circ}06$. А так как около этого времени корабль «Нева» находился на $36,5^{\circ}$ с. ш., то я и направил свой путь на запад, чтобы

этим курсом достигнуть 180° долготы.

4 октября. В полдень я делал астрономические наблюдения на $36^{\circ}25$ с. ш. и $167^{\circ}45$ з. д. Вскоре после этого горизонт покрылся мраком, и западный ветер задул столь жестоко, что принудил нас уклониться к югу. А поскольку по опыту известно, что западные ветры здесь не скоро меняются, то, для сбережения времени, я решился направить плавание к Марианским островам, не касаясь путей известных мореплавателей. Таким образом, оставив поиски в этих широтах, мы можем сказать, что не заметили никакого признака земли между 165° и 168° . К этому нужно также прибавить, что от 42° широты до настоящего дня мы не видали ни одной птицы или рыбы, хотя время продолжалось прекрасное.

9 октября. Тишина и безветрие, продолжавшиеся около трёх суток, становились уже для нас скучными, ибо, кроме того, что мы подвигались весьма медленно вперёд, жара сделалась несносной. Хотя сегодняшняя широта оказалась не менее $30^{\circ}20$, однако же, наши гребные суда совершенно разошлись, а стены и бушприт, сделанные нами из елового леса, расщелялись так, что я принуждён был положить на них во многих местах найтовы [\[180\]](#). Вчера мы были обрадованы появлением нового рода рыбы. Длиной она была не более полуфута [15 см], довольно толста, но с удивительными перьями, или, лучше сказать, крыльями, длиной около трёх четвертей всего тела. Сегодня показались тропические птицы и множество летучей рыбы, по чему мы могли наверное заключить, что уже отделились от тех мест, где почти непрерывно обитают туманы.

15 октября. За маловетрием, продолжавшимся всю прошлую неделю, последовал довольно слабый ветер с запада. В 10 часов я снял несколько расстояний луны от солнца разными секстанами [\[181\]](#), по которым в полдень найдена средняя западная долгота $173^{\circ}23$. Широта же оказалась северная $26^{\circ}43$. Хотя с некоторого времени начали появляться разные птицы и рыбы, но сегодня с самого утра наш корабль был окружён касатками, акулами, лоцманами, фрегатами [\[182\]](#), тропическими птицами и большими, белыми, с чёрной опушкой по крыльям, чайками. Одна из последних села на утлегарь (Бревно, простирающееся далее бушприта, на котором растягивается треугольный парус, называемый кливером.), и хотя все матросы выбежали на бак, но она ни мало не беспокоилась и слетела только тогда, когда один из матросов схватил было её за хвост. Чрезвычайное множество птиц обратило на себя моё внимание, а особенно потому, что неподалёку от этих мест несчастный Лаперуз заметил также разные признаки земли. Поэтому в разных местах для наблюдения были рассажены люди, и сам я не сходил вниз в течение всего дня. Но судьба, не взирая на все наши усилия, кажется, над нами издевалась и решила открыть нам тайну не раньше, как подвергнув наше терпение ещё большему искусу. В 10 часов вечера я отдал приказание вахтенному офицеру Коведяеву иметь ночью как можно меньше парусов, если ветер сделается свежее. Лишь только я хотел сойти в каюту, как вдруг корабль сильно вздрогнул. Руль немедленно был положен под ветер на борт, чтобы поворотить овер-штаг (Поворотить овер-штаг значит поворотить корабль против ветра на другую сторону.), но это не помогло, и корабль сел на мель. Вся команда, оставив свои койки, бросилась крепить паруса, а штурман между тем обмерял глубину вокруг судна, которое остановилось посреди коралловой банки. Поэтому я приказал тотчас сбросить все росторы (разные тяжести, лежащие на середине корабля, как-то: рей, стены и прочее) в воду с привязанными к ним поплавками, чтобы при удобном случае можно было опять их вынуть. Благодаря этому корабль настолько облегчился, что с помощью нескольких завозов к рассвету на 16-е число мы стянулись на глубину. Как только наступило утро, то на расстоянии около 1 мили [1,8 км] на западе-северо-западе показался небольшой низменный остров, а прямо по курсу, которым мы шли вечером, — гряда камней покрытых страшными бурунами. Как ни было худо наше положение, но такое открытие

обрадовало всех и придало многим бодрости для продолжения работы. Лишь только корабль остановился на заводе, на котором его стягивали, чтобы дожидаться штурмана, посланного для промера, как налетел жестокий вихрь и бросил его вторично на мель. Тогда не оставалось нам ничего более, как, сбросив канаты, якоря и другие самые тяжёлые, хотя и нужные вещи, стягиваться как можно скорее, ибо ветер начал свежеть и жестоким образом бить корабль о кораллы. Однако при непрерывной работе и величайших трудах, мы могли сойти на глубину не раньше вечера.

17 октября. Хотя наши обстоятельства были весьма плохи, однако же, ночью надо было дать покой подчинённым, без которого никто бы из них не был в состоянии продолжать работу. К счастью, всё это время была тишина и спасла нас от гибели. На рассвете, пользуясь благоприятным временем, мы потянулись вперёд на заводах, а между тем я отделил половину команды для вытаскивания брошенных в море вещей, которые все без исключения были доставлены на корабль. Вместе с ними была привезена часть фальш-киля (Толстая доска, прибитая под килем.), которого, конечно, осталось уже немного под кораблем. Несмотря на всё, воды в интрюм прибывало не более 12 дюймов [30 см] в сутки. В 7 часов вечера, отойдя от утреннего своего места на довольно значительное расстояние, я положил якорь на глубине 8 сажен [14,5 м]. Судя по глубине дна, которая всё время была 3, 4 и 6 сажен [5,5; 7,3 и 11 м], нам можно было бы отойти гораздо дальше, но этому препятствовало коралловое дно, которое часто не держало верпов, а иногда даже перетирало заводы. К этому можно прибавить, что несколько часов продолжалась самая чрезвычайная жара. Под вечер я хотел было съехать на берег, но заболел и потому отправил туда своих офицеров, которые через два часа возвратились и привезли с собой четырёх больших тюленей, убитых ганшпугами [\[183\]](#).

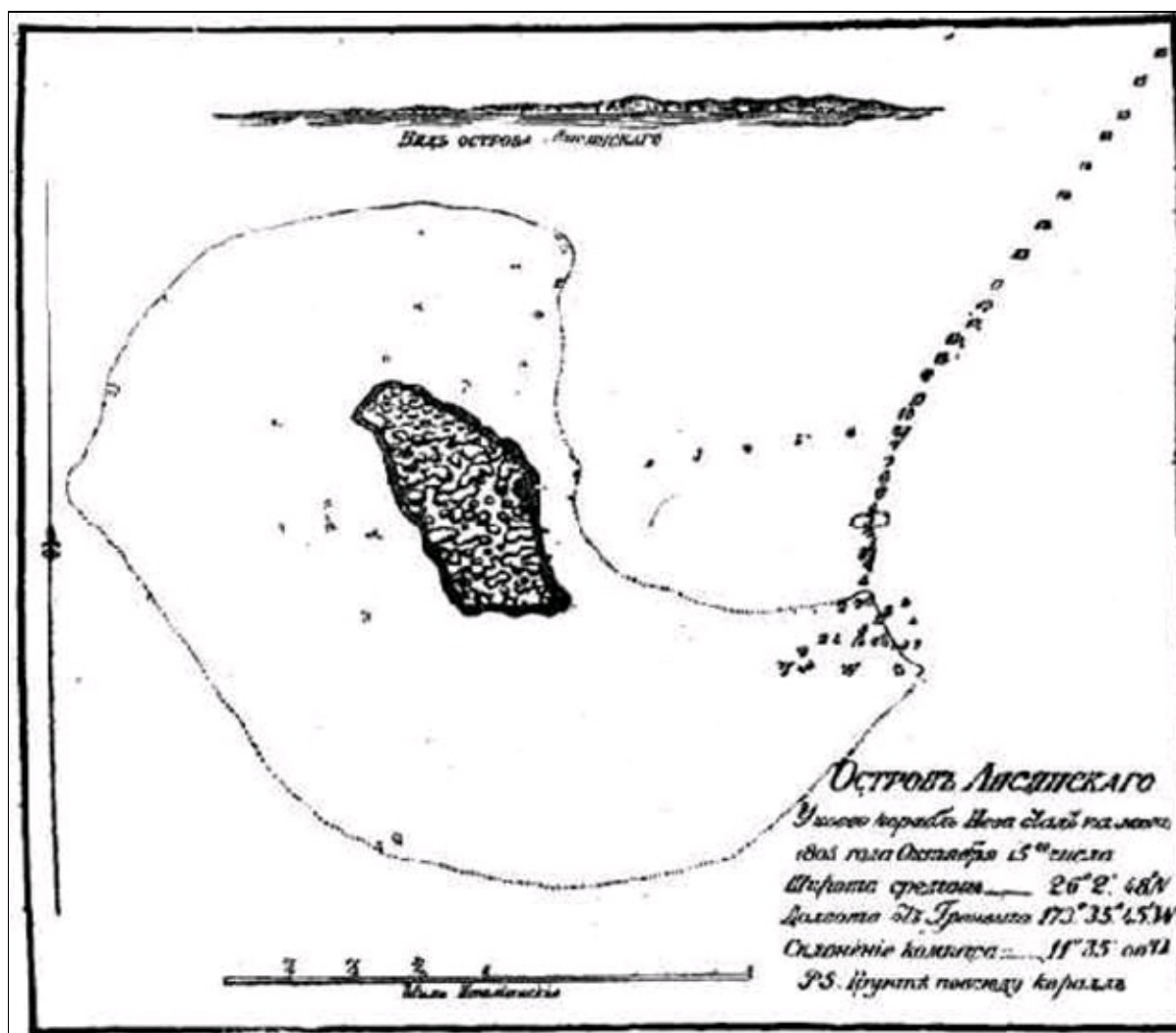
18 октября. Время стояло благоприятное и позволило нам сегодня тянуться на заводах к северу с возможной поспешностью. Желая осмотреть место, которое по своему положению должно быть важно для мореплавателей, я отправился поутру на берег, взяв с собой штурмана и некоторых офицеров и отдав приказание на корабле, чтобы немедленно вступить под паруса, если позволит ветер, и ожидать нас, совершенно удалясь от опасности. Около острова бурун так велик, что мы с немалым трудом могли пристать к небольшой губе, на берегу которой нашли множество разных птиц и тюленей. Первые тотчас нас окружили и больше походили на домашних, нежели на диких, а тюлени лежали на спине и не обращали на нас ни малейшего внимания. Некоторые из них были величиной более сажени и едва открывали глаза, если кто-либо приближался к ним, но ни один не трогался со своего места. Как это зрелище ни было привлекательно, нам пришлось его скоро оставить, чтобы исполнить своё предприятие, т. е. сделать описание берегов и узнать, что этот лоскуток земли производит. Первое требовало немного труда. Что же касается до последнего, то оно стоило нам большого беспокойства. Не говоря уже о несносной жаре, мы почти на каждом шагу проваливались по колена в норы, заросшие сплетающейся травой и наполненные молодыми птицами, многие из которых погибали у нас под ногами, так как был слышан непрерывный писк. Однако же, невзирая на все встречавшиеся препятствия, дело кончено было к вечеру. Воткнув шест в землю, сперва я зарыл подле него бутылку с письмом о нашем открытии этого острова, а потом возвратился на корабль в полной уверенности, что если судьба не удалит нас от этого места, то следует ожидать скорой смерти. При совершенном недостатке в пресной воде и лесе, какие можно бы было предпринять средства к спасению? Правда, нас снабдили бы пищей рыба, птицы тюлени и черепахи, которых на острове большое количество, но чем мы могли утолять жажду? Этот остров, кроме явной и неизбежной гибели, ничего не обещает предприимчивому путешественнику. Находясь посреди весьма опасной мели, он лежит почти наравне с поверхностью воды. Исключая небольшой возвышенности на восточной стороне, он состоит из кораллового песка и покрыт только травой,

которой заросли норы, где чайки, фрегаты, утки, кулики и другие птицы выводят своих детей. Между этими пернатыми особенного замечания достойны чайки, величиной с дикого голубя, на которого они походят, я большие белые птицы, названные нашими матросами глупырями. Птица, которая села на утлегарь; принадлежит к этому же роду. Первые, летая в ночное время, производят ужасный крик, а последние так глупы, что во время своей прогулки мы едва могли отогнать их от себя палками. Они величиной с гуся, по краям крыльев и на конце хвоста имеют чёрные перья, нос у них жёлтый, прямой, а глаза яркого жёлтого цвета. На берегу нигде мы не заметили ни воды, ни леса, а нашли только десять больших брёвен, из которых одно имело у корня сажень в диаметре и походило на красное дерево [\[184\]](#), растущее по берегам Колумбии. Не знаю, какое сделать об этом заключение. Если по причине большого расстояния это дерево не могло приплыть из Америки, то по близости должна быть какая-либо неизвестная земля. На Сандвичевых островах такого рода деревья не растут, Япония также весьма отдалена от этого места. Может статься, что к северо-западу, на линии Сандвичевых островов, Некара [\[185\]](#) и открытого мной острова, находятся ещё земли, отыскание которых предоставлено будущему времени. Может быть также, что на этой линии лежит и тот остров, который, по утверждению некоторых писателей, некогда был открыт испанцами около 35°30 с. ш. и 170° в. д.

Наше странствование по острову не было тщетным. Мы воротились на корабль «Нева» не с пустыми руками, а принесли множество кораллов, окаменелой губки и других редкостей, между которыми может также занять не последнее место найденный мной на взморье калабаш [\[186\]](#), который был настолько свеж и цел, что, кажется, приплыл не издалека. Очень жаль, что встреча с новооткрытым мной островом была сопряжена с несчастным приключением для нашего корабля. В противном случае я не упустил бы возможности испытать на самом деле справедливость моих заключений и отыскал бы что-нибудь более важное. Ибо нет труда, которого я не согласился бы преодолеть, нет опасности, которой я бы не перенёс, только бы сделать наше путешествие полезным и доставить честь и славу русскому флагу новыми открытиями. Но происшедшее на нашем корабле повреждение, а также и само время заставили нас поспешить с плаванием к предположенному месту встречи, принудили меня оставить моё рвение к дальнейшим поискам и стараться как можно скорее достигнуть кантонской пристани, где уже надлежало быть нашему спутнику, кораблю "Надежда".

19 октября. Сегодня задул тихий ветер с северо-запада и позволил нам вступить под паруса около 10 часов утра, а в полдень сделаны были наблюдения в 26° 10 с. ш. Отойдя не более 10 миль [18 км] от острова, мы уже не могли видеть его со шканцев, только с саленга можно было рассмотреть землю, которая едва отличалась от воды. Тогда мы легли в дрейф для подъёма гребных судов и бросили лот, но со 100 сажен [183 м] лотлиния [\[187\]](#) не могли достать дна, за полчаса же перед этим глубина была 25 сажен [46 м]. От нашего якорного места глубина продолжалась почти на целую милю 9 и 10 сажен [16 и 18 м], потом увеличилась до 15 сажен [27 м], а напоследок до 20 [36 м] и более. Грунт повсюду оказался крупный коралл, который был виден на мелководье и походил на каменные деревья, растущие на морском дне. Поэтому можно судить, как опасно это место. Корабль «Нева» за испытанное им у этого острова несчастное приключение может быть вознаграждён только той честью, что с открытием весьма опасного местоположения он спасёт, может быть, от гибели многих будущих мореплавателей. Если бы мы стали на мель около острова в другом каком-нибудь месте, то, конечно, подобно несчастному Лаперузу, не увидели своего отечества, а сделались бы жертвой морских волн, так как повсюду были видны буруны. Если бы корабль был потоплен, а мы спаслись на остров, то он послужил бы нам скорее гробом, нежели убежищем. При первом ветре, а особенно с северо-востока, корабль «Нева» непременно разбился бы о кораллы и погрузился бы в пропасть

вечности. Но, к нашему счастью, тишина продолжалась тогда целых три дня. Я поставил себе также неперменным долгом принести мою благодарность сопутствовавшим мне офицерам и нижним чинам, которые, находясь в непрестанных трудах, двое суток сряду не имели более шести часов отдыха и перенесли их не только без малейшего ропота, но еще с бодрым духом, невзирая на всю угрожавшую нам опасность. Юго-восточную мель, на которой сел наш корабль, я назвал Невской, острову же, по настоянию моих подчинённых, дал имя Лисянского.

20 октября. Со вчерашнего вечера северный ветер усилился, а сегодня утром повернул к северо-востоку. Всю ночь мы шли к востоку, чтобы удалиться от опасности. На рассвете же направили путь к юго-западу и в полдень были в $25^{\circ}23$ с. ш. и в $172^{\circ}58$ з. д. Приведя корабль в некоторую исправность и отдохнув немного, я занимался сегодня вычислением всех наблюдений, сделанных мной после снятия «Невы» с мели.

По трём полуденным высотам, снятым разными секстанами, середина острова Лисянского находится на $26^{\circ}02'48''$ с. ш. Долгота же принята мною западная $173^{\circ}42'30''$.

После полудня показались две большие стаи черноватых птиц, которые держались на далёком расстоянии от корабля. Поэтому я приказал к ночи убрать все паруса и остаться только под марселями. Эта предосторожность была тем нужнее, что мои матросы еще не совсем собрались с силами от прежних своих трудов. С этого числа я решился иметь такое направление, чтобы войти в долготу 180° около 17° с. ш.

23 октября. Поутру дул западный ветер с дождём. В полдень, по наблюдениям, оказалось, что мы находимся под $22^{\circ}15$ с. ш. и $175^{\circ}32$ з. д. По окончании наблюдений ветер повернул к югу. Поэтому мы и повернули к западу. Через час с фор-саленга было замечено, что перед нами находится бурун. Я сам с бака увидел перед бушпритом чрезвычайное кипение воды и тотчас

поворотил на другой галс. Между тем, лейтенант Повалишин и штурман Калинин влезли наверх и подтвердили, что за кипением воды вправо виден высокий всплеск. В это время облака проходили довольно скоро, и ветер то усиливался, то совершенно утихал, так что я счёл за нужное удалиться от опасности, с тем, однако же, чтобы, как только установится погода, непременно осмотреть это место. В 3 часа пополудни стали непрерывно налетать шквалы, а вскоре потом сделался туман и принудил нас отойти на 16 миль [29 км] к югу, где мы и легли в дрейф до утра.

По словам офицеров и матросов, бывших наверху, и также по виденному мной с палубы, можно заключить, что сегодня мы находились близ мели, простирающейся с севера к югу, по крайней мере, на 2 мили [3,7 км]. А так как всплеск был замечен только в одном месте, то следует полагать, что он происходил от волн, ударяющихся о камень, который я назвал Крузенштерновым, лежащий по полуденным наблюдениям и по глазомерному расстоянию на $22^{\circ}15$ с. ш. и $175^{\circ}37$ з. д.

24 октября. Переменные ветры и пасмурная погода воспрепятствовали мне сегодня осмотреть мель, примеченную нами вчера. В 8 часов утра мы увидели настоящего берегового кулика, который хотя и казался несколько утомлённым, но верно был отнесён вчерашним ветром от какой-нибудь нам неизвестной, однако же, находящейся в недалёком расстоянии, земли. В полдень были сделаны наблюдения в $21^{\circ}56$ с. ш. и в $175^{\circ}21$ з. д., а к вечеру при северном ветре мы легли в дрейф. Такую остановку корабля я решился делать каждую тёмную ночь, пока мы не достигнем изученной части моря, чтобы уклониться от всякой непредвиденной опасности (Судя по береговым птицам, с которыми мы встречались почти каждый день с 19-го числа, быть может, мы находились недалеко от каких-нибудь неизвестных островов.) и не пройти мимо чего-нибудь, достойного внимания.

31 октября. Тихие и переменные ветры продолжались всю прошлую неделю. Однако мы достигли широты $18^{\circ}34$ и долготы $178^{\circ}56$. С этого дня я убавил по 1/4 фунта [100 г] сухарей у каждого человека в сутки, потому что по прежнему положению их хватило бы только на 30 дней. За это время невозможно было надеяться достигнуть Кантона, если бы этому не способствовали какие-либо самые благоприятные обстоятельства. Для меня весьма приятно отдать должную справедливость находившимся на моём корабле матросам, которые упомянутую убавку приняли не только без всякого недовольствия, но ещё с замечанием, что если потребуется, то они согласятся получать самую малую порцию.

2 ноября начал дуть слабый северный ветер, которому я очень обрадовался и приказал поставить все возможные паруса. В полдень мы прибыли в северную широту $16^{\circ}3$ и западную долготу $180^{\circ}32$. Таким образом, мы обошли полсвета от гринвичского меридиана, не лишившись ни одного человека, в течение столь многотрудного и продолжительного плавания. Наш народ переносил жаркий климат так, как если бы родился в нём, и до сих пор находит его для себя гораздо здоровее, нежели холодный.

После полудня ветер повернул к северо-востоку. Вероятно, в этой части света пассатные ветры не так далёко отходят от экватора, как в Атлантическом или Индийском океане. С 25-го октября было мало-ветрие и даже совершенная тишина, и только изредка дули лёгкие ветры. Начинаясь всегда с севера, они поворачивали со шквалами к востоку, потом к югу и, наконец, к западу, где сменялись затем тишиной. Всего непонятнее, что северо-западная зыбь простирается весьма далеко, так как она была чувствительна еще до сих пор. Это, может быть, происходит от северо-западных ветров, которые большей частью дуют в высоких широтах этого океана. Они часто случались на нашем пути в Америку и обратно. Восточные же дули только два раза после нашего выхода из Новоархангельска. Очень жаль, что пространство между Сандвичевыми островами и Японией не так еще известно, иначе можно было бы положить за правило, чтобы

суда, идущие на Камчатку, почти всегда входили в настоящую свою долготу между 14 и 15° с. ш., а потом уже направлялись к северу. В этом случае западные ветры не так часто бы им препятствовали. С таким намерением, оставив Сандвичевы острова, я направлял свой путь к Кадыку, так, чтобы войти в 164° з. д. в малой широте, а потом уже взять прямой курс и, таким образом, достиг от острова Отувая места своего назначения в три недели с небольшим.

4 ноября. В 4 часа пополудни мы были на $13,5^{\circ}$ с. ш. и, следовательно, кончили самый опасный путь во всём нашем плавании. Оставив залив Ситку, мы находились до настоящего времени в неисследованном участке океана и, может быть, миновали многие места, которые при каком-либо несчастье могли бы сделаться для нас гибельными, а особенно далее к северу. Следует заметить, что с того времени, как мы удалились от острова Лисянского, нам не попадалось ничего, кроме небольшой касатки, которая один раз показалась у борта. Вчера мы видели стадо мелкой летучей рыбы. Что же касается птиц, то они посещали нас ежедневно.

14 ноября. От 15° широты мы имели настоящий северо-восточный пассатный ветер, который дул большей частью довольно сильно и доставил нас сегодня в северную широту $14^{\circ}29'$ и в западную долготу $209^{\circ}14'$. На это местоположение мы могли весьма надеяться, так как лунные наблюдения, которые мы делали четыре дня сряду, лишь немногим отличаются от хронометров. Летучая рыба, которая севернее часто показывалась нам стадами, здесь, повидимому, водится не в таком изобилии, но зато она крупнее и проворнее. Одна из них вечером вскочила к нам на шканцы. Размеры её следующие: длина около $15\frac{1}{2}$ дюймов [39 см], окружность 7 дюймов [18 см], длина верхних крыльев или перьев 8 дюймов [20 см], а нижних 3 дюйма [7,5 см].

15 ноября. Ветер дул свежий, погода ясная. В полдень, по наблюдениям, мы находились на северной широте $14^{\circ}48'$ и в западной долготе $213^{\circ}04'$, а в 5 часов вечера увидели на западе-северо-западе сперва остров Сайпан, а потом и Тиниан (Из группы Марианских островов (Ландронес, Разбойничьи или Сайпан-Сите).) — на западе. Но так как солнце уже склонялось к горизонту, а притом по некоторым признакам можно было заключить, что ночь будет беспокойная, то, продвигаясь к северо-западу до половины 7-го часа, я повернул на левый галс и, зарифясь двумя рифами, решил лавировать до рассвета.

16 ноября. Поутру ветер сделался несколько тише и без порывов, которые ночью нас довольно много беспокоили. Заметив юго-восточную оконечность острова Тиниана, я повернул к ней в 7 часов, а в 10 мы были в проходе между островами Гуамом и Тинианом, так что к 11 часам могли взять настоящий курс на северо-запад. Хотя для меня было всё равно, каким из трёх проливов проходить, т. е. по северную сторону острова Сайпана, между ним и Тинианом, или южнее последнего; однако же, надо признать, что ничего не может быть безопаснее, как тот пролив, которым прошёл корабль «Нева». Остров Тиниан окружён глубинами до самых берегов, так как, обходя его на расстоянии не более 3 миль [5,5 км], я нигде не заметил мелководья, а на северной стороне острова бурун бьёт только об утёсы. Юго-восточная оконечность этого острова утёсистая. Берега же по обе стороны его хотя и довольно высоки, но пологие и покрыты деревьями, между которыми особенно заметны кокосовые пальмы. Жаль, что этот остров не имеет хорошей гавани, в противном же случае по своему изобилию он мог бы доставить мореплавателям не только нужные, но даже и приятные вещи. Мы видели якорное место лорда Ансона, лежащее по западную сторону острова и закрытое только от восточных ветров. Оно не безопасно, ибо, кроме указанного недостатка, имеет и плохое дно.

Юго-восточная оконечность острова Тиниана лежит на западной долготе $213^{\circ}40'20''$. Широта же её по полуденному наблюдению — северная — $14^{\circ}56'52''$. Если считать, что найденная по пеленгам северная широта Гуама равна $14^{\circ}50'32''$, выходит, что этот остров лежит на юг от Тиниана, почти в 6 милях [11 км]. По картам же он расположен на расстоянии около 18

миль [33 км], следовательно, слишком далеко.

В третьем часу пополудни скрылись все Ландронские [Ландронес] или Марианские острова. Из них мне показался самым высоким Сайпан, который в хорошее время виден за 35 миль [64 км], а Тиниан — за 25 миль [46 км]. На хребте, образующем первый из них, имеется небольшая коническая гора, а последний почти ровный.

Направляя путь к острову Формозе, я не мог удержаться от восхищения, что в скором времени мы увидим просвещённых людей и встретимся, может быть, с Крузенштерном.

От залива Ситки до островов Ландронских или Марианских мы имели, большей частью, северо-восточное и юго-западное течение. Последнее было гораздо сильнее и подвинуло нас на указанном расстоянии около 140 миль [260 км] к югу и до 200 миль [370 км] к западу. Юго-западное течение сперва довольно усилилось после нашего вступления в тропик, однако же, переменялось на западное, когда мы приблизились к Ландронским островам.

22 ноября. После удаления от берегов ветер усилился и третьего дня задул так, что я был принуждён лечь под штормовые стаксели. Но это служило только преддверием к худшему, так как сегодня утром ртуть в барометре опустилась ниже всех делений, и шторм, продолжавшийся более суток, превратился в бурю, которая сперва начала рвать снасти, а потом положила корабль на бок, так что подветренная сторона была в воде до самых мачт, хотя на корабле и стоял только один бизань, зарифленный всеми рифами. Около полудня, разбило в щепы ялик, висевший за кормою, и несколько времени спустя оторвало шкафуты [\[188\]](#) и унесло в море многие вещи, находившиеся наверху. Но всего хуже было то, что вода начала чувствительно прибывать в интрюм и принудила нас действовать всеми помпами до вечера. В это время жестокая погода несколько поутихла и это спасло нас от гибели, так как, работая непрерывно в воде, мы в короткое время пришли бы в совершенное бессилие и погибли бы неизбежно. Но, видно, судьбе еще не угодно было погубить нас: прекратилось ужасное неистовство стихий, которые, как оказалось, в состоянии были всё превратить в первобытный хаос. В продолжение этой бури густые облака и вода, которую несло вихрем подобно пыли, смешавшись вместе, почти лишили нас дневного света. Такие бури в этих местах называются тайфуном (Это слово происходит от китайского та-фунг, или сильный ветер [\[189\]](#).), одно имя которого уже приводит мореплавателей в ужас, так как его не только нельзя избежать без больших повреждений, но очень часто во время него корабли погибают.

23 ноября. Дул крепкий ветер и продолжался всю ночь, потом с восходом солнца утих и позволил нам убрать изорванные снасти, из которых многие были совершенно измочалены, а все без изъятия так побелели, как будто бы на них никогда не было смолы. После окончания этой работы, первой моей заботой было осушить корабль и очистить в нём воздух. Для этого мы принялись выносить подмоченные вещи наверх, оскабливать грязь и курить везде купоросной кислотой. Несмотря на то, что очищение и окуривание продолжалось до самого вечера, несносный запах был довольно ощутим. Поэтому я и заключил, что меха, находившиеся в интрюме, должны быть подмочены.

24 ноября. Лишь только команда убралась, я приказал поскорее открыть интрюм. Моя догадка была справедливой.

При вскрытии среднего люка из него пошёл столбом пар и несносное зловоние. Желая как можно скорее очистить воздух в нижнем отделении корабля, так как в противном случае легко могла бы произойти зараза, я приказал сперва развесить жаровни с раскаленными углями по кубрику (Отделение корабля между палубой и интрюмом.) и спустить в интрюм машину для окуривания купоросной кислотой, а потом начал поднимать тюки с мехами. Сверху несколько рядов их оказались в хорошем состоянии, но внизу и к левому боку они были мокрые, так что самые нижние слились вместе и были чрезвычайно тёплыми. Можно заключить, как

вышеупомянутая работа была для нас тягостна. Однако к вечеру мы выбросили множество гнилых вещей, не чувствуя ни малейшей перемены в здоровье. Думаю, что этому не мало помогала купоросная кислота, небольшое количество которой я положил также в воду для питья.

Около полудня ветер повернул к северу. Но так как на левой стороне корабля у нас происходила выгрузка, то, опасаясь, чтобы груз, находившийся на правой стороне, не сдвинулся с места, я принуждён был лежать в дрейфе до захода солнца, а потом плыл на запад-северо-запад. Тяжёлый запах, выходявший из интрюма, был слышен даже в моей каюте, а в передней части корабля он был настолько несносен, что матросов пришлось перевести в кают-компанию, где обыкновенно живут офицеры, чтобы удалить малейшую причину, которая могла бы повредить их здоровью.

25 ноября. На другой день с самым рассветом мы снова принялись за прежнюю работу. Я очень радовался, что, при всём этом тяжёлом труде и несносном зловонии, среди команды не было ни одного больного человека. От жаровен и окуривания, продолжавшегося в интрюме всю ночь, воздух в нём к утру очистился, так что можно было заниматься работой более часа, не выходя наверх. Вчера же, особенно при подъёме нижних тюков, никто не был в состоянии оставаться внизу несколько минут, не почувствовав головокружения и боли в глазах.

Вечером усилился северо-восточный ветер и принудил нас отложить перегрузку до другого времени.

26 ноября. Поутру ветер утих, что очень нас успокоило, ибо в противном случае надлежало бы спуститься к острову Луконии или Лукону [Люцон или Люсоя] [\[190\]](#), чтобы спасти корабль от гибели: он не мог бы выдержать бури, так как груз был выброшен. В полдень я делал астрономические наблюдения на $18^{\circ}48$ с. ш. и $231^{\circ}39'$ з. д. К вечеру мы успели кончить перегрузку на левой стороне корабля, с которой выброшено в море 30 000 котиков и большое количество морских бобров, лисиц и других подмоченных мехов.

27 ноября. На другой день наступила опять плохая погода, что крайне нас беспокоило. Помимо того, что, по случаю крепкого ветра и сильного волнения, нельзя было держать интрюм открытым, мы принуждены были оставить производившуюся работу, так как шквалы находили весьма часто. В таком неприятном положении я, по крайней мере, утешился тем, что груз на правой стороне был подмочен довольно мало и требовал небольших трудов.

28 ноября. Дул свежий северо-западный ветер, продолжалась почти шквальная погода. В 7 часов утра мы увидели четыре острова, лежавшие к северу от острова Ваш [\[191\]](#). Поэтому мы направили свой путь к северо-западу. В полдень мы были на северной широте $21^{\circ}25'$, а от ближнего замеченного нами к северо-западу острова около 30 миль [55 км], и спустились к западу. В 2 часа пополудни упомянутые острова скрылись на юго-востоке. Вечером погода сделалась непостоянной. Поэтому я счёл за лучшее пройти 19 миль [35 км] от места наблюдения, а потом взять курс на запад-северо-запад, это было около 8 часов вечера.

Этот день был для нас довольно важным. Кроме того, что мы прошли весьма легко мимо острова Формозы и вступили в Китайское море, мы убрали совершенно интрюм и, следовательно, приготовились ко всем случайностям, которых только мореплаватели должны ожидать.

Со времени нашего отплытия от Ландронских, или Марианских островов, и до сегодняшнего наблюдения, было заметно непрерывное западно-юго-западное течение, которое снесло корабль «Нева» на 67 миль [124 км] к югу и более пяти градусов к западу, что было довольно выгодно.

На следующий день с самым рассветом мы начали очищать корабль от грязи, которой нигде не было менее $1/8$ дюйма [3 мм]. Во время перегрузки, без сомнения, могла бы произойти у нас

зараза, если бы её не предотвратили холодная погода и крепкие ветры, дувшие непрерывно во время этой опасной работы. Правда, что употребление виндтерзеелей (Парусные рукава, употребляемые на кораблях для доставления свежего воздуха.) и окуривание купоросной кислотой чувствительным образом очищали воздух внизу, а хорошая пища, употребление хины с грогом и вода, настоенная на ржаных сухарях и смешанная с купоросной кислотой, немало подкрепили силы трудившихся матросов. Но все эти средства были бы недостаточны, чтобы противоборствовать там, где половина интрюма была наполнена совершенной гнилью и где солнце в ясную и тихую погоду действует весьма сильно.

В полдень занимался я наблюдениями на $21^{\circ}42$ с. ш. и $240^{\circ}21$ з. д., а около 4 часов пополудни мы прошли мимо надводного камня, показанного на английских Ост-Индских атласах, приблизительно, в 2 милях [3,7 км]. Однако же мы его не видели, а потому заключаем, что в этом месте он едва ли существует.

30 ноября. В полночь, как мы и ожидали, достали дно на 50 саженьях [91 м], грунт был мелкий песок. Полагая, что мы находимся недалеко от острова Мигриса, я спустился было на полрумба, но в 4 часа утра опять была обнаружена глубина в 50 сажень, а потому я и взял курс на запад-юго-запад.

На рассвете мы увидели китайскую лодку, которая показалась мне около 60 футов [18 м] длиной, с узкой, но высокой кормой и подъёмным парусом из цыновок. При самом восходе солнца погода сделалась ясная и позволила нам взять курс на северо-запад. В час пополудни в 12 милях [22 км] к северу открылся остров Педро-Бракко (Упомянутые здесь Лисянским небольшие острова находятся в северной части Южно-Китайского моря. (Прим, ред.)). Поэтому я взял курс к большому острову Лемма [\[192\]](#).

Остров Педро-Бранко по моим хронометрам должен быть на $244^{\circ}00$ з. д., а по полуденной высоте на $22^{\circ}24$ с. ш. Он походит на высокую копну сена белого цвета, с небольшим бугром на западной стороне и издали похож на корабль под всеми парусами.

С утра мы миновали до 30 лодок, подобных вышеупомянутой. Однако я решился лоцмана не брать раньше, нежели подойду ближе к большому острову Лема, надеясь найти там наиболее искусного. В 4 часа мы подняли флаг и сделали один пушечный выстрел, ожидая, что, по примеру прежних мореплавателей, окружавшие нас лодки тотчас бросятся к кораблю. Но с нами случилось совсем обратное. Все они плыли своим путём, и хотя выстрелы повторились, однако, никто не обращал на нас внимания. Заключив поэтому, что сегодня мы не получим лоцмана, я решился лавировать ночью, а поутру подойти ближе к берегу.

1 декабря, при восходе солнца, увидав, что мы находимся южнее большого острова Лемы, и считая причиной этого обстоятельства течение, я хотел было лавировать и войти в проход, лежащий к северу от него. Но так как, вследствие сильного волнения, корабль дважды не поворотил через овер-штаг [\[193\]](#), то я и счёл за лучшее итти на большой фарватер, особенно потому, что сегодня четырнадцать из моих матросов, утомясь от прошлых трудов, работать уже не могли. К полудню мы прошли мимо камней, лежащих по западную сторону Лемских островов, и направили путь свой к Ландрону (Ландрон и Самиу — небольшие острова в Кантонском проливе (Прим. ред.)). Хотя погода была пасмурная, но я прошёл гряду Лемских островов с камнями не более как в расстоянии 2 миль [3,7 км] и нигде на 25 саженьях [45 м] не доставал дна. Поэтому можно сказать, что по близости от них нет ни малейшей опасности.

Вскоре после полудня я лёг на запад-северо-запад, а в 2 часа приблизился к северо-западной оконечности меньшего острова Ландрона. Тут к нам пристала небольшая китайская лодка, от которой я узнал, что корабль «Надежда» пришёл в Макао уже с неделю и стоит в гавани Тайпе. Это приятное для нас известие привёз с собою и лоцман, с которым мы пролакировали до половины 10-го вечера. В это время мы попали в обратное течение, которое и

принудило нас положить якорь у острова Самиу на глубине 9 сажень [17 м], грунт — ил.

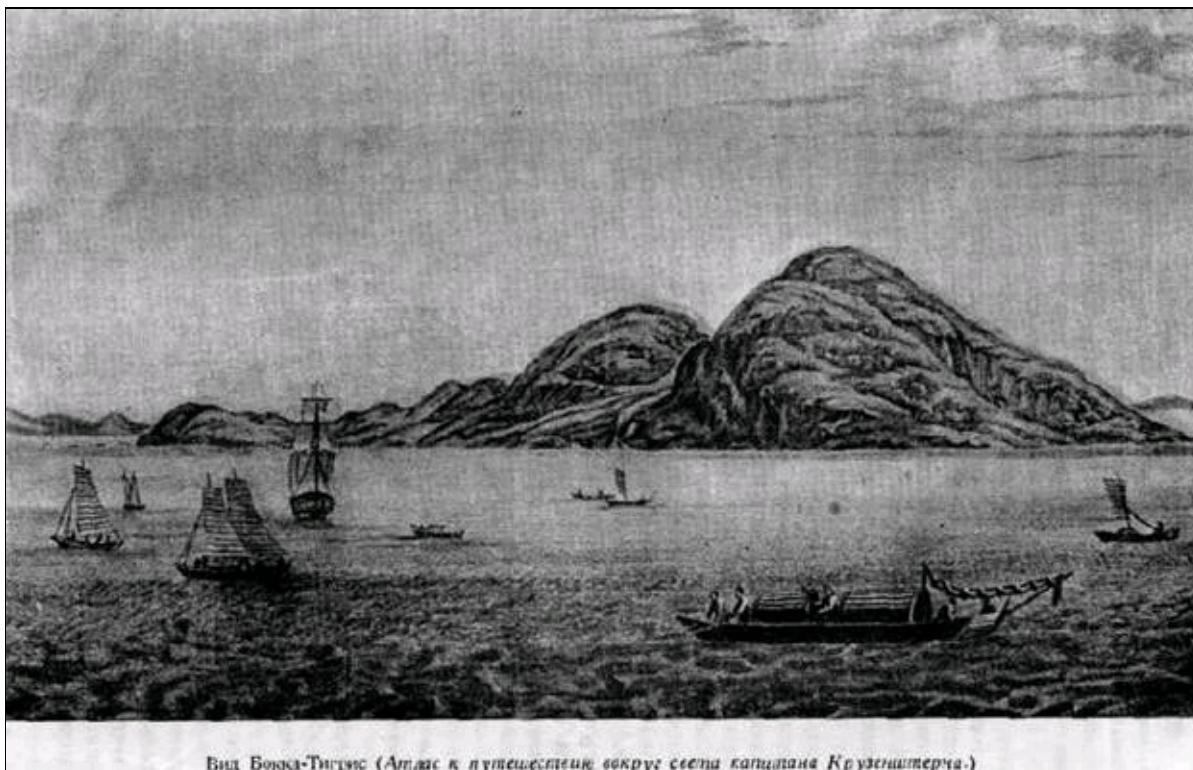
3 декабря. Вчера весь день продолжалась тишина, а потому мы и не могли вступить под паруса до следующего утра, когда подул лёгкий северо-восточный ветер и доставил нас к вечеру на рейд Макао. Приведя свой корабль в безопасность, я тотчас отправился в город к Крузенштерну, а так как время приближалось к ночи, то старшему после себя офицеру я приказал зарядить пушки и ружья для отражения морских разбойников, которые иногда нападают здесь на суда, стоящие даже под самыми батареями. Разбойники эти из китайцев [\[194\]](#), но от крайней бедности и притеснения сделались противниками законов и промышляют грабежом. Их насчитывают теперь до 200 000 человек, и они грабят всё, что ни встречаются в море и на берегу. Может статься, что множество лодок, виденных нами раньше между островами Педро-Бранко и Лемскими, составляли флотилию этих бездельников, но она не смела сделать на нас нападение, видя, что наш корабль сильно вооружён.

5 декабря. Весь вчерашний день я провёл на берегу. Нечего описывать здесь, какое большое удовольствие я чувствовал, увидавшись со своими приятелями, с которыми находился в разлуке около восемнадцати месяцев. Всякий может это легко вообразить по своим собственным ощущениям. Скажу только, что сегодня я не охотно пошел бы с кораблём в Вампу (Место, в котором останавливаются купеческие корабли для выгрузки и погрузки товаров.), если бы Крузенштерн не решился туда ехать со мной, по некоторым обстоятельствам, о которых будет упомянуто ниже. В 11 часов утра мы снялись с якоря и, переменив лоцмана, лавировали с помощью прилива.

Город Макао построен на холмах и оврагах, но весьма чист и застроен довольно хорошими домами. Он защищается несколькими батареями и с моря имеет прекрасный вид. Что же касается его окрестностей, то они не могут представить любопытному путешественнику ничего, кроме камней и дикой горной травы. Хотя в этом месте я провёл мало времени, однако же, можно было заметить, что португальцы его хозяева только по названию, а китайские чиновники повелевают везде по своему произволу [\[195\]](#). Говорят, что нынешний губернатор иногда и покушался защищать свои права и власть, но с гарнизоном, состоящим из 200 человек, нельзя внушить к себе большого уважения. Монахи же, которых здесь очень много, ни во что не вмешиваются. К этому надо добавить, что Макао, единственно по нерадению португальцев, с которым они запасаются необходимой провизией, находится в совершенной зависимости у китайцев. Последние при всяком удобном случае пугают запрещением привозить к ним съестные припасы, а тем самым мало-помалу уничтожают права и преимущества Португалии.

К ночи корабль «Нева» остановился на якоре у острова Лантин [Ли-тин] [\[196\]](#).

Вид Бокка-Тигрис (Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна.)

6 декабря. В продолжение ночи мы дошли до Бокка-Тигрис [Бокка-Тигрис или Фумун] [\[197\]](#) и стали на якорь. Днём же мы прошли мимо множества рыбацких судов и большой китайской флотилии, состоявшей из нескольких сот военных лодок. Она готовилась выйти из реки, чтобы отогнать разбойников, о которых мною было упомянуто.

На другой день поутру приехали к нам два таможенных чиновника из крепости Бокка-Тигриса. А так как ветра в это время почти совсем не было, то я принуждён был нанять 50 лодок для буксира. С их помощью мы прошли первый бар (Подводная мель в устье реки. (Прим. ред.)) в 10 часов, а второй миновали около полуночи.

8 декабря. В 2 часа ночи мы достигли Вампу, где и легли в фертонь, имея якоря вдоль реки с 30 саженьями [55 м] каната у каждого.

Река Тигрис защищается двумя плохо укреплёнными крепостями, у которых суда должны ожидать таможенных чиновников и лоцманов. Эта река везде широка, кроме устья и двух отмелей, образующих бары. Проход между ними довольно узок, а особенно для больших судов, которым я советовал бы употреблять при маловетрии буксир, а не надеяться на паруса. Плата за это здесь самая умеренная.

Укрепив корабль на якорях, я дал приказание старшему после себя офицеру снять такелаж, сам же вместе с Крузенштерном поехал в Кантон в намерении отыскать там как можно скорее купца для товара, находившегося на моём корабле. Но, для лучшего в этом успеха, мы сочли за нужное сперва снестись с английским купцом Билем, имеющим обстоятельные сведения о здешней торговле, и поручить ему свои дела. Биль, с которым Крузенштерн был знаком и прежде, охотно принял на себя наше поручение и представил нам Лукву, одного из гонгов, или людей, имеющих позволение от своего правительства производить иностранную торговлю. По китайскому обыкновению, он поручился за наши суда и предложил для нашего груза свои амбары. Без такого поручителя в город Кантон с корабля ничего свезти нельзя. Он не только отвечает за исправную уплату пошлин, но и за поведение всех тех, за кого ручается. Поэтому, что бы иностранец ни сделал, вся ответственность падает на этого гонга, который иногда бывает принуждён платить чрезвычайно большую денежную пеню.

К 16 декабря я мог бы свезти товары на берег, если бы этому не помешало кантонское правительство. Поскольку наши корабли были первыми из русских, пришедшими в эту страну, то от нас требовали разных объяснений, без которых наместник не хотел нам позволить производить торговлю.

У нас перебивали все гонги, а напоследок старший из них, Панкиква, предложил нам следующие вопросы: какой мы нации? не ведём ли торговлю с китайским государством сухим путём? что побудило нас предпринять столь далёкий путь, и не военные ли наши суда? На все это он требовал письменного ответа, уверяя, что он непременно должен быть послан в Пекин к императору. Это обстоятельство занимало нас несколько дней, ибо Панкиква слишком много привязывался ко всякому слову. Сперва мы подали объяснение на английском языке, полагая, что китайцы понимают его лучше других, а потом были принуждены подать на русском. Мы очень обрадовались, когда Биль объявил нам, что Луква обещается купить наш груз за ту же цену, какую будут давать другие купцы. Вопрос, не военные ли наши корабли, произошёл, конечно, оттого, что Крузенштерн, по прибытии в Макао не хотел идти в Вампу со своим малым грузом, а решил дожидаться нас в Тайпе. Но так как китайцы непрерывно беспокоили его своими вопросами, то он и вынужден был сказать, что корабль, находящийся у него под командой, — военный. Об этом немедленно было донесено в Кантон. Когда же по прибытии «Невы» Крузенштерн хотел двинуться в Вампу также и с кораблем «Надежда», то начальник таможни в Макао этого не позволил. Поэтому он и должен был ехать со мной сам, чтобы скорее окончить это дело. Мы сообщили китайцам, что корабль «Надежда» принадлежит нашему государю, и что он, будучи отдан Компании для помощи в её торговле, может брать товары по европейским обычаям, и прибавил также, что на нём находятся меха. Последнее сильно успокоило китайцев. Сперва в Тайпу были посланы осматрщики, а потом явился и лоцман, который 23-го числа привёл корабль «Надежда» к нам. К этому времени наш интрюм был совсем очищен от товара, и мы готовы были осмотреть подводные части корабля.

18 декабря таможенный директор, или гону, обмерил корабль «Нева» (Здесь обмериваются корабли для оплаты подданы по их величине.). Он прибыл к нам около 10 часов утра на большой лодке, украшенной разными флагами, в сопровождении трёх других такой же величины и множества малых. Для встречи этого вельможи был мной послан, как обычно, офицер с переводчиком на катере. Перед этим была привезена широкая, выкрашенная красной краской лестница и приставлена к борту, чтобы облегчить вход на корабль. После прибытия директора на шканцы обмер корабля скоро кончился, так как он состоял только в том, что была натянута тонкая верёвка сперва между фок- и бизань-мачтою, а потом на середине корабля у грот-мачты, и измерена китайской мерой. После этого наш гость вошёл в каюту и был угощён разными вареньями и сладким вином. Узнав, неизвестно от кого, что у меня находятся двое татар, он любопытствовал их увидеть и поговорить с ними, но они не понимали его маньчжурского языка. После своего отъезда директор прислал благодарить меня за угощение, а команде подарил восемь четвериков пшеничной муки, столько же кувшинов китайского вина, называемого шамшу, и двух небольших быков.

Обмер иностранных судов весьма важен для доходов кантонской таможни, а потому и производится почти всегда самим её начальником. Наш корабль, водоизмещением только в 350 тонн, заплатил 3 977 испанских пиастров [\[198\]](#) пошлины.

27 декабря мы начали кренговать [\[199\]](#) корабль «Нева». Я был сперва намерен вытащить его на берег, однако, заметив, что при новолунии воды прибыло менее сажени, решил на кренгование. А так как во всём Вампу нет для этого ни малейших приспособлений, то я был принуждён употребить корабль «Надежда» вместо киленбанки [\[200\]](#). Наше кренгование

продолжалось более трёх дней. Левая сторона корабля была сомнительна только у бизань-мачты около шестого паза от ватерлинии [\[201\]](#). Поэтому я мог осмотреть её в один день; правый же бок занял времени гораздо больше, так как на нём пришлось выворотить из воды весь киль.

29 декабря. Сегодня мы совершенно кончили починку корабля и начали вооружаться. Между тем, я отправился опять в Кантон для окончания торговых дел.

1806 год

Январь. В одно и то же время мы занимались приведением корабля в исправность и приготовлением груза, состоявшего, большей частью, из чая, фарфора и китайки [\[202\]](#).

11 января первая часть его была уже нагружена. Столь успешная нагрузка давала нам возможность помышлять об отправлении в путь. Было даже положено оставить реку Тигрис раньше 1 февраля, как вдруг мы встретились с тем же самым неприятным обстоятельством, которое возникло и при входе.

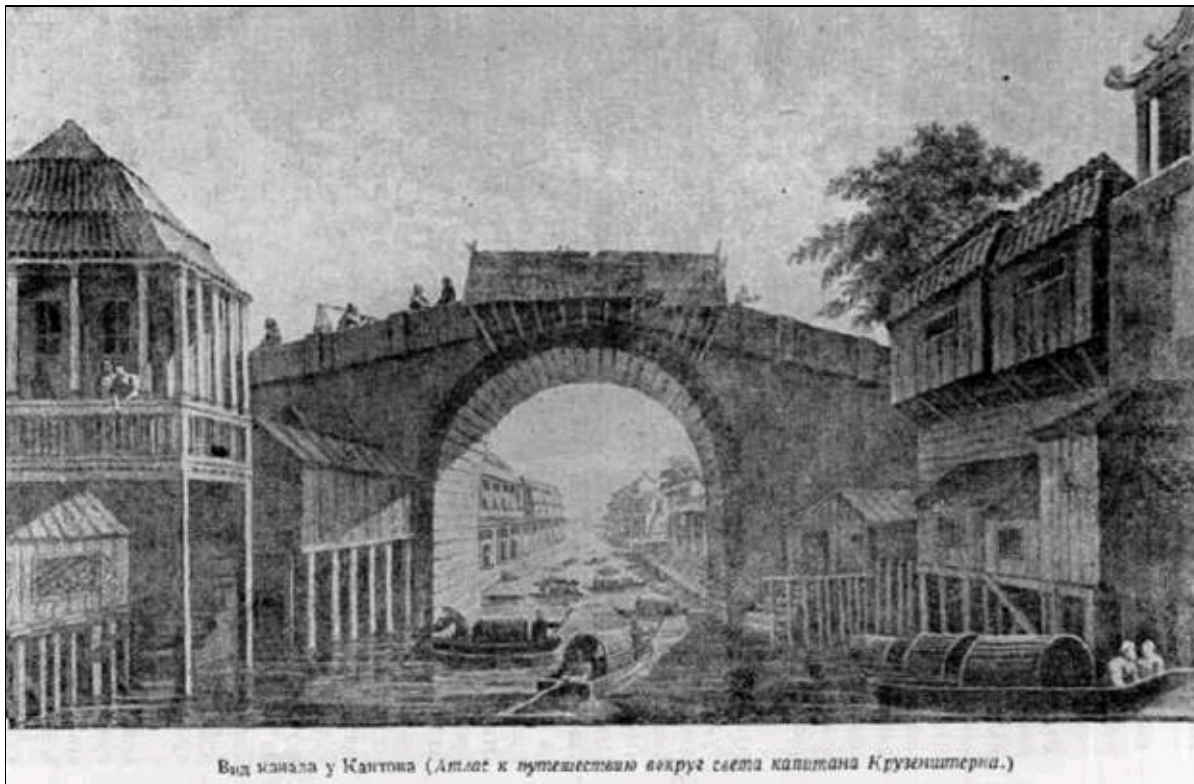
22 января. Когда нашим остальным товарам надлежало отправиться из Кантона, мы получили известие от своего поручителя Луквы, что наместник приказал остановить наши суда, пока не получит из Пекина ответа на донесение о нашем прибытии. Чтобы мы не воспротивились его повелению, он велел у обоих кораблей поставить стражу. Столь неожиданная неприятность вызвала у нас большое удивление. Но так как делать было нечего, то мы решились подать протест против этого насилия и на другой же день приготовили для этого бумаги. А так как в Кантоне европейцы не могут иметь прямого сообщения с китайскими начальниками, то, не зная, каким образом достигнуть успеха в своём предприятии, мы снеслись с Дромандом, управителем английской торговли в этих местах. Он взялся за дело весьма охотно и, собрав всех гонгов в свой дом, потребовал, чтобы они сообщили о нашем письменном протесте тому, кто дал несправедливое приказание задержать наши корабли. Хотя требование Дроманда было весьма основательно, но гонги сперва ответили на него решительным отказом, уверяя, что никто из них не смеет вручить бумагу, в которой мы доказываем несправедливость задержки наших судов и требуем их отпустить или дать письменно объяснение причин, побудивших к столь вероломному поступку. Однако, узнав, что мы сами будем искать случая вручить свою жалобу, они после некоторого совещания решили удовлетворить наше требование. На другой день я и Крузенштерн были опять у Дроманда и нашли у него некоторых гонгов. От них мы узнали, что наш протест был отдан таможенному директору, но что он вернул его назад с уверением, что наши суда задержаны по приказанию самого наместника, к которому советовал писать как можно учтивее, если мы желаем иметь полезное решение. Сперва мы было воспротивились этому, но, рассудив, что можем потерять много времени, и не зная точно, найдём ли мы какое-либо правосудие, решили напоследок взять жалобу обратно, а подать только короткое представление о невозможности дожидаться ответа из Пекина. Между тем, стража была снята, и погрузка товаров на корабли позволена попрежнему. При этом мы потеряли целую неделю и очень беспокоились, что можем быть принуждены, вместо спокойного и прямого плавания в Европу, совершить самый длинный и весьма неприятный путь. Такое заключение основывалось на том, что если бы суда не могли выйти из Кантона раньше половины апреля, то им пришлось бы идти восточными проливами, а поэтому мы встречали бы не только повсюду плохую погоду и противные ветры, но и прибыли бы в Россию на целую зиму позднее. Надо признаться, что это скучное и даже несносное положение было облегчено только

Местоположение Кантона. — Описание китайских домов. — Число жителей города Кантона. — Их занятия. — Торговля. — Китайские чиновники. — Крайняя бедность китайцев нижнего сословия. — Их вера. — Описание храма. — Дом Панкиквы, первого кантонского купца.

Кантон стоит на реке Тигресе. По внешнему виду он похож на большую деревню, а внутри представляет собой гостинный двор. Каждый дом служит купеческой лавкой, а улицы вообще могут быть названы рядами разных товаров и ремёсел. Улицы в нём узки и ввиду большого количества народа, который их постоянно наполняет, проходить по ним очень трудно.

Находящаяся в городе набережная придаёт ему важный вид. На ней выстроены прекрасные здания, принадлежащие европейским купцам. Из них английская и голландская фактории могут быть названы великолепными. Что же касается строений, принадлежащих собственно китайцам, то и самые лучшие из них довольно невзрачны, а о домах бедных китайцев уже и говорить нечего. Многие из них не имеют другого отверстия, кроме двери, которая завешивается циновкой или тонкими ширмами, сделанными из бамбука. Богатые дома состоят из нескольких четырёхугольных дворов, вымощенных кирпичом, на которых у стен строятся беседки, где ставятся стулья, столы и горшки с цветами или плодовыми деревьями. В других посредине делается небольшой пруд или ставится большая глиняная чаша для золотых рыбок, иметь которую китайцы считают большим удовольствием. Такие дома состоят большей частью из двух помещений и несколько походят на раскинутые палатки. Верхний этаж китайского дома можно считать за внутренние покои, в которых живут женщины, если нет особого сераля. Следовательно, вход в них для всех воспрещён. Китайские храмы, которых здесь великое множество, также мало украшают город. Даже самые большие из них (Об одном из них упомяну впоследствии.) не заслуживают особенного внимания по своему внешнему виду.

Хотя некоторые путешественники пытались определить число жителей Кантона, но, мне кажется, это нельзя сделать без большой ошибки. Торговля с европейцами заставляет стекаться в этот город множество людей во время пребывания купеческих судов. В отсутствие же их число жителей значительно уменьшается. Летом праздные люди уходят во внутренние части провинции и работают на полях вместе со своими родственниками, а в городе остаются только одни обыватели и те, всё богатство которых состоит из малых, покрытых циновками лодок. Эти бедняки принуждены искать себе насущного хлеба на воде, так как на берегу не имеют ни малейшего имущества. Людей такого состояния в Кантоне, как уверяют, великое множество, а река Тигрис ими наполнена. Иные промышляют перевозом, другие же с крайним вниманием стерегут, не будет ли брошено в воду какое-нибудь мертвое животное, чтобы подхватить его себе в пищу. Они ничего не допустят упасть в реку. Многие из них разъезжают между кораблями и достают железными граблями со дна разные упавшие безделицы, вытащив которые, продают их и тем доставляют себе пропитание.

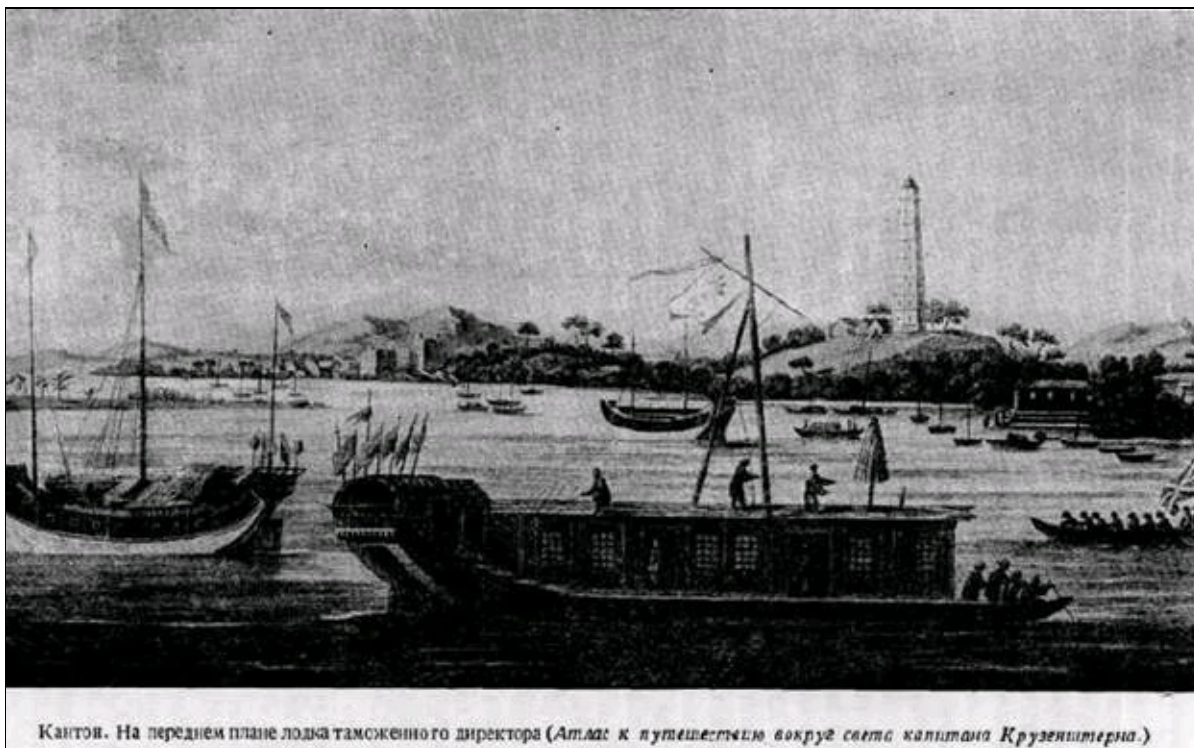
Вид изнала у Кантона (Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна.)

Кантон можно разделить на две главные части: внешнюю и внутреннюю. В последнюю никто из иностранцев не может войти, ибо в ней живут наместник провинции и все знатные чиновники. Этот город принадлежит к числу первых торговых городов на свете. Кроме европейских и американских кораблей, которые ежегодно вывозят отсюда до 30 000 тонн разных товаров, вся Индия и морской берег до Малакского пролива ведут с ним торговлю. Вследствие чрезвычайной многолюдности, здесь ни в чём не может быть остановки, хотя бы удвоилось упомянутое число приходящих кораблей. Погрузка и выгрузка товаров в этом городе производится с удивительной скоростью, только бы не вмешалось правительство. В противном же случае неминуемо должна последовать несносная медлительность. Кантонские начальники, вместо надлежащего наблюдения за порядком торговли, весьма выгодной для их государства, заботятся только об изыскании способов грабежа для своего обогащения. Во всей Китайской империи существует полное рабство. Поэтому каждый принуждён сносить свою участь, как бы она ни была горька. Первый китайский купец — не что иное, как казначей наместника или таможенного начальника. Он обязан доставлять тому или другому всё, что только потребуется, не ожидая никакой платы. Иначе его спина непременно почувствует тягость вины. Скажем здесь мимоходом, что в Китае никто не избавлен от телесного наказания. Мало того, каждый может наказывать, как ему вздумается, всех, ниже его по сословию. В седьмой главе путешествия Барроу [\[203\]](#) сказано, что всякий государственный чиновник от 9 до 4-го класса имеет право наказывать бамбуком младшего после себя, а император предоставил себе честь наказывать своих министров и чиновников первых четырёх классов. Известно, что покойный император Киеньлонг [\[204\]](#) приказал однажды высечь двух своих совершеннолетних сыновей, один из которых, кажется, теперь царствует. Поэтому неудивительно, что подчинённые в Кантоне слепо повинуются своим начальникам и безмолвно удовлетворяют их алчность, а особенно когда большая часть их личных убытков падает на иностранцев, на товары которых можно налагать цену по произволу.

Из Кантона вывозится, большей частью, чай, а потом уже следуют: китайка, шёлк, фарфор, ревень и прочие. Чаем нагружаются все суда, а особенно английские, которые обыкновенно прочих товаров, исключая ревень, берут понемногу. Главный же ввоз состоит из мехов, тонких сукон, шерстяных материй, олова, жести и испанских талеров [\[205\]](#). Последние предпочитают

всему прочему, так как на них без всякого препятствия можно дёшево купить лучшие товары. Меха же, напротив, так непостоянны в цене, что наперёд никто не может знать, сколько за них получит, особенно потому, что теперь с этим товаром ежегодно приходит множество кораблей из Американских Соединённых Штатов. Этим летом на них привезено до 20 000 морских бобров, которые были проданы от 17 до 19 пиастров каждый. Последняя из этих цен была оплачена чаем, а первую мы получили потому, что одну половину брали товаром, а другую деньгами. Такая дешевизна происходит не только от большого привоза, но больше всего ей способствует грабёж таможенного чиновника. Он присваивает себе право выбирать на каждом судне самые лучшие меха или делает условие с купцом, покупающим груз корабля, сколько тысяч талеров ему следует заплатить за то, чтобы он отказался от этого насильственного выбора. С нашего Луквы было взято 7 000 пиастров. Столь непростительные наглости, вместе с пошлиной и другими издержками значительно уменьшают цену товара, и продавцы остаются часто в убытке.

Вся иностранная торговля находится здесь в руках одиннадцати человек, известных под именем гонгов [\[206\]](#); кроме них, никто не может купить иностранных товаров. Как только судно придёт в Вампу, хозяин его извещает упомянутых купцов о привезённых им товарах и выбирает из них одного поручителя в добром своём поведении и исправной плате пошлины. Поручитель обыкновенно бывает и покупателем привезённого груза. Без этого же ничего не позволено свезти на берег. Перед этим на корабль посылаются поверенные гонгов, которые, осмотрев привезённые вещи, назначают на них цену, и как только получают на неё согласие, то всё перевозят в купеческие амбары. При таком условии ни один продавец никак не может определить настоящую цену своего товара, а должен большей частью зависеть от гонгов, которые каждую вещь оценивают по своим расчётам. Эта монополия и грабёж начальников обесценивают все привозимые товары, и, напротив того, возвышают цену китайских вещей до такой степени, что в скором времени надобно ожидать если не совершенного прекращения торговли, то, по крайней мере, неизбежных убытков, которые принуждены будут понести европейские купцы.

Повидимому, сами китайцы стараются ускорить это событие, ибо не проходит года, в течение которого они бы не выдумали чего-нибудь нового во вред иностранцам, которых они

считают людьми, не способными прожить без китайских товаров. Таким мнением заражены все китайцы без исключения, и потому каждый европеец должен здесь платить за всё, по крайней мере, вдвое против настоящей цены. Никто из них сам не может купить никаких съестных припасов, а непременно должен иметь как на корабле, так и на берегу компрадора или нечто вроде дворецкого из китайцев, который набавляет на каждую вещь, сколько ему угодно, и, кроме обмана, ещё требует за свою услугу большого подарка, без чего невозможно обойтись. Одним словом, здесь ничего не делается без обмана, и притом весьма наглого и грубого. Всего же несноснее то, что невозможно найти правосудия ни за какую нанесённую обиду. Ни одному иностранцу не позволено видеть наместника или же послать письмо без величайших затруднений, и притом оно должно быть сочинено в крайне униженных выражениях. Если же оно написано хотя бы немного свободнее, а особенно, когда в нём упоминается хотя слегка о каком-либо злоупотреблении или несправедливости управляющих, в чём никогда не бывает недостатка, то никто не посмеет не только его перевести, но и вручить. Если европейцам случится когда-либо иметь влияние на пекинский двор, то они, по моему мнению, должны добиться прежде всего предоставления своим купцам преимущества не только видаться с кантонским наместником и объясняться с ним лично, но посылать также письма прямо с жалобами в Пекин, когда этого потребует необходимость. Теперь же ни одна строчка не отправляется в столицу без латинского перевода, который прочитывается до десяти раз прежде, нежели будет представлен в назначенное ему место. Поскольку такие предосторожности приняты чиновниками единственно для того, чтобы скрыть от сведения высшей власти свои несправедливые поступки, то, кажется, нет другого способа, кроме предложенного мной, к предотвращению этого злоупотребления и для снискания правосудия. Россия, по моему мнению, имеет возможность предоставить своему купечеству все вышеуказанные выгоды, если наша торговля сделается обширнее и важнее в этой стране.

Эта местность производит всё необходимое для жизни человека. Здешние животные всякого рода, птицы и зелень отменно хороши. Обыкновенная же пища китайцев состоит из сарацинского пшена [\[207\]](#), которое родится в большом изобилии. Оно в таком же общем употреблении у китайцев, как рожь в России. Это пшено, служит ежедневной пищей как богатому, так и бедному, с той только разницей, что первый имеет возможность пользоваться хорошими его сортами и в большом количестве, а последний довольствуется сарацинским пшеном посредственного качества и не более 2 или 3 кади [\[208\]](#) в сутки. Здесь употребляют напиток, называемый шамшу, приготовляемый также из этого пшена. Он довольно вкусен, если приготовлен надлежащим образом, в противном же случае крайне неприятен и даже вреден для здоровья, если его неумеренно употреблять. Кроме того, самое обычное питье у китайцев — чай, который все без изъятия пьют без сахара, настаивая в чашках с крышками.

Многие утверждают, что китайское государство чрезвычайно богато, но я должен добавить, со своей стороны, что нигде нельзя найти подобной бедности, какой удручены бесчисленные семьи в этом обширном царстве, если об этом позволено будет заключать по виденным мной примерам и по рассказам самих китайцев. Китайские улицы наполнены нищими, кроме тех бедных людей, о которых я упомянул выше и которые, по причине крайней своей нищеты, принуждены, быть может, из рода в род, проводить свою жизнь на малых лодках и с огромной заботой и трудами отыскивать себе самое скудное пропитание. Впрочем, такая бедность не является следствием тяжёлых государственных налогов, так как нет народа в Европе, который бы платил столь малые подати своему правительству, как китайцы (Барроу в своем путешествии говорит, что государственные доходы Китайской империи не всегда одинаковы. Большие или меньшие их размеры зависят от урожая. Они состоят из десятой части всего урожая, кроме дани, пени, конфискации и подарков. Доходы эти достигают иногда 66 миллионов фунтов стерлингов

на английские деньги. Употребление их, по свидетельству того же самого путешественника, распределено следующим образом: на жалованье штатским чинам 1 973 333 фунта стерлингов, на содержание войска 49 982 933, на императорскую фамилию и двор 14 043 734. В 1797 году последняя сумма достигла лишь 12 009 000 фунтов стерлингов.).

Кроме упомянутой выше пищи, китайцы едят всё, что ни попало. Нет, кажется, никакого произведения природы, которого этот народ не употреблял бы в пищу. Крысы, на которых каждый европеец смотрит с отвращением, у них составляют лакомство и продаются на рынках.

Чиновники и зажиточные купцы живут в большом достатке. Имеют богатые дома, великолепные сады. Стол их роскошный, особенно, когда они дают публичные обеды, на которых нередко бывает от 40 до 50 разных блюд. Некоторые из них очень дороги. Китайцы падки ко всему, что только может укрепить их телесные силы и удовлетворить сластолюбию. Поэтому за такие вещи платят весьма щедро, как например: за ласты морских хищников, птичьи гнезда (Птичьи гнезда собираются по берегам Китайского моря. Они делаются небольшими птичками, похожими на ласточек, из клейкого вещества, а может быть, из рыбьей икры. Китайцы готовят из них супы и соусы, почитая их наилучшими и вкуснейшими.) и тому подобное. Каждый парадный обед, к которому приглашается множество гостей, без этих блюд считается невозможным, и потому без них никак нельзя обойтись, чего бы они ни стоили. Китайский столовый прибор мне очень не понравился. Порознь ставится несколько небольших столов, за каждый из которых садится от четырёх до шести человек. Кушанье подаётся одно за другим в фарфоровых полоскательных чашках, из которых едят все кругом, попеременно. Каждому кладётся по две костяные палочки, длиной около фута [30 см], которые употребляются здесь вместо вилки, ножа и прочего, по глиняной или фарфоровой ложке и маленькой чашечке, из которой за каждым блюдом пьют шамшу. Скатертей здесь не знают, а вместо салфеток кладётся по куску тонкой бумаги, которая часто служит и носовым платком. Мне случилось видеть, что первый в Кантоне купец Панкиква вытирал ею нос, когда нюхал табак. Китайцы управляют костяными палочками с величайшим проворством. Большую чашку сарацинского пшена они опорожняют в половину времени, которое было бы нужно на то европейцу с ложкой.

Китайцы ведут жизнь самую трезвую и воздержанную, но богатые содержат у себя красавиц. Женщин они обыкновенно покупают и держат в сералях. На это требуется немалые расходы. Китайцы покупают себе жён следующим образом. Мужчина уславливается в цене за свою невесту с её родителями, не видя её никогда. Она отправляется к нему в дом в запёртом портшезе, ключ от которого посылаётся жениху раньше. Если жених доволен покупкой, то оставляет её у себя, в противном случае приказывает отнести обратно. Однако он остаётся не без убытка, так как не только лишается отданной за неё суммы, но ещё обязан заплатить столько же в виде пени. Отправление невесты к жениху производится с большой церемонией и с музыкой.

Китайцы смуглы, кроме живущих в северных областях, которые довольно белы. Румянца на щеках не имеют, волосы и глаза у всех чёрные, а последние малы и длинноваты.

Головы бреют, оставляя волосы только на самой макушке и заплетая их в косы, которые чем длиннее, тем считаются красивее. Одежда их состоит из длинных штанов, балахона из тонкой ткани, вместо рубахи, полукафтана и верхнего платья с широкими рукавами. Последнее носят только богатые, рабочий же народ ходит в широких фуфайках с рукавами, число которых (от одной до пяти) зависит от погоды. Зимой, смотря по своему достатку, одни подбивают верхнее платье мехом, а другие довольствуются только меховыми обшлагами и воротником. Для этого употребляют большей частью бобровые меха, выдру и морских котиков. Морской бобр в Китае предпочитается всем мехам и подкладывается только под нарядное платье у богатых, которые в обыкновенные дни носят белую молодую мерлушку. Лисьи меха также очень распространены среди людей среднего состояния. Головной убор китайцев самый простой. Он состоит из

круглой, чёрной атласной шапочки с шишкой, чёрного, синего или красного цвета, и из шляпы с полями, верх которой покрывается голубым шелком, а низ — чёрным плисом или бархатом. На шляпы пришивают красную шёлковую кисть, покрывающую тулью, над которой делается петля. Мандаринам или чиновникам предоставлено право носить под петлей шарики в полдюйма [1,2 см] в поперечнике. Они золотые, белые, голубые и красные, стеклянные, оправленные в золото или медь. По ним различаются чины китайского государства. Шарик красного цвета считается самым важным, потом следует голубой, белый и золотой. Кроме этого, мандарины имеют нашивки около 6 вершков [27 см] шириной на спине и груди, для указания, к какому они принадлежат сословию. По этим нашивкам даже на далёком расстоянии можно их отличить от простолюдинов. Сапоги и башмаки шьются здесь одинаковым образом. Ступни с подошвами делаются толщиной около дюйма [2,5 см], носки обрубистые, голенища и передки бывают обыкновенно из атласа и подбиваются китайкой, а под подошву кладётся шерсть или бамбук. Сапоги вообще чёрного цвета, башмаки же разных цветов. Первые употребляются, большей частью, богатыми, а последние всеми без исключения. К башмакам надевается нечто вроде чулок, сшитых из какой-нибудь материи. Голенища иногда шёлковые. Китайцы очень любят наряжаться. Нередко можно видеть людей низкого сословия в шелку с головы до ног. Средний же класс носит всегда шёлковое платье. Китайка разных цветов употребляется на одежду во всём государстве. Расход на неё должен быть очень велик, так как без неё не может обойтись даже нищий.

Китайские женщины высшего сословия сидят всегда дома, и содержатся в такой строгости, что видеть их никак невозможно. Следовательно, о нарядах их сказать нечего. Бедные же носят широкие брюки и верхнее длинное платье с широкими рукавами, несколько похожее на мужское. Свои длинные волосы они подбирают наверх и свивают над затылком. Ноги их весьма странны. Мне самому случалось видеть, что в ступнях они не более 6 дюймов [15 см]. По словам же китайцев, у щеголих они бывают не более 4 дюймов [10 см]. Это казалось мне невероятным до тех пор, пока я не получил несколько пар поношенных башмаков, которые, действительно, не превосходили указанной меры. По этой причине китайские женщины ходят, или, лучше сказать, переступают с большим трудом.

Причина столь непонятного и странного обычая уменьшать до такой степени ноги неизвестна. У китайок все пальцы на ногах, за исключением большого, вогнуты к подошве, и оттого ступня получает вид клина. Но, чтобы удержать её навсегда в одинаковом положении, её с детства до самой смерти крепко- обматывают даже за лодыжку.

Китайцы вообще очень понятливы и восприимчивы. Если они не сведущи в каких-либо вещах, их не касающихся, то это неведение надо приписывать их воспитанию. Каждый из них в своём деле искусен и проворен. Нет вещи, которой бы они не в состоянии были скопировать с изумительной точностью. В Кантоне есть множество примеров, что их работу нельзя никак отличить от подлинника, которому они подражали. Кажется, что их нежные руки для этого нарочно созданы.

В обхождении китайцы чрезвычайно вежливы и приветливы. Повиновение же их беспредельно, так как у них на всё предписаны законы, от которых никто не смеет отступить даже в самой малейшей безделице. Введение какого-либо нового обычая считается непростительным грехом. А так как это основано на политике китайского правительства, то никто не смеет даже и подумать о какой-либо перемене.

По этой причине корабли, ружья и пушки находятся точно в таком же состоянии, в каком они были при монгольском завоевании [\[209\]](#). Недавно в Кантоне один купец, как меня уверяли, был предан смертной казни за то, что осмелился построить себе судно по европейскому плану. Хотя китайцы, так сказать, с молоком матери, получают навык беспредельному повиновению

своему правительству, но при этом не терпят своих нынешних властителей, маньчжуров, которым тотчас же высказывают своё презрение, как только увидят, что оно останется без наказания.

Царствующая в Китае фамилия [\[210\]](#) хотя и следует обычаям и нравам завоёванного ею народа, однако же, для собственной своей безопасности и по недоверчивости к природным китайцам, была принуждена окружить себя своими единоплеменниками, которые как по военной, так и по гражданской службе занимают первые места в государстве. Такое предпочтение китайцы не могут переносить равнодушно, как бы они ни были угнетены. К этому можно добавить, что многие тысячи людей, не имеющих пропитания, охотно будут помогать всему, что может поправить их положение.

Китайцы — идолопоклонники и разделяются на последователей Конфуция, Фо и Таотзе (Последнюю ввёл сюда некто по имени Лао-Канг, который, будучи в Тибете, познакомился с обрядами жрецов великого ламы. Дабы увеличить число своих приверженцев, он установил для них правилом жить счастливо и весело, не помышляя ни о будущем, ни о прошедшем. Чтобы достигнуть ещё большего успеха в своём предприятии, он выдумал состав жизни или бессмертия для своих последователей, который хотя на самом деле разрушает тело и прежде времени причиняет смерть, но для многих китайцев представляет собою то же самое, чем философский камень [\[211\]](#) был некогда в Европе.), или бессмертных [\[212\]](#). Двор и маньчжурские чиновники придерживаются закона великого ламы. Об этих сектах не могу сказать ничего обстоятельного. Известно лишь то, что ими предписываются многие жертвоприношения и гадания, из которых самое обыкновенное производится посредством палочек и часто разрешает всякие сомнения. Китайцы перед своими идолами ставят свечи и жгут жёлтое и пахучее сандаловое дерево [\[213\]](#). Для этого в каждом храме при самом входе перед жертвенником ставят большие металлические котлы. Кроме этого, приносят в жертву животных и сжигают свёртки бумаги, со вложением в середину сандаловых опилок, а сверху прилепляют лоскут жёлтой фольги. Наружный вид китайских храмов походит на христианские монастыри, как это можно видеть из сделанного мной ниже описания. Получив какую-либо прибыль, китаец считает долгом принести идолам благодарственную жертву дома или в ближайшем храме. Он прибегает к их помощи также и в то время, когда что-либо предпринимает или желает получить что-либо полезное. На новый год во всём государстве приносится идолам общая благодарность, известная под именем чин-чин-джос. Каждый китаец, а особенно богатый, обязан принести в жертву что-нибудь важное. В Кантоне всякий хозяин имеет дома или в своей лавке особую молельню для идолов. Это служит неоспоримым доказательством приверженности китайцев к своей вере. Число жителей в Китае очень велико. Барроу в описании своего путешествия приложил таблицу, по которой видно, что площадь Китайской империи равна 1 297 999 кв. миль [4 448 250 кв. км] и имеет 333 миллиона жителей. По словам этого писателя, военные силы обширного китайского государства состоят из 1 миллиона пехоты и 800 тысяч конницы. Впрочем, уже доказано, что многочисленность войск без соблюдения строгого воинского устава и без искусства предводителей представляет не только плохую оборону для государства, но и служит величайшей для него тягостью. Судя по ружьям, пушкам и снарядам, которые мне пришлось видеть в Кантоне, военное искусство китайцев невелико, и армия их, при всей своей многочисленности, не может быть страшна для европейского военачальника. У китайских ружей, вместо курков, имеются фитили, а пушечные станки совсем негодны к употреблению. Китайские морские силы также не заслуживают внимания. Они состоят из непрочных построенных лодок, вооружённых двумя или четырьмя пушками малого калибра. У некоторых только на носу по одному длинному ружью, укрепленному в колоде. Эти лодки большей частью двухмачтовые с парусами из цыновок,

которые походят на оконные жалюзи. Постройка их подобна другим китайским судам, которые очень похожи на луну в ущербе. Носы у них широкие и обиты поперёк досками, а за кормой строится навес, в прорезе которого движется руль. На некоторых судах он ставится прямо, а на других служит вместо весла. В обоих случаях он так слабо укреплён, что легко может быть разрушен волнами. Джонки самые большие суда в Китае. Они бывают водоизмещением в несколько сот тонн, имеют две большие мачты с парусами из цыновок и ходят в Батавию и Японию. Но так как это плавание совершается всегда в самое лучшее время года, то им и удаётся обычно благополучно достичь гаваней, куда они бывают назначены. В противном случае нельзя было бы даже и подумать о выходе на них из рек, а особенно в таких местах, где случаются иногда тайфуны, которые в состоянии истребить даже самый лучший европейский корабль.

Такие бури бывают также и на реке Тигресе, что и случилось в то время, когда мы, пройдя Марианские острова, бедствовали во время свирепствовавшего тайфуна. В Кантоне тогда была такая ужасная погода, что вода, выступив из берегов, затопила низменные места и разбросала множество судов по берегам. Китайские якоря также ненадёжны, как и рули. С виду они походят на наши, но делаются из дерева и имеют шест, продетый сквозь веретено, недалеко от лап, которые прикрепляются к веретену верёвкой и обиваются по концам железом. Речные суда своей постройкой несколько не отличаются от вышеописанных, но, судя по их употреблению, довольно хороши. Они мелководны, поднимают большие грузы и легки на ходу. В тихую погоду на них ходят при помощи четырёх или шести вёсел, кроме двух длинных или, по крайней мере, одного, которое всегда действует на корме в обе стороны и ускоряет ход. Такие вёсла употребляются и на малых лодках. Боковыми же вёслами действуют не вместе, подобно нашей гребле, но попеременно. Таможенные лодки строятся и ходят на гребле по-европейски. Паруса на этих судах, сделанные из цыновок, также очень удобны. Между речными берегами часто дуют тихие ветры, а потому эти паруса действуют гораздо лучше парусиновых, которые при тихой погоде беспрестанно трепещутся.

Европейские миссионеры отзываются с большой похвалой о китайских законах [\[214\]](#). Но на самом деле они, по моему мнению, не заключают ничего полезного для благополучия китайцев. Главным или коренным законом Китайской империи считается тот, которым императору предоставляется право быть отцом своих подданных. Такое же право распространяется и на всех государственных чиновников, из которых каждый считается отцом своих подчинённых, как-то: наместник в своём наместничестве, губернатор в губернии, городничий в городе и так далее до самого нижнего места в правлении. Этот закон обязывает оказывать совершенное повиновение старшим и соблюдается с такой строгостью, что сам император в первый день нового года совершает торжественное поклонение императрице-матери и требует его от всех знаменитых чинов государства.

Барроу в своём путешествии говорит, что управление Китайской империи состоит из шести департаментов.

1-й департамент имеет право назначать чиновников на свободные места. В нём присутствуют министры и учёные, которые могут судить о дарованиях кандидатов.

2-й — департамент финансов.

3-й — департамент надзора за старинными обычаями. Ему предоставлено также право сношений и переговоров с иностранными министрами.

4-й — департамент военный.

5-й — департамент юстиции.

5-й — департамент художеств.

Другие присутственные места, учреждённые в провинциях или городах, обращаются в Пекин к тому департаменту, от которого они зависят.

Кроме того, император имеет два совета, один из которых, называемый Сол-лоо, постоянный и состоит из шести министров, а другой — временный и чрезвычайный, состоящий из принцев императорской фамилии. Дела, представленные упомянутыми департаментами императору, решаются или им самим, или сообразно мнению вышеуказанных советов. Для этого в царствование последнего императора в большой дворцовой зале давались аудиенции в четыре или в пять часов утра.

Впрочем, следует признаться, что злоупотребление властью нигде не бывает так велико, как в Китае. Знатные чиновники действуют там по своему произволу и даже часто поступают как тираны с народом, который от тяжёлых наказаний и мучительных пыток приведён в состояние такого страха, что каждый лучше согласится терпеливо снести причинённую ему обиду, чем просить удовлетворения в суде. Нередко бывает, что начальник, увидя у своего подчинённого какую-нибудь понравившуюся ему вещь, берет ее себе. Панкиква уверял меня, что он никогда не носит с собой часов, опасаясь, чтобы наместник или таможенный гопу их не отнял, как это однажды с ним и случилось. Наместник, полюбив его часы, положил их к себе за пазуху, сделав хозяину приветствие наклоном головы и сказав, что он в знак своего благоволения к нему оставляет часы у себя. Китайская учтивость требовала, чтобы Панкиква, став на колени, благодарил своего начальника за такое снисхождение, хотя внутренне и проклинал его. Мне не случалось быть свидетелем наказаний, но я имел рисунки, по которым видно, что китайское правительство считает за безделицу выломать руки, ноги или пальцы, только бы принудить обвиняемого к признанию. Как жестоки пытки, так же мучительны и наказания, которые обыкновенно состоят в удушении и отсечении головы. Первое делается верёвкой, обёрнутой несколько раз около шеи, за концы которой тянут два человека, опершись ногами в того, кого душат. Второе производится саблей и редко кончается двумя или тремя ударами. За важные же преступления отрезают груди и разрубают тела на части. Словом, в этих случаях виновный подвергается самой бесчеловечной и варварской казни. Из этого можно заключить, как велико просвещение той нации, которая хвалится, что она находилась уже в цветущем состоянии тогда, когда праотцы наши вели еще кочевую жизнь. Чрезвычайное множество бедных также может служить явным доказательством, как плохи китайские законы. Нищета дошла до такой степени, что многие семьи принуждены бежать из провинций и добывать себе насущный хлеб грабежом на море. Целые флотилии морских разбойников разъезжают у самых берегов и нападают даже на приморские города. Перед нашим прибытием около 300 судов подошли к укреплённому местечку, лежащему недалеко от Кантона, и разорили его совершенно.

Описание китайского храма

Самый большой храм стоит на другой стороне реки Тигра, напротив европейских факторий. С виду он очень похож на монастырь и состоит из нескольких зданий, назначенных для жертвоприношений. Три главных из них находятся посреди длинного двора. Я провёл в храме несколько часов и повсюду нашёл большую чистоту. Жертвенники в зданиях уставлены истуканами, которых иногда по три в середине и по двенадцати с боков, а в других случаях только по одному среднему и несколько боковых. Все истуканы позолочены и покрыты лаком. Средние из них, высотой около полутора сажень [2,7 м], изображены сидящими. Перед ними всегда горят свечи, сделанные из опилок сандалового дерева, и каждый молящийся обыкновенно приносит им что-нибудь в жертву. Мои проводники входили в эти обители, почитаемые ими священными,

с покрытыми головами и, повидимому, с весьма небольшим благоговением, хотя они всячески старались уверять меня, что, принеся жертву их богам (чиц-чин-джос), можно ожидать всего доброго, а именно, прибыли в торговле и прочего. Один из них, указывая на особо стоящего идола, утверждал, что если я помолюсь ему, то наверно буду иметь благополучное плавание в Россию. Осмотрев всю эту обитель, я зашёл также и в её трапезную. Время тогда было обеденное, и все собрались по колоколу к столу. Перед каждым из собратьев была полоскательная чаша сарацинского пшена с зеленью, который ели палочками. Меня уведомили, что каждый вошедший в общество живущих в этом храме, до своего вступления в него, должен отречься от всякого общения с женщинами и от употребления мяса и рыбы. Нарушивший же эту клятву неминуемо подвергается смертной казни. После обеда нам показали то место, где в чрезвычайной чистоте содержится двадцать свиней. Они были подарены храму жителями и, не знаю, по какому случаю пожаловали их в таинственные. Одной из них уже насчитывают около 30 лет отроду. Она так была стара, что насилу могла ходить.

Обители принадлежит большой огород, где родится множество разных кореньев и зелени. В верхней части его находится кладбище, при осмотре которого мне было сказано, что тела здешних жрецов сжигаются, а пепел сыпается в отверстие, обделанное камнем. Я сам видел место, в котором совершается такой обряд, и нашел там несколько полуобгоревших костей, почему и заключил, что недавно здесь был совершён обряд сожжения тела умершего жреца. При выходе из храма провожатый показал мне отделение, где стояло пять статуй в красной одежде, перед которыми горела свеча. При этом он объяснил, что такие памятники сооружаются монахам этой обители, которые своей благочестивой жизнью и примерным воздержанием вызвали к себе особенное уважение. Осмотрев все заслуживавшее внимания в этом храме и поблагодарив моего проводника небольшим подарком, я возвратился к вечеру в Кантон.

Дом Панкиквы

Мне очень хотелось видеть, как живут знатные обитатели Кантона. Наши знакомые доставили мне случай быть в доме у первого кантонского купца Панкиквы. Однажды поутру я отправился с несколькими приятелями на другую сторону реки Тигра и по каналам доехал до самых ворот дома Панкиквы. Однако же они были отперты только после доклада хозяину о нашем прибытии. Сперва мы шли по неширокому, устланному камнем переулку, а потом вышли на площадь, где показался фасад дома и круглое большое отверстие в каменной стене, через которое мы прибыли в сад. Едва мы приблизились к первой беседке, как явился сам хозяин в полукафтани и своей мандаринской шляпе с голубым шариком. После первых учтивостей, на которые китайцы слишком щедры, он повёл нас по саду, а между тем велел готовить чай. Новость предметов и совсем отличный от европейского вкус обратили на себя всё моё внимание. Я увидел себя в оранжерее (под этим названием я разумею весь сад), наполненной разными растениями, так как все аллеи, по которым мы проходили, устланы кирпичом до самых деревьев, между которыми на лавках и всякого рода подмостках стояли фарфоровые горшки с цветами и небольшими подрезанными деревьями. Напрасно мои глаза искали лугов. На этом обширном пространстве не было ни листочка травы, а лучшие места, которые у нас представляли бы газоны, были заняты стоячей водой, испускающей неприятный запах. Каменные сооружения в этом саду мне показались лучше всего. Они представляли искусственные утёсы и развалины в уменьшенном виде, которые чрезвычайно походили на

природные. Мы заходили в разные беседки, которые были одноэтажными и в передней части открытыми. Все они одинаково убраны. Стулья и столики стоят по сторонам, а напротив входа имеется возвышение, наподобие дивана, которое обыкновенно покрывается тонкими циновками или тканью. Посредине его стоит небольшой четырёхугольный столик на коротких ножках, на котором пьют чай. В каждом углу беседки висит по одному роговому или разрисованному по белой шелковой ткани фонарю. Первые заслуживают внимания своей величиной. В столовой Панкиквы я видел четыре таких фонаря. Каждый из них был более поларшина [35 см] в поперечнике и как бы вылит из одного куска. Китайцы обладают искусством распаривать и выбивать рог так тонко, как бумажный лист. Однако же это сопряжено с большими расходами. Панкикве так понравилось, наконец, показывать нам всё ему принадлежащее, что он ввёл нас даже в свою спальню по очень узкой лесенке. Его спальню составляет двухэтажная беседка, подобная вышеописанной, с той только разницей, что в ней, вместо дивана, стоит кровать с тонким тюфяком, на котором лежало довольно толстое синее сукно, а сверху циновка. Заприметив, что на одной стороне кровати было сложено восемь разноцветных одеял, я пожелал узнать их назначение, и мне было сказано, что все они употребляются одно после другого, смотря по холоду. По словам Панкиквы, китайцы не имеют наволоку или простынь и в тёплое время спят на циновках, а в холодное на сукне, раздевшись до рубахи. Нанкинские жители её даже снимают. Обойдя сад вокруг, мы сели за очень хороший завтрак, приготовленный по европейскому обычаю, после которого хозяин повел нас в свой сераль. Пройдя высокие, украшенные гирляндами ворота, мы вступили в галлерею, ведущую к балкону, и из последнего в большую продолговатую залу, поддерживаемую с обеих сторон колоннами. Подле них стояли стулья, покрытые красным сукном, вышитым разными шелками. Стены увешаны китайскими картинами. У стен стояло несколько барабанов, приготовленных для театральных представлений. Китайцы страстные их любители, как и всякого рода игр (Страсть китайцев к так называемым азартным играм так велика, что многие из них проигрывают о карты или в кости не только все имение, но даже своих жён и детей, над которыми они имеют неограниченную власть. Вследствие этой беспредельной власти, каждый отец может умертвить или бросить на улицу своего новорождённого ребенка, если по своей бедности или по прихоти не сочтёт нужным его воспитывать. Таких невинных жертв в китайском государстве бывает каждый год до 20 тысяч. В одном Пекине, по словам Барроу, их хоронят до 9 000 в год. Пекинская полиция, говорит тот же путешественник, нарочно содержит таких людей, которые, объезжая ежедневно все улицы и собирая этих несчастных детей, отвозят их за город и зарывают живых и мертвых в приготовленную там яму. Этому варварскому обычаю следуют даже и те китайцы, которые обратились в христианскую веру.). Из зала мы вошли в отделение, где стоял шкаф, а пред ним на столе теплилась свеча. Отворив его, Панкиква показал нам пять дощечек на подставках с китайскими надписями, и сказал нам, что каждая из них означала время смерти его предка (Китайцы верят, что дух умершего человека, жившего добродетельно, может посещать прежнее свое жилище, или то место, в котором потомки совершают поклонение и его честь. Он имеет также власть делать своим потомкам разные благодеяния. Поэтому каждый китаец обязан совершать поминовение по своим покойным родителям и родственникам в посвященном для них месте. В противном случае, по уверению Конфуция, он сам будет лишён права посещать это священное место после своей кончины.). Между тем мне случилось невзначай повернуться назад и увидеть растворенную дверь, из которой на нас смотрели три прекрасно одетые женщины. Но лишь только я взглянул, как это явление вмиг исчезло. Однако же не трудно решить, кто из нас был любопытнее: мы или женщины, так как дверь и после того довольно часто отворялась, а по выходе нашем в галлерею две из них показались почти явно. Одна была уже пожилая, а другая ещё молодая, но лица у обеих от обильной краски и белил

походили на картины. Выйдя из сераля, наш хозяин показал нам всё своё хозяйство, скотоводство и разные домашние постройки. Но так как всё это немногим отличается от нашего, то и не заслуживает особенного описания.

Глава восьмая. Плавание корабля «Нева» от Кантона до Кронштадта

Корабли «Нева» и «Надежда» предпринимают обратный путь. — Гаспарский пролив. — Острова Двух Братьев. — Зондский пролив. — Разлучение кораблей «Нева» и "Надежда". — Обход мыса Доброй Надежды. — Азорские острова. — Ла-мани. — Пребывание в Портсмуте. — Прибытие «Невы» в Кронштадт.

Февраль 1806 г. Получив паспорт от китайского правительства, оба корабля «Нева» и «Надежда» снялись с якоря. Так как в Вампу стояло множество судов, а ветер был свежий и противный, то я нанял 30 лодок для буксира.

10 февраля к полуночи стали мы на якорь у Бокка-Тигриса. Мне хотелось при вечернем отливе пройти далее, но этому воспрепятствовала проделка лоцманов. Войдя в самое узкое место у Бокка-Тигриса, они отпустили все лодки, буксировавшие мой корабль, не сказав мне о том раньше. А так как тогда была совершенная тишина, то корабль начал уклоняться к мели, почему я принуждён был бросить якорь на 5 саженьях [около 9 м]. Впоследствии оказалось, что лоцманы сделали это для того, чтобы взять с меня больше денег. Однако кончилось тем, что я некоторых из них довольно порядочно наказал.

11 февраля вместе с рассветом при северо-западном ветре мы вступили под паруса, а к 8 часам прошли линейный английский корабль «Бленам», который дожидался своих купеческих судов и должен был провожать их в Китайском море. На нём находился добровольцем наш капитан-лейтенант Михайло Миницкий, который вместе с нами пробыл несколько дней в Кантоне. Около этого времени ветер начал свежеть и предвещал непостоянную погоду. Однако мы успели к вечеру достигнуть Макао.

12 февраля дул восточный ветер. В 6 часов утра вступили под паруса, а в девять, пройдя Макао, отпустили лоцмана и взяли восток-юго-восточный курс, к Макелесфильдской банке, как к самому лучшему месту для поверки своего счисления.

15 февраля во втором часу после полудня мы находились недалеко от Макелесфильдской банки и пошли к юго-западу, или к острову Пуло-Сапате.

Вчера мы поймали медузу, которая очень походила на голубой цветок с синим ободком вокруг беловатой и рассечённой немногими поперечниками пуговицы. Она была величиной около 6 дюймов [15 см], имела пуговицы не более полдюйма [немного более 1 см] и множество ножек, которые были усажены по обе стороны до самых концов маленькими, так сказать, запонками.

19 февраля. Полагая, что остров Пуло-Сапата находился уже к северу от нас, мы пошли к острову Пуло-Арое и поставили все возможные паруса, так что в 6 часов вечера достали дно на 35 саженьях [64 м], грунт серый песок.

23 февраля. Хотя при восходе солнца погода была пасмурная, но к 7 часам утра небо прояснилось, и мы увидели к юго-западу остров Пуло-Теоман. Сперва нам показалась его южная оконечность, а потом северная, середина же всё время находилась в облаках. В 9 часов открылся остров Пуло-Памбелан, а вскоре после того и Пуло-Арое [\[215\]](#) (как они названы на картах

Арроусмита [\[216\]](#)). Каждый из них сперва показался нам двумя буграми, которые потом, по мере нашего приближения, слились в одно тело.

В полдень я занимался астрономическими наблюдениями на $3^{\circ}06$ с. ш. и по всем своим хронометрам находился на западной долготе $225^{\circ}10$. Поэтому я нашёл, что по хронометрам широта северной оконечности острова Теомана — $2^{\circ}59\ 30''$, а долгота — западная $255^{\circ}22\ 30''$. По расстоянию же луны от солнца, снятому мной в 4 часа пополудни, последняя оказалась $255^{\circ}34$, так что средняя между ними должна быть довольно сходна с настоящей, т. е. долгота западная, $255^{\circ}28\ 15''$. По нашим пеленгам вышло также, что Пуло-Памбелан лежит от северной оконечности Теомана в 11 милях [20 км] на юго-восток, а Пуло-Арое — в 19,5 милях [35 км] на юго-восток. Следовательно, северная оконечность последнего находится на $2^{\circ}44$ с. ш. и в $255^{\circ}16$ з. д.

Сегодня мы в первый раз после нашего отправления от Макао наблюдали прекрасный вид. Кроме берегов, мы любовались пятью кораблями, из которых четыре походили на принадлежащие Американским Соединённым Штатам. Глубина весь день у нас была около 36 сажен [67 м]; грунт — ил.

24 февраля. Дул тихий северо-восточный ветер. Погода стояла приятная. Увидев опять на юго-западе вчерашние суда, я спустился, чтобы лучше их рассмотреть, и в 2 часа подошёл довольно близко, чтобы увериться, что они действительно были американские. Около того же времени мы заметили две большие вооружённые лодки, которые шли прямо к вышеупомянутым судам на гребле и под парусами. Последние, подняв свои флаги, начали собираться вместе и в большом беспорядке. Поэтому я и заключил, что это были малакские корсары, и счёл за лучшее приблизиться к кораблю «Надежда», который тогда находился от меня на расстоянии около 9 миль [16 км].

По сегодняшнему лунному наблюдению выходило, что средняя долгота северной оконечности острова Теомана будет — западная — $255^{\circ}34$.

25 февраля погода продолжалась подобная вчерашней и ещё несколько теплее. Поутру мы перешли в третий раз экватор, и видели одно купеческое судно, которое, казалось, направлялось в Банкский пролив [\[217\]](#) [пролив Банка или Бангка], а в полдень были сделаны наблюдения на 3° ю. ш. и в $253^{\circ}37$ з. д. В это время остров Тоти был от нас в 15 милях [27 км] на юго-западе. Удостоверясь в этом и достав дно на глубине 19 сажен [35 м] (грунт — белый песок с ракушкой), я направил путь к Северному мысу острова Банка [\[218\]](#). Повидимому, уже началось юго-восточное течение, которое, по описаниям, в Гаспарском [\[219\]](#) проливе бывает иногда весьма сильным. Мы так быстро продвигались вперёд, что в половине четвёртого увидели Северный мыс Банки, или мыс Песант. Он появился в то время, когда остров Тоти был на западе и казался небольшим холмом. Глубина тогда была 18 сажен [33 м], грунт — белый мелкий песок с ракушкой. За несколько минут перед этим меня встревожил желтоватый цвет воды под кораблём, но вскоре оказалось, что это происходило от рыбьей икры, плававшей в большом количестве по поверхности моря. К заходу солнца Северный мыс был на юге в 19 милях [35 км] и несколько к западу. Но так как ветер дул тогда тихо, а ночь была лунная, то я и решился держать курс до утра между югом и востоком, чтобы непременно удержаться на глубине 18 сажен [33 м].

26 февраля дул свежий, северный ветер. Но так как мы заметили на рассвете, что корабль «Надежда» от нас отстал, то я был принуждён лежать в дрейфе до 7 часов. В семь часов, имея Северный мыс на северо-западе, а второй или мыс Брисе [\[220\]](#) на юго-западе, я взял курс на юго-восток. В полдень, находясь на южной широте $2^{\circ}03$ и западной долготы $253^{\circ}07\ 30''$, мы пеленговали второй мыс на 77° к юго-западу, а остров Гаспар, который только что перед этим

открылся, на 55° к юго-востоку. С этого пункта мы пошли на юго-юго-восток, и вскоре увидели прямо по линии курса Навир, или Каменный Корабль (Островок в Северной части Гаспарского пролива.). До появления острова Гаспара я шёл более по лоту, который беспрестанно показывал 16 сажен [29 м]. Грунт был — песок с ракушкой. Берега же, хотя и были видны на западе, но, вследствие отдалённости и несходства с картой, помогали мне очень мало.

Мыс Брисе, вместо того, чтобы оказаться первым после Северного, вышел вторым и привёл было нас в замешательство. В 4 часа мы начали проходить мимо острова Гаспар и взяли курс на восток-юго-восток, чтобы приблизиться к Навиру. Глубина продолжалась от 14 до 15 сажен [от 25 до 27 м], грунт прежний.

Навир сперва показался нам судном под парусами; когда же мы приблизились, то увидели, что это был камень, на котором в двух местах растёт несколько деревьев.

Восточный мыс острова Банка покрыт лесом. Далее начинается довольно высокий хребет. Глубина с 15 сажен [27 м] увеличилась опять до 19 [35 м]. Пройдя несколько километров к югу, мы положили якорь на глубине 19 1/2 сажен [около 36 м], грунт — крупный песок. В 8 часов вечера я измерил морское течение и нашёл, что оно достигло 172 мили [2,8 км] в час и было направлено к юго-юго-востоку.

27 февраля. Ветер северный. Ночью продолжалось течение до 1 1/2 мили [2,3 км] в час к юго-востоку, а утром начало уменьшаться, так что к 6 часам оно было равно лишь 3/4 мили [1,4 км] к юго-востоку. Около 7 часов мы снялись с якоря.

Входя в пролив между островом Средним и юго-восточной оконечностью острова Банка, я держался ближе к последнему, так что, достигнув самого узкого места, находился от южного мыса первого острова на расстоянии не менее 3 миль [5,5 км]. В 11 часов, к моему крайнему удовольствию, наш корабль удалился от всех опасностей. В самой узкой части пролива мы имели от 27 до 30 сажен [от 49 до 55 м] глубины, грунт — крупный песок и ракушка. По выходе из неё, глубина стала несколько меньше и грунт мельче. К сожалению, я не мог сегодня сделать полуденного наблюдения, чтобы совершенно окончить описание Гаспарского пролива. Впрочем, большого различия быть не может, потому что мы брали частые пеленги.

Вскоре после полудня мы прошли мимо небольшого острова, который сочли за Мелководный [\[221\]](#). Его берег показался нам мало изрезанным. По пеленгам он находился на 5 миль [9 км] далее к западу, по сравнению с картой Маршанда [\[222\]](#).

Гаспарский пролив, по мнению моему, настолько удобен для плавания, как только можно пожелать. От острова Тоти, держась глубины около 18 сажен [33 м], где грунт состоит из одного песка, а иногда с ракушкой, можно дойти прямо до острова Гаспара. Самое большое его неудобство состоит в том, что крепкий северный или южный ветер должен производить большую зыбь в проливе, вследствие которой не очень спокойно стоять на якорю, если того потребует случай. Но так как это место еще никем обстоятельно не описано, то, может быть, при тщательном осмотре около берега Банки найдётся и удобная гавань. Однако, как бы то ни было, Гаспарский пролив и при современных о нём сведениях следует предпочитать Банкскому, так как в нём редко случится останавливаться на якорю более одной ночи.

По хронометрам и лунным наблюдениям, сделанным мной 23, 24, 25 и 26-го числа, определены два главные пункта Гаспарского пролива: первый — остров Тоти, лежащий на южной широте 3°30' и западной долготы 254°07', второй — остров Гаспар, широта которого южная 2°22' 30", долгота западная 252°50' 30". Весьма жаль, что при нашем выходе из пролива небо было покрыто облаками и поэтому лишило нас способа определить точнее положение южного мыса острова Банка и островов, лежащих к югу от Среднего. По пеленгам же могу заключить, что остров Мелководный (если мы действительно видели его, а не какой-либо другой) прежде был неправильно указан.

28 февраля. Ночь была дождливая, с порывами, но поутру небо несколько прочистилось, и мы на рассвете опять увидели те же самые суда, о которых упомянуто выше. Надо думать, что они пользовались благоприятными ветрами, так как они от нас немного отстали, хотя и проходили Банкским проливом. В 9 часов глубина, бывшая непрерывно до этого времени 6 т 13 до 16 сажен [от 24 до 30 м], вдруг начала уменьшаться и притом справа появился низменный берег. Это обстоятельство заставило меня немедленно спуститься к востоку и потерять некоторое время, чтобы опять войти в настоящую глубину. При этом ветер был настолько благоприятным, что корабли около 6 часов вечера подошли к островам Двух Братьев [\[223\]](#), а к 8 часам, обойдя их, стали на якорь. В то время, когда мы проходили мимо упомянутых островов, пошёл проливной дождь с ужасным громом и молнией. Однако же, держась глубины от 11 до 10 сажен [20–18 м], мы удачно избежали от опасности. Хотя проход между этими островами и мелью, лежащей к западу от южного из них, не широк, но довольно хорош, так как можно держать близко к островам. Дно же правильное, если глубина его не уменьшается ниже 10 сажен [18 м]. Наш якорь был положен на глубине 15 сажен [27 м], грунт — ил.

Острова Двух Братьев довольно высоки и покрыты лесом. Их можно видеть в ясную погоду за 20 миль [37 км]. Нужно только остерегаться течения, которое здесь иногда переменяется с юго-восточного на северо-восточное.

1 марта в 7 часов утра при северо-западном ветре мы вступили под паруса и легли на юго-юго-западный курс, имея в виду берега Явы, Суматры и острова Среднего. В 9 часов прямо по курсу открылся остров Северный [\[224\]](#), к которому мы подошли около полудня. В 2 часа заметили, что ветер начал утихать, а течение было противное; мы положили якорь на 18 саженях [33 м] глубины при песчаном грунте. Корабль «Надежда» также остановился около 1/4 мили [около 0,5 км] мористее от меня на глубине 24 сажен [около 44 м].

3 марта мы было вступили под паруса, но, вследствие последовавшей перемены северного ветра на южный, «Нева» принуждена была вторично бросить якорь. Корабль же «Надежда» продолжал лавировать и к вечеру скрылся от нас за мыс Тока [Туа] [\[225\]](#).

4 марта. В полночь ветер начал дуть с северо-запада. Поэтому, не теряя времени, я снялся с якоря. Но лишь только мы приблизились к мысу Тока, то наступила тишина и принудила нас бросить якорь опять на 23 сажен [42 м], но в гораздо худшем месте. Мы находились тогда не более 1 1/2 кабельтова [278 м] от острова Свиного [\[226\]](#) и имели каменный грунт. В таком положении «Нева» оставалась до 2 часов пополудни, когда задул западно-юго-западный ветер, и я решился лучше лавировать, нежели остаться далее на таком месте, где первый крепкий ветер мог бы выбросить нас на берег. Пользуясь юго-восточным течением, в 3 часа мы прошли Стром-рок [\[227\]](#), или Средний камень, и к заходу солнца, лавируя, сделали 6 миль [11 км] от Среднего острова, так что моё положение стало гораздо лучше, чем можно было ожидать при снятии с якоря. Ночь была лунная, а потому я решил держаться лучше под парусами, чем остановиться на глубине 35 сажен [64 м], на которой мы тогда находились. До 8 часов вечера течение очень сильно помогало нам, с того же времени сделалось обратным.

5 марта. После полуночи течение стало опять благоприятным, а около 4 часов и ветер повернул к северо-западу. Поэтому до рассвета мы держались к западу-юго-западу. Как только, поставив все паруса, мы явственно рассмотрели берега, то направили свой путь к Принсеву острову [Принсен или Панайтан] [\[228\]](#), решив пройти между ним и берегами острова Явы. Лавируя во время прошлой ночи, я держался ближе к берегам Явы. На север я направлял курс только до тех пор, пока мог пеленговать остров Средний на востоке-северо-востоке, так как он, как мне казалось, определён правильнее, нежели острова Каракатоа [\[229\]](#), Самбурику и мыс Тока, которые означены на карте Дапре де Манвивиммета (Она считается лучшей в Ост-Индском

атласе [\[230\]](#).) неправильно. Ни одни пеленги их у нас не пересекались, хотя были взяты с точностью. Впоследствии это заключение подтвердилось нашим описанием, по которому положение многих пунктов сильно переменилось. Стром-рок нам казался тремя продолговатыми камнями и был окружён высоким буруном, или всплеском волн. Между ним и островами, лежащими у берега Суматры, удобно лавировать при помощи течения, так как расстояние между ними около 5 миль [9 км].

В полдень мы поровнялись с северной оконечностью Принцева острова, а в четвёртом часу подошли к камням, называемым Плотниками. Судя по быстроте своего хода, мы скоро надеялись спуститься в океан, но ветер внезапно утих. Потом настало маловетрие с запада. Всё это позволило нам обойти мыс Первый лишь с большим трудом. В это время корабль «Надежда», с которым мы соединились утром, находился в некоторой опасности. Сравнение с ним позволило мне быть довольным своим положением. В пятом часу корабль «Нева» находился на расстоянии около 5 миль [9 км] от мыса Первого и нисколько не повиновался рулю. Поэтому пришлось его буксировать гребными судами, что продолжалось до полуночи, когда вышеупомянутый мыс находился от нас в 7 милях [13 км] на северо-северо-востоке.

Наш выход из Зондского пролива совпал со смертью Степана Коноплёва. Ещё во время нашего пребывания в Кантоне он начал страдать диареей [\[231\]](#), которая перед смертью превратила его в мумию. Хотя ничего не было упущено при лечении этого человека, но ничто не помогло. Таким образом, поровнявдгась с западным мысом Явы, мы предали его мёртвое тело морским глубинам.

6 марта. Ночью корабль «Нева» прижимало довольно ощутимо к западному мысу Явы, но, к счастью, задул лёгкий северо-восточный ветер и удалил нас от весьма неприятных обстоятельств. На рассвете мы увидели к западу от себя корабль «Надежда». Поэтому мы заключили, что во время тишины, царствовавшей вокруг нас, он пользовался порядочным ветром, с помощью которого так скоро мог к нам приблизиться. В 6 часов берега скрылись от нас на севере и оставили «Неву» в обширном пространстве океана.

По более короткому расстоянию и по своей безопасности Зондский пролив имеет столько же преимуществ перед Малакским, сколько и Гаспарский по сравнению с Банкским. По моим наблюдениям, только два места в нём кажутся несколько беспокоящими, а именно на курсе мимо островов Среднего и Принцева. В отношении первого я предпочёл бы проход, между Суматрой и Стром-роком, где можно лавировать без всякого опасения, а для последнего — между островом Принцевым и Суматрой, хотя при постоянном ветре и тот путь, которым мы шли, нельзя назвать плохим. На нём следует только придерживаться к Плотникам, потому что течение, направленное к юго-востоку, в случае тишины или перемены ветра, может прижать корабль к подветренному берегу. Что же касается самой середины Зондского пролива, то по ней можно лавировать и в тёмную ночь, а во время тишины остановиться на якоре, хотя не везде на малой глубине. Лучше всего выжидать хорошего постоянного ветра у острова Северного, где лежать довольно спокойно, и тогда двинуться в путь.

Берега и острова пролива покрыты лесом. К ним можно близко подходить, кроме некоторых, да и то местами. По нашим наблюдениям, течение оказалось настоящим приливом и отливом и имеет скорость до 2 миль [3,7 км] в час. Какое действие производят на него крепкие ветры, сказать утвердительно не могу, но надобно думать, что они имеют иногда большое влияние. Становиться на якоре у острова Принцева следует подле самого берега. Хотя мы проходили от него не далее 1 1/2 мили [2,3 км], однако в одном только месте могли достать дно на глубине в 40 сажен [73 м].

Морское течение сильно способствовало нашему скорейшему прибытию из Кантона к Гаспарскому проливу. Оно было направлено на юго-запад со скоростью 16 миль [30 км] в сутки.

В самом же проливе оно направлялось к юго-востоку, а иногда и к юго-юго-востоку, как это подробно отмечено в нашем дневнике.

8 марта. Бурная ночь с непрерывным дождём показала нам ясно, что мы еще не достигли тех мест, где дуют пассатные ветры. В пятом часу пополудни на юго-восток 39° показался остров Рождества [\[232\]](#). Я приказал взять крюз-пеленг и нашёл, что по полуденному наблюдению середина острова должна лежать на $10^{\circ}17'30''$ ю. ш. и $253^{\circ}57'50''$ з. д. К заходу солнца погода опять испортилась, дули порывистые ветры, и до полуночи было так темно, что мы едва могли видеть друг друга на расстоянии сажени. В полночь небо очистилось, но вместо того наступила другая неприятность, ибо ветер совсем утих, и корабль повлекло прямо к берегу, почему я был принуждён привязать на скорую руку к двум якорям канаты, которые по выходе из пролива были отвязаны.

9 марта. На рассвете остров Рождества находился в 15 милях [28 км] к северо-востоку. Сколько мы ни старались удалиться от него, но из-за маловетрия не могли достигнуть в этом успеха до самой ночи.

Сегодня мы уже более не видели водяных змей [\[233\]](#), которые ежедневно нас забавляли от самых китайских берегов. Они различного цвета, большей частью жёлтые и, кажется, принадлежат к тем же породам, какие водятся у Карамандельских берегов.

11 марта. Ветер тихий, между югом и востоком, погода приятная. В полдень мы достигли южной широты $11^{\circ}33'$ и западной долготы $256^{\circ}54'$. Полагая, что мы уже находимся в полосе пассатных ветров, я воспользовался этим случаем и провёл почти целый день на корабле «Надежда». Крузенштерн сообщил мне, что он во время прохода между островами Явой и Принцевым подвергался большой опасности. Его корабль едва не был нанесён на мыс Фраяр [\[234\]](#), но, к счастью, подул тихий северный ветер и вывел его из затруднения. Это обстоятельство служит достаточным доказательством, что в этом месте надо проходить только при постоянном свежем ветре, а не во время тишины или маловетрия.

22 марта. Ветер свежий, юго-юго-восточный, погода пасмурная, с дождём. В полдень мы находились на $19^{\circ}14'$ ю. ш. и в $278^{\circ}36'$ з. д. Погода до сих пор стояла одинаковая. Солнце показывалось изредка, и почти непрестанно находили шквалы с дождём. Птиц мы не видали никаких.

1 апреля дул северо-западный лёгкий ветер, и погода, которая в прошедшие пять дней была довольно хорошая, опять сделалась дождливой и с порывистыми ветрами. Сегодня мы вступили в полосу переменных ветров, ибо юго-восточный пассат совсем прекратился.

12 апреля. К рассвету нас окружило множество разноцветных бабочек, а особенно белых, которые, конечно, были отнесены от мыса Среднего Наталя [\[235\]](#). Хотя он и находится от нас в расстоянии $2^{\circ}40'$, но является самым ближним. Убедившись, по многим лунным наблюдениям, что наши хронометры показывают восточнее чем следует, я придал им $2'27''$ времени, а ход оставил прежний до появления берега.

15 апреля. Ветер свежий, юго-восточный, погода пасмурная. Корабль «Надежда» скрылся от нас из виду. Ночью пушечными выстрелами и зажжёнными ракетами я давал ему знать о месте, где мы находились. Поутру я употребил всё своё старание его отыскать, но мои усилия остались тщетными. К полудню появился густой туман и принудил меня держать надлежащий курс, тем более что ветер дул благоприятный, которым обязательно следует пользоваться там, где несколько часов дают иногда величайшую разность в плавании. Итак, мы уже в третий раз разлучаемся внезапным образом.

Находясь в прежнее моё путешествие, около двух лет тому назад, на мысе Доброй Надежды, я имел случай познакомиться с его отмелью, и потому заключил, что проходить её гораздо

лучше у самого края, чем на малой глубине, т. е. по середине или ближе к берегу. Я направил свой путь между широтами 36 и 37°. Хотя, совершая его, мне предстояло сделать не малый круг, но течение, которое в этом месте гораздо быстрее, нежели в других, возвратило мне вышеуказанную потерю. В продолжение этих суток мы совершили полный круг своего плавания от кронштадского меридиана. Поэтому, придав потерянный день, 16-е число я назвал уже семнадцатым.

18 апреля было маловетрие между югом и востоком, погода стояла приятная. В 8 часов утра мы достали дно на 110 саженьях [201 м], грунт — мелкий, жёлтый песок с битой ракушкой. К полудню, когда мы вошли в южную широту 38°18 и западную долготу 338°37, цвет воды заметно переменялся. Поутру около нас появилось множество чаек. В 5 часов пополудни глубина была 106 сажень [194 м], грунт — мелкий, жёлтый песок, а около 8 часов мы прошли полосу, похожую на отмель. Надобно думать, что она произошла от встречного течения, которое привело в движение находящиеся в воде блестящие частицы. От этого она походила на огненную полосу, как бы составленную из искр.

20 апреля мы достигли южной широты 35°31 и западной долготы 341°. В 3 часа пополудни на северо-западе 47° показался мыс Доброй Надежды. А так как подул довольно свежий юго-восточный ветер, то мы, не теряя ни минуты, поставили все паруса, чтобы с поспешностью плыть к северо-западу. Сегодня в первый раз мы увидели чаек, которых англичане называют шагами. Они величиной с гуся, совершенно белые, кроме крыльев, концы которых чёрные.

24 апреля. Сегодня мы могли себя поздравить, что не только благополучно обошли южную оконечность Африки, но и получили юго-восточные пассатные ветры.

Освидетельствовав количество съестных припасов, я увидел, что, при хозяйственном употреблении, их было бы достаточно на три месяца. Полагая, что в течение этого времени мы можем достигнуть Европы, я решился оставить прежнее своё намерение идти к острову Св. Елены, а направил свой путь прямо в Англию, будучи уверен, что столь отважное предприятие доставит нам большую честь. Еще ни один, подобный нам мореплаватель не отваживался на такой далёкий путь, не заходя куда-либо для отдыха. К этому смелому подвигу меня побуждало также и само желание моих подчинённых, которые, будучи в совершенном здоровье, только о том и помышляли, чтобы отличиться чем-нибудь чрезвычайным. Я сожалел единственно об одном, что подобное путешествие должно нас разлучить с кораблём «Надежда» до самого нашего прибытия в Россию. Но что делать? Имея случай доказать свету, что мы заслуживаем в полной мере ту доверенность, какую оказало нам отечество, нельзя было не пожертвовать этим удовольствием. «Нева» находилась в море уже более трёх месяцев, в продолжение которых офицеры потратили много своей свежей провизии, а нижние чины употребляли непрерывно солёное мясо. Поэтому, чтобы никто не потерпел недостатка в пище и не подвергся болезням, я первым приказал отдать всю свою живность, оставив для себя только 20 кур, а для нижних чинов установил следующий рацион.

Для завтрака я предписал употреблять ежедневно чай, а для обеда и ужина — суп с солониной, кладя в него по полфунту [200 г] чая, вместо зелени.

Сверх того:

В воскресенье — каша из сарацинского пшена (риса) с патокой.

" понедельник)

" среду) — пикули или разная зелень, приготовленная в уксусе;

" четверг — каша из сарацинского пшена с патокой.

" вторник) — сарацинская (рисовая) каша с 6 фунтами [2,4 кг]

" пятницу) — сушёного бульона.

Распределение воды в неделю:

Мне — 3 1/2 ведра

Семи офицерам — 17 1/2 ведер

Команде на чай — 17 1/3»

" на суп — 21 ведро

" для питья — 42 ведра

Для птиц и скота — 10 1/2 вёдер

Итого — 112 вёдер

Сверх этого, у меня было большое количество эссенции для елового пива, которое нам служило здоровым и приятным напитком.

11 мая. Третьего дня мы прошли гринвичский меридиан, а сегодня утром, при лёгком ветре с востока-юго-востока и приятной погоде, находились на экваторе. В полдень я занимался астрономическими наблюдениями на $0^{\circ}37$ с. ш. и $16^{\circ}48$ з. д. В этой точке я предпочёл перейти в северное полушарие для того, чтобы иметь удобный случай запастись как можно больше дождевой водой, так как дожди здесь бывают сильнее, нежели далее к западу. Кроме того, я не хотел слишком много удалиться от островов Зелёного мыса, которые, в случае нужды, могли бы подать нам немалую помощь.

12 мая. С самого начала этого месяца погода у нас была прекрасная, и дул свежий пассатный ветер. Как это обстоятельство, так и множество разных птиц и рыб, ежедневно нам попадавшихся, кажется, поздравляли нас со скорым достижением Европы.

16 мая мы находились на северной широте $6^{\circ}48$ и западной долготе $21^{\circ}05$. Вместе с восходом солнца начал дуть попутный ветер. Погода была приятная, какой мы не имели с самого прибытия на экватор. Такая перемена нас очень обрадовала. В прошедшие дни шёл сильный дождь, и шквалы находили ежеминутно, а особенно 13-го числа ночью. От беспрестанных вихрей море кипело, как в котле, и, освещенное молнией, казалось совершенно огненным. Она часто сверкала над нами с ужасным треском, но без всякого вреда. Впрочем, неприятная погода дала возможность нам собрать до 30 бочек дождевой воды и поспешно удалиться от мест, в которых мореплаватели иногда мучатся по несколько недель.

9 июня северо-восточный пассатный ветер продолжался до широты 28° . Сперва он дул с севера, а потом начал уклоняться к востоку и много благоприятствовал нашему плаванию. С вышеуказанной же широты, после маловетрия, продолжавшегося 4 дня, мы получили северо-западные ветры, при помощи которых достигли Азорских островов. В 9 часов сегодня утром в 35 милях [65 км] на юго-юго-востоке открылись острова Корво и Флюри [Флорес] [\[236\]](#). Тогда я снял 12 лунных расстояний, по которым долгота южной оконечности первого из них оказалась $31^{\circ}06$ и, следовательно, довольно сходна с предполагаемой в Ост-Индских лоциях. По наблюдениям, наша полуденная широта была $40^{\circ}13$, а южная оконечность острова Корво находилась тогда в 35 милях [65 км] на юго-юго-востоке. Сегодня подошедший к нам английский вооружённый катер уведомил меня о военных действиях между Россией и Францией. Хотя мы и снабжены были письменными свидетельствами от французского правительства для свободного плавания даже и в случае военных обстоятельств, но при этом я счёл нужным приготовить свою артиллерию и поступать весьма осторожно при всякой встрече с неприятельскими кораблями.

Во время перехода через экватор мы наблюдали довольно сильное западное течение,

которое скоро переменялось на юго-восточное и продолжалось до северной широты 9°. Далее оно изменило направление на юго-западное, а временно на северо-западное и имело скорость около 15 миль [28 км] в сутки до тропиков. Отсюда же и до области переменных ветров оно было направлено к юго-западу, а потом изменилось на юго-восточное и продолжалось до Азорских островов. Здесь мы нашли, что были им снесены на 30 миль [55 км] к югу от экватора и на 3° к западу. Проходя между северными широтами 21 и 36,5°, мы постоянно видели морскую траву, которая составляла иногда довольно большие плавающие островки, служащие жилищем мелкой рыбе и крабам, которых мы наловили громадное количество.

24 июня вечером мы дошли до отмели Ла-Манша, а к ночи достали дно на 90 саженях [165 м], грунт — мелкий, сырой песок с ракушкой. Со времени нашего отплытия от Азорских островов мы встречались с разными вооружёнными судами, из которых одно только английское осмелилось к нам подойти, другие же держались на далёком расстоянии. Начальник его, Вилькинсон, прислал мне множество газет и довольно большое количество картофеля, что с нашей стороны было принято с благодарностью. В полдень по сделанным нами наблюдениям мы были в северной широте 46°40' и в западной долготе 9°41'.

26 июня. Ночь была мрачная и дул крепкий юго-западный ветер. Но я принуждён был идти на всех возможных парусах, чтобы избавиться от большого корабля, который гнался за мной ещё со вчерашнего утра. Около полудня небо несколько прояснилось и позволило нам сделать наблюдения на 49°48' с. ш., на глубине 42 сажен [77 м], грунт — песок с ракушкой. Из этого я заключил, что мы уже миновали мыс Лизард, а потому и направил свой путь к мысу Старту. К вечеру наступила темнота, причинившая нам немалое беспокойство, тем более, что мы, после своего вступления в Ла-манш, ещё не видали берегов. К счастью, к нам подошёл перевозочный бот и взялся провести «Неву» в Портсмут за 50 гиней [\[237\]](#).

28 июня. При восточном ветре около 9 часов вечера мы бросили якорь на Портсмутском рейде [\[238\]](#). Таким образом, мы окончили весьма длинное плавание прямо из Кантона, не заходя никуда в порты. При этом находившиеся на моём корабле люди были совершенно здоровы и не терпели ни в чём ни малейшего недостатка.

29 июня. Утром я съехал на берег и был весьма ласково принят губернатором сэром Джоном Прево. Он охотно вызвался не только оказать нам всякую зависящую от него помощь, но даже обещал доставить мне случай видеть в городе то, что показывается не всякому чужестранцу.

Нуждаясь в отдыхе и желая также поправить корабль в некоторых частях, я был принуждён простоять в Портсмутском рейде около двух недель. Пользуясь этим временем, я решился побывать в Лондоне, где публика и все мои знакомые осыпали меня лестными приветствиями. Во время нашего пребывания в Портсмуте корабль «Нева» посещали многие англичане, а особенно дамы, которые очень интересовались увидеть первый русский корабль, совершивший столь важное путешествие.

13 июля, при свежем западном ветре, мы снялись с якоря.

14 июля дул настолько свежий восточный ветер, что, дойдя до Даунса [\[239\]](#), мы принуждены были остановиться на якоре посреди эскадры лорда Кита и на другой же день вступили под паруса.

20 июля. На рассвете нам показались берега Нева [\[240\]](#), а к заходу солнца и Роб-Сноут [\[241\]](#).

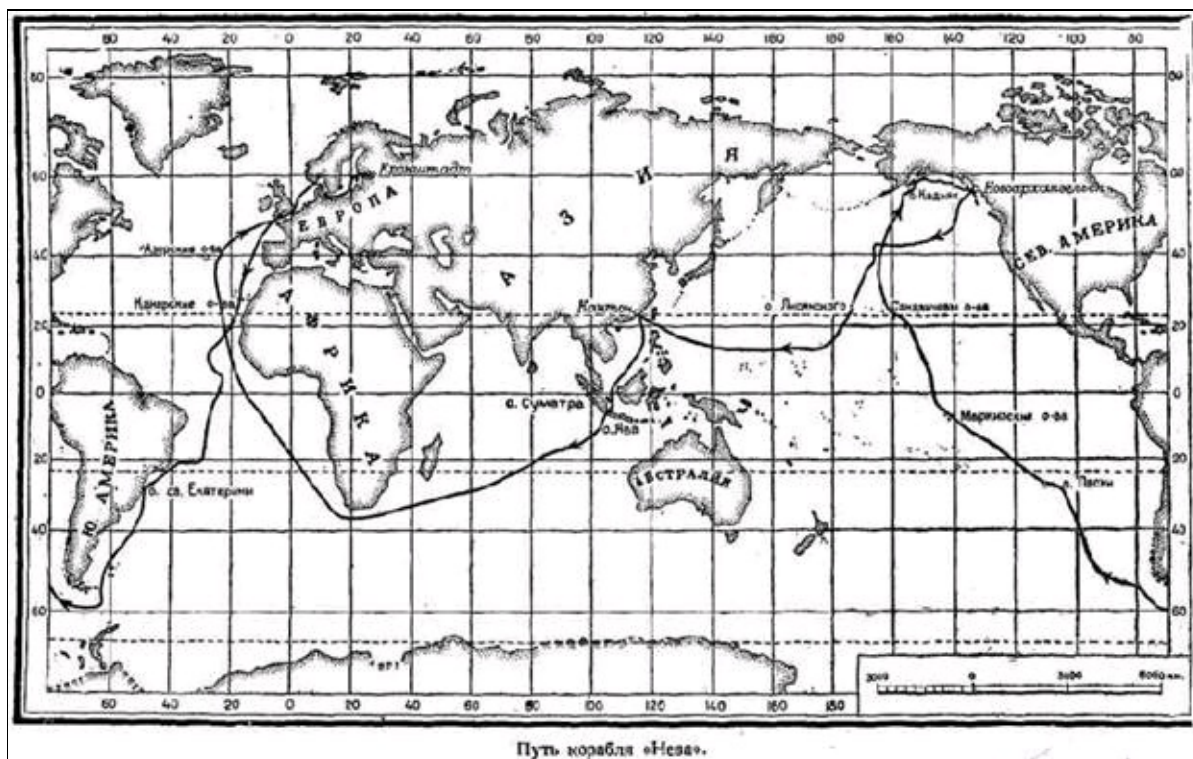
21 июля. Мы пришли к Скагенскому маяку. Сегодня умер у нас матрос Иван Горбунов. В прошлую шведскую войну он был ранен в грудь и на обратном пути часто страдал болями, а по прибытии в Портсмут не показывал уже больше надежды на выздоровление. Для облегчения его страданий были употреблены все способы. Его поили даже минеральной водой, но всё оказалось тщетным.

23 июля. В полночь достигли мы Гельсингерского рейда, где, простояв на якорю до 10 часов утра, опять вступили под паруса.

24 июля. Прошли Зунд. Так как ветер постоянно дул с востока, то мы были принуждены идти на всех парусах, чтобы, лавируя, можно было продвигаться вперёд. После того как мы миновали остров Борнгольм, появился туман и продолжался до 3 августа, или во всё время плавания до острова Даго. Отсюда при ясной погоде и западном ветре мы подошли вечером к острову Гогланду.

5 августа с полуночи начал дуть настолько крепкий западный ветер, что корабль «Нева» почти без парусов шёл до 11 миль [20 км] в час и поутру остановился на якорю в Кронштадте.

Таким образом, почти после трёхлетнего отсутствия, мы возвратились на родину к неопишуемой радости и удовольствию наших соотечественников.

Литература, использованная автором вступительной статьи

1. *А. Акимов*. Ю. Ф. Лисянский. Русский биографический словарь, т. 10, стр. 165, СПб, 1914.
2. *Л. С. Берг*. Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 г.). Труды комиссии по истории знаний, Ленинград, 1929.
3. *Л. С. Берг*. Открытия русских в Тихом океане. Тихий океан. Изд. Акад. наук, Л., 1926.
4. *В. Берх*. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги российского купечества с присовокуплением исторического известия о меховой торговле, СПб, 1828.
5. *И. Вениаминов*. Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. I–III, СПб, 1840.
6. *Ф. Веселаго*. Адмирал И. Ф. Крузенштерн.
7. *В. М. Головнин*. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 гг., ч. I–II, СПб, 1829.
8. *В. М. Головнин*. Сочинения и переводы, т. I–V, СПб, 1864.
9. Записки капитан-лейтенанта В. М. Головнина о плавании его на военном шлюпе «Диана» для описи Курильских островов в 1811 г., СПб, 1812.
10. Записки капитан-лейтенанта В. М. Головнина. Путешествие русского военного шлюпа «Диана» в 1807–1809 гг., СПб.
11. *Н. Иващенко*. Русские кругосветные путешествия. Записки Гидрографического департамента, ч. VII и VIII, СПб, 1849–1860.
12. *И. Ф. Крузенштерн*. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 гг., совершённое на кораблях «Надежда» и «Нева», ч. I–III, СПб, 1809–1812 гг.
13. *Н. К. Лебедев*. Завоевание земли. ГИЗ, М., т. II–III, 1925.
14. *Ю. Ф. Лисянский*. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 гг., на корабле «Нева», СПб, 1812.
15. *Ал. Марков*. Русские на Восточном океане. Журнал «Москвитянин», 1849, № 8-10, 14 и 16. Отдельное издание, М. 1849.
16. Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана, вып. 1–4. Приложение к Морскому сборнику. СПб, 1861. Начало наших кругосветных плаваний. Записки Гидрографического департамента, ч. VII, СПб, 1950.
17. *Мальтбрюн*. О плавании вокруг света кораблей «Надежда» и «Неза» 1803–1806 гг. Вестник Европы, т. CXXI, 1822.
18. *Н. Нозиков*. На кораблях Крузенштерна. Молодая Гвардия, 1930.
19. *Н. Нозиков*. Русские кругосветные мореплаватели. М.-Л., Гос. Воен. — Морское изд-во, 1941.
20. О бывшем российском заселении на берегах верхней Калифорнии. Северная Пчела, № 32, 1849.
21. *С. Б. Окунь*. Российско-Американская компания. Гос. Соц. — Эконом, изд-во, М.-Л., 1939.
22. О первом путешествии русских кругом света. Статистический журнал, 1806.
23. О первом российском посольстве в Японии. "Друг просвещения", т. IV, 1804.
24. Первое путешествие россиян около света. "Вестник Европы", кн. XXX, 1806.
25. *Н. Резанов*. Первое путешествие россиян вокруг света. Отечественные записки, X–XII,

1812; XX, 1824; XXIII–XXIV, 1825.

26. *М. А. Сергеев*. Первые русские кругосветные плавания. Вступит. статья к кн. Н. Нозикова "Русские кругосветные мореплаватели". Гос. Военно-Морское изд-во, М.-Л., 1941.

27. *М. А. Сергеев*. Советские острова Тихого океана. Гос. соц. — эконом. изд-во, Ленингр. отд., 1939.

28. *Тилезиус*. Известие о естественном и политическом состоянии жителей острова Нукагива. Технич. журн. № 3, 1806.

29. *Федор Шемелин*. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара, ч. I–II, СПб, 1816 и 1818.

notes

Примечания

1 Граф Николай Петрович Румянцев (1754–1826), второй сын фельдмаршала, графа П. А. Румянцева и его жены, урождённой кн. Голицыной. До 1808 года занимал ряд ответственных должностей по линии Министерства иностранных дел и в торгово-финансовых учреждениях. С 1808 г. Р. назначен министром иностранных дел. Впоследствии был канцлером. Собрал обширную и ценную библиотеку, которую завещал русскому народу. Интересовался географией и вопросом об открытии морского прохода из Атлантического океана в Ледовитый, для чего снарядил на свои средства экспедицию на судне «Рюрик» под начальством Коцебу. Оказывал также покровительство Российско-Американской компании, имевшей обширные земли на северо-западном берегу Америки.

Граф Николай Семёнович Мордвинов (1754–1845). Участвовал во второй турецкой войне, в 1792 г. был назначен председателем Черноморского адмиралтейского управления, а затем членом Адмиралтейской коллегии и адмиралом. С воцарением Александра I становится крупным государственным деятелем, чему в первые годы правления Александра I способствовала дружба М. со Сперанским.

Действительный статский советник Николай Петрович Резанов (1764–1807), посланник в Японию, один из учредителей Российско-Американской компании. Был правителем канцелярии Г. Р. Державина, назначенного секретарём для доклада по сенатским делам. На этом посту выполнял ряд ответственных поручений Екатерины II. В 1797 г. назначен в сенат обер-секретарём. Был женат на дочери купца Г. И. Шелехова, крупного деятеля русской колонизации на северо-западе Америки. Р. в 1795 г. подал прошение на высочайшее имя об учреждении Российско-Американской компании. Представителем её в Петербурге Р. был ряд лет. В 1803 г. Р. было присвоено звание камергера, а затем он был назначен посланником в Японию с целью завязать торговые сношения. Эта задача не была выполнена, так как японское правительство отказалось принять посланника и его подарки.

Лицо, на обязанности которого была упаковка продуктов и товаров.

В описании этого путешествия время указано по новому стилю.

Брандвахтенный фрегат — трёхмачтовый военный корабль, второй по величине после линейного, поставленный на рейде или в гавани для наблюдения за движением судов, особенно за входом и выходом на рейд. На нём велась запись всех приходящих и уходящих из гавани судов.

Гогланд — небольшой остров в Финском заливе.

Дагерорт — маяк, стоит на полуострове того же названия (остров Даго).

Бизань-руслень — руслень, т. е. площадка по бокам корабля, служащая для отвода вант бизань-мачты, т. е. снастей, укрепляющих с боков третью мачту, считая от носа корабля. На русленях укрепляют также юнферсы, или круглые деревянные блоки, которые привязывают к нижним концам вант. С русленей обычно бросают ручной лот.

Стефенс — населённый пункт на юго-восточном берегу датского острова Зееланд.

Драгоэ (соврем. Драгор) — небольшой приморский город на побережье Дании в проливе Зунд.

Брам-реи и брам-стенъги. Брам-реи — третьи снизу горизонтально расположенные стальные, железные или деревянные брусъа, к которым привязываются так называемые «прямые» паруса. Стенъга — деревянное продолжение мачты, идущее вверх от неё. Слово «брам» ставится перед названием такелажа, снастей и парусов, относящихся к стенъге. В зависимости от принадлежности к той или иной мачте, стенъгам присваиваются дополнительные названия. На фок-мачте — фор-стенъга, на грот-мачте — грот-стенъга. На брам-стенъге поднимается брамсель, т. е. прямой парус, который привязывается к брам-рее.

Гельсингер — портовый город на датском берегу к югу от Копенгагена.

Зарифить парус — убрать его. Рифы — поперечные ряды завязок, продетые сквозь парус, при помощи которых можно уменьшить его площадь. Этих завязок на каждом парусе несколько рядов. В зависимости от силы ветра — берут один, два, три, четыре рифа. Зарифить все рифы — убрать паруса на данной мачте. Марсель — второй снизу парус на мачте. Он ставится обычно между нижней реей и марс-реей, т. е. второй снизу реей на мачте.

Риф — подводная или слабо выдающаяся над уровнем моря скала. Авгольтекий риф расположен вблизи острова Ангольт, лежащего в средней части пролива Каттегат.

Грот-мачта — вторая, считая с носа. «Грот» — означает прямой парус, самый нижний на грот-мачте. Он привязывается к рее, называемой грот-реей. Слово «грот» прибавляется также к названию рей, парусов и такелажа, расположенных выше марса грот-мачты, т. е. находящейся на этой мачте площадки, которая служит для разных работ по управлению парусами.

Английская морская миля (sea mile, или natural mile) равна 6 080 футам, или 1 853 м. В основу её измерения кладётся длина 1 дуги меридиана, считая землю шаром, объём которого равен объёму земного сфероида. В зависимости от того, какими величинами пользуются для определения размеров сфероида, размеры мили получают различное значение. В СССР, например, где все карты строятся на основе данных сфероида Бесселя, величина морской мили устанавливается в 1 852 м, т. е. 6 076,1 фута. Лисянский пользовался английской морской милей, которую при пересчётах мы приняли равной 1,8 км. В настоящем издании мили, футы и сажени (сажени морские — 6-футовые) переведены в метрические меры. При этом следует иметь в виду, что на суше Лисянский употреблял русские сажени, а на море — морские.

Мыс Скаген — крайний северо-восточный мыс полуострова Ютландии.

В прежнее время интрюмом назывался трюм.

Дромель и Бромель — пункты на южном берегу Норвегии.

На парусных военных судах деком называли палубу. Этот термин большей частью применялся к тем палубам, на которых была установлена артиллерия. Кроме того, деком называлось также пространство между двумя палубами, на котором личный состав размещался для жилья. В настоящее время палубу называют деком лишь на гражданских судах.

Шкала барометров, которыми пользовался Лисянский, была разделена на английские дюймы и на десятые доли их, или линии. В настоящем издании показания барометров даны в метрических мерах. Перечисления сделаны из того расчёта, что один дюйм равен 2,54 см, а одна линия 2,54 мм.

Банка Дип-Вотер расположена у юго-восточного побережья Англии. Орфорднес — мыс на юго-восточном берегу Англии. Норд-Форланд (соврем. Норс-форланд) — мыс в северной части пролива Па-де-Кале.

Каналом иногда называется Ла-Манш (у Лисянского Ламанш).

Гудвин-Санд — мель близ английского берега в северной части пролива Па-де-Кале. Овер-фал — мель близ английского берега с северной части пролива Па-де-Кале.

Фордевинд — попутный ветер.

Зюйд-Форланд (соврем. Саус-форланд) — мыс на южном берегу Англии в северной части пролива Па-де-Кале. Риф Варн расположен в самой узкой части пролива Па-де-Кале к юго-западу от Дувра и к западу от Кале.

Дунженес — мыс на английском берегу пролива Па-де-Кале к юго-западу от Дувра.

Бичи Гед — мыс на южном берегу Англии к юго-западу от Дунженеса. Остров Вайт — крупный остров у южных берегов Англии к юго-западу от Портсмута.

Лечь в дрейф — расположить паруса относительно ветра таким образом, чтобы судно не имело хода вперёд и оставалось почти на месте.

Вильгельм-Готлиб Тилезиус-фон Тиленау (1769–1857), естествоиспытатель, член Академии наук. Родился в Тюрингии. В 1797 г. получил степень доктора философии Лейпцигского университета, где изучал также медицину. В 1803 был приглашен к участию в экспедиции Крузенштерна, где вёл наблюдения, преимущественно по зоологии. Результатом этих исследований является ряд работ, напечатанных в изданиях Академии наук. Эти работы посвящены, главным образом, кишечнополостным, иглокожим и рыбам.

Георг Генрихович Лангсдорф (1774–1852), доктор медицины. Родился в Рейнской области. В 1803 г. был приглашён естествоиспытателем на корабль «Надежда». После возвращения из кругосветного плавания Л. был назначен адъюнктом по ботанике в Академию наук, а затем был экстраординарным академиком по зоологии. В 1812 г. назначен русским генеральным консулом в Бразилии, где собрал ценные коллекции, обогатившие Петербургский зоологический музей. В 1830 г. вернулся в Европу и поселился во Фрейбурге, где и умер.

Надворный советник Фосе — один из спутников Крузенштерна, член свиты посланника в Японию Н. П. Резанова.

Пакетбот — пассажирский или почтовый бот. Вероятно, Лисянский имеет в виду последнее значение, так как этот термин первоначально применялся в Англии в отношении судов, предназначенных для перевозки почты между своими и иностранными портами.

Графство Корнвалис (Корнуол) расположено в юго-западной части Великобритании. В период путешествия Лисянского Корнвалис славился богатствами своих недр, которые частично были известны уже древним. Особенной известностью пользовались медные рудника, которые описывает Лисянский. Впоследствии ископаемые богатства Корнуола были истощены, и их роль в общей экономике области сейчас незначительна. Крупнейший порт К. — Фальмут.

Пильчард — мелкая сельдь.

Лизард Гэд — самый южный мыс Англии.

Высотой светила называется угол между плоскостью горизонта и направлением на светило, измеряемый дугой вертикального круга. Вследствие видимого вращения небесной сферы, высота светила меняется в течение суток, достигая максимальной величины при прохождении светила через южную часть меридиана. Дополнение высоты светила до 90° называется зенитным расстоянием.

"Удивительное воздушное явление", описанное Лисянским, вероятно, представляет собой комету.

Вероятно, дельфины.

Марс — площадка расположенная на лонга-салингах мачты, т. е. продольных брусках, прикреплённых к верхней части мачты или стены. Служит для различных работ по управлению парусами и для наблюдений. В современных судах с механическим двигателем марсы сохранили только последнее назначение.

Мелкие островки из группы Канарских островов.

Лисянский имеет здесь в виду каперов, т. е. частных моряков, снаряжавших с разрешения правительства свои суда для захвата торговых судов противника, или нейтральных стран, везущих военную контрабанду. Они довольно часто входили в состав военного флота для несения при нём крейсерской, разведочной и посыльной службы. Особенно сильно каперство, возникшее ещё в средние века, было развито в XVII–XVIII веках, когда существовали целые компании, занимавшиеся этим промыслом. Каперство запрещено Парижским международным конгрессом в 1856 г.

Пеленг — направление на какой-либо предмет, удалённый от наблюдателя, засечённое по компасу. Пеленговать или взять пеленг — заметить по компасу направление на какой-либо предмет. При помощи двух взаимно пересекающихся пеленгов, взятых на участках берега, точно определённых по карте, корабль может установить своё местоположение.

Канарские острова находятся в Атлантическом океане, недалеко от северозападных берегов Африки, между $27^{\circ}30' - 29^{\circ}30'$ с. ш. и $13^{\circ} 17' - 18^{\circ}10'$ з. д. Состоят из ряда мелких вулканических островов и семи крупных (Пальма, Гомера, Ферро, Тенериф, Гран-Канария, Фуертевентура и Лансарте).

Лорд Горацио Нельсон (1758–1805) — выдающийся английский адмирал, пользующийся громадной популярностью в Англии и широко известный своими морскими победами. В 1798 г. в Абукирской бухте Средиземного моря уничтожил французский флот, доставивший армию Наполеона в Египет. Всемирную славу доставила Н. победа над франко-испанским флотом у Трафальгарского мыса на юго-западе Испании в 1805 г. В этой битве франко-испанский флот, под командой Вильнёва, был полностью уничтожен. Эта победа укрепила господство Англии на море и нанесла решительный удар планам Наполеона сломить сопротивление Англии путём морского поражения. Трафальгарское сражение, в котором Н. был ранен, стоило ему жизни.

Гора Пик носит теперь название Пико де Тейдо [3 730 м] — высочайшая вершина острова Тенериф, расположенная в его южной части. Представляет собой вулкан, извержения которого неоднократно происходили в историческое время, но не из главного кратера, а из боковых.

Острова Зеленого мыса расположены в Атлантическом океане между $16^{\circ}45$ и $15^{\circ}15$ с. ш. и $22^{\circ}40$ и $25^{\circ}25$ з. д. в 570 км от Сенегальского берега Африки. Острова большей частью мало плодородные, некоторые из них совершенно бесплодны и безводны. Таким бесплодным островом является Сан-Висенте, обладающий прекрасной естественной гаванью, где расположен Порто-Гранде — важный порт для судов, идущих в Бразилию. До сооружения Суэцкого канала транзитное значение островов З. мыса было особенно велико.

Купоросная кислота — старинное название серной кислоты.

Летучие рыбы характерны для тропиков. Они обладают способностью выпрыгивать из воды и затем лететь на расстояние до 150 м планирующим полётом над поверхностью моря. При полёте опорные плоскости образуют широкие и длинные грудные плавники, а спинной и подхвостовой плавники представляют собой выравнивающие рули.

Гюйс — флаг, поднимаемый на носу военных кораблей первых двух рангов во время стоянки на якоре. Гюйс поднимается ежедневно, одновременно с кормовым флагом в 8 часов утра и спускается с заходом солнца.

Вымпел — длинный, узкий флаг, с рассечённым в форме двух клиньев концом. Поднимается на грот-мачте всякого военного корабля, находящегося в кампании, если на нём нет брейд-вымпела, т. е. широкого, короткого флага, поднимаемого командирами крупных соединений, например, дивизионов. В иностранных флотах брейд-вымпел присваивается командирам, не имеющим адмиральского чина.

Остров Ассенцао [Ассенцион], или Вознесения, расположен в Атлантическом океане к югу от экваториальных берегов Африки на $7^{\circ}57$ ю. ш. и $14^{\circ}21$ з. д. Таким образом, предположение Лисянского о том, что этот остров не существует, было неверным.

Лечь на такой-то курс или румб значит повернуть судно на заданный курс, румб или остаться на нём.

Взять два рифа у марселей значит частично уменьшить площадь марселя, закрепив два ряда рифов, т. е. приделанных на нём завязок.

Склонение компаса — угол между истинным меридианом места и магнитным меридианом.
Наклонение горизонта — угол между плоскостью истинного горизонта и направлением на видимый горизонт.

"Лечь к кораблю «Надежда» — взять курс к этому кораблю.

Грот-марсель — второй снизу парус на грот-мачте.

Фок-мачта — передняя мачта на корабле. Фоком называется также прямой парус, самый нижний на передней мачте. Он привязывается к фока-рее. Бывает также косой фок — треугольный парус на одномачтовых судах. На других судах он называется стакселем.

Придержаться к ветру" — итти ближе к линии ветра.

Фор-стенъги-стаксель — косо́й парус впе́реди фо́к-мачты, натягивающийся между концами фор-стенъги и бушприта (см. ниже).

Такелаж — все снасти на судне, служащие для укрепления мачт, рей, стеньг и прочего и для управления ими и парусами.

Определить точно ботаническую принадлежность упоминаемых деревьев невозможно. В Бразилии широко распространёнными деревьями, сходными с описываемыми, являются виды рода *Caesalpinia* (из сем. Leguminosae). *Caesalprinia echinata* — красное дерево, *C. melanocarpa* — дает чёрную древесину.

Западная Индия, или Вест-Индия, — общее название островов, расположенных между Северной и Южной Америкой в районе Мексиканского залива и Карибского моря (Большие и Малые Антильские острова) и в Атлантическом океане (Багамские острова). Название Вест-Индии связано с ошибкой Колумба, который принимал открытые им острова Вест-Индии за индийские.

Карамандельский берег — юго-восточное побережье Индостана от мыса Кальмер на юге до реки Кистны на севере.

Маниок — вечнозелёный кустарник высотой в 1,5–5,0 м, из семейства молочайных. Из клубней маниока готовят муку и крахмал, из которого делают крупу тапиоку.

Во время всего путешествия Лисянский употреблял термометр Фаренгейта. Показания его перечислены в градусы Цельсия.

Лисянский называет Землёй Штатов остров Статей или Де-лос-Эстадос. Он лежит к западу от крайней западной оконечности Огненной Земли, от которой отделён проливом Лемер.

Магеллановы облака — две звёздные системы, расположенные в созвездиях Золотой Рыбы и Тукана, ближайшие к Млечному Пути. На фоне южного неба производят впечатление двух чётко видимых туманных пятен. Одно из них называется Большим, другое Малым. Расстояние до них равно 85 и 95 тысячам световых лет.

Лорд Георг Ансон — британский генерал (1697–1762). В 1740 г. был послан с военной целью в испанские владения Южной Америки. Его флотилия состояла из шести кораблей. Во время путешествия три корабля погибли. А. обошёл мыс Горн в очень штормовую погоду. Достигнув острова Жуан Фернандец, А. отправился в Макао. На обратном пути в Англию А. обогнул в 1744 г. мыс Доброй Надежды. Таким образом, А. совершил кругосветное путешествие, которое доставило ему известность

Марсели, всеми рифами зарифленные — закреплённые рифами, т. е. специальными завязками, или, иначе, убранные марсели.

Длина градуса параллели на широте мыса Горн достигает около 62 км. Следовательно, 3,5° равны приблизительно 215 км.

Костолом — исполинский буреветник. Достигает 90 см длины и 2 м в размахе крыльев. Водится в южных морях до 30° ю. ш.

Капитан Этьен Маршанд — в конце XVIII века предпринял кругосветное путешествие по собственной инициативе, с коммерческими целями. Открыл остров Нуку-Гиву, который назвал островом Революции, и несколько других в группе Маркизских островов.

Брамсель — прямой парус, поднимаемый на брам-стеннге над марселем. Грот-брамсель — брамсель, поднятый на грот-мачте.

Жан-Франсуа де Лаперуз (1741–1788) — известный французский путешественник. В 1785 г. на кораблях «Буссоль» и «Астролябия» предпринял кругосветное путешествие с целью изучения китобойных промыслов в Тихом океане и торговли пушниной в русских владениях на северо-западном побережье Америки, в Японии и Китае. Объехав Америку, Л. отправился в Японию и далее на Камчатку. На этом пути Л. открыл остров Неккер и пролив между островом Сахалином и островом Хоккайдо, названный его именем, и продолжил своё путешествие в Австралию. Из Сиднея в 1788 г. корабли Л. направились на северо-восток. С тех пор точные сведения о них отсутствуют. В 1791 г. на поиски Л. была отправлена экспедиция Д'Антрекасто, но никаких следов его не обнаружила. Только в 1828 г. Дюмон-Дюрвилем установлено, что экспедиция Л. погибла у острова Ваникоро, расположенного в группе вулканических островов Санта-Крус в Тихом океане под $10^{\circ}40$ ю. ш. и 166° в. д. Принадлежавшие экспедиции Л. вещи были перевезены в Париж и помещены в Морском музее в Лувре. На острове Ваникоро Л. сооружён памятник.

Галс — снасть из верёвок, которой натягивается нижний наветренный угол всех косых и нижних прямых парусов. Другое значение этого слова — курс судна относительно ветра. Итти одним галсом или лежать на одном галсе, значит итти в одном направлении (при движении нескольких кораблей). Лечь на другой галс — повернуть судно так, чтобы ветер дул с другого борта, чем раньше.

Сладкий картофель, или батат (из семейства вьюнковых) происходит из тропической Америки (повидимому Бразилии). Широко распространён во всех тропических странах. Клубни его содержат большое количество крахмала и млечного сока, благодаря чему очень питательны и хорошо усваиваются. Вкус складоватый, не особенно приятный. Большею частью употребляется печёным; из него готовят также консервы, мука и спирт (путём перегонки). Сладкий к. — очень урожайная культура. Его урожаи в благоприятных климатических условиях, при наличии большого количества тепла и влаги, достигают 50 тонн с 1 га.

Иньям (ямс) — растение из семейства диоскорейных, широко распространённое в тропических и субтропических странах (Китай, Южная Япония). Клубни употребляются в пищу подобно картофелю, хотя у некоторых сортов они содержат летучий яд. При варке или печении он исчезает. Широко распространённая культура, причём в разных странах обычно разводят различные виды И. Иногда И. неправильно называют бататом.

Остров Святой Пасхи [Остерн, Бляху, Ралануи) имеет координаты 109° з. д. и 27° ю. ш., площадь 118 кв. км, максимальная высота — 539 м. Остров вулканического происхождения. На нём имеются потухшие вулканы, лавовые поля и горячие источники. Остров населён полинезийцами, которые возделывают сахарный тростник, бананы и сладкий картофель. Крупнейший населённый пункт острова — гавань Кука.

Кабельтов равен 0,1 морской мили.

Описание путешествия Лаперуза было составлено Милас-Мюро по дневникам Л. и издано в 4 томах в Париже в 1797 г. под названием "Voyage de La Pkrouse autour du monde". В 1831 г. вышло другое, более точное описание, составленное де-Лессепсом, сотрудником Л. и участником первой половины его путешествия.

Азимут какого-либо предмета или небесного светила — угол между плоскостью меридиана и вертикальной плоскостью, проходящей через данный предмет или светило. А. отсчитывается от южной части меридиана или только к западу (от 0 до 360°), или в обе стороны (от 0 до 100°). В последнем случае ставятся обозначения «юго-западный» или «юго-восточный». А. измеряется дугой горизонта, заключённой между двумя указанными плоскостями.

Магнитное склонение — угол между горизонтальной составляющей магнитной силы земного магнитного поля и направлением географического меридиана в той же точке земной поверхности. Бывает восточным и западным, в зависимости от того, в какую сторону отклонено направление горизонтальной магнитной силы от географического меридиана.

Пассаты — постоянные ветры в тропических областях северного и южного полушарий. В северном полушарии они имеют северо-восточное направление, в южном — юго-восточное.

Маркизские острова — архипелаг вулканических островов в восточной части Полинезии. Расположены между 7°51 и 10°33 ю. ш. и на 140° з. д. Состоят из двух групп — северной, называемой Вашингтоновыми островами (см. примечание 93), и юго-восточной, в которую входят острова Гиваоа (Ла Доменика), Футу-Гива, Фяху-Ата, Мотане (Сан-Педро) и Футу-Хуту.

Джордж Ванкувер (1758–1798) — известный английский мореплаватель и путешественник, сотрудник Кука, сопровождавший его во втором и третьем кругосветном путешествиях. После смерти Кука принял начальство над его экспедицией и довел её до конца. С 1790 г. в течение ряда лет произвёл совместно с испанцем Квадрой, а далее самостоятельно, обследование и описание западного побережья Северной Америки от Калифорнии до Аляски. Целью путешествия было открыть проход из Тихого океана в Атлантический. Во время этого путешествия В. побывал в русских факториях на побережье северо-западной Америки. Путешествие Ванкувера описано им в книге "Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean and round the World in 1790–1795 under captain Georg Vancouver" (1798).

Тянуться на завозах — итти по завозу. При этом на известном расстоянии впереди судна опускается якорь, к которому затем судно подтягивается и, таким образом, продвигается вперёд.

Шпиль — особый ворот для вытягивания якорных цепей и других тяжёлых работ по тяге тросов и цепей.

Кабельтов — трос особой свивки (не путать с морской мерой длины).

Верпование — передвижение судна при помощи завоза верпа (небольшой якорь).

Тамбуй — металлический или деревянный поплавок, служащий для указания места отданного якоря.

Вашингтоновы острова — северная группа вулканических Маркизских островов в восточной части Полинезии. Состоит из шести крупных островов и нескольких коралловых рифов. Наиболее крупный остров — Нука-Гиза, далее следуют Уу-Уака (Вашингтон), Уа-Пу, Мотуити, Хиау, Хатуту.

Людоедство (антропофагия, или каннибализм (Это название происходит от названия караибы, или канибы, — племени американских индейцев, которое встретил Колумб на Антильских островах.)) довольно широко распространено на низких ступенях развития человеческого общества как действие магического характера. Вопрос же об употреблении человеческого мяса с целью утоления голода считается спорным, как у отсталых народов, так и в прошлом человечества. Достоверных данных о постоянном употреблении в пищу человеческого мяса не существует. Оно могло быть связано с голодовками и является скорее эпизодическим. Неверны также представления о связи Л. с человеческими жертвоприношениями. Как магическое действие, Л. выражается в поедании какой-либо части тела убитого врага или пленника, особенно его сердца, печени и глаз, и питье его крови, с целью присвоить себе силу и удачу убитого, а также уничтожить его душу. При этом существует уверенность, что загробная месть со стороны убитого становится невозможной, если будут уничтожены важнейшие органы его тела, а с ними и его душа. В древней Мексике существовал обряд поедания «божества», заместителем которого избирался какой-либо человек. Этот обряд представлял собой развитую форму магического Л. Пережитки аналогичных магических действий сохранились в христианском обряде причащения.

Табу, или "тэпу", — слово, общее всем полинезийским языкам. В переводе означает "особенно отмеченный". Выражает запрет производить те или иные действия и обособляет человека, предмет или действие от обычных, общеупотребительных, разрешённых явлений. Противоположное Т. понятие — ноа — всеобщий, обычный. Табу имеет два значения. Предмет или действие выделяется как Т. или потому, что является священным, или же потому, что признаётся нечистым.

Тарро, или колоказия, — растение из семейства ароидных. Культивируется в субтропических и тропических странах. Подземные клубни, богатые крахмалом, употребляются в пищу. В сыром виде ядовито. Молодые листья и черенки применяются, как овощи.

Шкот — снасть, при помощи которой растягиваются нижние углы парусов.

Приводимые в тексте местные, названия растений с Маркизских островов трудно определить.

Хлебное дерево — тропическое растение из семейства тутовых. Плоды растут на стволах и на толстых ветвях, богаты крахмалом, а семена — маслом. Плоды пекут, нарезав, как лепёшки, или же предварительно квасят в особых ямах. Хлебное дерево даёт обильные урожаи. Происходит из влажных лесов Индии, Молукских и Зондских островов и широко распространено теперь как культурное растение в тропиках, где является важнейшим источником питания. Так как и остальные виды того рода, к которому принадлежит Х. д., распространены, главным образом, в Ииндо-Малайской области, то возможно, что Лисянский допустил ошибку, описывая Х. д. на Маркизских островах.

Бананы (род *Musa*) разводятся под тропиками в двух подвидах — собственно бананы и «платано». Баканы имеют сладкие плоды, достигающие 13–18 (до 20) см длины, с содержанием сахара до 22 %. «Платано» имеет несладкие плоды с содержанием сахара по 1 %. Плоды больших размеров — до 35 см. Употребляются в пищу, как овощ, в сыром или варёном виде. Для местного потребления разводятся в значительно большем количестве, чем бананы.

Сандвичевы, или Гавайские, острова (Гавай) — архипелаг, протягивающийся с северо-запада на юго-восток у северного края тропической зоны. Наиболее крупные острова расположены в юго-восточной части архипелага, где тянутся на протяжении около 500 км. Наиболее крупный из них остров Гавай (10 398 кв. км), далее следуют Мауи (1885 кв. км), Оау (1554 кв. км), Кауаи (1409 кв. км), Молокаи (676 кв. км), Ланая (350 кв. км), Ниау и Каулауи.

Линия равноденствия — экватор, в области которого день всегда равен ночи. В других точках земной поверхности такое положение бывает лишь два раза в год, только в дни весеннего и осеннего равноденствий, 21 марта и 23 сентября. В эти дни центр солнца находится в одной из двух точек пересечения эклиптики с небесным экватором. При этом солнечные лучи падают на экватор отвесно, а граница света и тени на земном шаре проходит через оба полюса и делит все параллели пополам. Поэтому на всей земле в это время день равен ночи.

Фертоень — способ стоянки на двух якорях, при котором судно постоянно находится между ними. Употребляется при сильных приливах, переменных ветрах и в узких проливах, где стоящие на якорё суда должны быть по возможности неподвижны. «Офертоениться» значит провести операцию по одновременному спуску двух якорей. При этом надо проявлять большую осторожность, чтобы не спутать якорные цепи.

Шляхта — инструмент, которым стругают (или шляхтают) палубу, борт корабля и т. п.

Джемс Кук (1728–1779) — знаменитый мореплаватель, открывший ряд новых островов. Он совершил три кругосветных путешествия, в 1768–1771, 1772–1775 и 1776–1779 годах. Во время этих плаваний Кук нанёс на карту ряд островов в южной части Тихого океана и берега Австралии, которую он объявил английской собственностью. Кук доказал островной характер Новой Зеландии и Новой Гвинеи и установил пролив между двумя островами Новой Зеландии. Путешествия Кука доказали также отсутствие антарктического материка до 40° ю. ш. Куком была также нанесена на карту береговая линия Северной Америки на протяжении более 6 500 км. Во время третьего путешествия, в которое Кук отправился в 1776 г., его суда «Резолюшен» и «Дисковери» совершали рейсы к северу от Новой Зеландии и находились у берегов Таити. Отсюда Кук направился к Беринговому проливу и по пути открыл острова, названные им Сандвичевыми (теперь — Гавайские острова, или Гавай). Далее Кук двинулся вдоль берегов Америки, прошёл Берингов пролив и направился к северному полюсу, но под 74°44 с. ш. был остановлен непроходимыми льдами. В следующем году Кук решил повторить свою попытку плавания по северным широтам и по пути зашёл из Сандвичевы острова. Несмотря на то, что отношения с местными жителями у экспедиции были хорошие, из-за исчезнувшей с корабля шлюпки возникло столкновение между островитянами и командой Кука. Поводом к нему послужил случайный выстрел, произведённый одним из матросов, несмотря на запрещение Кука. Во время столкновения Кук был убит, а его команда жестоко расправилась с островитянами.

Береговые ветры — бризы — возникают в результате неодинакового нагревания и охлаждения суши и моря. Днём дуют с моря, ночью — с суши. В тропических областях Б. дуют круглый год, а в умеренных — лишь в тёплое время года. Б. очищают и охлаждают воздух. Поэтому жители океанических островов тропического пояса стремятся устроить свои жилища на берегу. Парусные каботажные суда и рыбацьи лодки обычно пользуются бризами, уходя рано утром с попутным береговым бризом, а вечером возвращаются с попутным морским бризом.

Плехтовый канат — якорная цепь правого якоря.

Фальконет — небольшое огнестрельное чугунное орудие с цилиндрическим каналом, конической камерой и полушаровидным дном. Большой частью во флоте были распространены фальконеты с ядрами весом около одного, двух и трёх фунтов (0,4—0,8- 1,2 кг). Составляли также вооружение гребных судов.

Шестифунтовая пушка — старинная пушка с ядром в 6 фунтов весом (2,4 кг).

В скобках указаны современные названия.

Данные Лисянского о долготе и широте Гавайских островов очень точно отвечают современному, отличаясь лишь на 1 для долготы (160°31 по Лисянскому, вместо 160°30 , принятых в настоящее время).

Гаммамея, или Каммамеа, был вождём северной части Гавайских островов. После ряда войн объединил под своей властью все острова, а затем завязал сношения с европейцами. Последние помогли ему построить флот из 25 небольших судов европейского типа. Правление Гаммамеи составляет эпоху в истории Гавайских островов, так как им было осуществлено объединение островов в единое национальное государство и положен конец их культурной замкнутости и разобщённости с остальным миром.

Повидимому, под названием Южного моря Лисянский подразумевал ту часть Тихого океана, которая расположена к югу от дуги Гавайских островов.

Саламата — киселеобразное блюдо, приготовляемое из муки.

Monis papyrifera — бумажная шелковица. Небольшое дерево из семейства тутовых, с неправильно зазубренными, снизу волокнистыми листьями и раздельнополыми цветками, собранными в круглые головки. Плоды красные, напоминают шелковицу. Из коры получается прочная, так называемая японская бумага, прекрасного качества. Широко культивируется на юге и юго-востоке. Родина, повидимому, Китай.

Современное название горы Роу — Мауна-Лоа (4 170 м), Кау — Мауна-Ква (4 210 м). Что же касается вершины Ворорай, то, повидимому, под этим названием Лисянокий описывает вершину Гуалалаи (2 320 м) в западной части острова Гавай, недалеко от мыса Кезоле. Приводимые Лисянским высоты, взятые из описания третьего путешествия Кука, не соответствуют действительности.

Повидимому, Лисянский имеет здесь в виду кратер Килауеа (1 340 м), который находится между вершиной Мауна-Лоа (Роу) и юго-восточной оконечностью острова.

Георг Диксон. Родился в 1755 г. Умер около 1800 г. Английский мореплаватель. Участвовал в третьей экспедиции Кука. Изучал во время этой экспедиции северо-западные берега Америки. В 1785 г. предложил свои услуги снарядить новую экспедицию для исследования северо-западных берегов Америки. В эту экспедицию Д. отправился осенью того же года на корабле "Королева Шарлотта" и в сопровождении корабля "Король Георг", которым командовал капитан Портлок. Д. открыл ряд бухт и гаваней на северо-западном берегу Америки, острова Королевы Шарлотты, архипелаг Диксона и ряд других. Далее Д. направился в Китай и прибыл в Англию лишь в 1737 г.

Приведённое Лисянским объяснение причин похолодания на 25° с. ш., между Гавайскими островами и Кадьяком, неправильно, так как он приписывает это похолодание туманам и сырости. В действительности, туманы и обилие влаги в атмосфере являются следствием, а не причиной тех или иных климатических условий. Повидимому, изменение их к северу от Гавайских островов связано с северным Тихоокеанским течением, направленным с запада на восток между 30 и 40° с. ш.

Морская капуста — промысловое название морских бурых водорослей из рода ламинарий, широко распространённых в холодных и холодно-умеренных широтах.

Правый компас — установленный на правом борту корабля. Показания компасов, в зависимости от их положения на корабле, естественно, будут различны. Поэтому во внутренних, хорошо защищенных помещениях корабля устанавливается основной компас.

Способ крюз-пеленга употребляется в том случае, если при пеленговании невозможно определить расстояние от корабля до визируемого предмета. Тогда берут два пеленга одного и того же предмета через некоторый промежуток времени и, учитывая линейное перемещение корабля за время между пеленгами, графическим построением получают место корабля на карте.

Кадьяк — крупный остров (8 975 кв. км) в группе островов того же названия, расположенный у южного берега Аляски, между 56°48–58°40 с. ш. и 103°33 — 106°8 з. д. Помимо Кадьяка, в группу входят ещё четыре острова общей площадью около 1 000 кв. км.

Сэр Говард Дуглас (1776–1861) — британский генерал. В 1795 г. по дороге в Канаду испытал кораблекрушение и зимовал с большим количеством людей на берегу Лабрадора. Его перу принадлежит ряд работ по военному искусству.

Лежали на северо-восток — шли курсом на северо-восток.

Картаун (картаул) — сорокавосемифунтовое орудие, типа пушки, стреляющее ядром в сорок восемь фунтов веер (более 19 кг). У Лисянского были К. значительно меньшего калибра.

Прикладной час — средний промежуток времени между прохождением луны через меридиан места и полной водой во время прилива.

Колюши, или колоши, — индейцы из группы тлинкитов, живущие на северо-западе Америк по островам и берегу Тихого океана, от устья реки Медной до параллели, проходящей через южную треть острова Принца Уэльского. Западную ветвь тлинкитов образуют якутаты, обитающие вокруг бухты Якутат. Русское название К. произошло от «калюжки» — куски дерева, кости или камня, которые К. женщины вставляют в губу. Быт и занятия К. очень верно описаны Лисянским. С приходом русских часть К. была обращена в христианство.

Т. е. местных жителей, подчинившихся русским.

Кенайские жители — кенайцы — принадлежат к индейскому племени атапасков из группы тинне. Это племя занимает внутренние части Аляски, и только та его ветвь, которая обитает по берегам Кенайского залива, т. е. кенайцы, доходит до Тихого океана. Чугатские жители — чугачи — одно из племен, относящихся к колошам, живущее в районе Чугатского залива.

Аманат — арабское слово, обозначающее заложника, предоставляемого в обеспечение договора. Это слово употреблялось в древней Руси.

Палтус — рыба из семейства камбаловых. Живёт в северных частях Тихого и Атлантического океанов и в Баренцевом море, в Балтийском море в встречается довольно редко. В СССР П. довольно много на Мурмане.

Сивуч — один из видов ушастых тюленей. Обитает в северной части Тихого океана от Берингова пролива до Калифорнии и Японии. В СССР основные лежбища С. находятся в Охотской море, на острове Ионы и Ямских островах.

Стахинцы — принадлежат к племени стихкинкзан, обитающему на реке Стихкин и относящемся к колошам, или тлинкитам. Другое их племя, живущее у Стахинского залива, называется ситкин-кван.

Аспидный сланец — сланцеватая горная порода, представляющая собой разновидность глинистого сланца.

Алеуты — народ, родственный эскимосам и камчадалам по языку и физическому типу. Живут на Алеутских и Шумагинских островах, а также на западном побережье Аляски до реки Угашик. А. язык принадлежит к эскимосской семье языков. Судя по географическому расположению языков этой семьи, А. язык, как и родственные наречия крайнего северо-востока Азии, занесён из Америки.

Действующие вулканы — характерная особенность Алеутских островов. Помимо извержений на суше, вулканические излияния в этом районе происходят и на дне моря. На это указывает образование в Алеутском архипелаге новых вулканических островов. В 1796 г. из воды поднялся вулкан Иоанн Богослов. В 1881 г. появился новый вулканический остров — Гревинк. Появление подобных же вулканических островов возможно и среди архипелага, описанного Лисянским у северо-западных берегов Америки.

Повидимому, Лисянский имеет в виду графит.

По берегу Кенайского залива находится 14 селений и около 3 000 жителей. Они имеют язык, отличный от других. Употребляют обшитые берестой лодки, исключая несколько семейств, живущих у взморья, которые ездят на кожаных байдарках. Хотя все они обращены в христианскую веру, однако, многоженство и шаманство между ними так же обыкновенно, как и на Кадьяке. Съестные припасы у них в гораздо большем изобилии, нежели у кадьякцев. Кроме рыбы, они ловят зверей, а особенно диких баранов, которые водятся там в большом количестве. В этой стране наиболее часто водятся: олени, дикие бараны, медведи обыкновенные и чёрные, соболи, чёрные лисицы, чернобурые, сиводушки и красные, выдры, рыси, кролики, росомахи, горностаи, речные бобры, суслики и белки. Кенайцы кладут тела умерших в деревянные ящики, а на могилы накладывают камни, чтобы дикие звери не могли вырывать трупы. В знак печали об умершем, они опаливают себе волосы, вымарывают лицо чёрной краской и надрезают тело в разных местах. Другие их обычаи сходны с обычаями жителей Кадьяка.

Бушприт — горизонтальная или наклонная удлинённая деревянная часть, выдающаяся на носу парусного корабля или шлюпки. Служит для подъёма носовых парусов (кливеров) и частично для укрепления фок-мачты. При помощи бушприта производится отнесение центра тяжести парусности от центра тяжести корабля. На больших судах бушприт делается составным. Продолжением его является утлегарь, связанная с ним деревянная часть.

Т. е. в Америке, так как шестой материк — Антарктида — еще не был известен.

Сарана (лилия) — многолетнее травянистое луковичное растение из семейства лилейных. Распространена в умеренном поясе северного полушария, где известно около 50 видов. Большинство видов, живущих в СССР, обитают в Сибири, на Дальнем Востоке и на Кавказе. Луковицы многих съедобны и употребляются вместо картофеля, особенно в Сибири и на Камчатке

Кутагарник — местное название, значение которого не удалось установить.

Лисянский имеет, очевидно, в виду дикую полевую горчицу, которая представляет собой широко распространённый сорняк (однолетнее растение из семейства крестоцветных). Растёт обычно в умеренном поясе, часто в черноземной полосе Союза. К северу её распространение постепенно уменьшается. В некоторых местах разводится под именем сурепицы ради семян, из которых получается масло.

Огуречная трава, или бурачник, — травянистое растение из семейства бурачниковых (покрытосеменных двудольных). В свежем состоянии пахнет огурцом. Характерно обилие жёстких колючих волосков на стебле и листьях. Огуречная трава распространена в Средиземноморской области. Поэтому сомнительно её присутствие на Кадьяке, Здесь Лисянский мог встретить представителя какого-либо другого вида из семейства бурачниковых, которое насчитывает до 1 500 видов, распространённых по всей земле.

Ипатки — птицы из отряда чистиков. В СССР распространены по берегу Чукотского полуострова, на острове Врангеля и вдоль дальневосточных берегов до Охотского моря на юге.

Видимо Лисянский имеет в виду краснолицых бакланов, гнездящихся на берегах Камчатки и островах Прибылова, Командорских, Алеутских и Курильских.

Видимо, ошибка. Попугаев ара в этом районе нет. Очевидно, «ара» — местное название.

Калага обитает в северной части Тихого океана (*Hemilepidotus hemilepidotus*).

Повидимому, Лисянский имеет в виду *Ceratocottus dicerans*, свойственный этим широтам.

Терпуг — морская рыба из семейства терпуговых, принадлежащего к отряду панцырнощёких. Водится в северной части Тихого океана, где распространено до 15 видов этого рода. Вдоль берегов Камчатки, Алеутских и Командорских островов часто встречается терпуг восьмилинейный. Длина его до 38–43 см.

Гольцы — рыбы из семейства лососёвых. Достигают 35–65 см длины. Представляют собой частью проходные, частью озёрные формы. Водятся в Северном Полярном море к востоку от Западной Норвегии до Гренландии, а также в Тихом океане, где представлена под видом Мальма.

Вахня — тихоокеанская навага, рыба из семейства тресковых. Достигает 35–40 см длины. Водится в прилегающих к Беринговому проливу частях Северного Полярного моря и на юг от пролива до Кореи и острова Хоккайдо, а по американскому побережью — до Педжет-Саунда. Является предметом важного промысла.

Уйки — видимо, имеется в виду *Mallotus villasus*.

Чавыча — рыба из семейства лососёвых. Биология её во многом сходна с биологией благородного лосося и гольца. Для нереста заходит в реки Северной Америки и Азии от Северного Китая до Камчатки включительно.

Кижуч (или кизуч — белая рыба) принадлежит к семейству лососёвых. Водится в северной части Тихого океана. Для нереста заходит в реки Америки и Азии от Японии до Камчатки включительно. На Камчатке и Командорских островах поднимается во все горные реки, имеющие озёра. Здесь, в верховьях рек, К. нерестится с поздней осени до декабря.

Хайко — название кеты, широко распространённое на Камчатке и оттуда проникшее в русские колонии на северо-западе Америки. Рыба из семейства лососёвых.

Нерпа — ластоногое млекопитающее из семейства тюленей. Существует ряд видов её: каспийский тюлень, байкальский, обыкновенный, кольчатый. Обитает в арктических морях и некоторых морях и озёрах умеренного пояса (Балтийское, Белое, Берингово, Немецкое, Охотское, Каспийское, на побережье Японского, на оз. Байкал, Ладожском, Сайме), а также в северной части Атлантического океана.

Морские котики — млекопитающие из отряда ластоногих. Существуют три географические расы М. к.: 1) командорский на Командорских островах, 2) курильский, 3) аляскинский с лежбищем на острове Прибылова. С середины 19-го столетия котиковый промысел велся хищнически и сильно подорвал поголовье К. В СССР, в связи с мерами охраны, число К. увеличивается.

Повидимому, Лисянский имеет в виду крабов, т. е. раков из отряда десятиногих. К. живут в морях, имеют большое промысловое значение.

Коралёк — небольшой слиток выплавленного чистого металла. Коралёк — коралловый шарик, пронизь. Лисянский мог употреблять слово «коралёк» в обоих этих значениях.

Морская репка — местное наззание, значение которого неясно.

Лавтак, лахтак, лафтак — шкура моржа, сивуча или тюленя, снятая вместе с салом или же выделанная шкура морского зверя. Л. обшиваются байдарки. Л. употреблялись и для других целей.

Стамед, стамет — плотная гладкая шерстяная ткань в косую нитку полотняного переплетения, которая теперь не изготавливается.

Повидимому, Лисянский имел в виду морские жёлуди — сидячие морские ракообразные из отряда усоногих раков.

Шпангоут — поперечное ребро корпуса судна, придающее ему поперечную прочность. Ш. называется также поперечное сечение судна.

Еврашки — суслики, грызуны из семейства беличьих. Живут на твёрдых, целинных землях. В Северной Америке обитают на равнинах и предгорьях запада.

Плехт — правый становый якорь (больших размеров). В старину плехтом называли возвышенные части корабля на носу и корме. Первая из них называлась фор-плехт, а вторая штур-плехт. Даглест (соврем. дэглис, даглист, дагликс анкер) — левый становый якорь (средних размеров).

Адмирал Александр Иванович фон-Круз (1731–1799) участвовал в ряде морских сражений во время екатерининских войн, где проявил большое мужество и инициативу.

Это ситхинский, или аляскинский «кипарис», или «кедр», из семейства кипарисовых. Виды этого рода распространены в тихоокеанских странах — Калифорнии, Японии и Чили. Это хвойные, отличающиеся особенностями расположения своих листьев, мутовчатых или редко расположенных по спирали. На листьях особые железистые приспособления с эфирным маслом.

Очевидно речь идёт о вулканическом стекле — обсидиане.

Джинджам — местное название, которое не удалось определить

Мелкие мошки, которых описывает Лисянский, — так называемый «гну́с», широко распространённый также в Советском Союзе в таёжной зоне, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке.

Марианские острова (Ландронес, или Разбойничьи, а по-японски — Сайпан-Сите) — расположены в Тихом океане под 12–21° с. ш. и 140–150° в. д. Представляют собой крайнюю северо-западную группу островов Микронезии. Состоят из пятнадцати довольно крупных островов: Фарельон де Пахарос, Уракас, Мауг, Асонгсон, Агриган, Паган, Аламаган, Гугуан, Сариган, Анатахан, Фарельон де Мединилья, Сайпан (185 кв. км), Тиниан (98 кв. км), Рета (125 кв. км), Гуам (583 кв. км), а также ряда мелких.

Алексей Ильич Чириков — капитан-командир, ближайший помощник Витуса Беринга, известного мореплавателя. В 1725–1729 и 1733–1742 гг. Ч. совершил совместно с Берингом две экспедиции. Во время второй экспедиции на пакетботе "Св. Павел" достиг берегов Северной Америки и открыл некоторые из Алеутских островов. В своих путевых журналах собрал богатейший материал по географии посещённых мест.

Лисянский имеет в виду войну со шведами 1788–1790 гг., которую начал шведский король Густав III, рассчитывая на затруднения русских в войне с турками. Война закончилась Версальским миром в 1790 г. с небольшими территориальными изменениями границ в пользу России.

Дикая яблоня, близкая к так называемой ягодной сибирской, от которой произошёл ряд канадских, сибирских и других сортов.

Саленг (соврем. салинг) — рама из продольных и поперечных брусьев, устанавливаемая на стене. Служит для отвода снастей. В зависимости от принадлежности к той или иной мачте, салинг носит разные названия.

Салинг, расположенный на первой мачте, называется фор-салинг. Салинг на второй мачте будет называться грот-салинг и т. д.

Найтовы — перевязка тросом двух или нескольких предметов или соединение двух тросов одним тонким.

Секстан — морской угломерный инструмент для измерения: 1) высот небесных светил, 2) углов между видимыми с корабля земными предметами, 3) углов между небесными светилами и земными предметами.

Фрегат — тропическая птица океанических побережий. Имеет короткую, толстую шею, сильный загнутый на конце клюв, длинные острые крылья, очень легкий костный аппарат и воздушный мешок под горлом. Большую часть времени проводят над водой, удаляясь на десятки километров от берега. Является прекрасным летуном. Питается рыбой. Нередко отнимает добычу у других птиц

Ганшпуг (гандшпуг, ганшпаг, аншпуг) — рычаг для поворачивания тяжестей (деревянный или металлический)

Красным деревом называют различные древесные породы, древесина которых обладает красным цветом и является ценным материалом для мебельного производства. Среди южноамериканских сортов наиболее ценным является фернамбуковое, или бразильское. Вест-Индское К. Д., или махогони с Кубы и Сан-Доминго, имеет одну из ценнейших древесин в мире. В Вест-Индии известны сапановое и сандаловое деревья, отличающиеся большим удельным весом и твёрдостью. В Африке растёт гамбия и капмахогони с удельным весом до 1,4 и очень плотной древесиной. В Соединённых Штатах под именем К. д. известна древесина секвой.

Остров Некар — небольшой остров в Тихом океане, к востоку от Гавайских островов.

Под калабашем Лисянский, повидимому, подразумевает тыкву.

Лотлинь — тонкая верёвка, разделённая марками разного цвета и формы на единицы меры. К ней привязывается лот — прибор для измерения глубин (из свинца или чугуна), имеющий обычно форму узкой пирамиды до 5 кг весом.

Шкафутом на деревянных военных кораблях назывались широкие доски, лежащие по бортам корабля вровень с баком и шканцами и соединявшие их. Они служили для перехода между этими отделениями. Шканцами называлась часть корабля между грот- и бизань-мачтами. Баком раньше называли носовую часть верхней палубы корабля впереди фок-мачты.

Тайфуны — сильные бури, возникающие в результате прохождения циклонов в Китайском море. Т. бывают большей частью в августе, сентябре и октябре, в конце дождливого муссона. Т. возникают в Тихом океане в районе Филиппинских островов или к востоку от них. В тропиках они направляются с востока на запад или с юго-востока на северо-запад и около 20–25° северной широты поворачивают на север. В средней части Китая и на юге Японии они движутся с юго-запада и запада, как большинство циклонов.

Остров Лукония, или Лукон, — Люцон или Люсон, наиболее крупный северный остров в группе Филиппинских.

Остров Ваши — в проливе того же названия, между островом Формозой и Люцон (Люсон)

Острова Лема (современное название Лэма) — несколько островов у выхода в Южно-Китайское море из пролива Лан-тао, которым заканчивается на юго-востоке Кантонский пролив.

Овер-штаг — поворот судна при переходе с одного галса на другой в том случае, если судно пересекает линию ветра носом. Если же судно пересекает линию ветра кормой, такой поворот называется "через фордевинд".

Пиратство в Китае достигло громадного развития в конце XVIII и начале XIX столетия в связи с обострением социально-экономической обстановки. Наряду с восстаниями и тайными обществами, пиратство явилось одной из форм выражения борьбы народных масс с существующим порядком.

Португальцы были первыми европейцами, корабли которых прибыли в Китай (1516). В 1557 г. португальцы основали в Макао свою факторию. Образование её относится к эпохе расцвета и роста колониального могущества Португалии. Португальцы прочно обосновались в Макао и занимали в этом крупнейшем порту господствующее положение. Дальнейшие события истории Португалии отразились и на характере отношений между китайцами и португальцами в Макао. С 1581 по 1640 г. Португалия находилась под властью Испании и вместе с ней приближалась к экономическому и политическому упадку. Колониальная империя Португалии распалась под ударами голландцев, англичан и французов, хотя Макао и продолжает оставаться за Португалией и даже упоминается в тексте мирного договора 1661 г.

Остров Лантин (Ла-тин) — небольшой островок в средней части Кантонского пролива. Современное китайское название пролива — Шун-Кианг, а английское — Canton or Pearl River (Жемчужная река).

Бока-Тигрис (современ. Бокка-Тигрис или Фумун) — соединённое устье рек Бэй-цзян и Си-цзян, которые перед слиянием разделяются на ряд рукавов. Из них наиболее важные называются Си-Кианг и Ши-кианг. На последнем стоит Кантон.

Испанские пиастры — самая большая серебряная испанская и мексиканская монета весом около 27 гр. С середины XVI века И. п. получили широкое распространение в Европе и ввозились также и в Россию.

Кренговать — значит поочередно накреньять корабль на каждый борт, чтобы осмотреть его дно и киль и произвести их ремонт

Киленбанка (киленбанк) — участок приглубого берега с необходимым оборудованием для килевания судов. Килевание — наклонение судна на бок настолько чтобы киль вышел из воды для осмотра и ремонта подводной части судна.

Ватер-линия — кривая, получаемая при пересечении поверхности корпуса судна горизонтальной плоскостью, параллельной уровню воды. Конструктивная В.-л. отвечает проектной осадке судна. Грузовая В.-л. соответствует уровню воды при полной нагрузке судна.

Китайка — простая хлопчатобумажная ткань желтоватого цвета.

Джон Барроу — английский географ и общественный деятель. Родился в 1764 г., умер в 1848 г. Известен своими путешествиями в Китай и Южную Африку. Был инициатором экспедиций по отысканию северо-западного пути из Атлантического океана в Тихий. В честь его названы мыс и пролив на севере Аляски. Наиболее крупные работы Б. — "Travels in the anterior of Southern Africa" (1801–1803 гг.) и "Travels to China" (1804).

Император Киеньлонг (Цяньлуи) был четвёртым государем Китая из маньчжурской династии Цин. В период его царствования (1736–1795) внешнее могущество маньчжурской империи в Китае достигло расцвета, но сопровождалось ростом влияния крупной маньчжурской и китайской бюрократии и откупщиков.

Талер — широко распространённая в Западной Европе монета. Т. называли все серебряные монеты, весившие более одного лота, или 15 гр. В зависимости от содержания чистого серебра, места и формы чеканки, эта монета получала разные названия. К таким названиям относится и указанный Лисянским испанский Т., распространённый в Испании.

Крупные купцы Кантона и Макао — гонги (кохонги) — в XVIII и начале XIX века составляли монопольную организацию по торговле с европейцами, которая заключалась преимущественно в вывозе шёлка и чая.

Сарадинским пшеном назывался рис.

Один кади содержит 300 г.

Завоевание Китая монголами относится к XIII веку. В 1211 г. монголы во главе с Чингис-ханом появились в пределах нынешних китайских провинций Хэбэй, Шаньси и Шандунь и дошли до Вэй-Хай-вэя. В 1215 г. они взяли Пекин (Яньцзин). Полное завоевание всех перечисленных провинций было осуществлено к 1221 г. В 1234 г. сын и наследник Чингис-хана Огодай овладел всей территорией империи Цзинь, занимавшей Северный Китай, Восточную Монголию и Маньчжурию. В 1251 г. монгольский трон перешёл к представителю младшей линии чингисидов Мангу. Его брат Хубилай в 1252–1253 гг. завоевал государство Наньжао на юго-западе Китая, в современной Юньани, а затем в 1278 г. ввёл свои войска в Линь-ань (Ханьжоу) — столицу империи Сун, занимавшей большую часть Южного Китая. Еще ранее, в 1264 г., Хубилай перенёс столицу в Канбалык (позднее Пекин) и принял титул государя китайских областей под именем Юань. Завоеванию Китая монголами способствовала его политическая раздробленность и упадок существовавших на его территории государств.

Царствовавшая в Китае императорская фамилия, во время пребывания Лисянского в Кантоне, принадлежала к маньчжурской династии Цин. Правление этой династии продолжалось почти три века, с 1644 по 1911 г. Она сменила династию Мин, последний император которой повесился под влиянием неудач в борьбе с крестьянскими восстаниями, охватившими империю с начала XVII века и превратившимися в подлинную крестьянскую войну в 40-х годах того же столетия. После смерти последнего минского императора, вождь повстанцев Ли-Цзы-Чэн потерпел поражение в борьбе с минским полководцем У-Сань-чунем, на стороне которого выступили маньчжуры. У-Сань-Чунь заключил с ними соглашение. Маньчжуры возглавили борьбу китайских феодалов с народным восстанием и овладели Китаем в 1644 г.

Философский камень — вещество, при помощи которого средневековые алхимики считали возможным превращать неблагородные металлы (свинец, ртуть и т. п.) в благородные (золото и серебро). Философский камень носил также название красного льва, великого элексира или магистериума, красной тинктуры, панацеи жизни и жизненного элексира. Считалось, что Ф. к. исцеляет все болезни, способствует омоложению старости и продлению жизни.

Конфуций, или Кун-фу-цзы (551-479 г. до хр. эры) - основатель одной из наиболее распространённых религиозно-философских и политических систем в Китае. Крупный моралист-проповедник, К. создал школу философов, которая насчитывает до 3 000 учеников. Учение К. наложило отпечаток на всю китайскую общественную жизнь и развитие китайской культуры. Древнее учение К. было скорее этико-политическим, чем философским. Оно выражает идеологию господствующих классов, формировавшегося тогда в Китае феодализма. К. считает обладателями истины неба древнейших мудрецов и проповедует авторитет старинных обычаев. К. написана книга "Весна и Осень" (Чунь-цфо), Летопись княжества Лу с 722 по 481 г. до хр. эры, философские диалоги и другие. К. принадлежит учение о "выправлении имён", заключающееся в том, что каждое имя (слово) должно соответствовать своему назначению. "Государь должен быть государем, подданный -- подданным, отец -- отцом, сын - сыном", говорил К. Таким образом, принцип "выправления имён" давал теоретический фундамент для феодальной иерархии. Другую китайскую религиозно-философскую систему, известную под названием даосизма, имеет, повидимому, в виду Лисянский, упоминая об учении Таотзе. Основателем ее считается полубогословный Лоо-цзы, живший в VI веке до хр. эры. Главным понятием в его учении является дао. Это первопричина, источник и творческое начало всего существующего, неба и земли, основа бытия и познания; это - небытие, содержащее все начала бытия, единство, порождающее многообразие, вечная, беспредельная, незримая, чувственно не воспринимаемая субстанция. Даосизм проповедывал "неделание", которое является выражением пассивного сопротивления государству со стороны крестьянских масс и мелкопоместного феодального дворянства. Социальным идеалом даосизма было утверждение строя мелких земледельческих общин. В более поздней даосизмской литературе появляются мистические и магические тенденции, учение о загробной жизни, ряд грубых суеверий и идолопоклонство.

Сандальное (сандаловое) дерево — растение из семейства бобовых. Ценное дерево с прочной, тяжёлой, но сравнительно легко поддающейся обработке древесиной. Красота и богатство оттенков древесины обуславливают высокие качества С. д., как поделочного материала. Кроме того, из ядра древесины С. д. добывается сандал — красная краска, употребляемая для окрашивания хлопчатобумажных и шерстяных тканей. Область распространения С. д. охватывает Индию, Цейлон, Филиппины, Малабарское побережье.

Правильно подметив жестокую нужду народных масс Китая и тяжёлые наказания и казни, которым они подвергались за малейшую провинность, Лисянский совершенно неправильно объясняет причину этих явлений несовершенством китайских законов. Положение народных масс Китая, в силу особенностей его феодального строя и широко развитой бюрократической прослойки и купечества, было всегда очень тяжёлым. Особенно оно ухудшилось с конца XVIII века, под влиянием непосильного гнёта бюрократии, пользовавшейся широкой системой откупов и отличавшейся в период цинской династии исключительной коррупцией. Бюрократический произвол вызывал полную зависимость народных масс от чиновников. Кроме того, китайский народ изнывал под бременем огромных налогов и различных повинностей как по отношению к государству, так и к помещикам. Крестьяне находились в условиях феодальной зависимости от помещика и, работая на мелких участках, уплачивали ему не менее половины урожая, подвергаясь нередко суровым расправам. С этим периодом обострения социальных противоречий в К. совпадает прибытие в Кантон экспедиции Лисянского и Крузенштерна.

Пуло-Теоман, Пуло-Памбелан, Пуло-Арое — острова в южной части Южно-Китайского моря. Остров Пуло-Памбелан, повидимому, носит теперь название Тамбеллан. Остальные острова на мелкомасштабных картах не показаны.

Аарон Арроусмит — английский картограф (1750–1823). Был главой картографического предприятия в Лондоне. Издал более 130 атласов и ряд больших карт, отличавшихся исключительной точностью и хорошим исполнением. Лисянский упоминает о данных всемирной карты, составленной А. в меркаторской проекции и изданной с примечаниями автора в 1790 и 1794 гг.

Банкский пролив (пролив Банка, или Бангка) отделяет остров Банка от Суматры.

Остров Банка (Бангка) относится к Малайскому архипелагу. Находится у северо-восточных берегов Суматры, от которой отделён Б. проливом.

Гаспарский пролив отделяет остров Банка от острова Биллитона.

Мыс Брисе расположен на восточном берегу острова Бангки в Гаспарском проливе. На мелкомасштабных картах эти названия не показаны.

Остров Мелководный, по данным Лисянского, расположен в Гаспарском проливе.

Карта, составленная капитаном Этьеном Маршаном в конце XVIII века по данным совершённого им кругосветного путешествия.

Остров Двух Братьев, по описанию Лисянского, расположен в Гаспарском проливе.

Остров Северный — небольшой островок в северной части Зондского пролива, между островами Суматрой и Явой.

Мыс Тока (Туа) — юго-восточный мыс острова Суматры в Зондском проливе.

Остров Свиной расположен в северной части Зондского пролива.

Стром-рок — мелкие скалистые островки у берегов Суматры.

Остров Принцев (Принсен или Панайтан) — небольшой островок в Зондском проливе, к северо-западу от берегов Явы.

Острова Каракатоа (Кракатау), Самбурику расположены в средней части Зондского пролива, между островами Суматрой и Явой. Остров Кракатау вместе с другими (Ланг, Фарлатен) представлял собой остаток кратера вулкана около 13 км в диаметре. Во время извержения 1883 г. большая часть острова К. была разрушена. На месте извержения возникла впадина около 280 м глубины. Извержение сопровождалось волнением с высотой волн до 31 м и крупными опустошениями на берегах Явы и Суматры, где погибло около 40 000 человек. Сейчас К.- небольшой гористый островок, с высотами до 816 м. В 1927/28 г. деятельность вулкана К. возобновилась.

Дапре де-Манвильет (Манвиллет) — французский картограф XVIII столетия. В 40-х годах XVIII века издал труд "Восточный Нептун", в котором были исправлены карты африканского, китайского и ост-индского побережий. К этому сочинению, которое в XVIII столетии стало настольной книгой и руководством французских моряков, была приложена инструкция для мореплавателей.

Диаррея — болезненное расстройство кишечника, обусловленное нарушением одной из основных его функций.

Остров Рождества расположен в Индийском океане, к югу от Явы.

Морские змеи — подсемейство змей из группы переднебороздчатых ужеобразных. Голова их небольшая, туловище в задней части сжато с боков, хвост короткий, сильно сжатый, веслообразный. Ядовитые зубы короткие, бороздчатые. Известно до 50 видов М. з. Размеры их обычно не более 1 м, но встречаются и более крупные, до 4 м в длину. Живут в море, особенно часты близ устьев рек. Распространены в Индийском и Тихом океанах. Больше всего их встречается между южнокитайскими и североавстралийскими побережьями. М. з. очень опасны для человека, так как сильно ядовиты, но случаи укусов людей довольно редки.

Мыс Фраяр, или Монах, — один из мысов на северо-западной оконечности острова Явы.

Средний Наталь — мыс на юго-восточном берегу Африки.

Острова Корво и Флюри (Флорес) принадлежат к западной группе Азорских островов.

Гинея — золотая монета, обращавшаяся в Англии с 1663 г. до начала XIX века. Название её возникло в связи с тем, что первые гинеи чеканились из золота, привезённого из Гвинеи. В 1816 г. гинея была заменена золотым совереном, или фунтом стерлингов, равным 20 шиллингам.

Портсмут — главный город графства Гемпшир и важнейшая военная гавань и крепость на юге Англии. Состоит из пяти городов (собственно Портсмута, Порта, Лендпорта, Саутск, Госпорта), совокупность которых образует крепость с обширными укреплениями. В П. развито судо- и машиностроение и отливка орудий. П. ведёт торговлю углём, скотом, хлебом и другим продовольствием.

Даунс — расположен на южном берегу Англии, к востоку от Портсмута.

Берег Неза — на южном побережье Англии.

Робб-Сноут расположен на южном побережье Англии.